

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

Владислав КРАПИВИН

Избранное

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Владислав КРАПИВИН

Избранное

в двух томах

Т О М

II

МОСКВА

«Детская литература»

1989

ББК 84Р7

К77

Художник

Е. МЕДВЕДЕВ

Крапивин В. П.

К77 Избранное в 2-х томах.— М.: Дет. лит., 1989.—
Т.2/Худож. Е. Медведев.—400 с.: ил.— (Библиотеч-
ная серия).

ISBN 5-08-000483-5

В повести-сказке «Летчик для особых поручений» идет речь о светлом и
сложном мире чувств современного мальчишки. В повести «Трое с площади Кар-
ронад» и цикле рассказов «Победители» — о дружбе ребят, увлеченных морем, об
отзвуках войны, которые еще дают о себе знать.

К 4803010103-325 224-89
M101(03)-89

ББК 84Р7

ISBN 5-08-000483-5

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

ЛЕТЧИК
ДЛЯ ОСОБЫХ
ПОРУЧЕНИЙ

Говесть — сказка

*
*

Глава первая

Весной Алешкины родители получили новую квартиру. Хорошую, на пятом этаже. Из окна виден был весь квартал с большими домами, а дальше — старые домики в конце улицы. Улица называлась Планерная.

Раньше на этом месте был спортивный аэродром. Летом он зарастал полевой кашкой, подорожником и всякой травой, у которой никто не знает названия. На краю летного поля густо росла полынь. В полыни стоял грузовичок с мотолебедкой. Лебедка мотала на барабан тонкий трос и затягивала в небо разноцветные планеры. Так же, как мальчишки запускают на нитках воздушных змеев.

Про это Алешке рассказывали ребята, которые жили здесь раньше, в старых домах. А Валерка Яковлев рассказал совсем удивительную историю: будто однажды на аэродром приземлился настоящий самолет. Это был двухместный самолетик с оранжевыми крыльями, серебристым фюзеляжем и красными цифрами на борту. Видимо, что-то случилось в моторе, и надо было срочно опуститься, а летчик не знал, где удобнее сесть. Он кружил, кружил над аэродромом. Тогда Валерка выбежал на поле, упал на траву и раскинул руки буквой Т. Буква Т — это посадочный знак. Валерка показал, как самолету лучше зайти против ветра. Летчик посадил машину, покопался в моторе, а потом спросил:

— Хочешь, прокачу?

Валерка сказал, конечно, что хочет, и летчик посадил его в

заднее кресло и сделал над полем три круга. Никто из ребят Валерке не верил, даже старожилы. Но Алешка верил. Ему нравилось верить всему интересному и хорошему.

Он потом часто вспоминал этот рассказ и потихоньку завидовал. А один раз Алешке даже приснилось что-то похожее. Не совсем похожее, но тоже самолет и поле. Над полем висела теплая ночь с большими звездами, и только у самого горизонта светилась закатная полоса. На ней черным рисунком выделялись головки и стебли высокой травы. Там стоял маленький самолет. И Алешка бежал к нему по поясу в траве и очень боялся, что самолет улетит без него.

Потом у Алешки сложились такие стихи:

Мне снилось, что ждет меня
Самолет —
Ночной самолет без огней.
В кабине нервничает пилот,
Погасший окурок сердито жует
И хмурится все сильнее.

И я тороплюсь, я бегу к самолету.
Скорее — в тревогу ночного полета.

Пилот говорит: «Я чертовски спешу.
Садитесь скорей, полетим.
Наденьте, пожалуйста, ваш парашют:
Опасности будут в пути».
Какие?

Узнать я уже не успел.
Проснулся...
За окнами утренний город шумел.
И сон не вернулся...

Это были серьезные стихи, и Алешка записал их в толстую тетрадку. Он записывал туда все свои стихи, которые получались серьезными. Например, про собаку, как она потерялась и не могла найти хозяина, про мальчика, которого насильно учат играть на скрипке, а он хочет быть не музыкантом, а путешественником.

Ну и разные другие.

Тетрадку Алешка никому не показывал. Стеснялся. И вообще это была его тайна. К тому же на одной из последних страниц написал он такие строчки:

Машка,
Ты — как ромашка в траве.
Добрая, веселая, славная.
Как хорошо, что на свете ты есть.
Это самое главное.

Понятно, что такое стихотворение не очень-то будешь показывать. Но Алешка не скрывал, что умеет сочинять стихи. Какие-нибудь смешные строчки для стенгазеты или считалку для игры в пряталки — это пожалуйста.

А один раз он сочинил стихи про принца. Про того принца, который из сказки «Золушка». Из-за этих стихов он поссорился с Олимпиадой Викторовной.

Вот с этого случая и начинается история про путешествие с Зеленым билетом, про Алешку и Летчика и про многие удивительные дела.

Олимпиада Викторовна руководила детским драмкружком. Драмкружок занимался в красном уголке домоуправления. Это называлось «работа с детьми по месту жительства». Олимпиада Викторовна была пенсионерка. А раньше она долго работала в театре. Костюмером. Она могла бы работать артисткой, но ей помешала одна беда: за всю жизнь Олимпиада Викторовна не научилась выговаривать букву «р». Вместо «р» у нее получалось что-то среднее между «в» и «у». Например, со слесарем дядей Юрой она разговаривала так:

— Безабуазие! Когда отвеомонтивуют батауеи? В помещении уголка невозможно уаботать!

Дядя Юра, человек не робкий и даже нахальный, при таких словах съезжился и бормотал:

— Будет сделано. Сегодня же доложу управляющему. Сию секундочку.

А Олимпиада Викторовна, прямая, высокая и суровая, продолжала:

— Я не могу воспитывать в детях чувство пвекуасного, когда в помещении сывость! Мы соввем пвемьеву, и виноваты будете вы!

При последнем слове она устремляла вслед дяде Юре худой, отточенный, как карандаш, палец, словно хотела пронзить несчастного слесаря насквозь.

Драмкружок готовил к постановке пьесу «Золушка». Золушку играла Маша Березкина. Ну, та самая, про которую стихи. Они с

Алешкой учились в одной школе: Алешка — в пятом «В», а Маша — в пятом «А». Классы-то разные, и Алешка с ней познакомиться как следует в школе не мог. А во дворе Маша появлялась редко, потому что занималась еще музыкой и фигурным катанием.

И вот, когда начались летние каникулы, Алешка узнал, что Маша записалась в драмкружок, и сразу тоже записался.

Он очень надеялся, что Олимпиада Викторовна даст ему роль принца. Дело в том, что принц в пьесе должен был сражаться на шпагах с разбойниками, которые хотели похитить Золушку. А как сражаться, Алешка знал. В той школе, где он учился раньше, была секция фехтования, и он там немного занимался (жаль, что пришлось уехать).

Но Олимпиада Викторовна сказала, что Алешка будет играть стражника у ворот королевского дворца. А принцем назначила совсем другого мальчишку. Он выше Алешки и старше, перешел уже в восьмой класс.

Этот принц почему-то всем нравился. Говорили, что у него «прекрасные актерские данные». Никаких таких данных Алешка не замечал. Зато когда принца одели в принцевский костюм, Алешка увидел, что он чересчур худ и ноги у него слегка кривые. И шпагу носить он не умеет. Алешка ушел за кулисы и вполголоса сказал:

— Пуинц квивоногий... Шпага висит, как зонтик на торшере.

И тут он услышал смех. Это Маша смеялась. Оказывается, она рядом была. Она смеялась негромко, но весело. А потом взяла Алешку за локоть и хорошо так сказала:

— Ой, Алешка, да брось ты расстраиваться. Больно надо. Из-за какого-то принца. Мне с ним полпьесы играть придется, а я и то ничего, терплю.

Алешка чуть не завопил от радости. Ну, он не завопил, конечно, а только заулыбался: все, мол, в порядке, я и не думаю огорчаться. И такой он был счастливый, что согласился идти с Олимпиадой Викторовной за старыми шляпами. Тут оказалось, что Маша тоже пойдет.

Шляпы нужны были для королевских гвардейцев, для придворных, для толстого кучера, которого волшебница сделала из крысы. Где наберешь столько шляп? Но Олимпиада Викторовна знала где. Она сообщила, что у нее есть хорошая знакомая («давняя подвуга»), которую зовут Софья Александровна. Раньше она тоже работала костюмером, а теперь уже не работает. Но и

раньше, и сейчас — всю жизнь — занята она важным делом: собирает шляпную коллекцию. Всяких шляп у нее больше тысячи. Коллекция такая знаменитая, что про нее писали даже в журнале «Театральный сезон». Иногда к Софье Александровне приезжают представители разных театров и студий, советуются с ней, просят для своих постановок шляпы. Советы Софья Александровна дает охотно, а шляпы не очень, потому что три года назад местный ТЮЗ потерял у нее испанскую треуголку.

— Но нас она, безусловно, выучит, — сказала Олимпиада Викторовна (разумеется, она хотела сказать «выручит»). — Она нас выучит, потому что мы ставые двузья.

И они отправились.

По дороге Олимпиада Викторовна рассказала Маше и Алешке, что живет Софья Александровна в Лопуховом переулке, в старом домике на краю оврага. Много раз ей предлагали переехать в новую квартиру, но она не хочет. Боится, что при перевозке могут потеряться и попортиться шляпы. А кроме того, у Софьи Александровны живут четыре кота: Кузя, Батончик, Васька и Матадор. Софья Александровна в них души не чает. Она очень боится, что новая квартира не понравится котам.

— Конечно, это может показаться смешным, — заметила Олимпиада Викторовна, — но мы должны быть снисходительны к людским слабостям.

При этих словах она почему-то строго взглянула на Алешку. Но он не обратил внимания. Он шагал, глядя на Машу, и думал, улыбаясь: «Машка-ромашка, а ты славная, это — главное...»

Был жаркий веселый июньский день, золотистые волосы Маши горели под солнцем, и она тоже была веселая. Шла вприпрыжку и гнала по асфальту блестящую пробку от лимонадной бутылки.

Глава вторая

Домик стоял у самого откоса. Когда-то в давние времена он был неплох, но сейчас очень состарился и так глубоко ушел в почву, что стекла блестили у самой земли, узорчатые носы водосточных труб уткнулись в траву, а у двери вместо крыльца была выемка.

На стук вышла сухонькая остроносая старушка.

— Соничка! — воскликнула Олимпиада Викторовна и устремилась к хозяйке дома. — Как я уада!

Но Софья Александровна, кажется, не была рада. Она смотрела так горестно, что Олимпиада Викторовна споткнулась на полпути.

— Соничка, двуг мой! Что случилось?

— Ох, Липочка, — сказала Софья Александровна и всхлипнула. — Кузю украли...

— Не может быть!

Старушка развела руками.

— Не может быть, — решительно произнесла Олимпиада Викторовна. — Он где-нибудь гуляет, только и всего. Можно ли, Соня, так убиваться!

— Ах нет, он не гуляет! Он никогда этого не делал. Он всегда приходил домой вечером, а сейчас его нет уже третий день. Я звонила в милицию, но они не хотят искать и, кажется, даже смеются.

— Какое бессеудечие, — сказала Олимпиада Викторовна. — Но, Соня... Надо ли так мучить себя? Ведь у тебя еще тви кота. Пвекуасные экземпляуы.

Софья Александровна слабо отмахнулась:

— Ах, эти экземпляры... Они все время дерутся... Конечно, я их очень люблю, но Кузя лучше всех. Такой ласковый, такой милый... Впрочем, входите, пожалуйста, — спохватилась она. — Что же это я...

В большой низкой комнате пахло нафталином, сыростью и кошками. В маленькие окна косо падало солнце и отражалось от желтого пола. Тускло поблескивали запылившаяся хрустальная люстра под потолком и серебряные ложечки в старинном буфете.

— Садитесь, пожалуйста, — вздохнула Софья Александровна.

Но садиться было некуда. На стульях и в креслах лежали шляпы. И вообще шляпы были везде: выглядывали с полок, висели на гвоздях, громоздились на шкафах, пирамидой вздымались на старом пузатом комод. Высоченные шелковые цилиндры, треуголки суворовских времен, соломенные канотье, мексиканские сомбреро, тирольские шляпчонки с фазаньими перьями, мушкетерские шляпы с плюмажами...

— С ума сойти, — шепотом сказала Маша.

— У нее здесь, наверно, даже шапка-невидимка есть, — тихонько откликнулся Алешка.

Олимпиада Викторовна подтолкнула Машу и Алешку вперед:
— Вот, Соничка, два моих юных таланта. Мы к тебе по делу...

«Таланты! — сердито подумал Алешка. — Принц у тебя талант, а я нужен, только чтобы шляпы таскать». Но вслух, конечно, ничего не сказал. Стоял и оглядывался.

Кроме шляп, в комнате были и другие интересные вещи: бронзовый подсвечник с синими стеклянными подвесками, старинный граммофон с огромной трубой-репродуктором, треснувшая фарфоровая статуэтка — разноцветный гном, который наполовину вылутился из яйца, похожего на гусиное.

Статуэтка стояла на комод, рядом с грудой шляп, среди каких-то лоскутков и пожелтевших кружев. Алешка шагнул поближе, чтобы как следует разглядеть гнома.

И неожиданно он увидел за шляпами угол стеклянного ящика. Вроде как аквариум.

«Неужели здесь рыбы живут, в такой темноте?» — подумал Алешка. Он осторожно отодвинул серую ковбойскую шляпу, чтобы разглядеть аквариум. И тут вся шляпная пирамида развалилась и посыпалась на пол.

Но Алешка был не виноват! Из-под шляп выскочил встрепанный рыжий кот. Он скачками перелетел комнату и катапультировал в окно.

— Батончик! — заохала Софья Александровна. — Что с тобой? Ох, батюшки, нет мне с вами покоя.

Алешка и Маша бросились подбирать шляпы.

— Ничего, ничего, — приговаривала Софья Александровна. — Батончик, безобразник, развалил... Какие славные дети... Вот сюда эту шляпку, мальчик...

А на комод, освобожденный из плена цилиндров, котелков и треуголок, блеснул стеклянный ящик. Это был не аквариум. Это был прозрачный футляр, и в нем на бронзовых подставках стоял парусный корабль. Маленький, размером с ковбойскую шляпу, но совершенно как настоящий.

Алешка грудью лег на комод и позабыл про все на свете.

Не думайте, что Алешка мечтал стать капитаном или путешественником. Нет, у него была другая мечта. Но море Алешка любил. В прошлом году он побывал в Крыму и не мог забыть с той поры синие горизонты, набег зеленоватых волн и громадные форштевни пароходов над пирсами. Ну а еще он любил, конечно, книжки про пиратов, про приключения и парусные корабли.

И, глянув на модель, Алешка сразу понял, что это клипер: у корабля был длинный бушприт над острым носом, три высокие мачты с прямыми парусами, узкий стремительный корпус. Он блестел ореховым лаком бортов и тонкой медной обшивкой днища.

От бортов к площадкам на мачтах бежали тугие плетеные лесенки (Алешка знал, что они называются «ванты»). Крошечные якоря свисали с кран-балок, и каждая балка была толщиной со спичку. Точеный штурвал размером с гривенник прикреплен был на рулевой колонке перед штурманской рубкой.

— Ой, какой замечательный! — горячим шепотом, у самой Алешкиной щеки, сказала Маша. Алешка и не заметил, как она подошла.

— Это клипер-фрегат, — тоже шепотом сказал Алешка. Он был рад, что Маше понравился кораблик.

Маша наклонилась так близко, что волосы ее зашевелились у Алешкиного уха. И сказала тихонько:

— Я, когда была маленькая, хотела стать моряком.

— А сейчас?

— Ну, сейчас... Я понимаю, что девочек не берут.

— Иногда берут. Я кино смотрел про это... И в журнале читал про женщину-капитана.

— Я знаю... — Маша вздохнула. — Но это трудно. Я, может быть, постараюсь... А тогда ведь я не знала, что это трудно, маленькая была.

Алешка улыбнулся:

— А сейчас?

— Что сейчас? — удивилась Маша.

— Сейчас ты, что ли, совсем большая?

— Ну, все-таки... Не в детском же садике. А тогда я ничего не понимала. Думала, что для моряка самое главное — матросский воротник. Прямо каждый день ревела, у мамы платье с таким воротником просила. Добилась все-таки...

Алешка сказал чуть задумчиво:

— А у меня и сейчас есть матросский костюм. Мама купила, когда мы на юг ездили. Воротник большой такой, будто синий флаг. Как захлопает по ветру, кажется — будто крылья. Даже летать хочется... Он легонький, этот костюм, и белый, как парус.

Они целую минуту молча смотрели на тонкие батистовые паруса клипера. Марсели, брамсели, кливера висели плоско и неподвижно.

— Ветер им нужен,— сказал Алешка.

— Конечно,— шепотом согласилась Маша.— И вообще, я не понимаю. Он же корабль, а не шляпа. Как он здесь оказался?

Софья Александровна и Олимпиада Викторовна говорили о своих делах, перебивали друг друга:

— Ах, Соничка, ты должна понять: тебе необходима новая кваутива.

— Нет-нет, Липа, я не могу, я привыкла...

Алешка собрал всю свою вежливость, дождался передышки в разговоре и громко сказал:

— Софья Александровна, извините, пожалуйста. Не могли бы вы рассказать, откуда у вас эта модель?

Софья Александровна всплеснула ручками («Ах, какой славный мальчик!») и торопливо заговорила:

— Да-да, это интересная вещь. Правда, у меня она случайно. Много лет назад здесь жил квартирант, старичок, он ее и сделал. Потом он умер, а кораблик остался у меня. Очень милая вещица, хотя я в этом, конечно, не разбираюсь. Телестудия хотела купить ее для каких-то съемок, но зачем мне деньги? Я предлагала поменять на два кивера наполеоновских гусар. Они согласились, но кивера оказались ненастоящие, сплошная подделка...

Скоро гости попрощались с хозяйкой. Алешке дали высокую стопку шляп. Шляпы были рыжие от старости и едко пахли нафталином. Хотелось чихать.

— Ну, Соничка, нам поуа. Не печалься из-за Кузи, будь умницей...

— Ах, Липа...

Алешка вышел последним.

— Мальчик,— негромко позвала Софья Александровна.

Алешка медленно развернулся на месте и выглянул из-за шляп.

— Мальчик... По-моему, ты очень славный и добрый. Я тебя хочу попросить. Если ты увидишь серого кота с белой шейкой и розовой царапиной на ухе, постарайся, пожалуйста, его поймать и принеси сюда... Конечно, это, может быть, кажется смешным, но я к нему так привыкла!

Алешка не считал себя славным и добрым. У него даже в пятках покалывало от досады и неловкости, когда про него говорили такие слова. Но ему стало жаль Софью Александровну. Что поде-

лаешь, если для нее глупый кот Кузя — самый дорогой и любимый. И Алешка сказал:

— Ну что вы, это нисколько не смешно. У меня в прошлом году щенок Джульбарс потерялся, так я целый день ревел. Я стараюсь. Если увижу вашего Кузю, обязательно притащу.

Про щенка он придумал. Кроме того, глупо было бы всерьез сравнивать щенка с каким-то мяукающим Кузей. Но Алешке хотелось утешить человека.

В тот день была репетиция. Каждому гвардейцу и придворному досталась шляпа. И Алешке. Большая, с широкими полями и густыми перьями. Как у мушкетера. Но из этой шляпы выпал таракан и угодил Алешке за шиворот. Алешка чуть не заорал, потому что, по правде говоря, до чертиков боялся всякой мелкой нечисти.

Этот случай испортил Алешке настроение. А еще больше настроение испортилось, когда Олимпиада Викторовна решила репетировать последнюю сцену. В этой сцене принц находит Золушку. Ну и начинает за ней, конечно, ухаживать. Чуть ли не целоваться лезет.

Прежде чем начать сцену, Олимпиада Викторовна предложила принцу снять берет и надеть шляпу с белыми перьями.

— По-моему, это будет очень изящно: чевный костюм и севая шляпа из мягкого фетва с севебвом.

— Из чего шляпа? — шепотом спросил Алешка у Маши.

— Из фетра. Почти все шляпы делаются из фетра.

— Ага.

Началась репетиция. Принц падал перед Машей на колени, примерял ей туфельку и объяснялся в любви. Олимпиада Викторовна была недовольна:

— Нет-нет! Это все не то. Мало чувства. Надо говоуить туогательно, очень туогательно, а у тебя выходит как-то легкомысленно. Получается, что у пуинца в голове ветев.

И тут Алешка довольно громко сказал:

В голове
Под шляпою из фетра
Очень много пустоты и ветра.
Свишут там
Норд-осты и зюйд-весты,
Для ума там не осталось места.

Наступила неприятная тишина. Олимпиада Викторовна медленно обернулась и сурово глянула на дерзкого нарушителя творческой дисциплины.

— У тебя оч-чень злой язык. Оч-чень. Ты мешаешь уаботать. Выйди, пожалуйста, ты не занят в этой сцене.

Алешка ушел за кулисы, сел на фанерный королевский трон, взял забытую кем-то из артистов рапиру и стал чертить на пыльном полу слово «Маша».

Репетиция кончилась.

Принц и Золушка появились за кулисами. Оба сердитые.

— Ничего не получается,— сказала Маша.

— Конечно! Из-за таких вот «поэтов»,— огрызнулся принц и мотнул белыми перьями в сторону Алешки.— Стихоплет недорезанный. Лезет под руку...

— Ты полегче,— сказал Алешка.

— А ты не указывай,— гордо возразил принц.— Раньше за такое стихоплетство человека прикалывали к стенке, как жука в коллекции.

— Ты меня на дуэль, что ли, хочешь вызвать?— спросил Алешка и обрадовался в душе.

— Был бы ты не трус, вызвал бы.

— Я трус?!— Алешка вскочил.

— Мальчики, вы с ума сошли,— как и полагается в таких случаях, сказала Маша.

Принц изящным движением отстегнул и бросил на пол плащ. Вынул шпагу.

Алешка уперся рапирой в пол и слегка согнул клинок.

Принц бросился в атаку. Алешка закрылся от выпада и ответным ударом сбил перо со шляпы принца. Маша на всякий случай ойкнула. Принц отскочил на два шага. Потом красиво изготовился для нападения и опять ринулся в бой. Алешка сделал шаг влево, пропустил принца под клинок, развернулся и вытянул противника по худому бархатному задку. Принц взвыл, отшвырнул шпагу и ринулся к Алешке с кулаками.

В этот момент возникла Олимпиада Викторовна.

— Что здесь пвоисходит?— грозно произнесла она.

— А чего он лезет!— хнычущим голосом заявил бессовестный принц.— Размахался тут своей шпагой.

Олимпиада Викторовна с шипением вобрала в себя воздух и сказала:

— Вон!

Она устремила на дверь отточенный палец.

— Ну и пожалуйста,— сказал Алешка.

Маша догнала Алешку во дворе, и они тихонько пошли рядом.

— Я так растерялась,— сказала Маша.— Даже не успела объяснить ей, что ты не виноват.

— Да вот еще! Больно надо объяснять! — весело откликнулся Алешка. Он был рад, что Маша идет рядом и жалеет его. Но он не хотел, чтобы очень жалела.

— Что я, не проживу без этого кружка?

— Мне там тоже не нравится,— сказала Маша.— Да и времени не хватает. У меня ведь еще музыка, гимнастика, английский язык. Но что делать? Если я уйду, не состоится премьера. Нельзя же срывать мероприятие.

— Конечно, нельзя!

Маша помолчала, вздохнула и спросила тихонько:

— А ты, значит, нисколько не жалеешь, что ушел из кружка?

И Алешка, покраснев и задохнувшись от собственной смелости, вдруг выговорил:

— Жалею. Немножко... Потому что теперь буду редко тебя видеть...

После этого он не посмел взглянуть на Машу и стал разглядывать свои сандалии. Он так и не понял, улыбнулась Маша или нахмурилась. Наверно, улыбнулась. Она сказала:

— У меня через три дня день рождения. Придешь? В три часа.

— Приду, конечно! — обрадованно брякнул Алешка. И тут же испугался: — Только... Кто еще придет?

— Ой, да совсем немного народу будет! Две девчонки из нашего класса, мой двоюродный братишка — первоклассник да Андрейка Лапников. Ты его не знаешь, мы вместе в музыкальной школе учимся. Он смешной такой, толстый немножко, но зато на скрипке лучше всех играет. А то у нас магнитофон сломался. Он играть будет, а мы танцевать.

— Я не умею.

— А никто не умеет. Каждый будет как получится.

Алешка спросил хмуро и нерешительно:

— А этот... принц? Он, что ли, тоже придет?

— Да ну его,— сказала Маша.

Глава третья

Алешкин отец был археолог. Он второй месяц жил в пустыне и раскапывал старинный город. Иногда он присылал письма, в которых рассказывал про удивительные находки. Алешка и мама очень радовались этим письмам.

Когда Алешка пришел домой и увидел, что мама чем-то обрадована, он сразу спросил:

— Письмо от папы?

Но мама сказала:

— Нет, у меня другая новость. Завод посылает меня в Ленинград, в командировку на десять дней. Я решила взять тебя с собой!..

Мама удивилась, что Алешка не заорал «ура» и не запрыгал от радости.

— Ты не рад?

Разные бывают мальчишки. Кое-кто на Алешкином месте стал бы изворачиваться и придумывать отговорки. А другие решили бы, что никакая девчонка не стоит того, чтобы отказываться от поездки в Ленинград. Но Алешка сказал:

— Понимаешь, мама, есть одна девочка. Через три дня у нее день рождения. Она меня позвала в гости.

Мамы тоже бывают разные. Алешкина мама не обиделась и не рассердилась.

— Ну что ж... Придется опять просить тетю Дашу, чтобы присмотрела за тобой.

Тетя Даша жила в соседней квартире. Она была на пенсии. Когда Алешку приходилось оставлять одного на несколько дней, родители просили тетю Дашу «присмотреть». Она охотно соглашалась. Алешка тоже соглашался, хотя про себя считал, что все это зря — он сам не маленький.

К вечеру мама собралась на вокзал. Конечно, она дала Алешке множество советов и указаний, как жить самостоятельно. Последний совет был такой:

— Когда пойдешь на день рождения, постарайся выглядеть прилично.

— Это как?

— Сходи в парикмахерскую, постриги свои космы. Вымой как следует шею. Оденься как полагается.

— А как полагается? — озабоченно спросил Алешка. До сих пор

он об этом не думал. А в самом деле, что надеть? Школьная форма — слишком скучный костюм для праздника, да и досталось ей за год — пузыри на коленях, дырка на локте. В любимых потрепанных джинсах и спортивной рубаше тоже не пойдешь — это не футбол во дворе гонять.

— Надень матросский костюм.

— М-м... — с сомнением сказал Алешка.

— А что?

— Ну... я в нем выгляжу моложе своих лет.

Мама засмеялась, поцеловала Алешку и уехала.

А он задумался.

Вот ведь как осложняется жизнь, когда тебя зовут на день рождения. Надо думать о «парадной» одежде. Надо (Алешка вспомнил!) заботиться о подарке. Ну, подарок — это ладно. Можно подарить, например, четырехцветную авторучку. Можно, в конце концов, отдать свой самодельный пистолет с резинкой, который стреляет проволочными пулями, — он с виду почти как маузер. А как быть с костюмом?

Когда первый раз идешь в гости к девочке, в которую ты... ну, в общем, которая тебе нравится, хочется выглядеть солидно и мужественно. А матросский костюмчик, пожалуй, слишком детский... Однако он все-таки самый красивый у Алешки. Вот и решай тут.

Чтобы не решать вслепую, Алешка отыскал в шкафу среди одежды плечики, на которых с прошлого года висела матроска и короткие штаны с голубым узким ремешком. Переоделся и встал перед зеркалом...

Вот от таких пустяков зависит сказка. Если бы мама не сказала Алешке самые обычные слова — «постарайся выглядеть прилично», он бы и не встревожился в этот вечер. И, как все нормальные мальчишки, носился бы сейчас во дворе, а не вертелся бы перед зеркалом. Не разглядывал бы матроску. И не заметил бы, что медный якорек на рукаве слегка оторвался. И не стал бы его рассматривать внимательно. И не вспомнил бы вдруг, что почти такие же якоря были у модели клипера. Не вспомнил бы про кораблик!

Но он вспомнил.

Если бы это было ярким днем, среди шума, игры или спеш-

ных дел, ничего бы и не случилось. Но был вечер, по радио передавали печальную музыку (да к тому же мама уехала на целых десять дней), и, наверно, поэтому воспоминание о клипере тоже было печальным. «Костюмные» заботы перестали беспокоить Алешку. Он выключил свет, забрался на диван и стал думать о кораблике. Как он стоит в сумерках в углу на комод, среди пыльных шляпок. Софья Александровна, конечно, сидит у окна и вздыхает о пропавшем Кузе, а под обоями шелестят тараканы. И никому дела нет до того, что маленький, но почти настоящий клипер тоскует о море.

Это было неправильно. Несправедливо!

Разве для этого строил старый моряк свой клипер-фрегат? Для пыльного комода?

В комнате стоял полумрак, а окошко было светлым, и в нем виднелись черные телевизионные антенны соседних домов. Антенны были немного похожи на мачты клиперов. За одну из них зацепился маленький месяц.

Алешка думал о кораблях, о мастере, и постепенно у него складывались стихи: «Жил-был где-то мастер-корабельщик... Строил удивительные вещи...»

Это сначала. А потом получилось вот что:

Жил-был старый корабельный мастер,
Молчаливый, трубкою дымящий.
И однажды сделал он кораблик —
Крошечный, но будто настоящий.
Был фрегат отделан словно чудо,—
От бизани до бушпритной сетки...
Но усталый старый мастер умер,
И корабль остался у соседки.

Так Алешка начал свою «Песню о клипере». Он удивился, как легко нашлись нужные слова:

Среди шляпок, старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра,
Как он жил там — парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?..

У Алешки даже в горле заскребло, когда он сам себе прошептал эти строчки.

В самом деле, «как он жил там»? Разве место кораблю среди побитой молью рухляди? Ему стоять бы в капитанской каюте, у иллюминатора, за которым — все моря и страны. Или в квартире у

старого моряка, где на стенах карты, штурвалы и пестрые индейские маски. Или на столе у писателя, который пишет о путешествиях. Или в комнате у мальчишки, который очень хочет стать капитаном. Даже не обязательно у мальчишки. Многие девчонки тоже любят приключения. Вот и Маша мечтала стать моряком. Да и сейчас мечтает, наверно.

Конечно, мечтает!

Вот бы ей такой кораблик...

Вот бы ей этот кораблик!

Алешка даже задрожал от волнения, такая это была мысль.

Конечно, клипер — самый лучший подарок для Маши! В самом деле, зачем ей четырехцветная авторучка или самодельный пистолет? А парусник — это как сказка...

Только сказка-то — чужая.

«Зачем клипер старушке? — с досадой думал Алешка. — Она на него внимания не обращает. Говорит: случайная вещь. Подумать только: для нее этот клипер — случайная вещь!»

Теперь Алешка ни о чем другом не мог уже думать. Потому что получалась ужасная несправедливость: чудесный кораблик стоял никому там не нужный, а самая лучшая на свете девчонка не могла получить его в подарок.

А как бы она была счастлива! Алешка представил сияющие Машины глаза и будто услышал ее слова: «Ой, Алешка! Ой, какое чудо!»

Он даже завертелся на диване от всех этих мыслей.

А что делать? Может быть, пойти к Софье Александровне и попросить, чтобы продала кораблик? Но старинная модель — не авторучка, а у Алешки всего пять рублей.

Может быть, лучше все по-честному объяснить ей? Вдруг она поймет и подарит клипер.

Алешка вздохнул. Нет, не решится он на такой разговор. И не сумеет ничего рассказать. Он и себе-то не может как следует объяснить, почему Маша — самая хорошая. И почему ей обязательно нужен кораблик. Он просто это чувствует.

Да и станет ли слушать Алешку Софья Александровна? Ведь у нее на уме одни коты да шляпы.

Шляпы...

Шляпы!

Алешка подскочил так, что пружины дивана взвизгнули и долго потом звенели. Он вспомнил!

В том доме, где Алешка жил раньше, живет и сейчас знакомый мальчишка — Владик Васильков. Он два года назад приехал из старинного города Таллина. В этом городе множество домов с высокими печными трубами. А там, где трубы, не обойтись без трубочистов. Трубочисты в Таллине — знаменитые люди. И шляпы у них тоже знаменитые — высокие черные цилиндры. Владька рассказывал, что у него есть такой цилиндр. Будто бы ему, Владьке, отдал эту шляпу знакомый трубочист. Владька Васильков — человек сговорчивый. Он, пожалуй, согласится променять шляпу на четыре марки с африканскими рыбами и хороший ножик с пятью лезвиями и отверткой.

У Софьи Александровны полно всяких шляп, но такого цилиндра Алешка не заметил. Наверно, его в коллекции нет. Завтра же, рано утром, Алешка помчится добывать эту драгоценную шляпу. А потом придет к Софье Александровне и очень вежливо скажет: «Извините, пожалуйста. У вас есть кораблик, он вам совсем не нужен. А у меня есть редкая шляпа, она мне тоже не нужна. Вас интересуют шляпы, а меня — модели. Давайте поменяемся. От этого только польза будет...»

Конечно, тут надо набраться смелости, потому что это не с мальчишками меняться. Но Алешка наберется. Ради Маши. И ради того, чтобы вызволить клипер из плена. Он должен спасти корабль!

С такой мыслью Алешка заснул.

А ночью ударила гроза. Алешка проснулся, но не от грома и вспышек, а от холодных брызг. Их занес в окошко ветер. Парусом вздувалась штора.

Алешка подскочил к окну, чтобы захлопнуть его, но тут вдруг так сверкнуло и трахнуло, что он замер. Не от испуга, а от красоты.

При голубой вспышке он увидел, как хлещет ливень и мчатся по асфальту потоки, белые от пены. Казалось, что началось наводнение. Еще раз блеснула молния, и тополя словно зажглись изнутри зеленым светом. Ветер и потоки ревели и трубили. Была в грозе такая удаль и такая сила, что Алешке не захотелось закрывать окно. Пусть надувается штора, пусть качается лампа у потолка, пусть в шкафу звенят с перепугу тонкие стаканы. Он только взял с вешалки старый мамин плащ и укрылся им на диване, чтобы колючие брызги не сыпались на руки и ноги.

Молнии загорались часто, и потолок от них делался голубым. Хлестала и бурлила за окном вода.

«Загудели влажные зюйд-весты,—
подумал Алешка,—

Водяной стеною ливень рухнул...» —
И он уснул под шум воды.

Глава четвертая

Утро было солнечное и влажное. На асфальте блестели лужи и валялись ветки кленов, обломанные грозой. Налетал ветерок. И когда Алешка вышел из подъезда, синий воротник у него за спиной встрепенулся и захлопал, как праздничный флаг. Алешке стало весело и показалось, что сегодня обязательно случится необыкновенное.

Алешка зашагал к Владiku Василькову за шляпой трубочиста.

Но бывают события, из-за которых летят вверх ногами все планы. Алешка прошагал два квартала и услышал мяуканье. Сиплое и протяжное. На большом тополе, почти у верхушки, сидел серый кот. Он был мокрый и поэтому казался очень тощим и несчастным. Наверно, злые собаки загнали кота на дерево еще вчера, и бедняга сидел там всю ночь под грозой и ливнем. Забрался с перепугу, а слезть боится.

Алешка прищурился и разглядел на кошачьем ухе здоровенную розовую царапину. Он чуть не взвизгнул от радости: «Кузя!» Теперь, пожалуй, не нужен был цилиндр трубочиста. Получив ненаглядного Кузю, Софья Александровна обязательно захочет наградить спасителя. А она ведь видела, как Алешка не мог оторваться от клипера. И что, в самом деле, для нее этот клипер по сравнению с Кузей?!

Не надо думать про Алешку плохо. Если бы не было никакого кораблика, он бы, конечно, все равно не прошел бы мимо несчастного кота. Но сейчас Алешка особенно старался и спешил. Он скинул сандалии и с разбегу атаковал мокрый ствол тополя. Подъем начался хорошо. Ствол был наклонный, шероховатый, и Алешка легко добрался до половины тополя. Правда, колени ободрал, а матроска на животе промокла и помялась, но это была чепуха.

Потом ствол разветвился, и до Кузи пришлось ползти по

скользким сучьям. Алешка дополз. Хотел аккуратно взять Кузю. Глупый кот зажмурился и протяжно завопил. Когтями он намертво вцепился в кору. Делать нечего. Алешка ухватил Кузю за шиворот и стал отдира́ть от коры. Кузя отодрался, но тут же вцепился в Алешкино плечо. Алешка тихо взвыл и скатился с тополя почти кубарем.

Внизу ждали болельщики.

— Геройский парнишка,— сказал высокий дядька с усами.

— Намучился котик-то,— вздохнула тетушка в цветастой кофте.— И хозяев, поди, нет у бедняжки?

«Бедняжка», почуяв близость земли, ослабил когти, но все еще сидел зажмурившись и прижав уши.

— Знаю я хозяйку,— буркнул Алешка, нащупывая ногами сандалии. Исцарапанное плечо и колени болели.

«Ладно,— подумал он.— Зато есть доказательства, что я эту скотину с большим трудом достал, даже с риском».

И, шлепая незастегнутыми сандалиями, Алешка потащил Кузю к домику Софьи Александровны.

Домик был пуст. Стекла оказались выбиты, дверь перекошена, труба над крышей рассыпалась. Углы совсем скособочились, из щелей в мокрых стенах торчала пакля.

Ничего не понимая, Алешка заглянул внутрь. В опустевших комнатах стояла темная вода. В ней плавали обрывки бумаги и трехногий стул.

Алешка прижал к груди обмякшего от переживаний Кузю и стал обходить домик со всех сторон.

Видно было, что ночной ливень бушевал здесь вовсю. Потоки подмыли землю и сдвинули домик к оврагу. На склоне оврага, там, где вода ночью устремлялась вниз, вырваны были напрочь кустарники.

У самого обрыва на перевернутом ведре сидела девочка лет восьми с прямыми длинными волосами пшеничного цвета. Она держала на коленях лупоглазую куклу и тихонько пела странную песню:

Вырастет за городом
Лес-травя.
Ты в лесу не бойся
Ни волка, ни льва.
Только серой мыши

Бойся иногда.
С серой мышью в сказку
Приходит беда...

— Послушай,— окликнул Алешка.— Что тут случилось? Где Софья Александровна?

Девочка подняла на Алешку прозрачные глаза.

— Что случилось?— повторила она певучим голосом.— Дом водой подмыло, дождем затопило. Беды понаделало — ой-ей-ей. А Софью Александровну на новую квартиру племянник увез. Он ее давно звал, да все сговорить не мог. А теперь-то уж и сговаривать не пришлось. Рано утречком приехал на машине, погрузил все добро, да и поехали. Дом-то скоро в овраг сползет...

От нехорошего предчувствия у Алешки засосало под сердцем.

— А имущество?— спросил он.— Ничего не пострадало?

Девочка вздохнула:

— Ну как не пострадало!.. Тумбочку водой унесло, две испанские шляпы. Да еще кораблик маленький. Хороший такой. Ящик стеклянный от него остался, а самого нет...

«Так я и знал!»— с отчаянием подумал Алешка.

А девочка продолжала:

— Софья Александровна так переживала из-за шляп. И кораблик жалела. Тумбочку нисколько не жалела, а кораблик — очень. Говорит: «Лучше бы я его тому мальчику подарила».

От удивления Алешка опустил руки, и Кузя шмякнулся на землю. Алешка машинально подхватил его опять.

— Ой, да это Кузенька!— обрадовалась девочка.— Я и не узнала. Нашелся, мой хорошенький. Давай, мальчик, я его Софье Александровне отнесу. Вот обрадуется!

Она встала, положила куклу на ведро, выпрямилась. Маленькая такая, тонкая, в синем выгоревшем платице с белыми кружочками. И Алешке вдруг показалось, будто он видел ее где-то уже, только вспомнить не может. Он протянул девочке кота, и Кузя замурлыкал у нее на руках.

— А какому мальчику она хотела подарить кораблик?— спросил Алешка, чуть не плача от огорчения.

— Тому, который у нее вчера был. Какому же еще? Других она не знает.

— Вот что,— сказал Алешка,— спущусь-ка я в овраг. Может, кораблик в кустах застрял. Не мог он далеко уплыть.

Он ступил на край обрыва и взялся за куст.

Девочка торопливо остановила:

— И не думай. Только в глине перемажешься да обдерешься. И ничего там нет. Софьи Александровни племянник туда в резиновых сапогах лазил, шляпы искал да все остальное. И ничегошеньки. Ручьем унесло.

— А вдруг найду...

— Что услыло, не догонишь,— возразила девочка тихо, но так уверенно, что Алешка остановился.

— Почему?

— А вот потому...

«Ну ее,— подумал Алешка.— Спущусь, поищу».

— Постой, Алеша,— сказала девочка.

Он удивился:

— Ты разве меня знаешь?

— Немножко,— хитровато ответила она.

Непонятно все это было. И почувствовал Алешка беспокойство и надежду. Он подошел к девочке:

— Послушай... А может, знаешь ты, где кораблик искать?

— Не-а,— откликнулась она. Поглядела на Алешку серьезно, подумала и вдруг сказала: — Не знаю. А узнать помогу.

Алешка усмехнулся:

— Ты что, колдунья?

— Маленько,— сказала девочка без улыбки.

Алешка сказал слегка насмешливо:

— Ну, давай.

— Ты иди на угол Первомайской и Садовой. Там есть справочное бюро...

— Там есть сапожная будка. И больше ничего,— перебил Алешка.— Не дури мне мозги.

Девочка не рассердилась и не обиделась.

— Ты послушай. Это смотря для кого. Для одних сапожная будка, для других справочное бюро. Работает в нем старичок. Он знает все-все на свете.

— А ты откуда знаешь про старичка?

— Это же мой дедушка.

— Он, конечно, тоже колдун?— спросил Алешка не без ехидства.

— Конечно,— строго сказала девочка.— Только он не любит, когда к нему лезут с вопросами. Надо знаешь как спрашивать? Придешь в будку, постоишь просто так, а потом говори, будто

сам с собой. Ну, например: «Интересно, где бы мне раздобыть ковер-самолет?» Если у дедушки хорошее настроение, он ответит.

— А если плохое?

— Ты не бойся. У него сегодня хорошее.

— Интересно...— сказал Алешка.— А с чего это вдруг ты взялась мне помогать?

У девочки порозовели кончики ушей, но смотрела она все так же прямо и серьезно.

— Потому что ты красивый и смелый,— тихо сказала она.

— Я?!— обалдело переспросил Алешка.

— Конечно. Даже не побоялся на такую высотищу за Кузей лезть. Вон, исцарапался весь, а все равно...

— Да ну тебя,— пробормотал Алешка.— Я с тобой по-хорошему, а ты дразнишься.

— Не-а,— сказала девочка. Прижала Кузю к ситцевому платищу и убежала.

«Смелый—это еще туда-сюда,— думал Алешка.— Но красивый... Надо же выдумать такое!» Потом он вспомнил правдивые глаза девочки и поверил. Не тому, конечно, что он красивый, а рассказу про справочное бюро и дедушку. И решил: «Попробую».

Будка была низенькая, сколоченная из облезлой фанеры. Легонькая. Даже удивительно, что ее не смахнула с места ночная гроза. Дверца оказалась открыта, и Алешка вошел.

В углу, отгородившись широкой доской, как прилавком, сидел сухощавый старичок в черном берете с хвостиком. На круглом носу— очки, на щеках— седая щетина. Перед старичком на тонкой железной «лапе» висел ботинок. Старичок тюкал по ботинку молотком и тихо бормотал.

— Здравсте...— робко сказал Алешка.

Старичок не откликнулся.

«Ну и ладно»,— подумал Алешка обиженно и стал оглядываться. Внутри будки все было обыкновенно: полки с деревянными колодками и башмаками, вырезанные из «Огонька» картинки, старый табель-календарь. В углу тикали кособокие ходики, у которых вместо гири висел ржавый большой замок.

Глядя на этот замок, Алешка проговорил, будто между прочим:

— Интересно бы узнать, можно ли найти маленький кораблик, если его унесло потоком и никто не знает куда?

Алешка услышал, что старичок перестал колотить по ботинку и хмыкнул.

— Твой, что ли, кораблик-то?

Алешка растерялся. Конечно, клипер не его. Но ведь Софья Александровна все равно хотела подарить модель ему...

— Мой... почти,— сказал Алешка. И украдкой взглянул на старичка.

Тот смотрел не сердито, даже улыбался.

— Почти?— спросил он.

«Все знает»,— подумал Алешка, и стало ему очень неловко.

— Ну... не совсем,— начал объяснять он.— Но ведь этот кораблик сейчас все равно ничей, раз его бросили... По морским законам даже настоящий корабль, если его бросают, может стать призом того, кто его найдет.

Старичок дребезжаще засмеялся:

— Ишь ты, морской волк. Прямо адмирал Нахимов... А с чего это ты решил меня про такое дело расспрашивать? Или надоумил кто?

— Внучка ваша,— неохотно сказал Алешка.

— А-а... Ты, Алеша, видать, приглянулся ей?

— Еще чего!— воскликнул Алешка и почувствовал, что краснеет.

— Ну-ну, не петушишься,— усмехнулся старичок. И сказал:— Кораблик найти можно, да путь далекий... Ручьем унесло, говоришь? Все ручьи в реки бегут, все реки в море текут. А на берегу самого синего моря стоит город Ветрогорск. А в городе есть Музей Удивительных Морских Открытий и Кораблей. Иначе— просто Корабельный музей. И всеми делами там ведает Хранитель музея. Много у него дел, а самое любимое— собирать модели кораблей. И такой он мастер, такой любитель маленьких кораблей, что есть у него просто удивительная способность: ни одну модель не упускает, притягивает как магнит. Где бы какой кораблик ни потерялся, куда бы ни унесло его волнами, обязательно доплывет до Ветрогорска. Будто есть какое-то чувство особое у этих маленьких кораблей. Вроде как у перелетных птиц. Скажем, упустили вчера мальчишки свою игрушечную бригантину, а сегодня она, глядишь, уже в музее у Хранителя... Ищи, если хочешь, только дорога не близкая.

— Прямо сказка получается,— сказал Алешка.

— А как же!— охотно откликнулся старичок.— Сказка и есть.

— Настоящая?

— А вот это не знаю...— Старичок поглядел внимательно и даже строго.— Не знаю, Алеша. Это как у тебя получится. Смотри сам.

— Но... что же смотреть? Что должно получиться?

— А ты вспомни-ка, Алеша. Все настоящие сказки про одно: как человек ищет человека. Братец Иванушка — сестрицу Алешушку. Руслан — Людмилу, Иван-царевич — Василису Премудрую. А маленький Звездный мальчик свою матушку ищет, которую злой колдун унес.

— Это верно. И в «Снежной королеве» Герда ищет Кая.

— Да. А принц — Золушку.

Напоминание о принце не понравилось Алешке. И от досады он решил возразить старику:

— Не во всех сказках так. Некоторые Иваны-царевичи, например, какое-нибудь перо Жар-птицы ищут или еще что-нибудь. А принцы тоже всякие бывают...

— Это верно. Только ведь перо-то Жар-птицы зачем? Не для себя они его добывают, а все для того же — чтобы в конце сказки любимую от беды спасти. Или хорошего друга отыскать.

— Но ведь и я кораблик не для себя ищу,— сказал Алешка немного обиженно.— Я подарить его хочу... хорошему другу... То есть она не знает еще, наверно, что я настоящий друг. Но я очень хочу подружиться.

— А разве нельзя без кораблика?

— Конечно, можно! Вы думаете, что я за кораблик хочу дружбу добыть? Просто у нее день рождения, а клипер — самый лучший для нее подарок! Знаете, как она обрадуется?

— Это хорошо, если обрадуется,— задумчиво сказал старичок. И добавил торжественно: — Радость для человека — очень важная вещь... Что ж, попробуй, Алеша, раз так решил. Я дам тебе совет.

— Спасибо!

— Спасибо, Алеша, говорят в конце сказки. А пока слушай. Тебе нужен билет до Ветрогорска...

— Да!

— Ты ступай в Транспортное агентство, туда, где кассы для поездов, самолетов, автобусов, ковров-са... Кха... В общем, для всего на свете.

— Это на Первомайской улице?

— Нет, это другие кассы. На улице Полярных Капитанов.

Алешка и не слышал про такую улицу.

— Где это, дедушка?

— А, не знаешь? — хитро сказал старичок. — Слушай. Пойдешь по Садовой до конца, там будет старый стадион...

— Ага! Мы зимой там военную игру устраивали.

— Ну вот. Ты его не обходи, а найди в заборе щель. И шагай напрямик. А как стадион-то перейдешь, да в другую щель вылезешь, там и будет улица Полярных Капитанов. А кассы — в доме номер двадцать два, по левую руку... Ну, ступай.

— Спасибо!

— Ты подожди со спасибо-то. Ты послушай еще. Если где в пути что-нибудь опасное встретишь, случай непонятный какой-нибудь или, скажем, загадку, ты от этого дела не беги. Сказка без этого не обходится. Ну и о главном не забывай, шагай себе смело.

— Ладно. Я пойду.

— Иди, Алеша. Да постарайся ничему не удивляться.

Глава пятая

Алешка сразу поверил, что будет сказка. Ведь он был поэт, хотя и маленький. А все поэты — и маленькие, и большие — в глубине души верят в сказки.

Но улица, по которой он шел, была очень обыкновенная. Проезжали мимо обыкновенные автобусы, шли навстречу обыкновенные люди, прокатила вдоль асфальта обыкновенная поливальная машина и обдала всех брызгами. Прохожие обыкновенно заругались ей вслед. И забор у стадиона был обычный — старый, из неструганых серых досок.

Одна доска оказалась оторванной, и Алешка пролез в щель (тоже обыкновенное дело). Он отыскал проход под разошедшимися деревянными трибунами и вышел на поле.

Стадион был старый, давно уже на нем не проводились игры. Поле заросло высокой травой.

В траве паслись лошади. Белые, гнедые и вороные. Они бродили далеко, но едва Алешка ступил в траву, как все они подняли головы. Будто по сигналу. И стали смотреть в Алешкину сторону. Ему даже не по себе стало. Он задержал шаги. Тогда золотисто-коричневая лошадь, осторожно ступая, направилась к Алешке и остановилась в трех шагах. У нее была красивая, гордая голова и

добрые глаза. Лошадь посмотрела на Алешку вопросительно и немного печально. И он понял ее. Не услышал, а именно понял. Она спрашивала:

«Простите, пожалуйста, вы не тот мальчик, который ищет коня, чтобы скакать в Тридевятое царство?»

«Вот это да! Начинается», — с легким замиранием подумал Алешка. А вслух сказал:

— Нет. Понимаете, у меня другая дорога.

«Извините», — вздохнула лошадь и медленно отошла.

Другие лошади сначала выжидательно смотрели на нее, а потом принялись щипать траву.

Над стадионом повисла тишина — стеклянная, звонкая. В ней прятались тайны и стрекотали кузнечики. Кузнечиков было множество. Они прыскали во все стороны, когда Алешка раздвигал ногами шелковистую траву.

Алешка перешел поле, отыскал в заборе дыру и оказался на улице Полярных Капитанов. Улица была тихая, незаметная, с одноэтажными и двухэтажными домами.

Дом номер двадцать два тоже был старый. Его построил, наверно, в прошлом веке какой-нибудь купец. Вверху у купца было жилье, внизу — магазин.

Над парадной дверью, на чугунной решетке балкона, Алешка увидел длинную голубую вывеску:

ТРАНСПОРТНОЕ АГЕНТСТВО

В окнах первого этажа пестрели плакаты Аэрофлота и висела на капроновой леске модель самолета «Ил-62».

Алешка надавил плечом тяжелую дверь.

Внутри все было обыкновенно. И пусто. Под потолком лениво вертелся большой вентилятор. На стенах — расписания самолетов и поездов. Табличка: «У нас не курят». Написанное красным карандашом объявление — про какие-то экскурсии. Алешка пригляделся. И у него холодок пошел по спине.

ЗАЯВКИ НА ЭКСКУРСИИ

НА КОВРАХ-САМОЛЕТАХ

НЕ ПРИНИМАЮТСЯ

ДО 15 АВГУСТА.

Администрация

У дальней стены стоял высокий барьер с окошечками. Окошечки были закрыты. Лишь в одном, с номером два, была заметна щель. Алешка подошел, вздохнул, набираясь храбрости, и постучал.

Окошко распахнулось, и показалась голова кассирши.

Алешка оробел еще больше: кассирша очень похожа была на учительницу географии Клавдию Михайловну. Такая же гладкая седая прическа, строгие очки и внимательные глаза. Когда на Алешку смотрели такими глазами, он чувствовал себя прозрачным.

— Я тебя слушаю,— сказала кассирша.

— Извините... Мне сказали, что здесь можно купить билет до Ветрогорска.

У кассирши слегка поднялись брови.

— Можно... Но любопытно узнать, кто тебе это сказал?

— В справочном бюро. То есть это не совсем справочное бюро, а такая будочка. Там дедушка работает...

Глаза у кассирши подобрели.

— Понимаю. Дедушка. Значит, у тебя важное дело в Ветрогорске?

— Да!

— Хорошо. На твоё счастье, остался еще один билет. На сегодняшний поезд. Поторопись, отправление через тридцать пять минут.

— А сколько стоит билет? — спохватился Алешка. Он только сейчас сообразил, что мама оставила ему на личные расходы всего пять рублей. Вдруг не хватит?

— Четыре рубля девяносто копеек. Общее место. Придется ехать без плацкарты.

Алешка обрадованно кивнул и полез в карман за деньгами.

Денег не было. Мало того — на привычном месте не было и кармана. И Алешка понял: он же переоделся вчера вечером, а деньги остались в кармане старых брюк.

— Мальчик, что с тобой? У тебя такое лицо...

— Деньги забыл,— шепотом сказал Алешка.— Теперь уж ни за что не успеть.

Кассирша тоже расстроилась:

— Ну какие же вы рассеянные, мальчишки! Несобранные. Недисциплинированные. И когда это кончится?

Алешка молча стоял у окошечка, хотя стоять было уже бесполезно.

— Ну что с тобой теперь делать? — сказала кассирша.

У Алешки появилась надежда.

— Расскажи, какое у тебя дело в Ветрогорске, — велела кассирша.

Алешка почувствовал, что уши у него стали теплыми. И наивно, розовыми.

— Ну... есть одна девочка. У нее день рождения скоро... А в Ветрогорске есть музей...

Кассирша чуть заметно улыбнулась.

— Ясно. Это — особый случай. Тебе необходим Зеленый билет на все виды транспорта туда и обратно. Ведь тебе послезавтра нужно вернуться.

Алешка огорченно пожал плечами. Не все ли равно? Денег-то нет. Ведь особый билет наверняка стоит еще дороже простого.

— У Зеленого билета нет постоянной цены, — объяснила кассирша. — Но стоит он очень дорого: ровно столько, сколько у пассажира есть с собой денег. До последней копейки... Есть у тебя хоть сколько-нибудь?

Алешка торопливо запустил пальцы в боковой карманчик у пояса и нащупал трехкопеечную монетку. Она лежала там с прошлого года. Тогда, в Крыму, Алешка все серебряные монетки бросил на прощание в море, а эта — медная — осталась.

— Вот... — нерешительно сказал Алешка. — Но это ведь...

— Давай, — перебила кассирша. Потом громыхнула тяжелым компостером и подала Алешке кусочек зеленого картона.

— Билет действителен до четырех часов послезавтрашнего дня.

— Спасибо! До свидания! — крикнул Алешка и кинулся от кассы.

— Мальчик! Подожди!

— Но ведь поезд...

— Не спеши. Поезд теперь тебе не нужен... Отсюда, переулками, мимо старой церкви и кинотеатра «Космос», ты выйдешь на улицу Дальнюю...

Алешка кивнул. Про улицу Дальнюю он не слышал, но кинотеатр «Космос» знал.

— Ты пойдешь по этой улице до конца. Когда она кончится,

все равно ступай вперед по тропинке. И выйдешь на берег реки. Сиди и жди. В четыре часа подойдет пароход...

— Пароход? — изумился Алешка. — Но ведь речка у нас маленькая совсем. Там даже лодки на мель садятся!

— Не спорь, Алеша, — утомленно сказала кассирша. — Ступай. Не спеши, но и не мешкай. Пароход придет ровно в четыре.

Алешка вспомнил про лошадей на стадионе, про объявление о коврах-самолетах и понял, что спорить глупо.

«Я еще успею собраться в дорогу, — подумал он. — А тете Даше скажу, что поехал на дачу к Валерке Яковлеву».

Глава шестая

Улица Дальняя была совсем старая. Домики и заборы стояли по колено в лопухах. На заросшей дороге ярко желтели одуванчики, в канавах росли ромашки. Высокие травинки торчали в щелях деревянного тротуара. Тротуар был узкий и расшатанный, доски мягко прогибались под ногами. И никто не попадался навстречу.

Алешка был одет по-походному: он натянул зеленую рубашку, старые спортивные брюки и взял с собой на всякий случай курточку, в которой ездил в лагерь. В задний карман он затолкал два бутерброда с маслом. А билет Алешка держал в руке, потому что положить вместе с бутербродами не решился: вдруг перемажется маслом.

Билет был зеленый, как свежий тополиный лист. По углам Алешка разглядел бледно отпечатанные рисунки: самолет, тепловоз, пароход и автобус. Вверху стоял черный номер: ОС 100743. Под номером красными маленькими буквами было оттиснуто: «Для Особых Случаев». В середине билета темнела крупная надпись: «На все виды транспорта. ТУДА И ОБРАТНО». А ниже: «Ветрогорск». В нижнем углу голубел квадратный штамп: «Трансагентство. Касса № 2». В общем, билет был самый настоящий. Даже не верилось, что заплатил Алешка всего три копейки...

Улица кончилась. Вернее, кончились дома, а деревянный тротуар и канавы еще тянулись. За канавами раскинулось покрытое травами поле. До горизонта. Потом оборвался и тротуар. Вместо него побежала заросшая тропинка. Зашелестела у ног трава.

Алешке казалось, что он плывет по зеленому морю. Только шума волн не было слышно. Шорох травы да неумолчный стрекот кузнечиков. Небо с маленькими белыми облаками будто слегка покачивалось над Алешкой и плыло навстречу.

И вдруг Алешка увидел реку. Но что это была за река! Маленькая, не шире обычного переулка. Сквозь темную воду просвечивало дно с золотистыми песчинками. Летали стрекозы. Росли по берегам кусты ольхи. Ну откуда здесь возьмется пароход? Лодка и та еле проберется в этом ручье.

«Посмеялись! — подумал Алешка. — Обманули, сунули негодный билет за три копейки! А я, дурак, поверил!» Он сел у воды и горько задумался.

Но долго печалиться не пришлось. Алешка услышал вдали странное пыхтение, будто в траве застрял паровоз. За поворотом, над высокими кустами, двигалась большая голубая труба с серебряными звездами. Из трубы валил дым.

Алешка вскочил.

Пароход выполз из-за поворота. Он был белый, двухэтажный и, видимо, очень старинный. Его плоское зеленое днище скребло по песчаному дну. Громадные гребные колеса не помещались в реке. Они нависали над берегом, упирались красными лопастями в землю, ломали кусты. Пароход не плыл, а ехал по реке, как трактор. Он был похож на морское чудовище, которое выбралось на сушу и прет напролом.

Алешка глядел во все глаза и не верил такому чуду. Но верь не верь, а пароход, отдуваясь, придвинулся вплотную, и пришлось отскочить, чтобы не прихлопнуло гребной лопастью.

Пароход вздохнул, как усталый кит, и остановился. Тут же с борта к Алешкиным сандалиям шлепнулся трап — две доски с поперечными брусками. У входа на борт появился очень большой и очень толстый человек в белом парадном кителе. Морская фуражка на большущей голове казалась крошечной и торчала где-то на затылке.

Алешка сразу понял, что видит Капитана.

— Молодой человек! — загудел Капитан таким голосом, что пригнулась трава. — Надеюсь, это вы — пассажир с Зеленым билетом? Если так, прошу пожаловать на борт моего судна!

Алешка поднялся на пароход, все еще удивленно моргая.

— Приветствую вас! — провозгласил Капитан и протянул руку. — Оч-чень, оч-чень рад! Наконец-то у меня настоящий пасса-

жир. Такой, для каких предназначен мой пароход.— Он понизил голос и продолжал: — Вы не поверите, как мне надоело возить всяких случайных личностей, командировочных нытиков и лодырей-туристов. Вот полюбуйтесь.

Он скосил глаза в сторону носовой палубы.

Там в плетеных креслах расположились несколько мужчин в соломенных шляпах. Они сидели, как в автобусе: держали на коленях большие портфели и смотрели прямо перед собой.

Капитан язвительно хмыкнул:

— Просочились на судно всякими неправдами. По знакомству. А теперь недовольны, что я изменил рейс из-за пассажира с Зеленым билетом. Ничего, голубчики, подождете...

— Неужели вы из-за меня влезли в эту речку? — удивленно сказал Алешка.

— А как же! Мы еще два часа назад получили радиограмму, что вы будете ждать в этой точке.

— Но ведь... Пароход такой громадный, а речка совсем маленькая. Просто не верится.

Капитан довольно ухмыльнулся:

— Пустяки. Если будет необходимость, моя посудина прошлепает даже через Сахару... Хотя, по правде говоря, Сахара — это совсем не море.

— Конечно,— поддакнул Алешка.— В море пароходу гораздо привычнее.

Капитан посмотрел на него с одобрением.

— Черт возьми! Вы мне оч-чень симпатичны, молодой человек. Разрешите пригласить вас отобедать со мной, а потом я провожу вас в каюту.

Алешка не спорил. Есть хотелось здорово! Капитан ему понравился, и вообще все складывалось отлично.

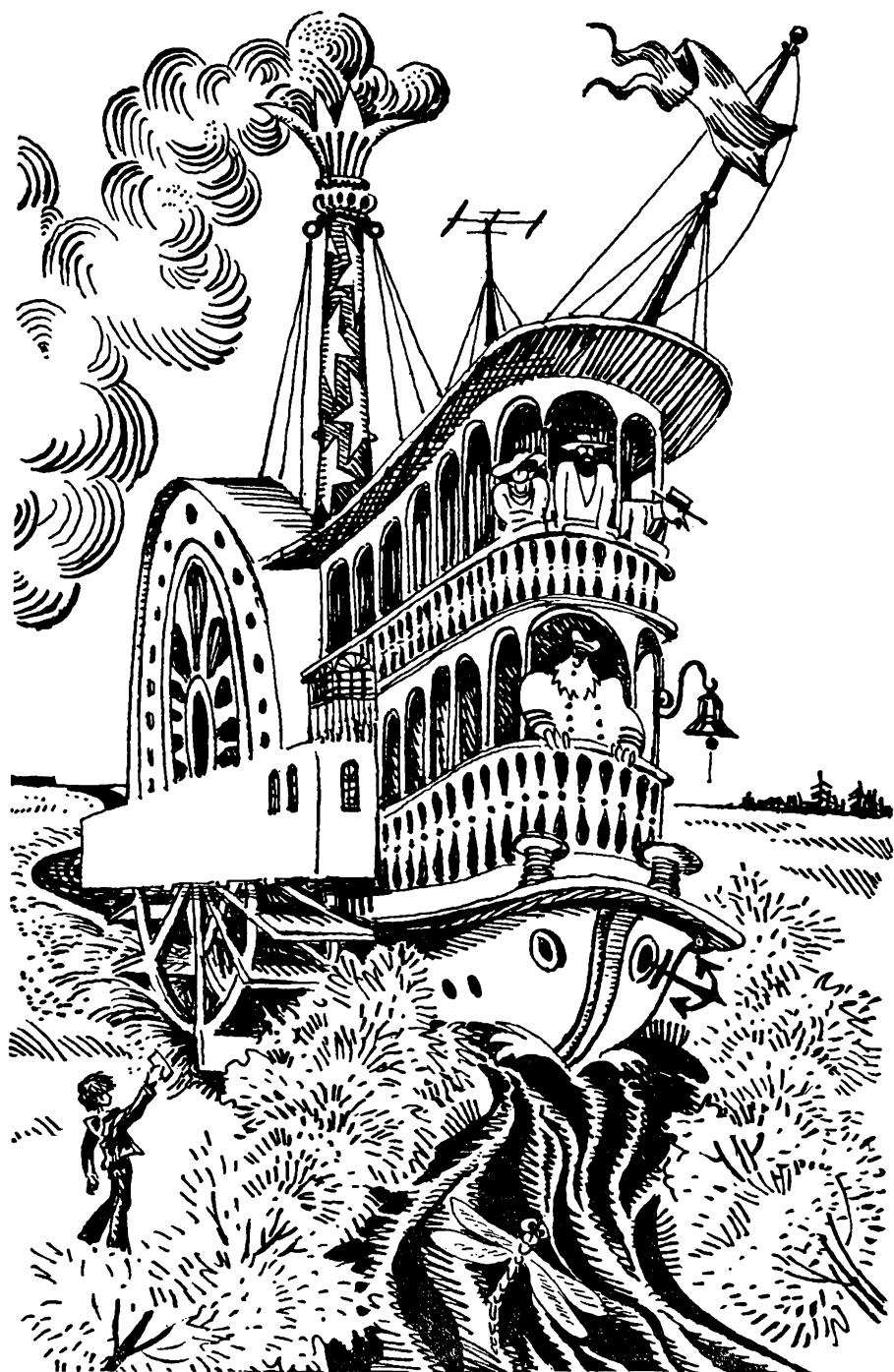
Пароход, пыхтя и качаясь, двинулся в обратный путь. Кормой вперед. А Капитан и Алешка двинулись обедать.

В кают-компании сидел за накрытым столом худой моряк с длинным лицом и унылым носом. Он ковырял вилкой котлету.

— Знакомьтесь,— сказал Капитан Алешке.— Мой Старший помощник.

— Здравствуйте,— пробормотал Алешка.

Старший помощник приподнялся и молча наклонил голову.

Потом он опрокинул в себя стакан кефира и кислым голосом произнес:

— С вашего позволения, я уже пообедал. Если вы не возражаете, я пойду и проверю вахты.

— Буду вам весьма признателен,— сказал Капитан.

Старший помощник согнулся и скрылся за дверью.

Глядя ему вслед, Капитан убежденно сказал:

— Зануда. Никудышный работник. Я понимаю, что нехорошо выносить сор из избы, но нет сил молчать. Кстати, это он берет пассажиров по знакомству. А когда я возражаю, пишет на меня жалобы в контору пароходства.

Капитан вздохнул, снял фуражку, пригласил Алешку за стол и втиснулся сам.

Обедали молча. Капитан был занят грустными мыслями. Иногда он вздыхал так, что на окне отходила занавеска и Алешка видел проплывающие мимо кусты. Ветки уже не скребли по стеклам, и колеса звонко хлопали по воде.

Перед концом обеда Капитан повеселел.

— Я могу предложить вам разные каюты,— сказал он Алешке.— Есть первый класс, есть люкс, где ванна, телевизор и так далее. Но мне хотелось бы посоветовать вам занять каюту класса суперлюкс. Уверяю вас, это место — самое подходящее для тех, кто еще не состарился. Многие просятся туда, но я не разрешаю.

Он повел Алешку на верхнюю палубу, где стояли вдоль бортов спасательные шлюпки. У одной из них Капитан расшнуровал и откинул брезентовый чехол.

— Вот! — сказал он торжественно.— Здесь вы можете жить под самыми звездами, здесь можете любоваться водой и берегами. Тишина, покой, теплый ветер. И...— он понизил голос,— никаких надоедливых личностей.

— Ой как здорово! — воскликнул Алешка.— Значит, я могу здесь спать?

— Разумеется. Вам принесут надувной матрац.

...Вечер наступил быстро. Над водой запылал и быстро сгорел закат. Появились звезды. Они дрожащими струнками отражались в воде. Река теперь была широкая — такая, что едва виднелись берега.

Алешка улегся в шлюпке. Над ним тихо качалось созвездие Малой Медведицы. Алешка задремал под шум воды и ровное пыхтение парохода.

Он очнулся от шагов. Шаги были осторожные, но тяжелые, будто крался гиппопотам.

Алешка торопливо сел.

У борта шлюпки стоял Капитан.

— Прошу прощения,— сказал он шепотом, от которого колыхнулся шлюпочный брезент.— Надеюсь, я вас не потревожил? Дело в том, что... у меня к вам есть важный разговор. То есть предложение... В общем, не согласитесь ли вы поступить ко мне Старшим помощником?

Алешка чуть не подскочил от изумления.

— Как?

— Очень просто. Старшим помощником. Это совсем неплохая должность.

— Но... Это ж такое дело. Надо же уметь.

— Научитесь, уверяю вас! Было бы желание!

— Да... Но у вас же есть Старший помощник.

— Уволю!— заявил Капитан.— Или высажу на необитаемый остров. Пусть пишет там жалобы. Сключник он, а не Старший помощник.

Алешка молчал. Согласиться он, конечно, не мог, а отказом боялся обидеть Капитана.

— Соглашайтесь,— сказал Капитан.— Вы никогда в жизни не пожалеете. Вы увидите столько дальних морей и удивительных островов, сколько не найдется во всех морских романах. Я обещаю вам почти каждый день необыкновенные приключения. Между прочим, в устье реки Эль-Балдео до сих пор водятся настоящие пираты...

— Понимаете,— осторожно начал Алешка,— это все очень здорово. Но у меня такое важное дело, оно для меня самое главное. Нельзя же главное дело бросать ради другого.

— Да,— грустно сказал Капитан.— У каждого своя дорога. Я понимаю вас и ничуть не обижен. Хотя мне очень жаль. Спокойной ночи.

Проснулся Алешка поздно. Вернее, он не сам проснулся, а его разбудил Капитан. Он пригласил Алешку завтракать.

После завтрака они поднялись на мостик. Утро было безоблачное, и большая река сверкала солнечной чешуей. Пароход повернул к берегу. Капитан сказал:

— Я мог бы доставить вас прямо в Ветрогорск, но рейс продлится много дней. Самолетом вы доберетесь быстрее. В полу-

часе ходьбы от берега есть небольшой аэродром. Отметьте в кассе билет, и вас моментально посадят в самолет.

Алешке стало немного грустно. Он уже успел привыкнуть к пароходу и Капитану. Но его ждала своя дорога. И когда пароход уткнулся носом в песок, Алешка сказал:

- Прощайте. Счастливых плаваний.
- Счастливого пути,— сказал Капитан.

Глава седьмая

Тропинка прыгала по пригоркам, виляла среди громадных валунов. На валунах блестели крапинки слюды. Среди камней густо цвел шиповник. Иногда его кусты закрывали тропинку, и приходилось продираться.

Алешка прошагал с километр и выбрался на лужайку, желтую от одуванчиков. На лужайке стоял каменный столб. Он был четырехгранный, могучий, похожий на основание старого памятника. В разных местах на столбе нарисованы были белые стрелы, а рядом с ними виднелись надписи:

ТРИДЕСЯТОЕ ГОСУДАРСТВО
СОВХОЗ «ОТРАДНОЕ»
ЗАПОВЕДНЫЙ ЛЕС
РУСАЛКИНА ЗАВОДЬ
АВТОБАЗА № 4

И так далее. В общем, весь столб изрисован был белыми стрелами.

— Ну и ну,— сказал Алешка. Но не очень удивился.

Внизу, у самых одуванчиков, он отыскал стрелу со словами «Чистое поле». Слово «Чистое» было зачеркнуто, а сверху белела свежая надпись: «Лётное». Алешка прикинул направление и опять зашагал среди камней и шиповника.

Шел он недолго. С пригорка увидел заросшее ромашками поле, а на дальнем его краю светло-коричневый домик с высокой антенной и еще один домик — разрисованный в крупную шахматную клетку, красную и белую. Над клетчатым домиком висела на длинном шесте «колбаса» для указания ветра — длинный белый сачок с поперечными черными полосками. Ветер был слабый, «колбаса» повисла и еле качалась.

Через траву и ромашки пошел Алешка к домикам. То ли в этой траве, то ли в небе чвиркали птицы. И воздух был теплый и ласковый, и солнце припекало. Все было хорошо.

Но странная тревога появилась у Алешки. Он сперва не понял отчего. А потом догадался: на поле не было самолетов.

Ни одного самолета, совсем пусто.

На чем же он полетит?

Лишь недалеко от домиков Алешка увидел один самолет. Но это был не пассажирский. Спортивный, наверно, или учебный. Маленький, легкий, весь какой-то полупрозрачный. Высокая трава наполовину закрывала самолет, и Алешка не разглядел его как следует. Он торопился найти людей и узнать, как добраться до Ветрогорска.

Рядом с коричневым домиком росли две березы. Между ними висели качели, и на качелях сидел мальчик. Светловолосый такой, слегка лохматый мальчишка. Небольшой, поменьше Алешки. В белой футболке с голубой полоской у воротника. И сильно загорелый. На коленях он держал штурманскую сумку-планшетку, и эта коричневая планшетка была лишь чуть-чуть темнее худых и поцарапанных мальчишких ног.

«Ух, какой обжаренный! — подумал Алешка. — И волосы все выцвели. Наверно, он сын летчика и прилетел с юга. В наших краях только к концу лета можно так загореть, да и то если очень постараться. А в июне — ни за что».

Мальчик Алешку не видел. Он сидел с опущенной головой и лениво качался: дотянется носком сандалии до земли, толкнется — покачается немного.

«Может быть, спросить у него, как тут с самолетами до Ветрогорска?» — подумал Алешка. Но в это время он заметил на двери домика две синие таблички. На одной было написано «Касса», на другой — «Диспетчерская».

Алешка взбежал на крыльцо и толкнул дверь.

В коридоре он увидел окошечко кассы. Оно было закрыто. Алешка нерешительно постучал. Касса не открылась. Алешка повернулся к внутренней двери. На черной клеенке белела фанерка с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Ну что тут делать? Идти спрашивать у мальчишки? Но он ведь не кассир и не диспетчер. Алешка набрался смелости и потянул дверь.

В комнате, уставленной непонятными аппаратами, радиопередатчиками и телефонами, сидел за столом Диспетчер. Он был в белой рубашке. Его синий пиджак с нашивками висел на спинке стула, а форменная фуражка лежала на груди бумаг. Диспетчер сердито жевал яблоко и черкал красным карандашом в большой тетради. Алешку он не заметил.

— Здравствуйте,— сказал Алешка с порога, обращаясь к лысине Диспетчера.

Диспетчер перестал жевать, но черкать не перестал. И спросил:

— Что надо?

По всем правилам от такой нелюбезности Алешка должен был растеряться. Но он не растерялся, а слегка рассердился.

— В город Ветрогорск мне надо!— громко сказал он.

— Вот как? А что еще?

— Ну... и все,— ответил Алешка уже не так громко.

— Тогда при чем здесь я?

— Ну... я хотел отметить билет, а касса закрыта. Я хотел спросить у вас...

— Самолетов сегодня нет,— сказал Диспетчер. Поднял голову и надел фуражку. У него были густые брови и могучий квадратный подбородок.

«Суровый человек,— подумал Алешка.— Наверно, бывший летчик полярной авиации». В общем, лицо Диспетчера ему понравилось. Но слова не понравились.

— Нет самолетов. Ясно? Вот так.

— Как же быть?— жалобно спросил Алешка.

— Вот уж не знаю.

— Но мне очень надо в Ветрогорск.

— Те, кому очень надо, приходят вовремя. И летят в соответствии с расписанием. У нас все рейсы— утренние.

— Я не знал. Мне сказали, что можно в любое время.

— Кто сказал такую чушь?

Алешка хотел объяснить, что говорил это Капитан, но подумал: Диспетчера не убедишь. Что ему какой-то незнакомый Капитан?

— Нет самолетов сегодня,— повторил Диспетчер.— Ни одного. Алешке стало обидно, и он опять немного рассердился.

— Ну уж ни одного! Один-то я видел. Тут стоит, недалеко.

— Ишь ты! Видел. Этот самолет специальный, для особых случаев.

— А у меня как раз особый случай!

— Надо же,— усмехнулся Диспетчер.— А какие у тебя есть доказательства?

— У меня есть билет,— смело сказал Алешка.— Вот такой.

Он шагнул к столу и положил Зеленый билет перед Диспетчером.

— М-да...— сказал Диспетчер. И почесал карандашом левую бровь. Потом он округлил глаза и оглушительно крикнул:— Маша!

Из-за аппаратов появилась девушка в голубой пилотке.

— Слушаю вас, товарищ Диспетчер.

— Маша,— сказал Диспетчер строгим голосом,— пожалуйста, выйдите на поле и попросите кого-нибудь или постарайтесь сами найти и пригласить ко мне Летчика для Особых Поручений.

«Ух ты!»— подумал Алешка.

— Да? Хорошо,— растерянно сказала девушка. Застучала каблучками к двери, а у порога обернулась и вопросительно взглянула на Диспетчера. Тот возвел брови под козырек и слегка пожал плечами, будто хотел сказать: «А что я могу сделать?»

Девушка вышла.

«Вот это да!— думал Алешка.— Значит, я полечу с Летчиком для Особых Поручений!» Он представил, как сейчас войдет в диспетчерскую высокий пилот в синей форме с золотыми нашивками, с большими перчатками в одной руке, с очкастым шлемом в другой. Войдет и скажет: «Я готов. Где пассажир?»

А вдруг не скажет? Вдруг не согласится везти Алешку?

Вошел мальчик. Тот, которого Алешка видел на качелях. В опущенной руке он держал планшетку на длинном ремешке, и она цеплялась за половицы.

Мальчик встал посреди комнаты, посмотрел на Диспетчера.

«Сейчас Диспетчер пошлет его искать Летчика»,— подумал Алешка.

Диспетчер сказал:

— Ветрогорск—это где?

Мальчик чуть улыбнулся, стал глядеть в сторону и вытянул в трубочку губы: то ли свистнуть хотел, то ли сказать «у-у...».

— Ясно,— сказал Диспетчер.— На карте есть?

— На моей есть,— звонко ответил мальчик.

— Я спрашиваю про нормальные карты,— раздраженно сказал Диспетчер.

— Не-а...

— Сколько времени надо лететь?

Мальчик толкнул ногой планшетку, и она закачалась, будто маятник.

— Кто же знает, сколько времени,— неторопливо ответил мальчик.— Это по-разному получается. Вы же понимаете...

— Ничего я не понимаю в этих ваших штучках... И вообще не хотел я тебя пускать. За все твои фокусы.

— А что я сделал?— невинно сказал мальчик и опять поддел ногой планшетку.

— А кто пикировал на грузовик? Может, я?

— А зачем они украли собаку у ребят?!

— Ты загнал грузовик в кювет.

— Туда ему и дорога.

— Дело могло кончиться несчастным случаем. Ты это понимаешь?

— Вот если бы ребята без щенка остались, это был бы несчастный случай. Это вы понимаете?— дерзко сказал мальчишка.

У Диспетчера стали краснеть уши и нос. А мальчик снова толкнул планшетку носком сандалии и внимательно смотрел, как она крутится на ремешке.

Он Алешке понравился. Смелый такой мальчишка, хотя и небольшой. Славный. Но разговор его с Диспетчером был Алешке непонятен. Ясно только, что мальчик что-то натворил, чуть-чуть не вляпался в аварию с каким-то грузовиком, и за это его не хотят куда-то пускать. Может, в кино? В конце концов, это не Алешкино дело.

«Где же Летчик?»— думал Алешка.

Диспетчер сказал мальчику с легким рычанием:

— Пер-рестань лгать казенную сумку. И встань как следует, когда разговариваешь с дежурным Диспетчером.

— Есть!— быстро откликнулся мальчик. Ловко бросил на плечо ремень планшетки, сдвинул пятки, подпернул свои синие штанишки с клепками на карманах и опустил руки.

— Вот так,— проворчал Диспетчер.— А то совсем разболтался.

Тихо, но отчетливо мальчик сказал:

— Я стою как следует. Пожалуйста, обращайтесь на «вы», когда говорите с Летчиком для Особых Поручений.

«Мамочка!» — ахнул про себя Алешка.

А у Диспетчера нос и уши стали фиолетовыми. Со скрипом поднялся он из-за стола. Алешке показалось, что он сейчас зарычит медведем. Но Диспетчер обиженным басом произнес:

— Слушай-те задание.

— Есть! — сказал Летчик для Особых Поручений.

— Вам... следует доставить в город Ветрогорск пассажира с Зеленым билстом. И вернуться... Когда... вы... сможете вернуться?

— Трудно сказать. Как получится.

— И вернуться при первой возможности. Понятно?

— Понятно, товарищ Диспетчер. Могу идти?

— Може-те...

Маленький пилот повернулся к Алешке. Посмотрел серьезно и сказал:

— Идем. Билет не забудь.

Они пошли к самолету. Летчик шагал впереди. Сбивал планшеткой головки ромашек. Алешке было не по себе.

Летчик обернулся, остановился и тихо спросил:

— Боишься?

— Да нет... Только я не ожидал. Не думал, что ты — Летчик.

— Не бойся. У меня хороший самолет. С ним никогда ничего не случится.

Лишь сейчас Алешка разглядел как следует его лицо. Ну, обыкновенное лицо, чуточку даже знакомое. Большеглазый такой парнишка, смотрит ясно, без насмешки. Мог бы ведь ухмыльнуться или поглядеть снисходительно: «Что, струсил?» Мог бы погордиться перед испуганным пассажиром: ведь он — Летчик. Но он ни капельки не задается.

— Не бойся. Вот увидишь, долетим нормально.

— Я не боюсь, — успокоенно сказал Алешка. — Просто я удивился.

— А ты давно в дороге?

— Второй день.

Летчик засмеялся:

— И все еще удивляешься?

— Ага, — сказал Алешка и тоже засмеялся.

Самолет был обтянут чем-то серебристым. Хвост и крылья

блестели на солнце. А на корпусе темные рейки просвечивали сквозь обшивку.

«Игрушка,— подумал Алешка.— Наверно, одной рукой поднять можно».

Однако он уже не боялся. Почти.

На хвостовом стабилизаторе были нарисованы три голубые буквы: ОСА.

— Это значит: Особая Служба Авиации,— объяснил Летчик.— И все самолет называют «Оса». Из-за этих букв. По-моему, глупо. Он и не похож вовсе.

— Конечно, не похож,— сказал Алешка.— Оса вся полосатая и кусачая. А твой самолет — красивый.

— Он у меня называется «Стрекозка»,— смущенно сказал Летчик.

Он откинул прозрачный колпак над кабиной, открыл дверцу.

— Садись в заднее кресло. Я мотор запущу.

Алешка полез в кабину. Самолет присел и пружинисто закачался под ним. Кресло оказалось жестковатым, пластмассовым, но ничего, сидеть можно.

Летчик подошел к носу самолета. Подпрыгнул, ухватился за лопасть винта и повис, болтая ногами. Лопасть медленно опустилась к траве. Летчик поднапрягся и качнул ее в сторону. Пропеллер вдруг рванулся и сразу почти исчез — превратился в прозрачный круг, пересыпанный кое-где солнечными искрами. Летчик отскочил и засмеялся. Трава под крыльями полегла и прижалась к земле. Кабина задрожала, наполнилась негромким шумом и стрекотом.

Летчик подошел к дверце. Воздух от винта рванул его волосы. Летчик повернулся к домику, поднял руку. Потом прыгнул в кабину, хлопнул дверцей и опустил колпак.

— Поехали,— весело сказал он.

Глава восьмая

Самолет взлетел почти без разбега, будто подпрыгнул. Аэродром косо ушел вниз, и домики сделались крошечными.

Минут десять Алешка привыкал к полету. Он и раньше летал с мамой на юг, на «Ил-18». Но там было не так интересно и почти ничего не видно. Даже незаметно, что летишь. Только над морем

и при посадке слегка покачало. А здесь все иначе: вверху — небо с пушистыми облаками, внизу — зеленая земля с темным лесом и светлыми лугами. А по сторонам — горизонт: синий, туманный и такой громадный, что на земле и представить нельзя было.

Самолет иногда клонился то на одно, то на другое крыло. Порой начинал проваливаться, будто с крутой горки скользил. Но это было совсем не страшно. Даже весело. Мотор стрекотал, как швейная машинка, за стеклами шумел встречный воздух.

Алешка посмотрел на Летчика. Пилотское кресло стояло ниже пассажирского и было сильно откинута назад. Летчик управлял самолетом почти лежа. Алешка видел над пластмассовой спинкой его затылок, плечи и высоко поднятые колени. Они двигались, когда Летчик нажимал на педали. Самолет летел на юг, солнце светило почти навстречу. Волосы у Летчика горели от лучей, а колени блестели, как твердые коричневые каштаны.

— Летчик! — окликнул Алешка. — Ты где так загорел?

— Здесь, — отозвался Летчик, не обернувшись. Поднял руку и щелкнул по стеклу колпака. — Это органическое стекло, оно пропускает все лучи, не то что оконное. А ведь я летаю под самым солнцем.

— Ты часто летаешь?

— Приходится! — громко сказал Летчик.

— Это ничего, что я с тобой разговариваю? — спросил Алешка. — Может быть, во время полета нельзя?

Летчик повернул голову. Он улыбался.

— Можно! Только мне плохо слышно, мотор мешает. Если хочешь, иди сюда.

Между пилотским креслом и стенкой кабины был узкий промежуток. Алешка протиснулся туда и сел на корточки.

Впереди покачивался горизонт. Прямо в лоб били солнечные лучи. Алешка жмурился.

— Тебе не мешает солнце? — спросил он у Летчика.

— Я привык.

И правда, его светлые серые глаза смотрели вперед без прищура. В них блестели два крошечных солнышка.

— Далеко до Ветрогорска?

— В сумерках прилетим.

— Ой... А нельзя постараться, чтобы пораньше? Мне надо успеть в музей. Вечером его, наверно, закроют.

Летчик покачал головой.

— Бесполезно стараться.

— Почему?

— Ну разве ты не понимаешь? Ты же в сказку попал. А в сказках много всяких правил. В Ветрогорск всегда прилетают после заката.

— А если на сверхзвуковом самолете?

— Хотя на сверхзвуковом, хоть на ковре-самолете, хоть на воздушном шаре, хоть на ракете... Надо, чтобы солнце село, иначе летчик не увидит город.

Алешка помолчал, набрался смелости и задал самый главный вопрос:

— Послушай... А ты по правде летчик? Самый настоящий? Ты только не обижайся.

Летчик серьезно сказал:

— Я нисколько не обижаюсь. Если бы ты перед полетом спросил, было бы обидно. А ты ведь не испугался лететь со мной.

— Я и сейчас не боюсь. Мне просто интересно. Ты так же работаешь, как взрослые пилоты?

— Почти так же... Ну нет, не совсем. У меня другие рейсы. Я — Летчик для Особых Поручений.

— Но ведь это еще главное, чем простой летчик, да? Ведь Особые Поручения — самые трудные?

— Не обязательно. Просто они — особые.

— А почему тебя на эту работу назначили? Ну... ты же еще не взрослый. Ведь на важные дела всегда больших посылают.

Летчик вздохнул.

— Больших нельзя. Часто приходится летать в сказки, а взрослые в них плохо разбираются. Они обязательно что-нибудь напутают.

— А разве нет взрослых, которые хорошо понимают сказки?

— Есть, конечно. Только они не умеют водить самолеты.

— А таких, кто умеет летать и в сказках разбирается, значит, нет?

— Не знаю... Я слышал про одного. Но он жил давно. Он был истребитель и погиб, когда дрался с фашистами. Упал в море...

Летчик замолчал. И Алешка тоже молчал. Он подумал, что Летчику, наверно, грустно, и не решался его расспрашивать. Внизу потянулся щетиnistый синеватый лес.

— Смотри, — сказал Летчик. — Это Заповедный лес номер одиннадцатый. Чего в нем только нет! Одних Красных Шапочек —

больше десятка. До того вредные девчонки! Думают, что если про них сказка написана, значит, можно воображать, как знаменитым артисткам! И между собой спорят, визжат, чуть не дерутся по разным пустякам.

— Вот это да...— шепотом сказал Алешка.— А еще кто там есть?

— Видишь дорогу? По ней каждый день в двенадцать часов Колобок катится. Хоть часы проверяй... Ну и Заяц ему встречается, и Волк, и Медведь...

— И каждый день его Лиса лопает?— с жалостью спросил Алешка.

— Ну, где там! Сейчас Колобки умные стали, сами в пасть не прыгают... А еще в лесу есть два леших, пещера с гномами и восемь говорящих филинов. Двое даже грамотные.

Внизу на дороге что-то заблестело под солнцем.

— Серебряный Витязь едет!— обрадовался Летчик.— Посмотри!

Алешка пригляделся. Действительно, по дороге трусил на косматом жеребце воин в остром шлеме и серебристой броне. Он казался маленьким, как игрушечный всадник из коробки с солдатами. На копье-соломинке трепыхался пестрый флажок. Белый щит, как зеркальце, отбрасывал солнечные лучи.

— Однажды у него конь охромел,— сказал Летчик.— Пришлось мне его на самолете в Синее королевство везти. Витязя, конечно, а не коня. Такой он громадный, столько на нем железа! Хорошо, что самолет неразбивающийся, а то бы мы обязательно загремели.

— А он правда неразбивающийся?— осторожно спросил Алешка.

— Конечно! На нем хоть что можно делать! Хочешь, попробуем?

— Хочу,— очень неуверенно сказал Алешка.

И в этот же миг самолет провалился, земля и небо завертелись со страшной скоростью, а сердце у Алешки прыгнуло в желудок.

«Вот и сказке конец»,— подумал он. Зажмурился и сцепил зубы, чтобы не заорать во весь голос.

И тут полет выровнялся. Алешка открыл глаза. Они летели совсем-совсем низко, под самолетом проносилась желтая дорога. Потом промелькнул Витязь. Алешка успел заметить, что он машет рукой в кольчужной рукавице.

Самолет стал набирать высоту. Алешкино сердце бухало, как большой оркестровый барабан.

— Ф-фу,— сказал Алешка.

Летчик весело посмотрел на него.

— А ты молодец. Я думал, ты испугаешься, а ты даже не крикнул... Вот Витязь два раза орал «мамочка!». Он такой тяжелый, снижаться быстро пришлось, вот он и заголосил... Я ему говорю: «Как же вы со Змеем драться будете, если даже в самолете боитесь?» А он: «Змей — это другое дело, привычное. А сюда меня больше никакими калачами не заманишь».

— Значит, он со Змеем дрался? — спросил Алешка все еще дрожащим голосом.

— Они каждую неделю дерутся, с давних пор. Змей уже старый совсем, из девяти голов только пять осталось. На одной вместо глаза фара от машины. Он все на пенсию просится, а ему не дают. Говорят: «В зоопарк — пожалуйста, на все готовое, клетка с удобствами. А пенсию нельзя, вы все-таки не человек...» Вот Баба Яга добила пенсию. За инвалидность. У нее нога костяная.

— Ты ее тоже видел? — с уважением спросил Алешка.

— Я ее в город возил. Она там насчет ремонта избы хлопотала. Вредная такая бабка. Все время ворчала, что я не так самолетом управляю. Я ей тогда сказал: «Бабушка, это все-таки самолет, а не ступа». А она знаешь что? «Попался бы ты мне, когда у меня все зубы целы были...» Ничего себе, да? А потом еще жалобу Диспетчеру написала, что с ней невежливо разговаривали.

— А за что он на тебя злится, этот Диспетчер? Тоже за какое-то сказочное дело?

— Нет. Если бы сказочное, он бы не вмешивался... У ребят щенок жил во дворе. В поселке, недалеко от аэродрома. Какие-то люди проезжали на грузовике, увидели щенка на улице, подхватили — и в кузов. Себе забрать хотели. Ну, ребята закричали, догонять бросились, да разве машину догонишь? А я как раз увидел...

— Догнал?

— Ну да. Сзади зашел на бредущем, над кузовом повис, на крыло выбрался, щенка за шиворот — и в кабину. А шофер перепугался, в канаву съехал... Диспетчер не хотел потом к полетам допускать. — Летчик вдруг улыбнулся, но без насмешки, а как-то грустно. — Все равно допустил. Раз больше некого...

— Послушай... — нерешительно сказал Алешка. — А как ты стал Летчиком для Особых Поручений? Или это секрет?

- Не секрет. Я могу рассказать, если тебе интересно.
- Еще бы!
- Только... Время еще есть. Давай залетим сначала в Антарктиду.

Алешка решил больше ничему не удивляться. Он лишь сказал:

- Там ведь, наверно, очень холодно.
- Нисколько.

Они пролетели еще немного, и самолет стал вдруг снижаться над громадным зеленым пустырем. На краю городка. Приземлился и почти застрял в сорняках.

Летчик откинул колпак и прыгнул в заросли. Алешка — следом. У него слегка затекли ноги, и он потоптался, чтобы разогнать кровь.

Потом деловито спросил:

- Вынужденная посадка?
- Прилетели, — тихо сказал Летчик.

Алешка сперва не понял. Потом оглянулся, поморгал и нерешительно произнес:

- Какая же это Антарктида?

Кругом были репейники, конопля, полынь. От полыни горько пахло летним зноем. На горизонте в сизой дымке виднелся городок.

И была тишина.

Такая была тишина, что даже старательная трескотня трудолюбивого кузнечика не могла ее поколебать. Наваливалась эта тишина отовсюду и словно в плен брала.

Недалеко от самолета в зарослях торчали остатки дощатого забора и два столба с полуоторванной калиткой.

Летчик подошел к столбу, прислонился и шепотом спросил:

- Слышишь, как тихо?

Алешке даже страшновато сделалось.

- Как на другой планете, — сказал он.

- Или как в Антарктиде... когда ее еще не открыли.

— Но это... все-таки ведь не Антарктида, — осторожно сказал Алешка.

Летчик не ответил. Он посмотрел вдаль и спросил:

- Видишь там город?

- Вижу.

- Это город Колокольцев. Мы там жили...

— Кто мы?

— Иди сюда.

Алешка подошел, а Летчик отодвинулся от столба, и на старом дереве стали видны четыре имени. Их когда-то вырезали ножиком:

АНТОН АРКАШКА ТИМА ДАНИЛКА

— Антон — это я, — сказал Летчик. — А остальные — это были мои друзья.

— Были? — спросил Алешка. — А теперь?

Летчик поднял на Алешку серьезные глаза.

— Хочешь, расскажу?

Алешке стало тревожно. И он торопливо кивнул.

Глава девятая

История о том, как Антошка Топорков стал Летчиком для Особых Поручений

— Мы здесь играли, — сказал Летчик. — Ты же слышишь, какая тишина. Будто на далеких островах... Это была наша страна. Вот смотри: «Ант... Арк... Ти... Да...» Первые слоги имен вместе соединишь — и получается название... Конечно, это не настоящая Антарктида. В настоящую мы, наверно, даже на моей «Стрекозке» не добрались бы. Да нам и не хотелось. Нам хорошо было здесь...

Им было очень хорошо, когда они собирались вчетвером: большеглазый маленький Антон, который чаще всех говорил шепотом и больше всех придумывал; коренастый деловитый Аркашка — это он догадался, как добывать с неба летние звездочки: надо воздушный шарик сверху намазать начинкой от карамельки и отпустить на длинной нитке к небу — звездочка прилипнет и тащи ее вниз (иногда звездочка прожигала шарик, и он лопался, но это случалось не часто); был еще худенький белобрысый Тима, который умел дрессировать кузнечиков; и веснушчатый золотоволосый Данилка — верный друг и веселый художник. Это он нарисовал на заборе озорных зайцехвостов и хитрого зверя Крокопудру, которые потом удрали с досок и стали жить в зарослях.

Хорошо было на этом громадном пустыре, хотя кругом рос только всякий бурьян да стоял старый забор...

Стоило захотеть — и пустырь превращался в неизведанную страну. В чаще лесов прыгали и веселились зайчиховосты — полузайцы-полугномы с обезьяньими повадками, а хищный, но не лишенный юмора Крокопудра устраивал ловушки и приключения. В запутанных пещерах, где непонятным светом горели каменные сосульки, можно было открывать подземные города. А в Зеленом заливе всегда стоял наготове ледокол «Голубой кит»: плыви хоть на север, хоть на юг.

И все это не придуманное, а по правде.

Потому что где-то здесь, на пустыре (может быть, под заросшим крапивой фундаментом кирпичного дома), жила старая-старая Сказка. Только никто из четверых друзей об этом не догадывался. Они просто играли, вот и все.

Четверо друзей никогда не ссорились. И только один раз они поспорили. Тима хотел, чтобы малахитовые кузнечики, жившие на пустыре, превратились в маленьких скрипачей, а упорный Аркашка доказывал, что из них надо сделать конницу.

— Кому нужна эта скрипучая музыка? — возмутился он.

А Тима обиженно хлопал белыми ресницами и тихонько говорил:

— Ну послушайте, послушайте... Ну какая же она скрипучая? Ну ведь нельзя же совсем без музыки.

— А без лошадей можно? — крикнул Аркашка и замахал руками. — Как мы догоним Черного Рыцаря? Как мы будем воевать с кенгулапами? Верхом на Крокопудре? А может, верхом на твоих скрипках?

— Ребята, да вы что! — вдруг звонко сказал Данилка. Вытащил из кармана кусок мела и на заборе нарисовал четырех горячих коней. На том месте, где раньше сидел Крокопудра.

— Ух ты! — сказал Аркашка.

И они стали разглядывать лошадей. Не сразу спохватились: где Антон? А потом обернулись, и Аркашка удивился:

— Ты что?

— В глаз попало? — забеспокоился Данилка.

— Ты ушибся? — тихо спросил Тима.

Антошка неловко улыбнулся и отвернул лицо.

— Да ну вас... Я испугался. Я думал, вы сейчас поссоритесь...

— Ты, Антошка, чепуху какую-то выдумал, — сказал самый вер-

ный друг Данилка.— Как же мы можем поссориться? У нас же Антарктида.

Антошка улыбнулся:

— Я понимаю. Просто мне показалось...

Был уже совсем вечер. Старая-старая Сказка ушла на отдых, и волшебные заросли исчезли: кругом стояла обыкновенная конопля да репейники. Но тишина была все такая же, как на неоткрытых островах. В этой тишине скользнули с забора и ушли в сумерки белые кони. А мальчишки не видели. Они сидели, обняв друг друга за обожженные солнцем плечи, перепутавшись исцарапанными в джунглях ногами и склонив друг к дружке головы. Так близко, что волосы Тимы и Данилки касались Антошкиных щек. Антошка шепотом сказал:

— Самое хорошее на свете знаете что? То, что мы живем в одном городе, все вместе. А то как бы мы жили на свете?

— Ну как...— задумчиво начал Аркашка и вдруг завопил: — Ой-ей-ей! — и вскочил.

У него в кармане лежал спичечный коробок, а в коробке — вечерняя звездочка, которую они позавчера поймали шариком. Звездочка наконец прожгла коробок, затем карман и клюнула Аркашку в ногу. Вот он и закричал!

Вскочил, вытряхнул звезду, и она засветилась в траве.

— Ух какая! — сказал Данилка. Поднял ее и стал перекидывать в ладонях, как уголек. Потом размахнулся и кинул в небо. Звезда улетела в высоту и затерялась среди других звезд, которые уже проклюнулись в сиреневых сумерках...

Сквозь тишину протолкались круглые упругие удары главных городских часов. Десять раз.

— Ой-ей-ей,— сказал беспокойный Аркашка, все еще потирая обожженную ногу.— Поздно уже. Как бы дома не влетело.

Они взялись за руки и побежали сквозь кусты к мигающим огонькам.

Они ни разу не поссорились. Случилось другое.

— Что же случилось? — обеспокоенно спросил Алешка.

Летчик сел и прислонился к сломанной калитке. Намотал на палец травинку и сердито дернул ее. Поднял на Алешку слегка виноватые глаза.

— Если бы я знал...— сказал он.— Я никогда, ну ни за что в жизни не согласился бы поехать в лагерь... Но я же не знал, что

так выйдет... Родители уговорили. Отцу надо было в командировку ехать, мама сдавала экзамены в институте, а меня решили отправить в лагерь, чтобы забот меньше было. Я, конечно, сперва отбивался. Ну, упросили. Сказали, всего на три недели... Я, конечно, три недели не выдержал, вернулся через две. Только все равно опоздал, их уже не было.

— Кого?

— Аркашки, Тимы и Данилки... Понимаешь, они разъехались по разным городам.

— Все враз? — удивился Алешка.

— Я и сам не думал, что так может быть, — грустно сказал Летчик. — Все враз. У Аркашки отца перевели работать на стройку в Голубые Холмы, Тимкиных родителей пригласили в новый театр, в Ясноград, — они артисты. А Данилку мама увезла в деревню.

Маленький летчик Антошка помолчал и стукнул кулаком по коленке.

— Нет, если бы я только знал!..

— А что бы ты сделал? — спросил Алешка. — Ну, не уехал бы в лагерь. А ребят-то все равно бы увезли.

Антошка покачал головой.

— Ни за что! Мы бы что-нибудь придумали. Просто взялись бы за руки, и никто бы нас не расцепил. Когда мы вместе, мы все могли. А тут... Это я во всем виноват...

Алешке показалось, что Летчик сейчас заплачет, и он торопливо сказал:

— Ну что ты! Не так уж ты виноват.

Антошка глянул на него и вдруг задумчиво проговорил:

— Я знаю, что не так уж... Потому что потом я сделал все, что мог.

Потеряв друзей, Антошка понял, что бесполезно лить слезы. Хотя иногда они сами щипали глаза. Антошка очень тосковал по Данилке, Тиме и Аркашке, но у разных людей и тоска бывает разная. Одни просто сидят и готовы протяжно выть на луну, а другие ищут выход. Антон стал искать.

И Голубые Холмы, и Ясноград, и Данилкина деревня далеко от Колокольцева. Пешком вообще не дойдешь, на поезде ехать — очень долго. Антошка понял, что нужен самолет. И конечно, не простой самолет, на котором летают пассажиры с билетами. На

нем ведь не будешь летать каждый день туда и обратно. К тому же рядом с Данилкиной деревней нет аэродрома.

Нужен был свой самолет: легкий, быстрый и маленький. Такой, чтобы мог приземлиться на заросшем пустыре, где лежала ребячья Антарктида.

Самолет — не морковка, его не вырастишь на грядке. И не купишь в магазине, если даже всю жизнь будешь экономить на мороженом. Поэтому Антошка открыл папин шкаф и вытащил свернутые в трубки чертежи.

Антошкин отец — Иван Федорович Топольков — руководил в Доме пионеров кружком авиамоделлистов. И маленькому сыну он иногда старался объяснить, что такое элероны, шасси, фюзеляж и угол атаки. Но Антошка до той поры не очень интересовался авиацией. А теперь пришлось.

Он выбрал чертеж самой красивой модели. Но все-таки это была модель, а не настоящий самолет. И Антон аккуратно, черной тушью, ко всем числам, где обозначались размеры, приписал ноль. Размах крыльев оказался уже не метр, а десять метров, длина фюзеляжа стала не шестьдесят сантиметров, а в десять раз больше. Над фюзеляжем Антошка старательно начертил прозрачный колпак кабины.

Обманывать, конечно, нехорошо. Антон это прекрасно понимал. Но что было делать? К тому же Антон считал, что его тоже обманули, когда не написали в лагерь про отъезд друзей.

Антошкин отец был в командировке, и занятия в кружке вел староста Сеня Лапочкин, девятиклассник.

Антошка принес чертеж в Дом пионеров и отдал Сене.

— Вот... Папа велел начать строить, пока он ездит по делам.

Сеня развернул лист и свистнул:

— Это же целый Ту-104, а не модель. Зачем такая громадина?

— Я не знаю... — Антон пожал плечами и покраснел. — Не знаю точно... Кажется, папа говорил, что этот самолет понесут впереди колонны на физкультурном параде.

— Гм... — сказал Сеня. — Оригинальная идея. Только я не понимаю, зачем тут настоящий мотор.

— Ну... наверно, чтобы пропеллер крутился по-настоящему.

— И кабина. Даже два сиденья...

— А это... — Антошка покраснел еще сильнее, — это потому, что папа обещал и меня посадить в самолет, когда будет парад.

Сеня поскреб затылок и поправил очки на длинном носу.

— Ну что ж!.. Ребята! Смотрите, какой заказ от Ивана Федоровича! Справимся?

Пришли ребята, большие и серьезные. Посмотрели и сказали, что справятся.

Самолет строили во дворе. Потому что если построить в комнате, то ни в окно, ни в дверь не вытащить, а разламывать стену директор Дома пионеров не разрешит. Антошка все дни крутился рядом и смотрел, как идет работа, а по вечерам, в постели, мечтал о полетах и встрече с друзьями. Перед сном он тыкался носом в подушку и шептал:

— Спокойной ночи, Тима; спокойной ночи, Аркашка; спокойной ночи, Данилка. Не грустите. Скоро я за вами прилечу.

Корпус и крылья самолета собрали из твердых реек и обтянули серебристой пленкой. Мотор и колеса взяли от старого мотороллера. Когда первый раз испытывали пропеллер, по двору помчался шелестящий ветер и самолет приподнялся на пружинистом шасси.

— Как бы совсем не улетел,— сказал Сеня. И у Антона застучало сердце.

Перед самым физкультурным праздником вернулся из командировки Иван Федорович Топольков. Он очень удивился, когда увидел во дворе Дома пионеров серебристый самолет. Ребята показали ему чертеж. Антошкины нули были написаны аккуратно, и отец ни о чем не догадался. Решил, что сам перепутал размеры, когда писал числа. Он побранил себя за рассеянность, но огорчаться не стал. В самом деле, было совсем неплохо вынести такую крылатую громадину на парад и удивить весь город!

А будущий летчик Антошка Топольков очень волновался. Не надо думать, будто он боялся полета! Он боялся, что не сумеет взлететь. Ведь поднять в воздух самолет можно было только во время парада, когда колонна выйдет на площадь. Со двора не взлетишь: кругом заборы, а сверху провода.

Но утром, перед началом парада, Антон сжал зубы и приказал себе не волноваться. Он знал, что, если будет нервничать, у него ничего не получится.

Самолет был такой легкий, что его подняли и понесли всего двенадцать человек. Правда, это были здоровые ребята-старшеклассники.

Антошка покачивался в кресле и трогал ручку газа. Сеня сказал ему в самом начале: «Когда подойдем к площади, поверни рукоятку. Но не сильно, только чтобы винт завертелся».

Полоскались по ветру большие разноцветные флаги, играли сверкающие трубы, бухали барабаны. Площадь приближалась.

Антошка поставил ноги на педали, правую ладонь положил на ручку управления, левую — на рукоятку газа. На секунду ему стало страшно. Однако он представил, как удивится Аркашка и обрадуются Тима, как засмеется Данилка, когда он прилетит к ним. И страх ушел. Антон опустил прозрачный колпак кабины. Дома расступились, и впереди открылся простор. Антон слегка повернул рукоять.

Ф-р-р-р!..— пропеллер рванулся, зашумел, как большой вентилятор. «Давай»,— приказал себе Антон и еще на пол-оборота повернул рукоять. Самолет приподнялся и задрожал.

— Эй-эй!— закричали снизу.— Кончай!

— Сейчас,— сказал Антошка и нажал еще.

Самолет рванулся, срезал кончиком крыла большую связку воздушных шаров над колоннами и на бреющем полете пошел над головами. Антон потянул на себя ручку управления. Площадь стала быстро и плавно уходить вниз. Антон, конечно, не слышал криков. Он только видел, как люди машут руками. Они, наверно, решили, что полет подготовлен специально ради праздника.

«Ох и будет мне дома!» — мельком подумал Антошка и тут же забыл про это.

Вверху распахивалось праздничное темно-синее небо. Земля стала громадной и теряла свои края в дальних-дальних туманах. Где-то на севере за туманами лежали Голубые Холмы, и Антошка повернул самолет. Он делал все так, как читал в книжках про летчиков. И самолет слушался, нисколько не капризничал.

— Хорошая ты моя стрекозка...— сказал ему Антошка.

Самолет летел над северной окраиной Колокольцева. Антошка увидел свой дом, школу, пруд, где мальчишки ловили окуней, белую башню музея со старинными часами. А за крайней улицей начиналось зеленое поле Антарктиды.

И вдруг отказал мотор.

Он стал работать все тише, тише, взмахи пропеллера сделались редкими, словно кто-то перед кабиной вскидывал руки, прося о помощи. В баке кончилось горючее: ведь никто не гото-

вил машину для дальнего полета, а сам Антошка не подумал об этом.

Самолет клюнул носом и пошел к земле.

Антошка не испугался. То есть он испугался, но не того, что разобьется, а что сейчас у него отберут самолет и никогда-никогда он уже не полетит к ребятам.

Он довольно легко посадил свою послушную машину на пустырь. Под крыльями зашелестел бурьян, и стало тихо. Совсем тихо. Антошка прислонился лбом к холодному щитку с приборами и долго так сидел. Потом он услышал крики.

Это кричали испуганные люди. Они топтали заросли Антарктиды и спешили к самолету. Среди них был Антошкин папа, директор Дома пионеров и завуч Антошкиной школы Вера Северьяновна Холодильникова. Впереди всех бежал милиционер. Он дул в свисток.

Антон вылез из кабины, опустил голову и стал ждать грозных слов, упреков и наказания.

— Негодный мальчишка! — сказал запыхавшийся отец. — Ты меня чуть-чуть не довел до инфаркта.

И это была правда.

— Это всем известный Топольков. Первый нарушитель дисциплины в третьем «Б», — грозным голосом произнесла Вера Северьяновна.

И это была неправда.

А милиционер стал доставать из сумки блокнот и авторучку. И это было очень неприятно.

И вдруг совсем рядом появился высокий строгий человек в голубой форме и белой фуражке. (Антошка так никогда и не понял, откуда он взялся.) Человек осторожно притянул к себе Антошку за локоть и негромко сказал:

— Очень прошу вас, граждане, успокойтесь. И не трогайте мальчика. Он находится под охраной Сказки.

— А потом? — спросил Алешка, потому что Летчик замолчал.

— Потом привел меня этот человек в большую комнату. Там разные карты на стенах и всякие приборы. Посадил меня в кресло и спрашивает: «Яблоко хочешь?» Я подумал и говорю: «Хочу». Потому что правда есть захотелось. Стал я жевать яблоко, а он говорит: «Есть одно дело, Антон. Очень серьезное. Заболела маленькая девочка, умереть может. Была она дома одна и съела

что-то такое, что есть нельзя. А что именно, никто не знает, и врач не может понять, от чего ее лечить. Надо помочь».

Я, конечно, молчу, потому что я ведь тоже не врач. А он опять говорит: «Была там рядом с девочкой плюшевая обезьяна. Она все видела, но ведь говорить-то она не умеет. Понял меня?»

А я ничего не понял. Он стал объяснять, что далеко на северо-западе есть волшебный лес и там живет колдун, который умеет разговаривать с игрушками. Спрашивает меня: «Сможешь отвезти туда обезьяну, чтобы колдун поговорил с ней?»

Он спросил у Антона:

— Сможешь?— и очень серьезно посмотрел ему в глаза.— Не боишься?

Антошка не боялся полета и не очень боялся колдуна. Он только удивился:

— Разве нет взрослых летчиков?

Человек в голубой форме усмехнулся:

— Видишь ли... Чтобы лететь в сказочный лес, надо сначала поверить, что он есть на свете. Никто из взрослых летчиков не верит в сказки.

— Вы думаете, я верю?— сказал Антошка.

— Я знаю. Иначе ты с друзьями не придумал бы свою Антарктиду.

— Хорошо,— сказал Антошка и больше не стал спорить. Вдруг девчонка и в самом деле умрет? Тогда уж никакие сказки не помогут.

Он посадил на заднее сиденье плюшевую одноглазую обезьяну. Механики залили бак горючим. И Антошка отправился в свой второй полет.

— Нашел колдуна?— спросил Алешка.

— Да не понадобился колдун. Эта обезьяна заговорила прямо в самолете.

— Сама?!

— Ну да. Сказала, что девчонка съела два тюбика крема для бритья и ее обезьяний стеклянный глаз.

— Вылечили?

— Конечно... Только мне тут же пришлось лететь на Темное озеро. Там в подводной школе у русалок дырка в крыше появилась, и они требовали водолаза.

— Ну и как они, русалки-то?...— поеживаясь, спросил Алешка.
— Да как все девчонки. Хихикают да кривляются. Еще хуже Красных Шапочек.

— Не щекотали?

— Я бы им пощекотал! Я на всякий случай вот такую палку взял...

— А дальше?— сказал Алешка.

— Дальше? Главный Диспетчер записал меня в список летчиков. Сказал, что буду летать по Особым Поручениям, потому что опыт у меня уже есть и машина надежная... Выдали планшетку. Форму сшили, только я ее не люблю: суконная, колючая, воротник шею надирает, как терка...

— Ты рад, что стал летчиком?

Антон пожал плечами. Потом улыбнулся:

— Как когда... Один раз у нас контрольная по математике, а я— ни бум-бум. И вдруг дежурный в дверь кричит: «Тополькова к директору!» А там— пакет от Главного Диспетчера: срочно в полет. Здорово получилось. Только Вера Северьяновна ворчала.

— А ты, значит, круглый год летаешь, не только летом?

— Круглый год... Но когда прилетаешь в Сказку, там почти всегда лето. Видишь, я поэтому и загорелый.— Летчик засмеялся и вскочил.

— Подожди,— осторожно сказал Алешка.— А самое главное? Ты летал к ребятам?

Антошка перестал смеяться.

— Летал...

Глава десятая

Вот что было.

Он прилетел в Голубые Холмы и разыскал Аркашку. Круглое Аркашкино лицо расплылось в улыбке.

— Ух ты! Антон! Ты насовсем или в гости?

— Я за тобой,— сказал Антошка — Летим к ребятам. У меня самолет. Настоящий, честное слово!

Аркашка вроде бы не очень удивился.

— А откуда? В Доме пионеров построили? А у нас в техническом кружке роботов делают. Хочешь, покажу?

— Потом,— сказал Антон.— Аркашка... Ну, ты что? Давай скорее полетим к Тимке и Данилке.

Аркашка вздохнул:

— Понимаешь, у меня в два часа занятия в кружке.

— Аркашка...— тихо сказал Антон.— А как же Антарктида?

Аркашка еще раз вздохнул и посмотрел на часы.

— Знаешь что? Ты слетай сначала к Тимке. Договорись с ним, а потом прилетите за мной.

— Ну что ж...— сказал Антон.

Тима играл на скрипке. Музыка доносилась из окна. Еще изда- лека слышно было, как хорошо Тима играет.

Он увидел в дверях Антона, опустил смычок и тихо спросил:

— Антошка... это по правде ты?

— Хочешь вернуться в Антарктиду?— сказал Антон.— У меня есть самолет. Честное слово.

Тима посмотрел на него, потом на скрипку.

— А ее можно взять с собой? С ней ничего не случится на высоте?

— Мы ее завернем. И я полечу осторожно,— сказал Антон.

И тут в комнату вошел знаменитый Тимин папа.

— Антоша,— сказал он,— я могу поговорить с тобой как муж- чина с женщиной? С глазу на глаз.

— Конечно, дядя Витя,— сказал Антошка.

Они вышли в коридор. Дядя Витя взволнованно поправил на круглом животе подтяжки и заговорил:

— Видишь ли... Я тоже понимаю, что такое дружба. Что такое любимые места, любимые игры и так далее. Да... Но Тима так увлечен музыкой. У него успехи. Он играл уже в настоящем кон- церте. Он не может отвлекаться. Занятия музыкой требуют еже- дневного труда.

Антошке захотелось заплакать, но он сдержался и сказал:

— Ну что ж....

— Мы всегда будем рады тебя видеть!— крикнул ему вслед Тимин папа.

Антон посадил свой самолет на лужайке за деревенскими ого- родами. Расспросил мальчишек и нашел Данилкин дом.

Данилка сидел на крыльце и лепил из глины веселого боль- шого крокодила. Антошка не успел ничего сказать. Данилка встал, быстро обернулся, будто его окликнули. Он улыбнул-

ся только чуть-чуть, но глаза у него и даже веснушки просто засияли.

— Ну вот,— сказал он.— Я ведь всем говорил. Я знал, честное-честное слово, знал, что ты приедешь. Даже мама не верила, а я все равно знал... Ты на чем?

— На самолете... Нет, правда! Я не шучу, Данилка, не думай. Есть маленький самолет. Летим в Антарктиду!

Данилка все еще улыбался, но уже не весело.

— Если на самолете, мне нельзя,— сказал он.— Не разрешат.

— Но это совсем безопасный самолет!

— Не в этом дело. Врач не разрешит. Оказывается, у меня сердце... Ну, болезнь какая-то привязалась. Поэтому и в деревню переехали, здесь спокойней. Мне даже бегать не дают, а на высоту и совсем нельзя. Если буду режим нарушать, придется операцию делать. Я операции не боюсь, да мама ужасно беспокоится.

Что тут скажешь? Если остановится сердце, не поможет никакая сказка. И Антошка, изо всех сил стараясь улыбаться, сказал:

— Ты не горюй. Я буду прилетать. Часто.

Он прилетал. И к Данилке, и к Аркашке, и к Тиме. И все ему были рады. Но появились у ребят там, на новых местах, новые друзья — те, что всегда близко, рядом. А летчик Антошка Топольков долго быть рядом не мог. Потому что были на свете Особые Поручения.

— Вот так и летаю,— сказал он Алешке.— Уже целый год. Заповедные леса, тридевятые царства...

— Интересно, да?

— Бывает интересно. Бывает даже страшно, а иногда весело... Только все равно...

— Что все равно?

— Ну, понимаешь... не нужны никакие волшебные страны, если ты один. Скучно в них одному.

— Почему же ты один?— возразил Алешка.— Ты же всегда летишь с пассажиром.

— Ну и что? Пассажир долетит до места и уйдет. У каждого своя сказка, своя дорога. Я по чужим сказкам летаю, а своей у меня вроде бы и нет. Кончилась.

— Ты думаешь, кончилась?

— Конечно. Антарктиды уже нет, ребят я не собрал... А ведь самая хорошая сказка, когда находишь друга.

— Это верно,— сказал Алешка.— Знаешь что, Летчик? Тебе нужен второй пилот.

— Нет,— сказал Летчик.— Пилот ни к чему. Для него второе кресло нужно, а куда пассажира усаживать? Вот если бы такой человек был рядом, как Данилка... или как Тима... Ну, или вообще... такой человек, чтобы он рядом мог быть или даже в одном кресле... Нам бы тесно не было. Главное, чтобы вместе...

— Я понимаю,— сказал Алешка.

Он понимал. Но солнце стояло уже невысоко, а у Алешки была своя сказка, своя дорога. И чтобы напомнить об этом Летчику, он осторожно спросил:

— Обратно я тоже с тобой полечу? Или как?

— Обратно на поезде,— сказал Летчик.— Так полагается. Удобнее и проще получится, вот увидишь... Ну, поехали.

Они летели, пока солнце не ушло за горизонт. Небо оставалось еще светлым, а земля укрылась в сумерках.

Летчик посадил самолет в большом поле. Алешка выпрыгнул из кабины. Трава была с мягкими листьями и шелковистыми метелками. Пахло теплой землей, травяным соком и почему-то молоком.

На западе желтел над верхушками трав неяркий закат. Повыше заката, в зеленоватой полоске неба, висела половинка луны. Она была выпуклая, ноздреватая и, кажется, пахла, как свежая горбушка. Выше луны-горбушки небо становилось сиреневым, и в нем проглядывали звезды.

Летчик тоже прыгнул из кабины и встал рядом с Алешкой.

— Ну вот,— негромко сказал он.— Теперь уж совсем прилетели... Ты иди прямо на закат. Сначала будет просто трава, потом тропинка, а дальше — дорога. Пойдешь по ней и увидишь город. Это недалеко.

— Спасибо, Летчик,— сказал Алешка. Он почему-то чувствовал себя слегка виноватым и стеснялся взглянуть Антошке в лицо. Но все-таки взглянул.

В Антошкиных глазах золотыми точками отражались половинки луны.

— Прощай, Летчик,— тихо сказал Алешка и взял в руки

маленькую Антошкину ладонь. Ладонь была твердая и теплая.

— Прощай...— сказал Летчик и опустил глаза.

Было неловко просто так уходить. Алешка вздохнул и спросил:

— Сейчас полетишь обратно?

Летчик покачал головой.

— Нет. Я здесь посижу. До утра.

Он отошел от Алешки и сел у маленького колеса. Прислонился спиной к пухлой шине.

— Зачем?— встревоженно спросил Алешка.

— Ну, просто так. Вдруг кто-нибудь придет. Какой-нибудь пассажир.

— Тебя Диспетчер потеряет.

— Он не потеряет, он привык. Я не люблю летать один.

— Летчик...— нерешительно сказал Алешка.— А мне, значит, никак нельзя с тобой обратно лететь?

— Нет. Понимаешь, не нужно рисковать. Твой путь на этом самолете по Зеленому билету кончился. Если полетишь опять, закрутят, заматают нас всякие дела, неизвестные маршруты. Может, на неделю, может, на месяц. А может, и насовсем. А тебе ведь некогда, у тебя своя дорога.

— Да,— сказал Алешка и выпрямился. Он вспомнил. И про-
изнес решительно:— Я пойду.

— Конечно. Пора,— сказал Летчик.

И все же Алешка еще не ушел. Спросил:

— А ничего, что ты здесь один? Ночь ведь...

— Ну что ты,— сказал Летчик.— Ничего со мной не случится. Я под охраной Сказки.

— Сказка сказкой, а ночью все равно холодно,— ворчливо заметил Алешка.— Ты возьми-ка мою куртку. С ней хорошо, она походная.

— Да не надо! Тебе же дома влетит.

— Ни капельки мне не влетит, даже не думай!

Алешка скинул с плеча куртку и набросил на Летчика. Тот сидел съжившись, и куртка накрыла его всего — от плеч до сандалий.

— Спасибо,— сказал Летчик.— Ну, ты уж иди. Скоро совсем стемнеет.

Он протянул из-под куртки руку. Алешка еще раз пожал его

твердую ладонь, повернулся и пошел среди темной шелестящей травы. А когда оглянулся, за травой не видно было ни Летчика, ни самолета.

Глава одиннадцатая

Алешка и в самом деле вскоре вышел на тропинку, а затем на проселочную дорогу. Она вела прямо на закат. Там, на желтой полоске неба, проступали черные крыши и башни.

«Хоть бы успеть до закрытия музея»,— подумал Алешка.

И тут дорогу ему перешел черный кот.

Кот был большой. И шел не как все коты, а на задних лапах. Передние лапы он заложил за спину и шагал не торопясь, будто размышляя на ходу. Голова у кота была опущена, а хвост загнут вопросительным знаком.

Алешка вообще-то не верил в приметы, но тут он остановился и от досады плюнул.

И кот остановился. Глянул через плечо на Алешку и капризным тонким голосом сказал:

— Боже мой, как вы все мне надоели!

— Кто?— обалдело спросил Алешка.

— Все,— решительно сказал кот.— Те, кто плюются и ругаются, когда меня видят.

Алешка смутился.

— Это я просто так плюнул,— пробормотал он.— При чем здесь ты?

Но кот не поверил.

— Вот засунуть бы тебя в мою шкуру,— обиженно сказал он.— В эту самую шкуру, черную и лохматую. Тогда бы узнал...

Кот вдруг уселся на краю дороги, задней лапой почесал за ухом и уже спокойно продолжал:

— Куда ни сунешься— везде дороги. Улицы, тротуары, тропинки, аллеи, лестницы. И везде люди. Куда ни пойдешь, обязательно у кого-нибудь поперек дороги окажешься. И каждый шипит на тебя, как змея... Только в Ветрогорске и отдохнул немного.

— Отдохнул? Почему?

— Я там целую неделю прожил. В пустой бочке, на берегу. Хороший город, никто не ругается. Даже собаки не пристают.

— А зачем ушел? — удивился Алешка.

Кот горестно засопел.

— Не нашел я там подходящей сапожной мастерской... Хочу сапоги заказать, а никто не берется. Говорят: таких маленьких колодок нет... Ходил в кукольную мастерскую, а там сапоги не шьют. Всякие башмачки и туфельки — пожалуйста. Или даже босоножки. А зачем они мне? Мне сапоги нужны. Красные, с отворотами.

— Для чего тебе сапоги? — опять удивился Алешка.

Тогда удивился и кот.

— Ты что, неграмотный? Сказку про Кота в сапогах не знаешь? Даже кино такое есть.

— Сказку я знаю, — слегка обиделся Алешка. — Да она ведь не про всякого кота. Ты думаешь, надел сапоги — сразу стал Котом в сапогах?

Алешка думал, что кот рассердится. Но он опять задумчиво поскреб за ухом и сказал:

— А что ж... Тот кот был тоже обыкновенный, пока сапоги не раздобыл. Ничем не лучше других... Дело в том, что, если кот гуляет в сапогах, на него больше внимания обращают. Авторитет повышается. И легче отыскать своего маркиза Карабаса. Помнишь, как в кино? Он подружился с Жаном, который потом сделался маркизом Карабасом.

— Значит, ты ищешь маркиза? — спросил Алешка чуть насмешливо.

Кот вздохнул протяжно и невесело:

— Не обязательно маркиза. По правде говоря, хоть кого. Лишь бы одному не мыкаться.

«Бедняга, — подумал Алешка. — Видно, не сладко ему, хоть и страна сказочная, и сам он говорящий».

А кот словно угадал его мысли. Жалобно глянул зелеными глазами и спросил:

— Тебе попутчик не нужен? Я тут все места знаю. Такие могут быть приключения — пальчики оближешь.

Конечно, было бы здорово вернуться домой с говорящим котом. Но Алешка вспомнил, что мамы нет дома, а тетя Даша терпеть не может кошек. А не познакомить ли кота с Софьей Александровной?

«Нет, — подумал Алешка. — У него характер слишком самостоятельный. Не уживется он там с ее Кузями и Батончиками».

— Понимаешь...— смущенно начал он.

— Да понимаю,— перебил кот.— У каждого свои заботы. Я и не обижаюсь. Только, если плюются вслед, зло берет. Куда деваться-то? Не могу же я по воздуху летать...

— По воздуху?— переспросил Алешка. И обрадовался неожиданной догадке.— Слушай, котик! Ты иди сейчас вон туда, все прямо. Там среди травы стоит маленький самолет, а у самолета сидит мальчик. Это не просто мальчик, а Летчик. Ему очень скучно летать одному. Ты скажи, что ищешь товарища. Он будет рад.

— Ты думаешь?— спросил кот и даже задрожал от волнения.— Он меня возьмет?

— По-моему, возьмет. Тебе ведь кресла отдельного не надо, ты маленький.

— Конечно! Я могу совсем в клубочек свернуться! Спасибо! Я побежал!

Кот опустил на четыре лапы, взмахнул хвостом и черной молнией метнулся в траву. Будто и не было его. Только верхушки травы качнулись.

Алешка посмотрел ему вслед и зашагал к Ветрогорску. Несколько минут он чувствовал непонятную досаду: словно что-то сделал не так. Но потом стал думать о клипере и забыл обо всем остальном.

Ветрогорск начался маленькой улицей, заросшей узловатыми вязами и дубами. Домов в сумерках почти не было видно. В башенках и верхних этажах светились окна. Этот свет сквозь листья падал на выпуклую булыжную мостовую и блестел на камнях, как на чешуе громадной рыбы. А небо стало совсем ночным, темно-синим.

Улица оказалась длинной. Она тянулась между заросших откосов, над которыми дрожали огоньки, выскакивала на горбатые мостики. Под мостиками журчала вода и горланили лягушки.

Алешка вышел наконец на маленькую круглую площадь. Там горели фонарики. Посреди площади стояла большая белая статуя рыбака. Рыбак сжимал в руке обломок весла, а на плече держал рыбу, похожую на акулу. Кругом были дома с балконами, галереями и лесенками. Прозвенел и укатил в темную щель переулка открытый трамвайчик со смеющимися пассажирами.

Из переулков долетал соленый полужнакомый запах. На зюйд-вестке каменного рыбака, на светлых стенах верхних этажей рав-

номерно зажигались и гасли отблески желтого света. И Алешка понял, что это свет маяка, а пахнет морем.

Алешка оглянулся: у кого узнать дорогу к Корабельному музею? Прохожих было немного. Но сзади вдруг послышался веселый шум, и Алешку окружила компания мальчишек.

Алешка струхнул в первую секунду, но тут же увидел, что нечего бояться. Мальчишки были очень дружелюбные. Один из них, темноволосый, тонкий и высокий, сказал Алешке, будто знакомому:

— Пойдем с нами! Мы идем искать говорящего дельфина Степку. Он знает, где затонул старый пароход «Везувий» с елочными игрушками. Говорят, Степка сегодня ночует в Желтой бухте. Идем! У нас как раз не хватает в команде одного человека.

— Да хотя бы и хватало! Все равно пойдем! — вмешался круглоголовый малыш в широченных штанах до пят и тельняшке. У него были крупные, как копейки, веснушки и не было двух зубов. — Пойдем, — повторил он. — Степка нас покатает. Он знаешь как носится!

Он шепелявил, и поэтому получилось: «Штепка наш покатает. Он жнаешь как ношитша!»

Остальные засмеялись, но ни капельки не обидно, а высокий опять сказал:

— Сегодня такой вечер. Обязательно будет какое-нибудь приключение.

Многие из ребят были с веслами, а двое держали на плечах брезент, намотанный на длинный брус. Алешка догадался, что это парус.

— Ребята, — сказал он, — я не могу. Спасибо. Но я правда не могу, честное слово. У меня такое важное дело, а времени совсем нет.

Они не обиделись, но огорчились. И малыш в тельняшке сказал:

— Штрашно жалко.

Алешка спросил ребят, как добраться до Корабельного музея, и они тут же объяснили, что «сперва вон в тот переулок, потом через большой сад, потом через дырку в изгороди, и там сразу увидишь».

Сад был похож на заповедный лес, дорожка заросла ползучими травами. Проносились летучие мыши. Над лужайками, словно стаи бабочек, металась зеленые огоньки. Мелькнуло жел-

тое окошко с переплетом крест-накрест. Кто-то шагал за Алешкой следом. По сторонам раздавался иногда треск ветвей. Вдруг ударили два выстрела, и веселый голос крикнул: «Мимо, гражданин Кривая Акула! Теперь моя очередь!» Потом зазвенел колокольчик.

Несколько раз Алешку окликали: «Мальчик, постой! Мальчик, хочешь с нами?» Но он не отвечал и не замедлял шагов. Он чувствовал, что если оглянется, то его обязательно окружит, отвлечет от главной дороги какая-нибудь сказка.

Алешка добрался наконец до изгороди, нашел дыру и вылез на каменный тротуар.

Музей он увидел сразу. Это был старинный дом, похожий на большую церковь, только без куполов. Над фасадом поднималась настоящая корабельная мачта с огоньками. Окна музея светились.

Алешка перебежал улицу и поднялся на крыльцо.

Двери были очень высокие. Дубовые. Их украшали вырезанные из дерева парусные корабли и медные ручки в виде скрещенных якорей.

Алешка был уверен, что двери прочно заперты. Но все же он ухватился за медный якорь и потянул. Дверь тяжело и бесшумно отошла. Узкая полоса света легла на крыльцо.

«Наверно, забыли запереть»,— подумал Алешка.

Что ему было делать? Не затем же он плыл и летел сюда, чтобы сейчас отступить.

Алешка приоткрыл дверь пошире и проскользнул внутрь.

Он оказался в вестибюле, неярко освещенном большими узорчатыми фонарями. Сразу было видно, что фонари эти — от старинных кораблей. Справа лежал у стены громадный черный якорь. Под его великанской лапой спал серый щенок. Он дернул ухом, но не проснулся.

Слева была лестница, она полукругом уходила в высоту, за фонари. Вместо перил по сторонам ее были натянуты морские канаты. Толщиной почти с Алешку. Они провисали от тяжести.

Внизу у лестницы смутно белела скульптура. Алешка подошел. Он увидел, что это гипсовый мальчик на сером валуне. Мальчик, видимо, выбрался из воды. Он стоял на одном колене и держал выловленную в море бутылку. Бутылка была настоящая. Сквозь неровное зеленоватое стекло внутри ее был виден трехмачтовый кораблик.

Гипсовый мальчик задумчиво разглядывал бутылку. Может быть, он хотел догадаться, как этот крошечный фрегат попал туда? А может быть, наоборот, думал, как его вызволить из плена, не разбивая старую и таинственную бутылку?

«Он тоже охотился за корабликом,— подумал Алешка.— Как я». Но мальчик не был похож на Алешку. Скорее, он походил на Летчика.

Алешка стал подниматься по лестнице. Над ней висели громадные корабельные флаги всех стран и всех времен. Один флаг мягко коснулся Алешкиного плеча.

Впереди посветлело. Лестница сделала плавный поворот и привела Алешку в высокий зал. Здесь на стенах висели темные картины. На них смутно проступали паруса. Тускло золотились рамы.

А внизу, у стен, стояли дубовые коричневые штурвалы, большие медные компасы на лакированных подставках, горами лежали спасательные круги с русскими и нерусскими буквами названий.

В простенке между узких решетчатых окон Алешка увидел витрину. За стеклом лежали бутылки: маленькие и большие, круглые и граненые, прозрачные и темные. С цветным воском на горлышках. Рядом с бутылками разложены были полуистлевшие листки бумаги и лоскутки с едва заметными буквами. Наверно, эти бутылки с письмами были выловлены в море. В письмах говорилось, конечно, о кораблекрушениях и кладках.

Над витриной висел могучий медный колокол с парусного корабля. На нем по ободу тянулись выпуклые буквы: «АЗИМУТЪ».

А еще Алешка увидел русалку (он даже вздрогнул). Но русалка была деревянная. Когда-то она украшала нос большого клипера, а сейчас поселилась в углу музейного зала, между шкафом с толстенными морскими книгами и медной корабельной пушкой.

В общем, все это было очень интересно. Только слишком уж тихо кругом. И Алешка чуть не подскочил, когда услышал позади мелкие шаги.

Это был щенок — тот, что спал недавно под якорем. Он посмотрел на Алешку и замахал хвостом, похожим на запятую. Алешка обрадовался: вдвоем веселее. А то уж очень таинственно и, по правде сказать, страшновато было в пустом музее.

Алешка прошел в другую комнату. Здесь не было такой

тишины. Отовсюду доносилось тиканье: тихое — как стрекот насекомых, громкое — как стук молоточков, звонкое — как дребезжание пружинок. Редкое и частое — вперемежку. Часы были повсюду: на стенах, за стеклами витрин, на подоконниках. Большие часы из кают-компаний и адмиральских гостиных, маленькие хронометры отважных штурманов. Бронзовые, фарфоровые, чугунные, косяные часы. В виде кораблей, маяков, штурвалов, спасательных кругов...

А за стеклами шкафов, среди рулонов пожелтевших карт, блестели медью подзорные трубы и непонятные инструменты.

«А где же модели?» — подумал Алешка.

Он обошел глобус-великан, опоясанный медными кольцами, и оказался в третьем зале. Щенок не отставал.

Здесь тоже не было моделей. На стенах висело оружие, а в углу улыбался... пират. Не настоящий. Пират был в зеленом камзоле, рыжих сапогах с отворотами и драной треугольной шляпе. Из-под шляпы виднелись концы пестрой косынки. За поясом, как и полагается, торчали рукоятки ножей и пистолетов. А в руке этот разбойник сжимал ятаган, похожий на кривую пилу-ножовку.

Рожа у пирата была... ну в общем, самая пиратская, хотя и с улыбкой.

«Попадись такому на темной улице...» — подумал Алешка.

Щенку пират, видимо, тоже не нравился. Щенок припал на передние лапы, неумело рыкнул и вдруг залился таким звонким лаем, что эхо раскатилось по всем этажам.

— Тихо ты, сумасшедший! — испугался Алешка.

Щенок перестал тявкать и хитро посмотрел на него.

Послышались шаги.

«Ну вот, — подумал Алешка, — влетит мне сейчас».

В дальнем углу открылась незаметная дверца. В зал шагнул высокий человек в синей куртке с морскими пуговицами.

«Ну, сейчас он мне даст...» — опять подумал Алешка.

Человек сказал:

— О, да здесь посетитель! Такой поздний гость. Видимо, тебе очень нравится в музее?

— Нравится... — нерешительно ответил Алешка. — Только я не очень рассматривал. Я пришел по делу.

— Вот как! По важному делу?

— Да.

- Ну, рассказывай.
- А вы... Значит, вы здесь работаете?
- Я — хранитель музея.

Глава двенадцатая

Почему Алешка не догадался сразу, что это — Хранитель?
А вот почему.

Он думал, что Хранитель — старый, седой, важный. С бородой. А этот был еще молодой. Стройный, сухощавый. Похожий на учителя физкультуры из Алешкиной школы, только повыше.

У Хранителя были удивительные глаза. Даже при неярком свете видно было, что это очень светлые глаза — как морская вода, пробитая солнечными лучами. И в них не было ни капельки строгости. Алешка перестал тревожиться.

— Значит, важное дело у тебя? — переспросил Хранитель.

— Да... Скажите, правда, что все модели кораблей, которые уплывают от хозяев или теряются, находят дорогу к вам?

Хранитель кивнул.

— Правда. Но только хорошие модели. Если их делают с любовью. Плохие гибнут в пути.

Алешка оглянулся.

— Но я смотрел, смотрел... тут нет ни одного кораблика...

— А они не здесь. Пойдем.

Хранитель взял Алешку за руку и повел.

За маленькой дверцей была винтовая лестница с медным поручнем и гулками железными ступеньками. Она уходила словно в глубокий колодец. У Алешки даже голова закружилась, когда они спускались.

Внизу была полукруглая дверь. Хранитель нажал на нее плечом и сказал:

— Входи.

В большом подвальном зале с могучими столбами и сводчатым потолком раскинулось корабельное царство. Сначала Алешка увидел громадные модели фрегатов — они были размером с настоящую шлюпку. Их трехметровые мачты почти касались больших судовых фонарей, которые на цепях висели под каменными сводами. За фрегатами тянулись столы и витрины с моделями поменьше. Среди бригантин и галеонов темнели узкие строгие

крейсера и эсминцы. Сквозь такелажную паутину брамсельных шхун и каравелл сверкали белой краской лайнеры и сухогрузы. Подводная лодка длиною с карандаш устроилась рядом с полутораметровым парусным корветом. Среди торосов из голубого стекла подымал могучий форштевень атомный ледокол. За ним пламенел крылатый парус малайского катамарана...

— Их тут, наверно, целая тысяча,— шепотом сказал Алешка.— Я и не думал, что их столько может быть на свете.

— На свете их гораздо больше,— отозвался Хранитель.— Но здесь собраны лучшие образцы малого флота.

Они медленно шли мимо витрин, тумбочек и полок с моделями. Шаги и голоса были приглушенными: стены из ноздреватого камня поглощали звуки. Хранитель неторопливо говорил:

— Малый флот живет на свете с тех же давних пор, что и большой. Когда человек выдолбил первую в мире лодку, он тут же сделал другую — маленькую. Может быть, он повесил ее над очагом, чтобы умиловить духов, а может быть, отдал играть сыну. Кто знает... Эти маленькие лодки сейчас находят в древних пещерах и курганах... Потом люди строили галеасы и каравеллы, и вместе с большими парусниками появлялись на свет другие, в сто раз меньшие. То же самое получилось с бригами и клиперами. А потом пришла очередь пароходов, стальных крейсеров, атомных кораблей... Старые корабли разрушались, гибли в бурях и боях, горели и разбивались о скалы. А их маленькие братья жили и жили... Скучные люди говорят: «Зачем все это? Игрушки. Пустая трата времени». Ничего они не понимают, мальчик...

У маленьких кораблей большая служба. В детях они будят мечты о дальних островах и синих заливах, о штормах и пассатах. Они приносят иногда кусочек моря в такие края, куда ни разу не залетал морской ветер. Маленький мальчик возьмет кораблик, проведет пальцем по вантам, качнет легонькие рей — и вот уже он не просто мальчик, а будущий штурман...

Маленькие корабли учат большому мужеству. Моряки с крейсеров и подводных лодок смотрят на модели боевых фрегатов и крепче помнят о грозной славе отцов и дедов...

А старым морякам эти модели дают радость и утешение. Они напоминают о прошлых плаваниях, о славных временах и не дают уснуть морской гордости в старых сердцах...

Вот так... А еще есть примета, что модели кораблей приносят удачу.

Ты слышал про такой обычай — в портовых тавернах обязательно висят под потолком кораблики? Морякам, которые засиделись на берегу, такой кораблик напоминает: пора в океан. А тем, кто далеко от своей земли, он словно говорит: «Не горюй, дружище! Крепкий и надежный корабль доставит тебя домой...»

Алешка слушал не перебивая. Все было очень интересно. Алешка подумал, что среди этих кораблей, в этом подвале, можно безвылазно прожить целый год и не соскучиться. Но он не мог жить здесь год, потому что завтра у Маши день рождения. И больше целого малого флота Алешку интересовал единственный кораблик: трехмачтовый клипер-фрегат с корпусом орехового цвета.

Хранитель вдруг замолчал. Внимательно взглянул на Алешку. Потом сказал:

— Заговорился я, извини. Какое же у тебя дело?

Алешка нерешительно вздохнул:

— Вообще-то долгая это история...

Хранитель, кажется, обрадовался:

— Долгая? Ну и отлично! Тогда пойдем.

Он привел Алешку в угол, отгороженный шкафами. Это была комнатка. Здесь горела обыкновенная лампа, стояли обыкновенные стул и стол. А еще был узкий клеенчатый диван: наверно, из каюты.

На столе Алешка увидел электроплитку и эмалированный чайник.

Хранитель включил плитку, поставил на нее чайник и сел на диван. Алешку посадил рядом.

— Ну, давай рассказывай.

Алешка никак не решался начать. От волнения он передернул плечами. А Хранитель забеспокоился:

— Холодно тебе? Тут у меня сыровато: подвал ниже уровня моря, вода кое-где просачивается сквозь стены. Вообще-то это не беда. Для кораблей морская влага только полезна. Я тоже привык. А вот ты как бы не продрог...

— Да нет,— сказал Алешка.— Это я так...

И стал рассказывать.

Про Софью Александровну, про ее шляпы и котов. Про клипер. И наконец, про Машу. А когда кончил, Хранитель смотрел на него серьезно и даже строго.

— Значит, хочешь подарить модель? — спросил Хранитель.
Алешка кивнул.

— Хорошая мысль... Но ведь дарить можно только свое. То, что сам сделал, или, скажем, купил, или заработал. А разве клипер твой?

— Ну... Все-таки Софья Александровна хотела подарить его мне...

— Хотела, но не успела.

— Да, но раз он уплыл, он стал ничей. А я пошел искать.

— Но не нашел.

— А разве он не здесь?

— Наверно, здесь, — сказал Хранитель. — В том-то и дело, что здесь, а не у тебя. Он сам выбрал сюда дорогу.

Алешка помолчал, потому что боялся заплакать от обиды. Потом тихо сказал:

— У вас здесь тысяча моделей. А мне нужна одна. Неужели вам жалко?

Хранитель пожал плечами:

— Если правду говорить, действительно жалко. Но не в этом дело. У нас в музее строгие правила. Не могу же я отдать модель, если нет у человека доказательств, что это его кораблик. Есть у тебя доказательства, что он должен быть твоим?

— Доказательства? Какие? Я же все рассказал... Только вот еще...

— Что?

Алешка зажмурился от смущения и выпалил с отчаянной решимостью:

— Я про этот клипер стихи написал!

— Стихи? — переспросил Хранитель и забарабанил пальцами по колену. — Стихи — это серьезное дело. Ну, прочти.

— Я... сейчас...

Читать сидя было неловко.

Алешка встал, прислонился к шкафу. Отвернул лицо и хрипловато начал:

— Жил-был старый корабельный мастер... В общем, это начало такое. А называются стихи «Песня о клипере».

Жил-был старый корабельный мастер,
Молчаливый, трубкою дымящий.
И однажды сделал он кораблик —
Маленький, но будто настоящий.

Был фрегат отделан весь, как чудо,—
От бизани до бушпритной сетки...
Но однажды старый мастер умер,
И корабль остался у соседки.—

Алешка передохнул и стал читать спокойнее:—

Что ж... Она его не обижала,
Пыль сдувала, под стеклом держала,
Только ей ни разу не приснился
Голос шквала или скрип штурвала.

Что ей море, якоря и пушки?
Что ей синий ветер оксана?
Куковала хриплая кукушка,
По стеклу ходили тараканы...—

Алешка вспомнил обшарпанные обои, маленькие окна, пронафта-
линенный комод в полутемном углу, и от жалости к кораблику
голос у него зазвенел:—

Среди шляпок, старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра,
Как он жил там—парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?..

Что он видел темными ночами,
Повернув бушприт к окну слепому?
Ветра ждал упрямо и отчаянно?
Или звал кого-нибудь на помощь?

И проснулись влажные зюйд-весты,
Закипели грозовые воды.
Сдвинули потоки домик с места,
Унесли кораблик на свободу.

Он уплыл по золотым рассветам,
По большим закатам ярко-красным.
Пусть его хранит капризный ветер
На пути далеком и опасном...

Вот...— сказал Алешка.— Это пока все. Конец я еще не придумал.

Хранитель посидел, не говоря ни слова, щелкнул пальцами, неторопливо поднялся.

— Что ж, Алеша... Конца ты еще и не знаешь. Потом его допишешь. Больше спорить не будем. Клипер твой.

Алешка молчал смущенно и обрадованно. Хранитель шагнул к столу, потрогал чайник.

— Согрелся. Давай поужинаем. Потом укладывайся. Переночуешь, а утром домой.

— Но я же могу опоздать!

— Вряд ли. Ну-ка, покажи билет... Нет, брат, с таким билетом никуда не опоздаешь. Садись к столу.

Алешка был очень голодный. Он съел две булки с колбасой и маслом, выпил три стакана сладкого чая. Навалилась на него ватная усталость. И только одна мысль беспокоила Алешку: «Где же кораблик?»

Хранитель принес и развернул раскладушку. Дал Алешке рыжее мохнатое одеяло.

— Ложись. Я сейчас...— и вышел.

Алешка лег. Над ним, высоко, было маленькое оконце, в которое смотрели две белые звезды. Пахло морем и мокрыми береговыми камнями—совсем не так, как обычно пахнет в подвалах.

Алешка зажмурился и сразу представил, что лежит он среди скал, у самой воды.

«А маленьким кораблям кажется, наверно, что они стоят в гавани»,—подумал Алешка.

Вернулся Хранитель. Он принес и поставил на стол модель клипера. Алешка благодарно улыбнулся.

— Послушай,—сказал Хранитель,—а ты уверен, что у Маши ему будет лучше, чем в музее? Здесь он среди кораблей. Свой среди своих. Днем сюда приходят сотни мальчишек и моряков. Они радовались бы, глядя на него... А Маша будет радоваться? Будет его любить?

— Будет.

— Ты уверен, что не ошибся?

— Я уверен.

— Ну, спи...

Глава тринадцатая

Солнечный луч был теплый и пушистый, как котенок. Он прыгнул в оконце и разбудил Алешку.

Хранителя не было. В углу стучали корабельные часы с медным ободком. Стрелки показывали семь.

Алешка вскочил.

Клипер стоял на столе. Рядом лежал Алешкин Зеленый билет. Красным карандашом твердыми буквами было написано на краю билета: «ЖЕЛАЮ УДАЧИ».

«Спасибо», — подумал Алешка.

Тут же лежала половинка батона, стоял на плитке теплый чайник. Но есть не хотелось. Алешка взял клипер и по длинному коридору вышел на улицу.

Улица лежала в тени. Она была старинная и такая узкая, что небо вверху казалось щелью. В этой синей неровной щели между острыми треугольниками крыш пролетали желтые облака. Очень маленькие и быстрые.

«Значит, вверху есть ветер, — подумал Алешка. — Но почему облака летят в разные стороны: одни туда, другие сюда, третьи вообще неизвестно куда?»

Небольшой ветерок пробежал по улице. Паруса у клипера надулись, и он потянулся вперед, будто улететь хотел. Но Алешка держал кораблик аккуратно и крепко.

Он шагал мимо серых и розовых домов, мимо крылатых каменных львов, под скрипучими жестяными вывесками и старыми фонарями. Вспомнил Алешка, что не спросил у Хранителя, как пройти на станцию, но не стал жалеть об этом. До сих пор дорога сама приводила его куда надо.

Улица была извилистая — за поворотом опять поворот, и все до́ма, до́ма... И вдруг Алешке показалось, что синяя щель неба упала до земли и надвое расколола город. Это в конце улицы сверкнуло море.

Алешка вздрогнул, постоял секунду и рванулся навстречу синему блеску. От встречного ветра паруса кораблика надулись в другую сторону, прижались к мачтам. Алешка думал, что улица приведет его на берег. Но когда кончились дома, между ними и морем легла площадь. На площади стояли башни.

И Алешка опять остановился. Ну, представьте себе такую картину: вверху громадное синее небо, впереди громадное синее море, у моря широкая-широкая площадь, а на площади — башни, будто собранные из сказок и морских романов. Они были очень разные: из серых глыб, из оранжевых кирпичей и даже из белого мрамора. Одни — глухие и суровые, как крепости, другие — праздничные, будто дворцы. То с зубцами наверху, то с острыми крышами, шпилями и флюгерами, с балконами и узорными окнами.

А некоторые из них были просто большие маячные башни. Вокруг одной из них от земли до самого верха винтом взбегала лестница с трубчатыми медными перилами. На верхней площадке башни стояла корабельная мачта.

Алешка так загляделся, что даже забыл про море. Он тихо пошел по площади и был как Гулливер, попавший в страну великанов. Великаны спали. На площади лежала тишина, только Алешкины шаги щелкали по плитам ракушечника да шумело море.

Квадратные плиты устилали площадь. В трещинах росла трава. Разная трава, но больше всего — жесткие высокие кустики с мелкими розовыми цветами. Башни стояли далеко друг от друга, каждая сама по себе. Алешка, запрокинув голову, обходил их одну за другой, и казалось, что башни чуть качаются. Блестели вверх линзы маячных фонарей, чернело кружево антенн. В разные стороны, пересекая друг другу путь, бежали облака. А внизу ветра не было. Только все громче делался набегающий шум.

И тут Алешка увидел, что совсем близко подошел к морю.

Крупные волны бежали к берегу — белые гривы на синих гребнях. Берег был низкий, и площадь лежала почти вровень с морем. Плиты с незаметным уклоном уходили в воду. Волны накатывались на них и разбегались далеко по площади. У могучих фундаментов башен, у маленьких дубовых дверей в каменных нишах закипали водовороты. Потом вода нехотя отступала — вся в длинных полосах угасающей пены. Водоросли застревали в трещинах плит, а принесенные на площадь крабы торопились назад, за убегающей водой.

Алешка пошел по мокрому ракушечнику. Накатившаяся волна залила его сандалии, замочила брюки.

«Надо бы подвернуть штаны», — подумал Алешка. Но не стал. Пришлось бы выпустить из ладоней клипер, а его могло унести водой.

Ближе всех к морю стояла серая башня-маяк. У нее было высокое крыльцо с перилами, похожими на поручни капитанского мостика. Худенький загорелый мальчик в красных плавках вышел на крыльцо. Он весело сощурился на солнце и с верхней ступеньки прыгнул на плиты. Волна тут же залила его ноги до колен. Потом она отбежала, а мальчик засмеялся и, шлепая босыми ногами по камням, пошел туда, где стоял Алешка.

Сначала он не видел Алешку. А потом заметил, остановился,

стал серьезным и подошел ближе. Глядя то на кораблик, то Алешке в лицо, он медленно сказал:

— Какой красивый...

Это он не с завистью сказал, а будто спрашивал Алешку: «Ты рад, что у тебя такой замечательный кораблик?»

— Да,— сказал Алешка.— Он всем нравится. Это клипер.

— Я знаю. Мне дедушка обещал сделать клипер, да все некогда ему. Ну я попрошу, чтобы поторопился.

Мальчик был ростом Алешке до плеча, но не казался маленьким. Он был, видимо, смелый и веселый мальчишка.

— А кто твой дедушка?— спросил Алешка.— Моряк?

— Он исследователь полуночного норд-веста.

— Хорошая работа,— с уважением сказал Алешка.— И вы с дедушкой живете в этой башне?

— Дедушка живет. А я прихожу к нему в гости. И ночью у него, когда хочу. Мы вместе встречаем ветер.

Он глянул на Алешку глазами, в которых отражалось море (ведь оно было рядом), и доверительно сказал:

— Знаешь, наш ветер совсем ручной. Где-то далеко он бури закручивает, а к нам прилетает добрый и спокойный...

— А что в других башнях? Там тоже исследователи живут?

— Конечно. Ведь у каждого свой ветер.

Все интереснее делалось Алешке, и он даже забыл, что надо спешить на вокзал. Он смотрел то на мальчика, то на башни и думал: «Так вот почему город называется Ветрогорск...» Но многое ему было непонятно.

— А как же...— начал он.— Ветры ведь разные. Они же прилетают со всех сторон. Разве они не сталкиваются над площадью?

Мальчик рассмеялся, но не обидно.

— Я сразу подумал, что ты нездешний. Потому что не знаешь. Ветры не сталкиваются. Видишь, у всех башен разная высота. И у каждого ветра своя высота, они ее знают. Ну, понимаешь, они как самолеты во время рейса. Каждый летит на своем уровне.

Он поднял прямые коричневые ладошки и плавно провел одну над другой:

— Вот так...

И сразу же, будто толчок какой, вспомнил Алешка Летчика.

Но тут под ноги опять подкатила волна. Алешка и мальчик отбежали подальше.

— Один раз меня краб за ногу тяпнул,— сказал мальчик.— Вот такой большущий... Можно, я подержу клипер?

— Подержи.

Мальчик взял его, покачал в ладонях.

— Совсем легонький. Его любой ветерок помчит.

— Да,— согласился Алешка.— Только здесь совсем нет никакого ветра.

— Ветры вверху,— объяснил мальчик, и они взглянули в небо.

Алешка сказал:

— Теперь я понимаю, почему облака над вашим городом бегут сразу во все стороны.

Мальчик отдал клипер и, весело глядя Алешке в лицо, признался:

— Мы с ребятами один раз устроили шуточку... Забрались на башню зимнего пассата и подняли антенну на такую же высоту, как флюгер на башне сирокко. Что было-о... Сирокко и пассат слетелись да ка-ак сцепились! Ну, как тигры. У пассата характер вообще-то нормальный, но сирокко — отчаянный злюка... Тут и началось! На море смерч, над городом гроза, с крыш листы летят, калитки хлопают... В школе нам потом здорово влетело от завуча...

— С завучами лучше не шутить,— сказал Алешка.— Им ведь ни до каких ветров дела нет, был бы порядок.

— Конечно,— рассеянно откликнулся мальчик и глянул на Алешку нерешительно.— А знаешь что? Ну, если ты только хочешь... Я ведь не знаю, интересно тебе или нет... Если тебе хочется, можно сегодня ночью встретить наш норд-вест. Ты не думай, дедушка разрешит, он добрый. Знаешь, что он придумал? Он приделал к окну старую водосточную трубу. Ветер влетает в окно, забирается в трубу и сразу начинает петь. Ему там нравится. Он поет всякие песни, которые слышал в разных странах... Хочешь послушать?

— Я очень хочу,— сказал Алешка.— Очень-очень. Но я не могу. У меня важное дело, и сейчас мне обязательно надо идти на вокзал. А потом ехать... Ты не знаешь, как добраться до вокзала?

Мальчик ответил:

— До вокзала? Знаю. Вон за той острой башней начинается переулок. Он как раз и ведет к вокзалу.

— Ну, тогда... прощай.

— Прощай,— сказал мальчик. Он постоял еще чуть-чуть, качнул

головой и пошел по мокрым плитам в море. Когда вода докатила ему до пояса, он обернулся, махнул Алешке рукой, потом прыгнул в волны и поплыл навстречу белым гребням.

— Да,— сказал Алешка,— жалко. Ну ничего...

Он вышел с площади в переулок и по нему добрался до вокзала.

Вокзал был маленький и уютный: кирпичный домик с жестяными кораблями на башенках, круглые часы с розой ветров на циферблате.

В справочном бюро Алешка узнал, что нужный поезд придет через сорок минут.

Алешка вышел на перрон и стал ждать.

Небо сделалось пасмурным, в станционном садике вздрагивали тополя. Это душный береговой ветер гнал к морю грозу.

На перроне было всего несколько пассажиров. К Алешке подошел пожилой моряк с квадратной золотой петлей и полосками на рукаве. Поглядел на клипер, на Алешку, вздохнул почему-то и спросил:

— Твой?

Алешка кивнул.

— Старинная работа,— сказал моряк.— Я о такой модели с детства мечтал.

Алешке стало неловко, будто он в чем-то виноват перед моряком. А тот потоптался рядом и смущенно проговорил:

— Слушай, мальчик. Он тебе очень нужен, этот фрегат?

— Конечно!— удивленно сказал Алешка.

Моряк опять вздохнул.

— Я знаю, деньги за такую вещь смешно предлагать. Но у меня есть штурвал красного дерева. С английского капера «Ведьма». И бронзовые часы из кают-компании парового корвета «Рюрик». Может, поменялись бы, а? У меня эти вещи Корабельный музей со слезами выпрашивал...

— Понимаете, я никак не могу,— сказал Алешка.— Модель уже почти не моя. Это подарок для одного человека.

— Да? Жаль.

Моряк постоял еще минуту и отошел.

Гроза была совсем близко. Загорались молнии, трахал за деревьями гром. На перрон ворвались и промчались вдоль путей пыльные спиральные вихри.

Неспокойно было Алешке. Словно что-то важное забыл он, и, если не вспомнит, может случиться беда.

Но какая? Ведь все у него хорошо. Клипер в руках, поезд скоро придет. Откуда тревога?

Ветер крутил жестяные кораблики на башенках вокзала. Алешка посмотрел на эти башенки и вспомнил большие башни на площади у моря. Вспомнил башню полуночного норд-веста. Загорелого мальчика, который звал его встречать ветер... А ведь мальчишка-то уплыл в море!

А ветер — с берега! Вдруг мальчик не успел вернуться? Разве он выплывет сейчас против ветра и волны?

В каждом человеке сидит словно кто-то другой, подсказывающий успокоительные мысли. Этот «другой» сразу зашептал: «Почему ты думаешь, что он не успел? Почему ты решил, что можешь помочь? Ты сам-то едва-едва переплываешь речку Рябиновку...»

Эти мысли задержали Алешку на четверть минуты. Потом он подскочил к пожилому моряку и протянул ему клипер.

— Пожалуйста, подержите немножко! Я сейчас вернусь!

И побежал.

Ветер подталкивал его, а крупные капли лупили в спину, как пули. Вот и конец переулка, вот и площадь.

Серое море кипит барашками. Башни, башни... Гранитная башня-маяк, в которой живет исследователь полуночного норд-веста. Надо забарабанить в дверь, позвать старика, сказать о мальчишке. Может быть, рядом есть лодка или катер?

Алешка подлетел к высокому крыльцу... Там у медных поручней стояли косматый седой старик и знакомый мальчик.

Мальчишка кутался в большую морскую куртку и что-то весело говорил деду. Алешка остановился и от радости начал дышать так шумно, что его сразу заметили.

— Ты пришел к нам? — обрадовался мальчик.

— Я на минутку, — сказал Алешка. — Просто так забежал. По пути...

— Оно и видно, что по пути, — с усмешкой сказал косматый старик. Он, видимо, о чем-то догадался...

Было неловко стоять и молчать. И убежать сразу — тоже нехорошо. Алешка сказал:

— Я хотел узнать. У вас в башне есть радио? Чтобы с кем-нибудь переговариваться.

— Есть передатчик,— сказал дед.— А как же.

— А вы сможете связаться с каким-нибудь самолетом? — спросил Алешка и подумал: «Хорошо бы узнать, добрался ли до Антона кот».

— С каким самолетом? — поинтересовался старик.

— Есть такой Летчик для Особых Поручений...

— Я знаю,— сказал старик.— Но у Летчика Тополькова в самолете нет радио.

— Как же так? А если надо передать что-то важное, как быть?

— Как быть... Люди говорят, что этот парнишка сам как приемник. Сердцем чувствует, где он нужен. И летит.

— Понятно,— сказал Алешка.— До свидания. Мне пора.

Ветер утих. Гроза слегка задела город крылом и ушла в море. На каменных плитах темнели следы редких капель, похожие на разбившиеся звезды. В расщелине между плитами Алешка заметил небольшую круглую раковину. Снаружи она была серая и бугристая, а внутри розовая. Алешка положил раковину в карман и побежал на вокзал.

— Ну, приятель, устроил ты мне пять минут переживаний. Вот-вот поезд подойдет, а тебя нет. Куда бы я делся с твоим кораблем?

— Спасибо,— проговорил запыхавшийся Алешка.— Понимаете, было очень важное дело.

Подожел поезд. Алешка забрался в вагон и устроился в мягком кресле у окна. Замелькали кусты, последний раз показалось за домами море.

«Вот и сказке конец,— подумал Алешка.— Странная сказка: ни опасностей, ни препятствий. Все как по маслу. Разве так бывает?» Эта мысль даже встревожила его. Но плавный ход поезда стал убаюкивать Алешку, и он уснул.

Глава четырнадцатая

Когда Алешка проснулся, за окнами мелькали знакомые места: привокзальные улицы, водокачка, мост. И через три минуты поезд встал у перрона.

Вокзальные часы показывали без двадцати три.

«К Маше успею,— подумал Алешка.— А домой забежать — ни за что».

Над улицей недавно прокатился короткий дождик. Небо уже прояснилось, и солнце жарило, но лужи на асфальте еще не высохли. В одну лужу Алешка погляделся, как в зеркало.

Тетя Даша сказала бы: «Боже, что за вид! Ты похож на беспризорника». Рубашка была мятая, пуговица у ворота оторвалась, брюки — будто крокодил жевал, и внизу на них — белые разводы морской соли.

Алешка весело подумал: «Ну и пусть!»

Зато в руках у него блестящий стремительный клипер с празднично-белыми парусами — лучший подарок для девочки Маши, которая наверняка мечтает стать капитаном. И везет он этот подарок из далекого и чудесного путешествия. А путешественники, когда возвращаются, не похожи на юных скрипачей в белых рубашках с бантиками.

Алешка шлепал по солнечным лужам, спешил к Машиному дому, и было ему хорошо. По лестнице Алешка взбежал к Машиной двери.

За дверью слышались голоса и пиликала скрипка.

«Опоздал? Ну, не беда, чуть-чуть...»

Ему не хотелось так сразу, при всех, отдавать Маше клипер. Хотел Алешка, чтобы они стояли вдвоем и он протянул бы ей кораблик, а она медленно взяла бы его и тихо сказала: «Ой, Алешка... Ой, какое чудо! Спасибо».

Алешка оглянулся. В стене был шкафчик для пожарного крана. Алешка потянул дверцу — она открылась. Он осторожно поставил в шкафчик модель (места едва хватило) и прикрыл дверцу. Потом позвонил.

Маша открыла сразу. Веселая, в каком-то блестящем платье, с красными бусами, будто из ягод костяники. Она обрадовалась:

— Ой, Алешка! — И удивилась: — Ой, какой ты взъерошенный...

— Здравствуй, — сказал он. — Если бы ты знала, где я был! Я привез тебе такой подарок!

— Спасибо... Ну, заходи же скорей.

— Подожди.

Он хотел вернуться за корабликом, но тут через Машино плечо увидел в комнате гостей. Двух девчонок с большими бантами, толстого мальчика в клетчатом костюме (мальчик держал скрипку) и — кого бы вы думали? — длинноногого принца!

И Маша поняла, что он его увидел. И решила, что поэтому он и сказал «подожди».

— Ну, Алешка,—заговорила она.—Ты не обижайся. Я решила его пригласить, потому что все-таки мы в одном коллективе.

— Конечно,—шепотом сказал Алешка.

— Ты, по-моему, зря на него злишься. Он совсем неплохой. Я думаю, вы должны помириться.

— Я нисколько на него не злюсь. Вот ни капельки,—равнодушно сказал Алешка. И он не обманывал: все эти дни он просто не вспоминал про принца.

— Ну, тогда пойдем. Что же ты?

Алешка усмехнулся:

— Куда же я такой? Вы вон какие... красивые. А я весь помятый.

— Ну и что...—Маша нерешительно оглянулась на гостей.—А ты, значит, только что приехал? А знаешь что? Ты ведь можешь сбежать домой. Приведешь себя в порядок. Мы подождем. Ладно?

«Даже не спросила, где я был»,—подумал Алешка. И стало ему не то чтобы грустно, а как-то скучно.

— Ладно,—сказал он.—Я пойду.

— Постой...

«Может быть, спросит?»—обрадовался он.

— А что за подарок ты принес? Ты не думай, что я жадная. Ты ведь сам сказал. А мне интересно.

Не мог Алешка сейчас отдать ей клипер. Ну просто руки не поднимались. И он вынул из кармана раковину.

— Вот. Я нашел ее на дальнем берегу. В ней всегда гудит прибой.

— Ой, какая замечательная! У папы есть такая, только поменьше. На письменном столе. Он в нее окурки толкает.

Алешка тихо сказал:

— Но ты, я думаю, не будешь толкать в нее окурки?

— Что ты! Неужели ты думаешь, что я курю? Я никогда в жизни даже не пробовала. И когда вырасту, не буду, хотя и считается, что девушкам курить—это модно.

«Ну что же это такое?—подумал Алешка.—Ведь пять минут назад все было так хорошо...»

— Маша...

— Что?

— Послушай. Там такой берег... Такие плиты громадные.

У самых волн. По ним ползают крабы. И раковины лежат в траве. И башни стоят. У самого моря...

— Это где? В Сочи? Мы с мамой и папой в этом году обязательно поедем.

— Нет, это не в Сочи... А ты слушала когда-нибудь, как шумит море в раковине? Ну, в той, что у отца?

— Я хотела. Папа не дал. Он говорит, что в ней просто всякий посторонний шум отражается, а насчет моря — это все сказки.

«Что твой папа понимает в сказках!» — подумал Алешка. И сказал:

— Я пошел.

— А ты придешь?

— Я постараюсь.

— Нет, ты дай слово, что придешь.

— Ну... честное слово. Если ничего не случится.

Он опустился до нижней площадки, подождал, когда Маша закроет дверь, на цыпочках взбежал опять и достал из шкафчика клипер.

Потом Алешка пошел домой.

— Боже! Что за вид! — сказала тетя Даша, когда встретила его на пороге. — На кого ты похож! Чем ты занимался на даче у своего приятеля?

— Мы играли. Лазали по деревьям. Гоняли в футбол. Спали на сеновале.

— С ума сойти! И неужели нельзя при этом выглядеть прилично?

— Сейчас буду выглядеть, — пообещал Алешка и пошел переодеваться.

— А я обед разогрею, — сказала тетя Даша вслед.

— Не надо. Я сейчас пойду на день рождения. Там будут кормить пирогами и тортом.

Алешка поставил на подоконник модель и достал матросский костюм. Сейчас Алешку не заботило, годится ли эта одежда, чтобы идти в гости. Якоря и синий воротник напоминали ему о ветрах над башнями, о блеске моря — и это было самое главное.

Костюм был помят (ведь Алешка лазил в нем на тополь за Кузей). Пришлось включить утюг и гладить. Потом Алешка взял у тети Даши желтые нитки и накрепко пришил к рукаву полуоторванный якорь. Он все делал не торопясь и почти машинально. А думал о другом: «Все равно она красивая. И хорошая».

А потом еще: «Она же не виновата. Она не видела стадиона с говорящими лошадьми, шелестящих трав, парохода с серебряными звездами на трубе. Она не была в Ветрогорске и не смотрела на облака над башнями. Она не слышала о Летчике и его Антарктиде... Она не знает, что такое Дорога».

Так он впервые подумал о своем путешествии: «Дорога».

...И с этой секунды начал тихонько звучать Голос Дороги.

С чем его сравнить?

Может быть, это похоже на еле слышный звон гитарной струны. Кто-то шиплет ее неторопливо, вспоминает песню. Песня грустная, ведь Дорога кончилась. Но песня еще и тревожная. А почему? Ведь Дорога уже кончилась.

Но пока струна звучит очень тихо — и тревога маленькая. И тот, кто услышал Голос Дороги впервые, не знает еще, что звук струны может оборваться, а у горизонта заиграют трубы...

Алешка натянул штаны и матроску. Костюм был теплый от уюта и чуть-чуть пах жженым: Алешка, задумавшись, подпалил рукав.

Все, что было в карманах старых брюк, Алешка перегрузил в карманы костюма — чтобы больше нигде и никогда не попасть впросак, как тогда, перед кассой. Он переложил деньги, ножик, мятый платок. И взял в руки Зеленый билет.

Билет был уже потерт, уголки помялись и разлохматились. Но он еще годился для путешествий. Он был годен еще (Алешка взглянул на будильник) целых одиннадцать минут! До четырех часов.

И отчаянная мысль вспыхнула у Алешки:

вбежать к Маше,

схватить ее за руку,

вытащить на улицу —

и помчаться к реке!

Если бежать изо всех сил, можно успеть — успеть до четырех часов. А ведь пароход обязательно придет, лишь бы не был просрочен билет!

А на бегу он все Маше объяснит: про леса, где под каждым деревом сказка, про город, где в каждом переулке приключения. Про Летчика, который знает путь в волшебные страны...

А Маша побежит? Будто наяву он услышал Машин голос:

«Ой, Алешка! Ведь неудобно. У меня же гости».

«Ну и пусть! Они и без тебя съедят пирог».

«Что ты! Ведь я их пригласила. Так не полагается».

«Но потом будет поздно!»

«Я все равно не могу. У меня завтра музыка и бассейн».

Где-то в соседней квартире несколько раз пикнуло радио: четыре часа. Будильник отставал на восемь минут.

Идти в гости не хотелось. И во дворе Алешка заспорил с собой:

«Ну зачем я пойду? Там и без меня обойдутся».

«Но ты дал слово».

«Я сказал: если ничего не случится».

«А что случилось?»

Однако тут же он почувствовал: случилось.

Хотя ничего особенного — просто потянул ветерок. Приподнял паруса клипера, хлопнул матросским воротником. Алешка вспомнил, как позавчера утром (неужели позавчера, а не целый год назад?) он так же вышел из подъезда и так же налетел ветер. Веселый тогда был ветер, он обещал Дорогу, хотя Алешка еще не знал об этом. А сейчас...

Сейчас ветер звал не Алешку. Он звал кораблик. Паруса надулись, и клипер тянулся из ладоней. Не к Машиному дому — далеко, за ворота...

До сих пор Алешка считал, что кораблик надо все-таки подарить Маше. Но сейчас подумал: «А куда она его поставит?»

Может быть, она поставит клипер на полку рядом с аквариумом, где живут ленивые круглые рыбы, которые вывелись в стеклянной банке и никогда не видели даже маленького пруда, а не то что моря? А может быть, на стол, где лежит раковина с торчащими окурками?

Как он будет жить там — отважный фрегат, знающий Ветер и Дорогу?

Шепотом Алешка сказал:

— Эх ты, Машка-ромашка...

И зашагал на улицу. Он знал, куда идти.

Домик Софьи Александровны еще больше покосился за эти дни. Угол совсем навис над оврагом. Окна были крест-накрест забиты досками. От размытой завалинки убегало в овраг высохшее русло потока.

По этому руслу Алешка стал спускаться к ручью. Хватал его за локти репейник, зло кусались колючие травы, и глина острыми комками набивалась в сандалии. Но Алешка поднял над головой кораблик и мчался вниз без задержки, как пущенный с откоса камень. И наконец оказался на берегу.

Он встал коленями прямо в воду и подтолкнул к середине ручья кораблик.

— Плыви. Ты ведь знаешь путь.

Клипер вздрогнул и побежал в журчащей струе. А у поворота, за кустом смородины, его подхватил ветер.

Алешка поднялся и сел на корягу — она валялась у воды. Ему стало немного спокойнее: он исправил одну ошибку.

Но как быть с другими ошибками? Ведь он столько наделал их во время путешествия. На каждом перекрестке, на любой тропинке, во всех переулках Ветрогорска его ждали сказки. Все, кого он встречал (даже кот!), обещали ему приключения. И старик в будке говорил: «От непонятных случаев, от загадок не беги, сказка без них не обходится». А он прошел мимо, не послушался Голоса Дороги. Этот Голос теперь не давал ему покоя — звенела тревожная струна. Но что мог сделать Алешка?

«Я не виноват,— сказал он сам себе.— Я же не знал, что неправильно выбрал путь».

«Нет, виноват».

«Почему?»

«А ты не знаешь?»

«Нет!»

«А почему тебя грызет совесть?»

«Я не знаю... Я ошибся, но от этого никто не пострадал. Мне одному плохо. Да еще кораблику. Но кораблик я отпустил».

«При чем здесь кораблик?..»

«Тогда я не знаю».

«Врешь».

«Нет!»

«А Летчик?»

Да, Алешка. А Летчик? Ты сейчас даже вспомнить боишься, как он сидел у колеса, закутавшись в твою куртку. И вслед смотрел. Ему очень нужен был в полетах постоянный спутник. И не просто спутник. Ты это знал, но повторял одно и то же: «У меня другая дорога».

Только никакой дорогой, даже самой правильной, нельзя проходить мимо того, кому нужен друг. А ты...

«А я послал ему вместо себя бродячего кота», — горько подумал Алешка. И в досаде трахнул себя кулаком по колену. Колено было мокрое, кулак срикошетил и ударился о корягу. Красные капельки выступили на ссадине, и Алешка вспомнил Машины бусы. Те, что видел на ней недавно. И подумал: «Наверно, все еще ждет, что приду. Ну и пусть. А может, думает, что обиделся из-за принца?»

Но ведь если бы вообще не было никакого принца, и если бы Маша встретила Алешку как героя, и если бы она удивленно и радостно слушала его рассказ про Дорогу, и если бы, как самое большое сокровище, взяла в руки кораблик, разве смог бы Алешка сказать себе: «Все хорошо»? Ведь в глубине души он все равно помнил: «Летчик... Летчик... Летчик...»

Что же случилось? Или там, в поле у Ветрогорска, Алешка выбрал не ту дорогу? Летчику нужен был друг. Но не только Летчику. Алешке — тоже. Смелый, веселый, добрый — маленький летчик Антошка.

Алешка встал и сказал себе:

«Я пойду».

«Куда?»

«Пойду. По ручью. Вслед за корабликом. Раз он уплыл, значит, есть Дорога. Я пойду до Ветрогорска, встречу Хранителя и узнаю, как отыскать Летчика».

Алешка, не снимая сандалий, зашел в воду и зашагал вниз по течению. Но скоро ноги стали вязнуть в иле. А потом скрытая под водой проволока зацепила сандалию и оторвала подошву.

Алешка выбрался из воды и стал пробираться по берегу. Но колючие кусты и ядовитая трава переплелись в такую чашу, что даже неба не стало видно. Только гудели в душном воздухе сытые шмели да под ногами шастали скользкие лягушки.

Алешка продрался наверх, на край оврага, и пошел по кромке откоса. Но тропинку загородил серый косой забор. Алешка перелез. Дальше были еще заборы, какие-то гряды, битые стекла и колючая проволока.

Алешка выбрался в переулочек. Здесь уже непонятно было, где овраг, где ручей, куда надо идти.

«То ли дело с Зеленым билетом, — вспомнил Алешка. — Все дороги были открыты. А сейчас любой забор — как гора на пути».

Но ведь Зеленый билет — не один такой на свете! Почему Алешка раньше не догадался? Билет дается тому, у кого Очень Важное Дело! А разве сейчас у Алешки оно не важное? В тысячу раз важнее, чем кораблик для Маши! Он ищет друга. Летчик сказал: «Самая лучшая сказка — когда найдешь друга». Но ведь Алешка еще не нашел Летчика. Значит, сказка не окончена.

«Посоветуюсь в справочном бюро у дедушки», — решил Алешка. И, щелкая оторванной подошвой, помчался на знакомый перекресток.

Сапожная будка была открыта. Но сидел в ней не старичок, а розовощекий парень. Стучал молотком и посвистывал.

— А где же дедушка? — спросил запыхавшийся Алешка. — Он здесь работал.

— Привет! Дедушка? Дедушка на пенсию ушел.

— На пенсию? — глупо повторил Алешка.

— Угу. А ты его знакомый?

— Знакомый... — тихо сказал Алешка.

— Ну, не беда. Я тебе не хуже дедушки помогу.

Не успел Алешка мигнуть, как парень сдернул с его ноги сандалию, раз-два — и подметка оказалась на месте.

— Вот и все. Гуляй, не горюй.

— Спасибо, — шепотом сказал Алешка. И отошел.

Но скоро он подумал, что не все потеряно. Можно добежать до Транспортного агентства и все объяснить кассирше. Наверно, она поймет и выдаст новый Зеленый билет.

И Алешка побежал.

Через дыру в заборе он пролез на стадион.

«Если не достану билета, вернусь сюда и попрошу лошадей», — подумал Алешка. — Пусть отвезут к тому аэродрому. Они ведь знают все волшебные дороги».

Но лошадей не было. А на трибунах плотники разбивали дощатые скамьи и лесенки. Один из них сказал Алешке:

— Нечего тут ходить...

Алешка не оглянулся.

Он пересек поле, вышел на улицу Полярных Капитанов и заспешил к агентству.

Агентство было закрыто.

Синюю вывеску сняли и торчком прислонили к стене. На запертых дверях мелом было написано: «Р е м о н т».

Вот и все. Что оставалось делать?

Вернуться домой?

Пойти к Маше на день рождения?

Сесть прямо здесь на штакетник и заплакать?

Алешка повернулся и зашагал прочь.

Запутанными переулками, мимо старой церкви и нового кино-театра, он вышел на улицу Дальнюю.

И все было как раньше. Сначала деревянные домики по краям улицы, потом одинокий дощатый тротуар среди заросших канав. Так же трещали кузнечики и цвели одуванчики в канаве. И разбитые стекла разбрасывали солнечные вспышки. Шагать бы да радоваться. Но Алешка знал, что идет он зря.

Не будет парохода.

А сам он не найдет и не осилит дорогу на аэродром. И все-таки Алешка шел. Потому что Голос Дороги звучал в нем настойчиво и беспокойно: «А помнишь? А помнишь?..»

Сейчас ничего другого и не оставалось — только идти и вспоминать. Но это было все-таки лучше, чем сидеть дома.

Тротуар оборвался, и побежала тропинка. Зашелестела у ног трава, и опять показалось Алешке, что плывет он по зеленому морю. И качалось над ним небо с маленькими белыми облаками. Тропинка тянулась и тянулась. В прошлый раз она показалась Алешке гораздо короче, а сейчас он шел больше часа и не видел реки.

«Что случилось? — подумал Алешка. — Дедушка ушел на пенсию. Транспортное агентство закрыли на ремонт, но куда девалась река? Не могла же она уйти под землю?»

Ему очень хотелось дойти до реки. Отыскать на берегу следы паровозных колес, постоять в том месте, где упал трап, вспомнить все, как было. Ведь когда вспоминаешь о хорошем, делается легче. А кроме того, Алешка все-таки надеялся немного. Чуть-чуть, самую капслюку. Вдруг пароход придет? В сказках бывают всякие чудеса.

Он прошагал еще не меньше часа. Город едва был виден сзади у горизонта. Колыхалась кругом трава. И не было реки.

«Значит, ее не будет совсем», — понял Алешка.

И тут Алешке стало так плохо и обидно, что дальше некуда. Он остановился и (будем говорить честно) почти заплакал. Почти — потому что слезы не упали, а закипели в глазах и каплями повисли на ресницах. Солнце зажгло в них серебряные

точки. Алешка сердито мигнул — сбросил капли с ресниц. Точки погасли. Кроме одной. Одна блестящая звездочка никак не гасла. Повисла в ярко-синем небе.

Алешка моргнул еще и еще. Но белая искра горела в вышине. И делалась ярче. Потом Алешка услышал стрекот. Это был очень тихий, но отчетливый звук. Он пробился сквозь звон тишины, трескотню кузнечиков и шорохи трав.

У Алешки ухнуло сердце. Он побежал к этой искре, остановился, побежал опять. Серебристая точка росла, у нее появились узкие стрекозиные крылья.

— Летчик... — сказал Алешка ликующим шепотом. — Товарищи, это же Летчик!

Самолет вырастал на глазах, он шел прямо на Алешку.

«Как хорошо, что я надел матроску, — подумал Алешка. — В зеленой рубашке Летчик не увидел бы меня среди травы...»

И тут Алешка очень испугался: а вдруг Летчик не узнает его в матросском костюме!

Тогда он бросился навстречу самолету, выбрал место, где трава пониже, упал на спину и раскинул руки буквой «Т».

Над лицом его качались травинки, били в глаза солнечные лучи. Но сквозь траву и солнце он видел, как с высоты прямо к нему пикирует, почти падает большая узкокрылая птица — самолет маленького летчика Антошки Тополькова.

1972 г.

ТРОЕ
С ПЛОЩАДИ
КАРРОНАД

Повесть

*
*

Часть первая

Новэмбэр Чарли

Урок математики

Здание было старинное. В давние времена, лет сто назад, в нем устроили гимназию, а еще раньше, до Первой обороны, здесь размещались классы морских юнкеров. Говорят, в этом доме не раз бывали знаменитые адмиралы парусного флота — те, кто похоронен сейчас в белом храме на горе, высоко над синими бухтами.

От французских и английских ядер здание почти не пострадало. Чудом уцелело оно и во время последней войны. Теперь в этом длинном двухэтажном доме находилась обыкновенная школа номер двадцать. Общеобразовательная, средняя, с преподаванием ряда предметов на английском языке. Проще говоря, «с английским уклоном».

С тыльной стороны к школе пристроили спортивный зал и крыло для малышей продленки, а классы и кабинеты помещались в старом корпусе. Окна были узкие и очень высокие, прорезанные в могучих стенах из посеревшего инкерманского камня. Перед окнами росли громадные акации. В самый знойный полдень в классе стоял мягкий зеленоватый свет и было прохладно.

...За окнами забренчал звонок. Славка удивился: неужели конец урока? Но ни один человек не поднял головы от тетради. Значит, просто недалеко от школы проехала машина для сборки мусора. Они ездят медленно, и водитель на ходу звенит колокольчиком. Здешние ребята умеют отличать колокольчик от школьного звонка. А Славка еще не научился...

Славка улыбнулся, отодвинул тетрадь и стал смотреть на окна.

В крайних были только деревья, и между листьями ярко синели клочки неба. В среднем окне видна была часть школьного двора и белая изгородь с решетчатым каменным забором. Ее узор напоминал поставленные в ряд штурвалы.

За «штурвалами» виднелись крыши ближних улиц — школа стояла на взгорье. Крыши были под оранжевой ребристой черепицей. Раньше Славка видел такие лишь на картинках и в кино. Между крышами торчали узкие острые тополя. Они назывались «пирамидальные», но походили не на пирамиды. На зеленые копья они походили.

Дальше было видно только небо. Но Славка знал, что за крышами и тополями лежит море.

От того, что море совсем близко, Славку ни на миг не покидала спокойная прочная радость.

Он познакомился с морем не так, как ожидал...

В самолете Славку укачало, и в конце рейса он уже не поднимал голову с подлокотника кресла. И чего греха таить, несколько раз даже сунул носом в плотный бумажный пакет, который по маминой просьбе торопливо принесла стюардесса. Когда через динамик объявили, что самолет идет над «самым синим в мире» Черным морем, Славка не смог даже привстать, чтобы глянуть в иллюминатор.

Мама сказала укоризненно и жалобно:

— Что же ты? А еще в моряки собрался.

Славка в ответ еле шевельнул спиной. Мама сама не понимала, что говорила. Качки Славка не боялся. А самолет и не качало, он шел, как автобус по бетонке, но все равно желудок наливался муторной тяжестью, и сердце словно повисало в пустоте.

Из самолета Славка вышел на ватных ногах и с каплями на лбу. Пахло нагретым бетоном от рулѐжной дорожки, остывающим металлом от самолета и незнакомыми травами откуда-то издадека — от вечернего горизонта.

Земля качнулась под Славкой, но он улыбнулся.

«Пусть,— подумал он.— Ничего...»

Эта земля была не виновата, не она измотала Славку. Измотал самолет, а он был частью прежней жизни, частью города, из которого Славка прилетел. Там могло быть плохо, а здесь уже не могло...

Ехать надо было еще километров семьдесят, и мама боялась.

Думала, что в машине Славку совсем укачает. Но пока получали багаж, пока мама искала такси, Славка почти пришел в себя.

Когда подъезжали, было совсем темно. Города Славка не увидел. Он увидел только несметное множество огней — и очень ярких, и не очень, и еле заметных. Они горели и внизу и вверх, потому что улицы взбегали высоко по склонам. В небе огни смешивались со звездами, а внизу вытягивались в дрожащие золотые нитки. Славка понял, что огни отражаются в черной воде. Среди отражений тоже горели огни: белые, зеленые, красные.

— Это корабли! — догадался Славка. — Мама, там корабли!

Было похоже на сон. Голова слегка гудела от долгой дороги, врывался в кабину и шумел в ушах теплый ветер, стремительно шуршали колеса. А огни наплывали — снизу, сверху. Ото всюду...

— Мама, это же корабли, да?

Мама погладила его по плечу.

— Большой рейд, — сказал водитель. — Флот стоит...

Они долго ездили по узким улицам с неяркими фонарями, искали переулочек с названием Якорный спуск. Машина выла на крутых подъемах. Славку опять слегка замутило. Мама нервничала. Ей казалось, что водитель спешит и сердится. Но шофер сделал все, как надо: отыскал нужный дом, подъехал к самой калитке, вытащил из багажника чемоданы и сказал:

— С прибытием вас. Всего вам хорошего...

Бабушка Вера Анатольевна оказалась высокой старухой с морщинистым коричневым лицом. Она неторопливо и крепко обняла маму, и они поцеловались. Потом она протянула к Славке ладонь, словно хотела по голове его погладить, но не дотронулась. Пожевала впалыми губами и тихо сказала:

— Вот ты какой, Славущка. Большой...

Морщины у нее слегка разошлись. При яркой лампочке Славка увидел, что лицо у Веры Анатольевны покрыто мелкой белой сеткой: это кожа в глубине морщинок была незагорелая...

Потом Вера Анатольевна кормила маму и Славку ужином: голубцами, виноградом, арбузом. Мама все благодарила и боялась, что у Славки заболит живот. А еще они с Верой Анатольевной о чем-то говорили вполголоса... Славка не слушал, он думал о своем.

— Вера Анатольевна, а море далеко?

Бабушка замолчала, будто удивилась.

— Море? Тут везде, Славушка, море... Вот спустишься до гостиницы, потом направо, а там и набережная.

— Мама...— умоляюще сказал Славка.

Мама рассердилась. Потому что Славка сумасшедший! Он едва держится на ногах (мама, кстати, тоже). Идти неизвестно куда среди ночи!.. Море никуда не денется!

— Ну, ма-ма...— отчаянным шепотом сказал Славка.

Мама виновато посмотрела на Веру Анатольевну...

На улице, так же как на аэродроме, пахло незнакомыми травами, а еще почему-то — свежим теплым хлебом. Горели редкие фонари, светились окна. Тени от листьев падали на белые заборы и домики. Они были похожи на мягкие серые крылья, эти тени.

Кто-то весело, не по-ночному, трещал в траве: то ли сверчки, то ли цикады.

«Какой ты хороший, Город»,— одними губами сказал Славка.

И вдруг его толкнуло: он-то все видит и слышит, а бедный Артемка...

Славка кинулся во двор, влетел в комнату, слегка напугав бабушку Веру Анатольевну. Выволок из-за чемоданов портфель, а из портфеля выдернул за уши Артемку. Тот обалдело косил блестящими глазами. Славка бегом вернулся к маме. Артемка радостно махал растопыренными лапами.

— Боже мой, какой ты еще ребенок,— сказала мама...

Набережная в самом деле была недалеко. Славка не сразу понял, что это набережная. Были деревья с фонарями (листья на свету казались очень зелеными), потом под ногами вместо асфальта появились мокрые каменные плиты, и вдруг Славка увидел, что он на краю земли.

Дальше ничего не было. Громадная темнота была дальше. Начиналась она в двух шагах и уходила неизвестно куда. Это распахнулся космос. Он дышал йодисто-соленой свежестью, словно в темноте развесили громадные черные простыни, выстиранные в холодном рассоле.

Из этой темноты и прохлады подкралось что-то смутно-белое, шипучее, и — бах! — перед Славкой встала стена из брызг. Они секунду висели неподвижно, а потом посыпались на Славку, на маму.

Мама по-девчоночьи взвизгнула и отскочила. А Славка засмеялся:

— Мама, это прибой!

— Отойди, Славка, вымокнешь!

— Это же прибой! Мама, он соленый!

Бах! — опять выросла белая стена. А когда рассыпалась и упала, Славка увидел, что космос не пустой. В нем жили огоньки. Яркий красный огонек — прямо перед Славкой — давал тройную вспышку и угасал на несколько секунд. Конечно, это был маяк. А левее маяка, теряясь во мраке, тоже мигали белые и красные огоньки, каждый по-своему: одни редко, другие часто.

Справа от маяка вклинивалась в морскую тьму полоса огней. Наверно, там был мыс или другой берег бухты. Вдруг часть берега оторвалась и, сверкая огнями, тихо пошла влево, к маяку. Целый кусок суши со множеством окон и фонарей!

Славка не сразу понял, что случилось. Но потом услышал далекую музыку и догадался, что это уходит в море пассажирский лайнер.

Теплоход шел вроде бы не быстро, но почему-то очень скоро стал уменьшаться, тускнеть и превратился в еле заметное светящееся облачко.

Ослепительной звездой вспыхнул в дальней дали прожектор, махнул синим лучом и погас...

— Славка, ты же промок насквозь!

И правда, рубашка прилипла к плечам и груди. Брюки набухли, стали жесткие и тяжелые, будто из жести.

Артемка тоже был весь мокрый, только длинные уши, зажатые в Славкином кулаке, оставались сухими.

— Славка, ты меня слышишь? Пора.

— Еще самую минуточку...

Через полчаса, засыпая на скрипучем диване, Славка успел подумать: «Лишь бы это был не сон!» С таким страхом он и уснул.

...Это не было сном. Утром он увидел море во всей его синеве и громадности. И Город...

Славка зажмурился и задохнулся. Потом захохотал и, забыв про маму, кинулся вниз по улице, по тропинкам, по каменистому откосу, через сухие колючки, которые обрадованно вцепились в брюки...

С моря летел теплый ветер. На мачтах и сигнальных вышках бились и трепетали разноцветные флаги.

— Семибратов, голубчик мой, ты почему не решаешь? — Грузный и седой учитель математики навис над Славкой.

Славка поспешно встал.

— Я решил, Яков Павлыч...

— Когда же ты решил? Покажи-ка... Дорогой мой, где же здесь решение? Ты просто ответы написал!

— Разве неправильно? — удивился Славка.

— Ответы правильные, но объяснения-то нет. Почему у тебя x равен пяти, а, скажем, не семи или не тысяче?

Славка неловко улыбнулся и пожал плечами:

— Как же тысяче? Если пяти...

— Да! Но почему? Может быть, ты просто списал ответ?

— Он не списывал, Яков Павлыч, он раньше всех закончил, — тут же заступился Славкин сосед, маленький Женя Аверкин. — Остальные-то еще и не решили.

— Да я понимаю, голубчики, я это, так сказать, чисто теоретически предположил. Но что мне ставить Семибратову? Пятерку за молниеносное решение или двойку за отсутствие такового?

Пятый «А» зашумел, доказывая, что ставить, разумеется, следует пятерку. Даже ехидная Любка Потапенко высказалась за это. Видимо, по инерции.

— Тогда напиши все-таки объяснение, — рассудил Яков Павлович. — Или вот что... Реши-ка лучше, любезный Семибратов, еще задачку. Вот эту...

Он положил на парту четвертушку листа с уравнением.

Славка несколько секунд смотрел на бумажку.

— Надо объяснение писать? Или можно сразу?

— М-да... — сказал Яков Павлович задумчиво, но с интересом. — Следовательно, ты утверждаешь, что данное уравнение для тебя — дважды два?

Славка этого не утверждал. Он вовсе не хотел показаться хвастуном. Но он видел, что x равен двенадцати, а если видишь, зачем лишние слова?

— А ну-ка напиши ответ, — сказал Яков Павлович. — Садись и напиши... Так... А теперь все же сооруди мне решение по правилам, постарайся. Я тебя прошу...

Над объяснением Славка вздыхал минут десять. Не напишешь ведь, что x похож на желтый шарик и что этот шарик мечется туда-сюда по лиловой плоскости, ищет, где темнее, а деваться ему все равно некуда. Все-таки Славка разжевывал уравнение, как требовали правила. Яков Павлович посмотрел, покачал головой. Спросил:

— В прошлые годы у тебя как было с математикой?

Славка опять встал.

— По-всякому... Двоек не было.

— Угу... Троек тоже не было. Почти...— заметил Яков Павлович.— Так?

Славка кивнул. «Не подумали бы, что хвастаюсь»,— опять мелькнула мысль.

— А четверки если и были, то за плохой почерк и неряшливость,— заметил Яков Павлович.— Или я не угадал?

Славка вздохнул. Все было угадано точно.

— Однако математику ты не очень любишь,— сказал Яков Павлович.— А любишь ты... что?

— Географию и английский...— шепотом сказал Славка.

— Ну, садись... Садись, голубчик Семибратов.

Яков Павлович вздохнул почему-то, подошел к столу, придвинул журнал. Галка Ракитина глянула с передней парты, что там появилось в журнале, и показала пятерню. Славка сел и улыбнулся. В этой школе он получил первую отметку.

Школа понравилась Славке с первого взгляда.

Она стояла на стыке двух зеленых улиц. Угол у здания был как бы срезан, и срез этот служил фасадом. Фасад — узкий, с зубчатыми башенками, с высоким крыльцом и чугунным узорчатым балконом.

Перед крыльцом лежала маленькая площадь. Справа, от нижних улиц, к площади взбегали две лестницы со ступенями из ракушечника. Наверно, здорово мчаться по этим лестницам, когда кончились уроки!

Над лестницами росли большие деревья...

Сначала Славка пришел сюда с мамой. С утра мама сходила к директору и записала Славку, а потом повела его знакомиться со школой и классной руководительницей.

Учительницу, Светлану Валерьяновну, они нашли во дворе. Там она с молоденькой вожатой и похожим на д'Артаньяна преподавателем физкультуры обсуждала дистанцию для какой-то эстафеты.

Мама строгим взглядом напомнила Славке, что следует поздороваться: не себе под нос, а отчетливо и с наклоном головы, как полагается интеллигентному мальчику одиннадцати с половиной лет.

Славка так и сделал, хотя Светлана Валерьяновна сперва ему не понравилась. Она была высокая, тощая и длинноносая. С не очень строгим, но каким-то скучным лицом. Но когда она улыбнулась, Славка успокоился: хорошая была улыбка, совсем даже не учительская.

У мамы с классной руководительницей завелся разговор, и Славка сразу заскучал. Отошел тихонько к забору и сел на каменный выступ. Мама, конечно, говорила, что Славка — мальчик, в общем, неплохой, спокойный и даже ласковый, хотя, разумеется, бывает всякое. А сама она, Славкина мама, по специальности тоже педагог, окончила факультет иностранных языков, но из-за слабого голоса работать в школе не смогла. И что, видимо, это к лучшему, потому что для работы с детьми нужен особый талант. И она преклоняется перед теми, кто посвятил детям всю жизнь.

Светлана Валерьяновна кивала: да, учительская работа, конечно, не сахар. Иногда просто бежать из школы хочется на все четыре стороны, но куда побежишь? Славкиной маме хорошо, а куда денешься, если специальность — историк? Да и, по правде говоря, привыкла уже, трудно без ребят...

— Вот они, мои гвардейцы! Отучились...

Во двор выбегали будущие Славкины одноклассники. Издавка — ничего ребята, а если поближе — кто их знает?

Девчонки были в обычной коричневой форме, а мальчишки в разных рубашках: белых, светло-голубых, васильковых, синих. Брюки тоже разные, а кое-кто в шортиках.

«Прийти бы так на уроки в Усть-Каменске!» — подумал Славка.

В начале четвертого класса теплым сентябрьским днем отправила мама Славку в школу в летней пионерской форме, и многие тогда смотрели на него, как на заморское чудо. А Юрка Зырянов и компания гоготали: «У моряка акулы штаны обгрызли...» Завуч Ангелина Самойловна сперва наорала на Зырянова, а потом сказала Славке: «Сам виноват. Надо быть как все, а не выпендриваться...»

Но хватит об этом! Не будет больше ни Усть-Каменска, ни горластой Ангелины, ни криков «моряк с печки бряк...»

Длинноногий очкастый парнишка в зеленых шортах и сиреневой рубашке догнал кудрявую девчонку и деловито огрел по спине портфелем.

Девчонка взвизгнула:

— Змея очковая!

— Савин! — заволновалась Светлана Валерьяновна. — Игорь, иди сюда! Ты опять?

Белобрысый Игорь Савин подошел не теряя достоинства.

— Игорь, когда это кончится?

Савин вежливо наклонил набок голову.

— На выпускном вечере в десятом классе, — разъяснил он. — Там я отлуплю ее последний раз.

— Кто кого еще... — издалека подала голос девчонка.

— Сил у меня нет, — сказала классная руководительница Славкиной маме. — Они дерутся с первого класса.

— Мы не деремся, — возразил Савин. — В первом и втором классе она лупила меня. А теперь я ее. Это не драка.

— Вы решили при новичке и его маме продемонстрировать все, на что способны...

Савин внимательно посмотрел сквозь очки на Славку, повернулся к Славкиной маме и сказал ей «здрате». Мама заулыбалась. Видимо, несмотря ни на что, она угадала в Савине интеллигентного и воспитанного мальчика.

— Что вы с Любой опять не поделили? — горестно спросила учительница у Игоря.

— Она объективно вредна для человечества, — авторитетно сообщил Савин. — Своим ехидством она доводит людей до стрессового состояния.

— Глиста, — отчетливо проговорила в отдалении вредная для человечества Люба (кстати, внешне вполне симпатичная).

— Потапенко! С ума сойти... Убирайтесь оба... И чтобы ничего подобного больше не было! Игорь, ты можешь, наконец, это обещать?

Игорь дипломатично шевельнул плечом: он не хотел давать опрометчивых обещаний. Он только сказал «до свидания».

Мама смеялась:

— Славные ребята...

Светлана Валерьяновна неожиданно согласилась:

— Хорошие. Иногда дурачатся, а вообще неплохой класс.

— Я так довольна, что мы попали к вам. Директор сначала не хотел записывать, потому что Славик не учился раньше в «английской» школе, но я объяснила, что сама с ним занималась.

— А у нас в любой школе неплохо. Знаете, с разными там проблемами «трудных детей», вопросами дисциплины и всякими

подобными вещами особых сложностей нет... У нас, Елена Юрьевна, другое горе...

Светлана Валерьяновна замолчала и слегка ссутулилась. Потом сказала:

— Три дня назад опять вот... Вы не слышали? Андрейка Илюхин. Я его знала немного, он раньше в нашей школе учился.

— Господи...— прошептала мама.— Что же случилось?

— Война...— Светлана Валерьяновна слегка развела руками, будто оправдывалась.— Сколько лет прошло, а вот... Земля-то была наспигована этим ужасом: снаряды, мины. До сих пор нет-нет да и откопают... Уж говорим, говорим ребятам, лекции читаем, плакаты развешиваем, а все равно... В прошлом году гранатой шестиклассника искалечило, а нынче... Нашли что-то, в костер положили. Трое теперь в больнице, а самый старший, четвероклассник... Один был у родителей. Отец в море, даже прилететь не смог. Мать вся седая...

Славка увидел, что мама смотрит на него отчаянными глазами.

— Расстроила я вас,— негромко сказала Светлана Валерьяновна.— Только я это не ради пустого разговора. Славе... Тебя ведь Славой зовут? Тебе это надо знать, ты здесь новичок. Если попадется на глаза хоть какая-то подозрительная железка...

— Он не тронет!— громко сказала мама.— Он мне поклянется! Слышишь?

Славка хмуро кивнул. Разве он не понимает? Но зачем пугаться так, будто он уже нашел противотанковую мину и играет ею в футбол...

Потом, когда шли из школы, Славка много раз дал маме всякие клятвы, что нигде, никогда, ни с кем... Ни при каких обстоятельствах! Даже пальчиком не коснется, если увидит что-нибудь такое. И будет бежать, как от бешеной собаки.

Он это повторял, но думал не про себя. С ним-то ничего не случится. А почему погиб незнакомый Андрейка? Что его толкнуло совать в огонь свою находку?

Какая-то тоскливая жалость появилась у Славки. Будто давно хотел он встретить этого Андрейку здесь, в Городе, и не успел...

Но Город же не виноват! Он не сам родил в своей земле взрывчатку. По нему стреляли...

— Славка, ты меня не слушаешь!

— Слушаю. Мама! Я уже сто раз дал самое честное слово!

— Все равно,— устало проговорила мама.— Теперь это будет моим вечным страхом.

Не хотел Славка для мамы вечного страха. Он сказал рассудительно и ласково:

— Ты же совершенно зря боишься. Здесь столько тысяч ребят, а случилось это... ну, всего несколько раз. Наверно, под машину и то чаще попадают.

— Еще не хватает, чтобы ты попал под машину!

— Да,— вздохнул Славка.— Кроме того, я могу поскользнуться на арбузной корке, подавиться косточкой от абрикоса, отравиться старой колбасой. Что еще? Да! Стукнуться головой о батарею, упасть с лестницы, насмерть простудиться...

— И получить от меня по загривку.

— Как неинтеллигентно,— сказал Славка.— Мама, пойдем купаться! Я не захлебнусь, не разобьюсь, не уйду на дно. Пойдем, ты же обещала!

Мама вдруг взяла его за локоть и принялась звонко хлопать сади по штанам. Славка изумился так, что и сказать нельзя.

— Это что? Новый метод воспитания?

— Метод! Все брюки перепачкал известкой, когда сидел на заборе... Кстати, пора бы знать, что неприлично сидеть при взрослых, если они разговаривают стоя.

— А вы бы тоже сажались на забор,— сказал Славка.

Они посмеялись, хотя и не очень весело. Потом еще некоторое время шли они задумчивые. Но море было рядом, а день стоял такой хороший...

— Почему ты не познакомился с ребятами? — спросила мама.

Славка даже замигал.

— Как это?

— Очень просто. Подошел бы и сказал: «Здравствуйте, меня зовут Слава. Я буду учиться с вами».

Славка только вздохнул.

Знакомство — дело непростое и долгое. Четвертый день учится Славка в этом классе, а не всех еще знает. Даже по именам не всех запомнил... Или всех уже?

Он решил проверить и глянул вперед, вдоль своего ряда. На первой парте — Галка Ракитина и Юра Конев, потом Костя Головин и Дима Неходов. Кажется, хорошие ребята. На третьей парте Оксана Байчик и Лена Смирнова. Это еще не ясно, что за люди...

Зато с четвертой партой ясно все: здесь сам Вячеслав Семибратов и быстроглазый, стриженный ежиком Женя Аверкин...

Женька словно ждал, когда о нем вспомнят: легонько задел Славкину ногу коленом. Он улыбался жалобно и виновато. Украдкой показал Славке раскрытую ладонь.

На Женькиной смуглой ладошке были написаны две лиловые буквы: NC

Славка даже вздрогнул: «Новэмбэр Чарли»!

Он скосил глаза в Женькину тетрадь. Ну и ну! Бедный Женечка барахтался в числах, как утопающий теленок среди плавающих льдин. А кому хочется хватать двойку, да еще за первую в году самостоятельную работу?

Что у него за уравнение? Почти как у Славки, только числа другие, потому что другой вариант. Но как помочь? Яков Павлович вроде бы и добрый, а следит строго, особенно за последними партами. За шпаргалку, не моргнувши, вкатит Аверкину два очка, да и Славке заодно переправит оценочку.

Славка поднял руку.

— Яков Павлыч, можно выйти?

— Сделай одолжение. Можешь даже не возвращаться, с тобой у нас дела на сегодня кончены.

— Да нет, я на минуточку! — испугался Славка.

Он мигнул Аверкину: «Не бойся». И выскочил в коридор. И тут же обругал себя балдой. Ручку-то не взял! А в коридоре, как назло, — ни души.

Женька страдает и ждет. Положение действительно «NC»: урок скоро кончится. Внизу уже весело голосит малышня: первоклассников часто отпускают минут за пять до звонка.

Славка помчался на первый этаж. Первоклашки носились по коридору и толпились у выхода. На коричневых ногах-стебельках, в пестрых неформенных рубашках, с разноцветными ранцами, они были похожи на какие-то растеньица, сбжавшие с грядки и газонов.

Славка не умел обращаться с представителями младшего школьного возраста, но сейчас выхода не было. Он быстро глянул: кого бы остановить? Вдоль стены гарцевал верхом на швабре, взятой напрокат у технички тети Лизы, пацаненок в клетчатой рубашонке. На спине у него подпрыгивал зеленый ранец, украшенный Винни-Пухом из мультфильма.

— Эй, наездник!

Мальчишка сделал разворот и подскакал. Глянул на Славку бесстрашно и весело.

— Хорошая у меня лошадка?

— Хорошая,— торопливо сказал Славка.— Послушай, выручи, пожалуйста. У тебя есть ручка? Лучше бы шариковая...

— У меня всякие есть!

Он с радостной готовностью скинул ранец и вытащил из него толстый пучок фломастеров, карандашей и авторучек, стянутый резинкой.

— Выбирай. Тебе насовсем?

— Мне на минуточку. Спасибо, Наездник...

...Через три минуты Славка смирно сидел в классе, с интересом смотрел в окно и показывал Женьке из-за локтя ладонь с мелкими фиолетовыми цифрами. Аверкин радостно шпарил в тетради строчку за строчкой. Потом благодарно опустил ресницы.

Весело затренькал звонок.

Наездник

Славка вместе с Аверкиным вышел в коридор.

— Спас ты меня,— сказал Женька.— Прямо за уши вытянул.

Он вытащил из кармана мятый, но довольно чистый платок. Начал стирать с ладони буквы, спохватился, отдал платок Славке:

— Вытри руку.

Славка попробовал, но без успеха: чернильные иксы, плюсы и минусы въелись в кожу.

— Всухую не оттереть...

— А ты помусоль. Вот так...— Женька смешно полизал растопыренную ладошку. Потом, видя, что Славка опять возится с платком, торопливо вытер ладонь об острую поцарапанную коленку. Коленка сделалась лиловой.

— Ну вот, покрасился,— с упреком сказал Славка.— Нет, я потерплю до дома. Целое уравнение мне все равно не съесть.

Женька с задумчиво-огорченным видом разглядывал на ладони размазанный «сигнал бедствия».

— А почему ты SOS не написал?— спросил Славка.

— SOS все понимают. Яков Павлыч, если бы заметил, дал бы такой SOS! А это...— он помахал рукой с растертыми буквами,— мало кто знает.

— Жень... А как ты догадался, что я это пойму?

Женька заулыбался:

— Я у тебя в портфеле красный справочник видел. Ну и подумал: если у человека такая книжка, он знает, наверно...

Славка опасливо глянул на Аверкина: не увидел ли Женька в портфеле кое-что еще? Вернее, кое-кого. На самом дне, под учебниками. Но Аверкин улыбался бесхитростно.

— Ты откуда знаешь свод сигналов? Занимался? — спросил Славка.

— Немного. Я в этом году в детскую флотилию хочу пойти, в группу рулевых-сигнальщиков... Туда с двойками не берут, вот я и засигналил тебе...

— А где такая флотилия? — заволновался Славка.

— На Пушкинской, над Малой бухтой. Недалеко.

— Там парусная секция есть?

— Не знаю. Но я спрошу сегодня, если хочешь.

— Хорошо, — сказал Славка. — Еще бы... Ты не забудь, спроси. Ладно?

Они вышли на крыльцо, и сразу — тр-р-р-р: словно кто-то прочертил мелом пунктир через площадь! Это в своих белых сандалиях радостно мчался к ним Наездник.

— Привет! Ну что, помогла моя ручка?

— Помогла, — сказал Славка. И объяснил Женьке: — Я его ручкой твое уравнение писал. Свою-то забыл.

— Целая бригада меня спасала, — вздохнул Женька. — Даже неудобно...

Наездник переступил с ноги на ногу и осторожно потянул Славку за рукав.

— Что тебе? — спросил Славка.

Мальчишка встал на цыпочки и осторожно прошептал:

— Прокати меня... пожалуйста...

— Как это прокати?

— На плечах. Я люблю кататься.

Славка слегка обалдел от такого простодушного нахальства:

— Ничего себе заявочка!

Но он помнил про авторучку и понимал, что нельзя быть неблагодарным. Вообще-то, если разобраться, катать Наездника должен Аверкин, но как-то неловко торговаться.

— А далеко тебя везти?

— Не-е... До лестницы и назад!

— Ну, давай...

Славка присел. Наездник прямо с крыльца ловко перебрался ему на шею. Он оказался легонький, словно кости у него были трубчатые, как у птиц.

— Ты держи меня,— предупредил он.

— Еще и держи его...— проворчал Славка и ухватил Наездника за бока.— Ноги убери, ты мне каблуками рубашку извозишь.

Наездник послушно вытянул вперед ноги в желтых гольфах и белых сандаликах.

Женька смотрел на Славку и Наездника с веселым интересом.

Славка трусцой пересек площадь туда и обратно и ссадил пассажира на каменный парапет крыльца.

— Спасибо,— с достоинством сказал Наездник.

— На здоровье...

Наездник ускакал к приятелям, которые резвились под деревьями. А на крыльце Славка увидел ребят из своего класса. И среди них Любку Потапенко.

— Кони сытые бьют копытами...— пропела Любка.

У Славки запылали уши. Ну что он за несчастный человек? Неужели и здесь ему не прожить без дразнилок и прозвищ?

Но Женька Аверкин поспешно и сердито сказал:

— Тебя, Любушка, уже сунуло не в свое дело! Прокатил человека — ну и что такого?

А Игорь Савин разъяснил:

— Конь — животное благородное. Ехидна же — вымирающий вид. Она осталась с тех времен, когда на земле жили тупоголовые плезиозавры и всякие другие ископаемые.

— Жаль, что охраняется законом,— вздохнул Аверкин.

А Костя Головин сказал Любке:

— Не бойся, на тебе никто не поедет. Кому охота потом из штанов ядовитые колючки вытаскивать?

Любка сказала, что все мальчишки дураки, и ушла. Ребята разбежались. Только Славка с Женькой задержались на крыльце. Стояли и смотрели, как резвится Наездник.

Первоклассники побросали в кучу ранцы и прыгали друг через друга. Что-то вроде чсхарды устроили. Наездник прыгал легко и красиво, но все время оглядывался на Славку. Скакнет — и посмотрит...

«Знаем мы это дело...» — подумал Славка и поторопил Аверкина:

— Пошли.

Но Женька помотал головой и сел на ступень. Положил на колени плоский твердый портфель. Глянул на хитрого Наездника, на Славку и сказал:

— Да прокати ты его еще немножко. Осчастливь человека. Наездник замер и насторожил уши. Женька засмеялся.

— Ты что! — возмутился Славка. — Он привыкнет и совсем с меня не слезет!

— Ну, разок... — попросил Женька.

— Тебе-то зачем?

— Ну, пожалуйста, — как-то слишком серьезно сказал Женька. Славка повернулся к Наезднику:

— Иди сюда, подарок судьбы! Свалился ты на мою голову..

Он обвез радостного Наездника вокруг площади, а когда вернулся, увидел, что Женька делает в альбоме рисунок. На рисунке — Славка и Наездник во время скачки.

Это был очень легкий, быстрый набросок. Лица — едва намечены. Но все равно можно было узнать коня и всадника (по крайней мере, Наездника Славка сразу узнал).

Наездник заглянул в альбом и сообщил:

— Я тоже рисовать умею.

— В твоём возрасте все умеют рисовать, — сказал Женька.

— Ага, — согласился Наездник и опять умчался.

— Жень, подари картинку, — попросил Славка.

Женька молча выдернул из альбома и протянул листок. Потом снизу вверх внимательно посмотрел на Славку.

— Слушай-ка, а я догадался! Вы братья, да?

— С чего ты взял? — изумился Славка. — Я его сегодня первый раз в жизни увидел.

— А похожи...

— Мы? Да брось ты... — начал Славка и тут же понял: в самом деле есть сходство.

У Наездника были прямые, очень светлые волосы. Они ровно разбегались во все стороны от макушки, как меридианы от полюса. А на «полюсе» торчала мягкая кисточка.

У Славки была такая же причёска (если можно это назвать причёской), только волосы потемнее и, кажется, жестче.

Мама сама стригла Славку: подрезала отросшие прядки на лбу, на висках, на затылке. Славкина кисточка на темени ей нравилась. Мама иногда ласково дергала ее и называла Славку «Кисточка ты

моя». Если без посторонних, это было даже приятно. И все же Славка срезал бы волосяной пучок без жалости, если бы не боялся, что получится лысинка. Потому что малышам, вроде Наездника, такие кисточки на макушке, может быть, подходят, но одиннадцатилетним мальчишкам героического вида они не придают.

Впрочем, Славка никогда не старался походить на героя. Ни видом, ни делами. Быть бы не хуже других. Но и это не всегда получалось...

Славка и Аверкин спустились на Морскую и распрощались у лестницы. Славка оглянулся. Наездник спускался следом. Он был не один, по бокам шли две первоклассницы. Славка даже загляделся: как Наездник идет! Плечи откинул назад, кончики пальцев сунул в кармашки, прорезанные у пояса, локти развел по сторонам и ступает, будто фея по головкам одуванчиков. Снисходительно беседует с девочками. Повернет к одной голову, скажет слово, улыбнется. Потом на другую так же глянет. А они с него не сводят глаз, даже спотыкаются.

Неужели Славка в семь лет был такой же? Нет. С виду, может быть, и похожий, а характером совсем другой.

Бриг «Меркурий»

Когда Славка был маленьким и жил в Невьянске, он ходил с мамой на работу. Мама заведовала библиотекой в заводском клубе, руководила самодеятельным театром и вела кружок английского языка. Дел у нее было «выше головы», а Славка проводил время в полуподвальной большой комнате, где стоял бильярд.

В бильярд играли с утра до вечера. Славка забирался на высокий подоконник и часами смотрел, как по сукну мечутся с костяным стуком желтые шары.

Мама просто стонала:

— Неужели тебе здесь лучше, чем в детском саду?

Славка кивал. Он был ненормальный ребенок. Он не любил детский сад и жутко скучал там. До обеда кое-как терпел, а когда наступало время тихого часа, впадал в отчаянье. При мысли, что надо укладываться спать в большущей комнате, где совсем не так, как дома, и где ничего не напоминает о маме, на Славку наваливалась черная тоска.

Дома было лучше. В своей комнате Славка мог просидеть в одиночку целый день и не соскучиться. Но приходил сосед Юрка Зырянов. Он был старше Славки, закончил первый класс и делал все, что хотел. Развинчивал Славкины игрушки, лазил в холодильник за вареньем (Славка даже сам этого не делал!) и маминой губной помадой рисовал на зеркале чертиков и крокодилов. А если Славка запирался и не пускал, грозил отлупить во дворе.

Однажды Славка не выдержал. Он вежливо попросил Юркину маму поговорить с сыном, чтобы тот вел себя посдержаннее.

Тетя Зина выслушала Славку внимательно, потому что знала: Славик Семибратов — хороший, воспитанный мальчик, никогда не хулиганит и не врет. Она покивала:

— Эт-та что ж... Эт-та правильно. Я с ним поговорю.

Разговор состоялся через несколько минут. Славка гулял во дворе и слышал каждое слово, потому что окно в тети Зининой комнате было открыто.

— Юрий! А ну иди ближе, паразит! Иди, иди! Эт-та что, я бегать за тобой буду? Кому говорят!

Потом послышалась короткая возня, и вдруг раздался вопль:

— Мамочка, я не буду!

Славка от ужаса скорчился за кадушкой у водосточной трубы.

— Не буду, мамочка, прости, не надо больше! Ой-я, прости, не буду! — верещал Юрка. Потом он на несколько секунд умолк: видно, кончилось дыхание. И тогда в нестерпимой тишине слышны стали сухие частые щелчки. Они были равномерные и неумолимые, как тиканье больших часов, которые не остановить.

— Ой-я-я, не надо, больно же!! — опять взорвался криком Юрка. Захлебнулся, и вопли его превратились в тонкий визг. Это был режущий, вибрирующий визг, словно в горле у Юрки, как в милицеском свистке, прыгал маленький шарик.

Славка, приседая, убежал в дальний угол двора и зарылся в лопухи. Он зарылся бы в землю, если бы мог! Он сидел там до вечера. Стояла глухая тишина, и Славке все чудилось в ней громкое беспощадное шелканье...

Он же не хотел такого ужаса! Ему надо было только, чтобы Юрка оставил его в покое!

Юрка его не оставил. На другой день он поймал Славку на детской площадке, надавал пинков и подзатыльников, накормил

мокрым песком. Славка молча отплевывался и даже не защищался, только закрывал глаза. Смотреть на Юрку было нестерпимо стыдно.

С той поры он ни дня не оставался дома. С утра до вечера торчал в бильярдной. Мама приходила в отчаянье: Славка дышал прокуренным воздухом, Славка слушал неподходящие разговоры. Славка мог простудиться на подоконнике, потому что от окна дуло.

Мама не знала, что, следя за игрой, Славка почти не дышал, разговоров не слышал и холода не чувствовал. И не видел людей. Только шары. Движение желтых шаров завораживало Славку. В этом движении были строгие законы, разгадывание которых приносило радость. Он научился безошибочно чувствовать, куда и как разбегутся шары, ударившись друг о друга.

Может быть, поэтому Славка легко угадывал и другое: куда отскочит брошенный в забор камень, как взлетит под напором ветра воздушный змей, куда ляжет сорвавшийся с дерева лист и попадет ли в цель стрела, пущенная из самодельного лука. Все подчинялось законам инерции, скольжения и рикошета, законам желтых шаров.

И когда Славка в школе познакомился с наукой математикой, цифры и числа в задачах тоже показались ему желтыми шарами.

Но это было потом. А тогда в клубе Славку невозможно было стащить с насиженного места на подоконнике. Редкие часы, когда бильярдная пустовала, были для Славки тоскливыми часами. Он сидел, сиротливо съехившись, и уныло глядел на лиловое суконное поле. По сторонам почти не смотрел. Поэтому лишь случайно и далеко не в первый день он заметил на тускло-зеленой стене картину.

Обычно картина висела в тени, а в тот раз на нее падали лучи.

На картине было лунное море. Сама луна скрывалась за светлыми облаками, но ее лучи пронизывали воздух и рассыпали свет по высоким волнам. Среди волн шел двухмачтовый парусник. Несмотря на волны, он шел ровно и спокойно. У него были сплошь дырявые паруса, и сквозь них виднелось небо, но все равно он шел уверенно.

В этих рваных и гордых парусах, в этой уверенности маленького судна была загадка. Какая-то заманчивость и притягательная сила. Была в лунном беспокойном просторе музыка — совсем непохожая на строгую ударную музыку костяных шаров.

Славка молча привел за руку слегка испуганную маму и только тогда шепотом спросил:

— Это что?

— Это бриг «Меркурий». Копия с картины художника Айвазовского. Что тебя испугало?

Славка досадливо поморщился. Его ничего не испугало. Просто он не хотел говорить громко, когда рядом тайна.

— Почему рваные паруса?

— Кажется, после боя. Это наш русский корабль, он сражался с турецкими кораблями. Их было много, а он один, но он победил.

— Где он сражался?

— На Черном море... Славка, я не помню точно, я же не историк.

— Что такое «бриг»?

— Ты же сам видишь — корабль...

— Нет, почему он «бриг»?

— Ты меня уморишь, — сказала мама.

Она не понимала! У Славки отозвалось в душе звучание когда-то слышанных и забытых морских слов: «Бриг... брег... регата... фрегат... навигатор...» Это были слова про одно и то же. Про что-то загадочное, связанное с этим лунным морем.

А где их разгадка?

— Ну почему «бриг»? — повторил он, потому что не умел сказать иначе о своей непонятной тревоге.

Мама вздохнула.

Она повела Славку к себе в библиотеку. Там, на задних полках, она отыскала две старые книги, которые назывались «Морской словарь».

— Если хочешь, читай и разбирайся. Не маленький уже, через месяц в школу.

Она объяснила ему, как искать по буквам нужные слова.

Слово «бриг» Славка нашел быстро. Вот что было написано:

«БРИГ (Brig). Двухмачтовое судно с прямым вооружением, но имеющее гафель на гроте. Б. становятся очень редкими судами, т. к. бригантины и шхуны вытеснили их...»

Почти ничего Славка не понял. Но незнакомые корабельные слова опять отозвались в нем как странная зовущая музыка. Вроде вступления к фильму «Дети капитана Гранта», который Славка любил до безумия. И он стал искать букву «Г»; нужно было узнать, что такое «гафель» и «грот»...

С того дня Славка почти позабыл про бильярд. Он ушел в чтение словаря, как уходят в дальнее плавание — надолго и без оглядки...

Но через месяц словарь пришлось отдать: мама устраивалась на другую работу, и ей без этих книг не подписали бы какой-то обходной лист.

Славка будто с лучшим другом распрощался. Тогда мама, чтобы утешить его, достала где-то книгу «Корабли и бастионы». Подарила Славке.

В этой книге было про все! Про бриг «Меркурий», про адмирала Нахимова, про Синопское сражение, про неприступные морские крепости, про искусных парусных капитанов. И про город, в который возвращались после побед линейные корабли, фрегаты и брига.

Это был город, куда русские моряки приходили с палуб для последнего отчаянного боя. И в прошлом веке, и в этом...

Город, где стоял памятник капитану брига «Меркурий»...

Книгу Славка прочитал десять раз и сто раз — ее последние слова:

«Отшумела война, и опять заросли непобедимыми травами бастионы. Может быть, теперь навсегда? Может быть... Над бухтами висел безоблачный полдень. Два человека шли вдоль зеленых брустверов, на которых чернели давно умолкнувшие карронады, мимо старых памятников, по извилистым лестницам, сложенным из брусьев ракушечника. А по холмам раскинулся Город, который они любили больше жизни...»

Два человека — это старый морской офицер и его десятилетний внук.

Все на свете, кроме мамы, отдал бы Славка, чтобы оказаться на месте этого мальчишки...

Книга эта была лучше всех, которые знал Славка. Но она не заменила морской словарь. Она только рассказывала о кораблях, а словарь был сам как частичка кораблей, частичка того далекого Города.

...Однажды Славка с мамой зашел в районную библиотеку. Там работала Василиса Георгиевна — старушка в больших, как иллюминаторы крейсера, очках. Это было уже в Первозаводске. Славка учился тогда во втором классе. Мама и Василиса Георгиевна разговаривали, а Славка разглядывал книги. Ходил он от

стеллажа к стеллажу. И вдруг увидел полочку с надписью: «Тому, кто хочет стать военным».

А на полке среди разных учебников и уставов стояла красная книжечка со звездочкой и якорьком. «Справочник вахтенного офицера»!

Зачем она здесь, за тысячи миль от моря?

Славка начал листать. Много было совсем непонятно и скучно: чертежи, схемы, какие-то правила. Но потом... Потом пошли морские узлы, курсы и галсы парусных судов, корабельные огни! А главное — флаги Международного свода сигналов! О такой таблице Славка целый год мечтал!

Он хотел поскорее попросить книгу у Василисы Георгиевны. Хотел... и не попросил. Испугался: «А вдруг скажет: нельзя, ты здесь не записан». Или решит, что Славка слишком маленький для такой книжки. А если и даст, то не насовсем же. Потом опять прощаться, как со словарем?

Что случилось со Славкой? Может быть, «морская болезнь» совсем помутила ему мозги? Он оглянулся. Никого рядом не было. Он тихо расстегнул ранец...

И началась у Славки странная жизнь: она состояла из радости и страха. Пока он изучал флаги Свода, пока разбирался в морских узлах, про все забывал. Но когда закрывал «Справочник», сразу вспоминал, какое ужасное совершил дело.

Он прятал книгу то под подушку, то за шкаф, то внутри дивана. Так часто и старательно ее перепрятывал, что мама увидела и спросила:

— Откуда у тебя «Справочник»?

Славка, наверно, стал краснее, чем корочка книги. И сказал, что дал почитать один мальчик.

Мама удивилась. Она знала, что приятелей у Славки в школе нет. В классе его дразнили непонятным, но обидным словом «Измучик» и считали слабаком, потому что он боялся давать сдачи пристававшим.

— Странно,— сказала мама.

Она полистала «Справочник» и увидела библиотечный штамп.

— Почему здесь печать?

Славка пробормотал, что, наверно, мальчик взял почитать книгу в библиотеке.

— Что-то не нравится мне твое заиканье,— сказала мама.— Ты правду говоришь?

Славка прошептал, что правду.

— А ну-ка дай честное морское слово,—потребовала мама.

Это был коварный прием. Что Славка мог ответить? Дать такое слово? Но не самый же последний человек он на свете! Тогда признаться? Легко сказать...

И Славка заревел. Тут же все и выяснилось.

Ух как ему влетело! Конечно, мама его не лупила, как тетя Зина Юрку, но ругала с такой силой, что волосы дыбом и дым из ушей. Славка просто булькал от слез и умолял маму, чтобы она поскорее отнесла «Справочник» в библиотеку.

Но мама не отнесла. Она отправила туда Славку и объявила, что не будет ему прощенья и пощады, пока он не расскажет все Василисе Георгиевне и не вернет ей книгу собственноручно.

Что делать, Славка побрел. С полчаса он всхлипывал перед дверью библиотеки. Наконец Василиса Георгиевна зачем-то вышла и увидела его. Давясь от стыда, Славка признался в своем черном деле. И разумеется, опять пустил слезу.

Маленькая, седая, очень добрая на вид Василиса Георгиевна не пожалела Славку. Она разговаривала с ним сурово. Потому что если человек в восемь лет украдкой тащит домой казенные книги, добром этот человек не кончит! Что сказал бы Валерик Семибратов, Славкин папа, если бы он был жив? Валерик Семибратов ходил в эту библиотеку девять лет подряд и ни разу не то что не украл, а даже не порвал ни одной книжки. А сын? Стыд и срам! Бедная Славкина мама... Пусть Славка поставит на место «Справочник» и уходит, потому что больше им разговаривать не о чем... А если он захочет когда-нибудь в жизни еще раз украсть книгу или что-то другое, пусть вспомнит этот кошмарный день.

Но когда Славка прошептал «до свиданья» и поплелся к двери, Василиса Георгиевна спросила чуть помягче:

— А скажи на милость, зачем тебе эта взрослая книга?

Славка остановился и молчал.

— Я тебя спрашиваю, Вячеслав Семибратов. Зачем?

— Интересно...— еле слышно сказал Славка.

— Что интересно?

— Про корабли...

— Ну ладно... Раз тебе так интересно и раз ты признался, можно поступить следующим образом: я отдам тебе «Справочник», а ты принесешь взамен какую-нибудь другую книгу. Согласен?

Славке было невыносимо стыдно, но отказаться тоже никаких сил не было. Чтобы теперь все сделалось по-честному, он принес в библиотеку «Маугли». После «Кораблей и бастионов» это была самая любимая книга. Большая, с цветными вкладками.

— Мама разрешила? — строго спросила Василиса Георгиевна. (Славка кивнул.) — А не жалко?

Славка даже засопел от жалости, но сказал:

— У нас еще есть, маленькая. На английском языке.

— А ты умеешь читать по-английски?

— Немножко... А еще мама читает...

Через день Василиса Георгиевна вернула книгу маме, потому что «Справочник» все равно был не нужен: его собирались списывать в макулатуру. Но Славка узнал об этом лишь через полгода. А до той поры, если очень хотелось вспомнить о приключениях лесного мальчишки, они с мамой читали по-английски. И Славка хорошо понимал. Наверно, потому, что все в этой книжке было уже знакомо.

Они с мамой часто читали вдвоем. И в кино ходили вдвоем. И в лес. И картошку чистили, и посуду мыли, и чемоданы укладывали, когда переезжали. Все вдвоем. Они вообще были вдвоем на свете. Только где-то далеко, в южном городе Новочеркасске, жила двоюродная бабушка — тетка Славкиного отца. Мама и Славка никогда ее не видели. Но время от времени, обычно к праздникам, от бабушки Веры Анатольевны приходили письма. Мама отвечала и однажды послала даже фотографию: свою и Славки.

После этого Вера Анатольевна стала писать чаще, спрашивать про Славку и звала их с мамой в гости. Но мама говорила, что это, наверно, из вежливости.

Потом... Славка даже не поверил сначала! Бабушка написала, что поменялась домами с какими-то знакомыми и переехала в город, где родилась и жила до войны. К морю она переехала! Туда, где были корабли и бастионы, где на мачтах трепетали разноцветные флаги Свода сигналов, которые Славка знал теперь наизусть.

Она переехала в тот самый Город!

Славка решился. Крупными буквами он написал письмо и сам кинул в ящик. Это была просьба о чуде.

«Здравствуйте, бабушка Вера Анатольевна! Я никогда не видел моря и кораблей. Пожалуйста, еще раз посильнее позовите нас с мамой в гости. Тогда мама согласится. Пожалуйста!»

И Вера Анатольевна позвала:

«Приезжайте со Славущкой хоть в гости, хоть насовсем. Дом большой, прописку я оформлю, потому что я ветеран войны и мне помогут. Жить у нас хорошо, а вместе будет всем веселее...»

— Поедем! — возликовал Славка.

Но мама засмеялась:

— Глупенький! В незнакомые края, к незнакомому человеку...

— Но она же зовет!

— Видишь ли, Славик... Она человек старый и, кажется, больной. У нее дом. Она думает, наверно, что я стану помогать ей по хозяйству. А разве я похожа на домохозяйку? На бабушку в фартуке?

Нет, мама не была похожа на домашнюю хозяйку. Она была молодая, стройная, красивая. Многие люди говорили Славке: «Какая у тебя красивая мама». Будто Славка сам этого не знал!

Но почему же все-таки не поехать? Если маме некогда, он сам будет помогать бабушке. А может быть, и помогать нечего. Скорее всего, Вере Анатольевне просто скучно жить одной.

— Она же зовет!

— Позвать легко. А кто мне найдет там работу по специальности? А если мы с бабушкой не сойдемся характерами? Она хозяйка в доме, а я не привыкла быть квартиранткой... Да и хватит уж нам мотаться с места на место.

Славка тихо и умоляюще сказал:

— Ну, тогда хоть в гости...

— Это другое дело. Если будут деньги и летний отпуск, можно поехать.

Разговор был в марте. Ждать оставалось три месяца. Сначала Славка очень ждал и очень надеялся. А потом все меньше. Потому что это было бы слишком большое чудо. Таких чудес просто не бывает.

И он оказался прав. Мама не поладила с начальством и уволилась, денег на дальние поездки не было. Когда Славка окончил второй класс, они переехали в Покровку.

Покровка — это не деревня, а небольшой город рядом с большим заводом. Мама там нашла наконец интересную работу: устроилась консультантом-переводчиком в технической библиотеке. Славку тоже устроила: на лето — в городской лагерь (где он скучал), а потом — в третий класс маленькой восьмилетней школы...

В третьем классе Славке жилось спокойно — его почти не дразнили и не обижали. Правда, и друзей не нашлось, но Славку это в те времена еще не волновало. Главное — что? Отсидеть уроки, сделать побыстрее домашние задания — и бултых на тахту с хорошей книжкой. Или можно побежать к маме в библиотеку. Там всегда много журналов из всяких стран, а в журналах часто попадаются снимки с разными теплоходами и даже парусными кораблями. И с видами дальних приморских городов...

Бабушка Вера Анатольевна по-прежнему писала письма. Спрашивала «про Славушку» и звала хотя бы в гости. Мама говорила, что будущим летом они поедут обязательно.

В апреле Славку приняли в пионеры и даже выбрали звеньевым — за то, что учился без троек. В конце мая завком выделил маме однокомнатную квартиру, и они переехали туда из тесной комнатухи в старом доме, где коридоры пропахли горелым луком и кислой канустой.

А в начале каникул у Славки за один день случилось три радости.

Во-первых, мама купила ему джинсовый костюм. Вообще-то мама не одобряла этой моды: она считала, что интеллигентные мальчишки гораздо лучше выглядят в коротких штанишках. Но Славка ее долго упрасивал. Мама уступила, потому что школьную форму Славка истрепал, а дни стояли прохладные.

На костюме была нашивка с корабликом и медные морские пуговицы. Не совсем такие, как у настоящих моряков, но все равно блестящие и с якорями. Славка млел от счастья.

В этом костюме он пошел с мамой в гости к ее знакомому — Константину Константиновичу. Это была вторая радость.

У Константина Константиновича оказалось интересно, как в музее. Над дверью висели большущие лосиные рога, в углу — чучело ястреба, на стене — оленья шкура, а на шкуре — большой бинокль, тяжелый охотничий нож и двуствольное ружье «зауэр».

Константин Константинович сказал, что ружье старое, но прекрасное. И очень ценное — штучной работы. Но хотя оно было ценное, Константин Константинович вставил в него пустые гильзы и дал Славке два раза щелкнуть курком. И посмотреть в бинокль, конечно, тоже дал (жаль, что бинокль был полевой, а не морской). И даже разрешил поиграть ножом, хотя мама боялась, что Славка «останется без пальцев».

Мало того! Они с Константином Константиновичем грохнули на кухне охотничьим капсюлем! Тут мама чуть не потеряла сознание и строго попросила «не портить ребенка».

— Хорошо, хорошо, — сказал Константин Константинович. — Это был последний эксперимент. Вообще-то, Слава, мама права: такими вещами не шутят. В этих штуках гремучая ртуть, а она очень капризная. Сто лет может лежать, а потом взрывается от одного чиха.

Славка серьезно кивнул. Константину Константиновичу можно было верить. Он был опытный и смелый человек: охотник, путешественник и спортсмен. Он стрелял на соревнованиях по летающим мишеням — тарелочкам — и за это получал грамоты и медали.

Славке казалось, что Константин Константинович похож на английского морского капитана из книжки с рассказами Джозефа Конрада. Высокий, худой, с ровным пробором на гладкой прическе, с белозубой улыбкой и светлыми глазами. Только смеялся он не по-капитански: дребезжаще и нерешительно. И при этом сильно стискивал пальцы, словно пробовал их на излом. Но, может быть, это оттого, что он стеснялся мамы. Славка замечал, что многие мужчины при маме начинают смущаться и слегка глупеют...

После чая Константин Константинович предложил Славке и маме погулять. И они втроем отправились в парк.

Славка раньше не бывал в этом конце Покровки. Весь прошлый год он жил в своем квартале и других мест почти не знал. Он слышал, что рядом с Покровкой есть озеро, но думал, что оно вроде пруда в Перво заводске. А озеро оказалось громадное.

Славка метнулся к берегу.

Вода уходила почти до горизонта! А у дощатой пристани качался большой белый катер и поднимались настоящие мачты!

Но и это не все. В сотне метров от берега летели над серой водой похожие на белые сабли паруса.

Славка припаялся к месту. Напрасно мама и Константин Константинович звали его на карусель, в тир и в комнату смеха. Он молча мотал головой. А потом отчаянно сказал:

— Мама, ну вы идите. Вы гуляйте, а потом придете за мной. Я не полезу к воде, не свалюсь, не утону! Я никуда не уйду... Ну, пожалуйста!

Мама хотела заспорить, но Константин Константинович взял ее под руку и подмигнул Славке. Он был замечательный человек.

Едва они ушли, Славка подбежал к пирсу. Но ступить на него не решился. Наверное, это разрешалось лишь тем счастливым, которые ходили под парусами.

Маленькая яхта, лихо кренясь, прошла у самого берега. Ее вели двое мальчишек в оранжевых спасательных жилетах. Мальчишкам было лет по тринадцати. Славка начал дышать медленно и с дрожью. А яхта уходила, и было слышно, как смеются ребята...

Кто-то тяжело остановился рядом. Славка посмотрел. Это был коренастый дядька с густой светлой бородой. Он спросил:

— Ты откуда, прекрасное дитя?

Славка осип:

— Я... Смотрю. Здесь можно стоять?

— Стой,— сказал бородач.

Яхта сделала поворот и опять пошла к берегу

— А здесь...— сказал Славка совсем шепотом — **Здесь с какого** класса записывают?

Бородатый дядька задумчиво посмотрел на Славку **сверху**. Провел толстым пальцем по его морским пуговкам, будто пересчитал.

Потом поднял голову.

— Анюта! — крикнул он в пространство.

Славка вздрогнул от громкого голоса. В этот миг он не знал, конечно, что случилась у него сегодня третья радость.

— Анюта! — крикнул бородатый.

Из-за сарайчика появилась большая девчонка. Странная какая-то: квадратная, с японскими глазами, большим ртом и носом-картошкой. С темной мальчишеской челкой.

— Чего надо? — поинтересовалась она.

— Вот, человек пришел, — не очень решительно сказал бородатый. — Может, возьмешь? Воспитаешь — матросом будет...

Анюта посмотрела на Славку, потом на бородатого, потом опять на Славку. Затем — куда-то между ними. И сказала:

— Это называется «дай вам боже, что нам негоже».

— Ну, Анюта,— приглушенно сказал бородатый.— Человек сохнет. Посмотри в его страдальческие очи. Он целый час торчит у пирса как пришитый.

— Он сбежит через неделю,— заявила Анюта, рассеянно глядя в дальние дали.

— Не сбегу я, честное слово,— сипло поклялся Славка.

— Пошли,— сказала Анюта, взяла Славку за плечо и повела на пирс.

На пирсе стояли фанерные тупоносые яхточки с удивительно высокими мачтами. А одна такая же, покачивалась рядом, на воде. Она была белая, недавно покрашенная, но на плоском носу краска оказалась уже содранной. Полоскали поднятые паруса. На главном парусе была пришита черная буква «С» и цифры «2021».

— Моя,— хмуро сказала Анюта.— Международный класс «гадет». Монотип. Имя — «Трэмп». По-английски значит «Бродяга».

— Я знаю,— торопливо сообщил Славка.

Анюта покосилась на него и продолжала:

— Два паруса. Большой называется «грот», маленький...

— Стаксель! Я знаю.

— Я смотрю, все ты знаешь,— заметила Анюта.

У Славки запылали уши.

Анюта сказала:

— Сейчас пойдем... Вылезай из клешей и куртки. А то кишнемся — и булькнешь на дно, как кот в авоське.

Послушно и суетливо Славка выбрался из костюма. И сразу задрожал — то ли от озноба, то ли от волнения. Анюта глянула на него — тощенького, покрытого пупырышками, — сердито хмыкнула:

— Подарок судьбы... Комариная личинка на морозе. Плавать-то хоть умеешь?

— Я в бассейне занимался...

— Знаю я эти бассейны... Где я на тебя жилет возьму? Подожди...

Она принесла откуда-то надутый резиновый круг и продела в него Славку. Славка знал, что с такими кругами плавают на пляжном мелководье малыши, но не стал обижаться и спорить. Главное, что сейчас он пойдет под парусами. По правде! Не во сне!

— Будешь работать на стакселе,— сказала Анюта.— Вон те веревки называются стаксель-шкоты...

— Я з...— Славка прикусил язык и, кажется, стал пунцовым, как сго спасательный круг. Вытянул руки по швам и тихонько сказал: — Есть...

День был пасмурный, и плотный восток от облачного горизонта нагонял волну. Яхточка, отвалив от пирса, подскочила на гребне.

Славка вцепился в борт.

— Шкот возьми! — прикрикнула Анюта.

Второй гребень ударил в фанерную скулу и окатил Славку брызгами. Брызги оказались неожиданно теплыми. И Славка на всю жизнь запомнил первое приветствие встречной волны...

Они мотались по озеру больше часа. Иногда «Трэмп» кренился так, что почти ложился парусом на воду. Анюта сидела на борту и время от времени лихо откидывалась назад. Сейчас она совсем не казалась неуклюжей, ловкая была и быстрая.

Иногда она хитро поглядывала на Славку.

— Страшно?

— Нисколько,— говорил Славка.

— А если ляжем?

— Не ляжем.

— Откуда ты знаешь?

Славка пожимал мокрыми плечами. Он не мог объяснить. Просто у него внутри словно был маятник, отмечавший границу опасного крена. И опять вспомнились желтые шары...

— А если все-таки ляжем, Комарик?

— Ну и что? — говорил Славка, и ему становилось жутковато, но не от страха, а от азарта и счастья.

— Поворот!

Как управляться со стаксель-шкотами, Славка понял быстро.

— Есть поворот!

...При полном ветре они подлетели к пирсу. Мокрый и счастливый, как тысяча именинников, Славка со швартовым концом в руках выскочил на доски. Подошел бородатый тренер. Посмотрел на Анюту:

— Ну?

— Лады,— сказала Анюта.

А Славка увидел, как по пирсу бежит перепуганная мама.

Он отчаянно боялся, что мама не разрешит заниматься в парусной секции. Она всегда так за него тревожилась! Но мама разрешила. Может быть, для того, чтобы Славка не огорчился из-за сорванной поездки к Вере Анатольевне. Поездка опять не получилась, потому что все деньги ушли на обстановку новой квартиры.

— Занимайся, плавай,— сказала мама и вздохнула: — Это лучше, чем все лето слоняться без дела.

И Славка не слонялся. Почти каждый день он с утра убежал на озеро. Было на спортивной базе какое-то расписание занятий, но Славка не обращал на него внимания. Когда появлялась Анюта, они спускали на воду «Трэмп» и начиналось счастье. Когда Анюты не было, Славка все равно не скучал. Помогал спускать яхты, варить обед на самодельной печке и штопать старенькие флаги Свода сигналов. Эти флаги развешивали над базой во время праздников и соревнований.

Секция парусников была маленькая: пять «кадетов» и семь «финнов» — гоночных яхт-одинок. Занималось полтора десятка взрослых и десяток ребят. Славка был самый младший, а маленькому среди больших всегда живется неплохо...

Славка приходил домой вечером. В первые дни мама волновалась, но понемногу привыкла. Бывало, что Славка заставал у них дома Константина Константиновича. Мама при этом почему-то притворялась строгой, а Константин Константинович становился особенно бодрым и разговорчивым. Славка про себя снисходительно улыбался. Он прекрасно понимал, что взрослые мужчина и женщина могут понравиться друг другу. Могут даже влюбиться. С этим ничего не поделаешь. Но Славка не тревожился. Он знал, что мама всегда останется мамой и никогда не будет любить его меньше, чем сейчас.

Они вдвоем пили чай, потом Славка брал книжку и лез в постель. Гудели усталые ноги, горели от солнца плечи, и сладко ныли натертые шкотами ладони. Буквы начинали бегать по книжным страницам, как муравьи. Засыпая, Славка слышал, как Константин Константинович рассказывает о приключениях на охоте, о поездках за границу и о встречах со знаменитыми артистами. Он и сам раньше был артистом, а потом работал администратором концертных бригад и жил в больших городах. В Покровку его занесли «странные жизненные обстоятельства»...

Однажды Славка увидел дома большую компанию незнакомых гостей. Было шумно, звенели рюмки. Когда мама торопливо

целовала Славку, он почувствовал, что от нее пахнет вином. Славка слегка испугался.

Мама кормила его на кухне и как-то скомканно объясняла, что у Константина Константиновича день рождения, а в комнате у него ремонт...

Славка молчал, он не любил, когда обманывали...

Хотя, конечно, обманы бывают разные. На Анюту Славка не обиделся, когда она выкинула с ним шуточку.

Один раз шли к базе от острова Лазурит, и Анюта вдруг скорчилась, а японские глаза ее сделались круглыми.

— Комарик, задай стаксель-шкот на утку. Бери гика-шкот и руль. Я не могу.

— Что с тобой?

— Кажется, приступ. Давно надо было аппендикс вырезать...

Славка перехватил управление. Крепко дуло с левого борта, шла боковая волна, приходилось сильно откренивать. Но Славка (может быть, с перепугу) лихо подогнал яхту к пирсу, молниеносно ошвартовался по всем правилам корабельной науки и завопил:

— Виктор Семенович, вызывайте «скорую», у Аньки аппендицит!

Тогда завопила и Анюта:

— Молчи, балда, я же пошутила!

— Зачем? — опешил Славка.

— Чтобы посмотреть, как ты справишься без меня.

Славка помолчал и заплакал.

Анюта удивилась. Подолом тельняшки принялась вытирать Славке лицо.

— Ты чего, Комарик? Обиделся, что ли?

— При чем тут обиделся! Страшно же...

— Чего страшно? Ты хорошо управляешься.

— Дура, — сказал Славка. — Я из-за этого разве? Я думал, вдруг не успею. Если сильный приступ, может быть... этот... перитонит... От него же умереть можно.

Она виновато засопела, а Славка продолжал тихонько реветь.

— Перестань, — попросила Анюта.

— Дореву и перестану, — сердито сказал Славка.

Анюты он давно уже не стеснялся. Все равно она знала, что за человек Славка Семибратов: где он хорош, а где так себе. Притворяться перед ней героем было бесполезно. Поэтому Славка без

смущения визжал, когда Анька мазала ему зеленкой ссадины, не скрывал, что боится нырять с трехметровой вышки (все равно ведь нырял!), и даже доверял кое-какие тайны.

Рассказал, например, об Артемке.

— Тащи его к нам,— велела Аня.

С тех пор Артемка плавал на носу «Трэмп»...

А в августе все это кончилось. Сразу, в одну неделю.

Сначала уехала в Пермь Аня. Она подала заявление на какие-то курсы, чтобы стать корабельным радистом и плавать по рекам и морям.

— Крику дома было! «Десятый класс не кончила, куда-то срываешься!» А я все равно... На аттестат я в вечерней школе сдам.

— А я как? — шепотом спросил Славка.

— Ну, Комарик... Ты чего? Я тебе писать буду... Ты в том году сам станешь рулевым!

Через несколько дней после Анянкиного отъезда закрыли спортивную базу. То есть не совсем закрыли, а соединили с большим заводским яхт-клубом, но клуб этот находился в двадцати километрах, на другом озере. Славка понимал, что в такую даль он ездить не сможет.

Бородатый Виктор Семенович грустно объяснил Славке, что в парке решено строить красивую набережную, а их дощатый домик и пирсы снести, потому что они портят пейзаж.

— Кому она нужна, эта набережная!

— Нас с тобой, Славка, не спросили. Ничего не поделаешь, это форс-мажор.

— Что?

— Иначе говоря, действие непреодолимой силы. Есть такое морское понятие. Это когда стихия сильнее и люди уже ничего не могут сделать.

— Но здесь же не стихия!

— Все равно форс-мажор, Славка. Обстоятельства сильнее нас.

«А кто теперь будет ходить на «Трэмп»?» — хотел спросить Славка, но не смог. Он стиснул зубы, вытащил из кладовой два флага и поднял их на сигнальной мачте.

Один флаг был сине-белый, в шахматную клетку. Он означал букву «N» и назывался «Новэмбэр». Второй состоял из пяти полос: по краям синие, потом белые, а посередине красная. Он соответствовал букве «C» и носил имя «Чарли». Когда их подни-

мают вместе, получится сигнал НС. Это значит, что люди израсходовали силы и, если не будет помощи, корабль пойдет ко дну.

Виктор Семенович увидел флаги и взъерошил большой ладонью Славкины волосы.

— Не поможет это нам, мой капитан. Да и бедствия особого нет. Только у нас двоих неприятность: ты без плаваний останешься, а я из начальства пойду в рядовые тренеры...

Славка и сам понимал, что ничего уже не поможет. И флаги поднял просто так. В знак протеста, что ли...

— Ладно, переживем как-нибудь,— утешил его Виктор Семенович.

Но переживать было трудно. Славка горевал. И как раз в один из этих дней мама сказала:

— Если уж так получилось, не переехать ли нам в Усть-Каменск?

— Зачем?

— Большой город... Театры, музеи. Окончишь школу — под боком институты.

Нужны были Славке эти институты, как в днище дырка. А никакой мореходки в сухопутном Усть-Каменске, конечно, нет.

Но мама продолжала уговаривать.

Славка грубовато сказал:

— Кому мы там нужны...

Мама очень смутилась:

— Видишь ли... Туда переехал Константин Константинович. Он работает в филармонии... Ну и... Я давно хотела с тобой побеседовать... Короче говоря...

— Короче говоря, он сделал тебе предложение,— снисходительно сказал Славка.

Бабушка Вера Анатольевна

В Усть-Каменске перед первым сентября мама купила Славке новый портфель. Вместо потрепанного ранца. Портфель был большой, коричневый, с двумя блестящими замками и кожаной пряжкой посередине.

— Смотри,— смеясь, говорила мама,— у портфеля лицо. Замки — как два глаза, а пряжка вместо носа. Похоже?

Славка слегка улыбнулся: похоже.

— Выразительная физиономия,— продолжала мама.— Мне кажется, она будет говорить о твоих успехах. Если все хорошо — будет веселая. Если чего-нибудь натворишь или получишь двойку — тоже все на ней отразится. Так что лучше не скрывай свои грехи.

Славка пожал плечами. После истории со «Справочником вахтенного офицера», которая случилась давным-давно, он ничего никогда от мамы не скрывал. Вернее, почти ничего. Бывали, конечно, редкие случаи, когда он помалкивал. Например, о том, как они с Анютой во время крепкого шквала перевернулись посреди озера и бултыхались в волнах минут пятнадцать, пока не подлетел на взмыленной моторке перепуганный Виктор Семенович... Славка не болтал об этом, чтобы маме не почудилось, что он был на краю гибели.

А про оценки и про школьные дела он всегда рассказывал. Тем более что и скрывать было нечего.

Но все же мамины слова про лицо портфеля он запомнил. Казалось иногда, что портфель поглядывает на хозяина с усмешкой и даже пренебрежительно. Это могла заметить и мама. И Славка привык ставить портфель носом к стенке.

Он не щадил портфель. Ездил на нем с ледяной горки, пинал, когда были горькие минуты, и два раза дрался им с врагами. Кроме того, он провертел внизу дырку, чтобы живущий в портфеле Артемка не сидел в полной тьме и мог хоть одним глазочком глянуть на белый свет.

Через год портфель выглядел так, словно его раскопали в древнем кургане.

В этом году, когда Славка первый раз собрался в новую школу, бабушка Вера Анатольевна осторожно сказала:

— Какой он у тебя, Славушка... подержанный. Хочешь, я тебе новый куплю?

— Спасибо, Вера Анатольевна, я к нему привык.

Он и в самом деле привязался к портфелю, хотя сначала его не любил.

Вера Анатольевна вздохнула:

— Ну, привык так привык...

И отошла.

Она всегда так: скажет что-нибудь, повздыхает и отойдет. Или захочет его по голове погладить и руку на полпути остановит. Славку это, по правде говоря, слегка раздражало. И еще раздра-

жало, как она жует губами, прежде чем сказать что-нибудь. Или начнет что-то искать в своем шкафчике и копошится, звенит многочисленными пузырьками с лекарствами. А ты стой и жди...

Но Славка ни разу не выдал своего раздражения. Он чувствовал, что Вера Анатольевна его любит. Только это была какая-то осторожная любовь, издавека. Словно бабушка боялась, что Славка огрызнется на ласку.

В доме у Веры Анатольевны были две большие комнаты с побеленными стенами и несколько закутков и комнатушек. Мебель стояла старая, и ее было мало. Главным образом, кровати. Вера Анатольевна летом сдавала комнаты отдыхающим.

— Ведь не ради денег, Леночка,— рассказывала она как-то маме.— Скучно одной... А теперь вы приехали, вот у меня и праздник.

Мама вежливо поцеловала ее в коричневую щеку. А Вера Анатольевна нерешительно улыбнулась и сказала:

— Умру когда, все вам и останется...

Славка увидел, как маме это не понравилось. Ему тоже. Что они, за наследством сюда приехали? Но Вера Анатольевна торопливо добавила:

— Ты только не обижайся, Леночка, вы ведь у меня одни...

Славка знал от мамы, что муж Веры Анатольевны был директором школы в Новочеркасске и умер пятнадцать лет назад. Давным-давно была еще маленькая дочь, но она погибла под бомбежкой в первые дни войны.

Конечно, невесело жить одной...

В тот день, когда Славка получил пятерку по математике, он вернулся домой в самом лучшем настроении.

Мамы не было: она ушла договариваться насчет работы. Славка решил, пока ее нет, оборудовать свой угол. Он жил в комнатухе с одним окном и хотел сделать ее похожей на каюту.

Когда он здесь поселился, Вера Анатольевна сказала:

— Не тесно тебе, Славка? В угловой комнате попросторнее...

— Нет, спасибо, Вера Анатольевна, здесь хорошо.

— Ну, хорошо так хорошо...— Она повздыхала и принесла из сарайчика обшарпанную, но прочную этажерку.

Узкий, будто корабельная койка, диван, столик, этажерка, вешалка за дверью — что еще надо?

А сегодня по дороге из школы Славка купил в книжном магазине большую карту мира. Она могла закрыть всю стену над диваном.

— Вера Анатольевна, можно, я ее повешу?

— Да что ты спрашиваешь... Твоя комната, делай как хочешь. Говорил бы ты мне, Славушка, «баба Вера». Не чужие ведь...

— Хорошо... баба Вера. А молоток у вас есть? И гвоздики...

Он прибил карту, а потом, над столиком, рисунок Женьки Аверкина. Тут Вера Анатольевна позвала его обедать. Пока Славка жевал котлету и глотал компот, она все поглядывала на него издалека. Потом сказала:

— Все не пойму, похож ты на своего папу или нет... Иногда вроде бы совсем такой же, а иногда — непохожий.

Славка вытряхивал в рот прямо из стакана компотные ягоды (что, разумеется, никогда не должны позволять себе воспитанные дети). Он прожевал их и сообщил:

— Мама говорит, что я ни на кого не похож. Все в роду темные были, а я русский.

— Папа твой тоже светленький был...

— Да что вы, Вера Ан... ой, баба Вера... У нас же карточки есть. У него темные волосы! И мама говорила...

— Мама-то его не видела маленького. А у меня есть фотография. Хочешь взглянуть?

— Спасибо. Хочу, конечно.

Они пошли в комнату, и баба Вера опять долго звенела пузырьками в шкафу, из которого пахло лекарствами. Достала картонную коробку. В ней лежали вперемешку разные снимки.

— Вот он, Валерик... Папа твой. Сколько уж прошло-то? Двадцать пять лет почти... Это когда мама его уже болела, и он у меня жил.

Славка даже замигал. На лужайке среди пушистых одуванчиков и солнца стоял мальчишка лет восьми с велосипедом «Школьник». С прямыми светлыми волосами и кисточкой на макушке. В сбившейся на животе клетчатой рубашке. Он смотрел весело и смело. В глазах — блестящие точки.

— Наездник, — шепотом сказал Славка.

— И верно, наездник, — согласилась баба Вера. — Всю жизнь за рулем. Вот и... А что ни говори — похож.

Не может быть, что столько лет прошло! Снимок будто вчера сделали. Прочный, блестящий, без всякой желтизны. И четкий-

четкий. Каждое семечко видно на одуванчиках, каждый узорчик на шинах велосипеда. А у мальчишки — каждый волосок. И царапинка на лбу. И крошечная родинка под левой коленкой — такая же, как у Славки. И даже видны прожилки в радужной оболочке глаз, обращенных прямо на Славку.

«Это папа... — мысленно сказал Славка. — Па-па...» Он словно пробовал на вес это слово. Он его так редко говорил. Кому скажешь?

Но и этому мальчишке не скажешь. Это просто Валерка Семибратов. Похожий на Наездника пацаненок, не знающий, что у него будет когда-то сын Славка.

Или... знающий все-таки?

«Ты кто?»

«Я... Славка... Твой сын».

«Вот это да! А не врешь?»

«Хоть кого спроси...»

«Интересно... А какой ты, сын?»

«Я... я не знаю...»

«А кто знает? Пушкин? Чего ты молчишь?»

«А чего говорить?»

«Какой ты? Смелый?»

«Ну...»

«Что ну? Говори по правде».

«Если по правде, всякое бывает».

«Эх ты, «всякое»...»

«Ладно! И ты сейчас не герой... Может, ты верещишь, когда тебе мажут йодом царапины, и боишься оставаться в темной комнате, как я, когда был восьмилетним... И вообще не очень задавайся. А то завтра заканючишь «прокати», а получишь фигу».

«Ты, Славка, не путай. Катаешь ты не меня. Время другое...»

Неужели правда двадцать пять лет прошло? И нет мальчишки, который прямо сейчас глядит на Славку живыми глазами... Вообще нет. Даже взрослого, который из этого мальчишки вырос...

— Ты, Славушка, что шепчешь?

— Я?.. Так просто. Баба Вера, вы не убирайте эту карточку, ладно? Я потом еще посмотрю... А это кто?

— Это я.

Вот здорово! На снимке с отломанным уголком была молодая женщина в коротком бушлате, в черном берете со звездочкой, с

брезентовой сумкой через плечо. А рядом — двое матросов с автоматами. Автоматы старого образца — с большими дисками.

— Вы в морской пехоте воевали, баба Вера?

— Да нет, Славушка. Разве я воевала?.. Не говори мне «вы», ради бога... Это они воевали.— Баба Вера показала на матросов.— А я фельдшером была, в медсанбатах да в госпитале.

— Но все равно же на войне. Вы... ты же рисковала?

— Это, конечно, случалось. Под обстрелами сколько раз была. И под бомбежками, когда раненых вывозили...

— Баба Вера... Страшно, да?

— Да нет, Славушка... Как Ниночку убило, мне уж ничего не страшно сделалось. Думала: пускай со мной хоть что... Боли только боялась. Я какая-то чудная была: чьи-то раны обрабатываю, перевязываю, а сама будто их боль чувствую. Потом сколько лет в больницах проработала, а так и не привыкла...

— Баба Вера, а ты это где снялась? Ты в этом городе на войне была?

— Нет, отсюда я еще до войны уехала. А это на Дунае, в сорок четвертом.

— У тебя... наверно, медали есть?

— Есть. Орден даже, Красная Звезда... Это как раз дали после того, как фотографию сделали. Ранило еще тогда...

Она улыбнулась, и на лице ее сбежалась частая сетка морщин.

— Ты, Славушка, не думай, что я из-за старости хромаю и лекарства пью. Не такая уж я еще старуха. Это во мне кое-где железо сидит. Правда, самую малость...

Славка подвинулся к ней и щекой коснулся ее рукава. Чуть-чуть.

— Баба Вера... ты не обижайся на меня.

— Славушка, да ты что, мой хороший? За что обижаться?

Он вздохнул:

— Мало ли... Есть за что.

Она притянула Славку, прижала к своей шерстяной кофте. От кофты пахло лекарствами, кухонным дымом и горькой сухой травой — той же, что пахло в каждой комнате этого дома.

Когда вернулась мама, она удивилась до невозможности. И обрадовалась: Славка, одетый в драный тренировочный костюм, самоотверженно драил в комнатах полы. Вера Анатольевна жалобно уговаривала перестать или хотя бы отдохнуть.

А вечером, когда баба Вера собралась в магазин за крупой и солью, Славка сказал:

— Всс ты да ты. Давай схожу. Маленький я, что ли?

— Ты и так устал. С полом намучился, уроки делал...

— Не намучился я. Мне все равно гулять надо. Мне нравится.

Он правду говорил. Для него было радостью ходить по улицам Города.

Боль

Из магазина Славка не пошел знакомой улицей. Гораздо интересней выбирать новые дороги. Славка наугад свернул в переулок с маленькими белыми домами и большими деревьями.

У деревьев были крупные листья — по пять на одном корешке. Их края уже задела сентябрьская желтизна. Среди листьев качались колючие зеленые шарики.

Деревья назывались «каштаны». Шарики тоже назывались «каштаны». Если с шарика содрать колючую кожуру, под ней окажется ядро — твердое, как деревяшка. Это и есть по-настоящему каштан. Говорят, их как-то жарят и едят. Спросить надо бабу Веру...

Крупный шарик с длинными шипами словно услышал Славкины мысли. Он лопнул у Славки на глазах, и лаковый коричневый орех запрыгал по ракушечным плитам: лови меня и жарь.

Славка даже ойкнул. Потом засмеялся и кинулся за каштаном. И запнулся. За край каменной плиты.

Недаром говорят, что запинаться левой ногой — к несчастью. Славка грохнулся так, что, кажется, звон пошел над улицей. И не только грохнулся, а еще проехался по ракушечнику. Сумка улетела вперед, из нее выкатился пакет с солью.

Славка полежал, приходя в себя. Поднялся, постанывая. Боль раскатывалась по нему колючими тяжелыми клубками. Славке показалось, что они похожи на неочищенные каштаны, только не на зеленые, а на багрово-красные. Славка рукавом вытер глаза, подобрал и уложил соль. Потом присел на краешек тротуара, прислушался, где и что особенно болит.

Сильнее всего болела левая нога. Но хуже было другое: штанина оказалась распластанной от колена до самого низа. Видимо,

зацепилась за острый угол плиты. На ноге Славка увидел длинную кровавую царапину.

Но царапина — что? Заживет. А брюки...

«Ой, мамочка...» — сокрушенно подумал Славка.

И словно эхо отозвалось на улице:

— Ой, мамочка, не надо! Больше не буду! Пустите!

Славку будто прижало к тротуару. Издалека, из давних недобрых времен, прилетел этот крик.

— Ой, мамочка, не надо! Больно!

Да что же это? Неужели здесь может быть такое?!

Славка вскочил.

На другой стороне улицы крепкая женщина в розовом брючном костюме вела за ухо толстого мальчишку лет девяти. Он неуклюже пританцовывал на ходу и верещал.

Собственная боль придала Славке смелости. Он бросился через дорогу. Порванная штанина захлопала по ноге.

— Вы что! — закричал Славка. — Не надо!

Женщина остановилась и отпустила мальчишку. Он отскочил к забору и взялся за ухо. Женщина повернулась к Славке.

— Чего не надо? Ты откуда такой заступник?

Славка почувствовал, как вся его решимость испаряется. Но сказал:

— Ему же больно...

Женщина визгливо крикнула:

— Больно?! Еще не так надо! Еще штаны снять да хворостиной!..

Славку снова толкнула злость. Он вспомнил мать Юрки Зырянова. И сказал сипловато, но храбро:

— Это никто не имеет права, даже родители. За это можно и в милицию...

Он вдруг увидел, что глаза у женщины налились слезами.

— Да? — сказала она тонким голосом. — В милицию? — И неожиданно заплакала, шумно хлюпая носом и фыркая. — А если у него рук-ног не останется, тогда в какую милицию? Кого поведут?

Славка совсем растерялся. Он готов был, что она заругается, даже стукнуть попробует, а тут — вон что.

— Легко грозить-то! — причитала тетка. — Все заступники, все храбрые. Вам все игрушки, а матерям да отцам потом слезы на всю жизнь!

Качая высокой крашеной прической, она пошла от Славки, но потом обернулась и плачущим голосом закричала с новой силой:

— От Андрюшки Илюхина что осталось? Матери и посмотреть не дали! Гроб заколотили, а что там, никто не знает! А вам что в лоб, что по лбу!.. Обожди, матери все равно скажу! Она тебе покажет, как патроны ковырять! Она тебе ремнем поковыряет!

Последние слова были уже не для Славки, а для толстого мальчишки. Прокричав их, женщина еще раз громко шмыгнула носом и зашагала вдоль забора. Скрылась в ближней калитке.

Славка проводил ее взглядом и посмотрел на мальчишку. Тот все еще держался за ухо. Лицо у него оставалось злым, но на Славку он глянул виновато и смущенно. Это был толстый неуклюжий мальчишка, но глаза у него были хорошие: большие, темно-коричневые. Славка их разглядел, хотя уже наполнили сумерки. В глазах у мальчишки все еще блестели слезы.

Славка хмуро спросил:

— Что за патрон ты расковыривал? Голова-то у тебя есть?

— Да он пустой же,— отозвался мальчишка.— Ржавая гильза от зенитки, я ее в Сухой балке нашел. Ничего я не расковыривал, а только чистил. Хотел из нее автомат сделать...

— Бывает, что гильза пустая, а капсюль в ней целый. В нем гремучая ртуть,— сказал Славка.— Она может сто лет лежать, а потом взрывается от одного чиха. Я это... в книжке про саперов читал.

— Там капсюль выстреленный,— возразил мальчишка.— В нем ямка... Я чистить начал, а эта дура как подскочит! Прямо на улице... Гильзу куда-то кинула, а меня за ухо...

— Наверно, она не со зла,— сказал Славка.— Просто перепугалась. Вон, даже заплакала...

— А она всегда такая, то ругается, то ревет. Я ее давно знаю, это наша соседка.

— Я сперва думал, что это твоя мама...

— Ты что! — возмущенно сказал мальчишка.— Мама никогда не дерется... Откуда ты взял, что это мама моя?

— Ну... ты же сам кричал: «Мамочка!»

Мальчишка вздохнул и со взрослой серьезностью ответил:

— Что же еще кричать, если больно...

Они помолчали.

— У тебя брючина порвалась,— неловко сказал мальчишка.

Будто Славка сам не знал!

Мальчишка вдруг предложил:

— Хочешь, пойдем ко мне? Мама зашьет.

— Нет уж,— вздохнул Славка.— У меня своя мама есть.

И, хромая, он зашагал домой, хотя свидание с мамой на этот раз не обещало ему радости.

Когда Славка вернулся, бабы Веры не было дома: видимо, ушла к соседям. А мама была. И конечно, нервничала. Она спросила, где Славка изволил болтаться столько времени.

Славка шагнул на свет и с сокрушенным видом встал посреди комнаты: чтобы мама сразу увидела порванную штанину. Мама сказала неприятным голосом:

— Миленький сюрпризик.

— Я же не нарочно,— буркнул Славка.

— Если человек спокойно идет по улице, брюки у него не рвутся.

— Я запнулся.

— Ты выглядишь так, будто не запнулся, а побывал в хорошей свалке. И дышишь, как после драки.

— Потому что... Там к мальчишке приставали...

Мама посмотрела недоверчиво:

— И ты полез заступаться?

— Что же было делать,— скромно сказал Славка. Он сразу почувствовал, что вопрос о брюках теряет опасную остроту.

— И сколько их было, этих... обидчиков?

Славка смутился.

— Одна... К нему соседка привязалась, такая здоровая тетка. Он кричит на всю улицу, а она... за ухо тащит.

Мама слегка встревожилась:

— Но, надеюсь, ты не грубил этой женщине?

Славка дипломатично пожал плечами.

— Она его отпустила и ушла куда-то...

Мама покачала головой.

— Никогда не думала, что ты способен вмешиваться в уличные скандалы. У тебя переменялся характер... Жаль.

— Что жаль? Значит, пускай уши отрывает?

— Я не про то. Жаль, что я не знала заранее. Купила бы не только рубашку, но и брюки. Хотя, конечно, денег в обрез...

— Разве нельзя зашить эти?

Мама нагнулась.

— Ну где же... Если бы по шву, а то вон как разодрал. Да и машинка у Веры Анатольевны не работает... А это что? Та-ак.— Она увидела царапину.

— Чепуха,— поспешно сказал Славка.

— Открой тумбочку, принеси йод.

— Ну, мама...

— Стыд какой! В пятом классе, а боится йода, как детсадовский ребенок.

— Лучше уж зеленкой, она не так щиплет.

— Йод испарится, а зеленка липучая и долго не смывается. Или ваше сиятельство намерено ходить размалеванным на потеху публике?

У Славки тоскливо засосало под желудком. Горестно вздыхая, Славка по плечи забрался в самые недра тумбочки. Маму он понял сразу.

Мама каждый день спрашивала, почему он жарится в шерстяных брюках и не хочет носить шорты. Легкая одежда — это так эстетично и полезно для здоровья!

— Не понимаю твоего упрямства,— огорчилась она.— Ходят же в шортах твои одноклассники.

— Всего три человека...

— Я уверена, что они — самые умные. Почему тебе не быть четвертым?

Славка в ответ неопределенно бормотал. После прошлогоднего скандала с Юркой Зыряновым и завучем Ангелиной ходить в коротких штанах он стеснялся. Во время каникул еще туда-сюда, но в школу... Здешним ребятам хорошо, они привыкли, а ему все кажется, что найдется какой-нибудь тип вроде Зырянова и поднимет злорадный крик... Но признаться в таком своем страхе Славка тоже стеснялся и отговаривался как умел.

Однако завтра не отговоришься. Не идти же в школу в измочаленных джинсах с кожаной заплатой на задку или в продранных на коленях «трениках»...

Сумрачно размышляя о неотвратимости судьбы, Славка вернулся к маме с коричневым пузырьком.

— Садись и давай ногу,— велела мама.— Убедительная просьба не пищать и не дергаться.

— Не буду я дергаться,— хмуро сказал Славка. Он вспомнил, как верещал на улице толстый мальчишка. Не хватало еще и ему, Славке, так же завопить...

Ватка в маминых пальцах набухла почти черным йодом. Р-раз! — от колена до щиколотки прошла по царапине коричневая полоса. Славка часто задышал, но даже не зажмурился.

— Больно?

— Больно,— сказал Славка.— Но наплевать.

— Зачем выражаться так энергично? Впрочем, если, как ты говоришь, «наплевать», давай для верности еще раз. Мало ли какие тут микробы...

Мама примерилась, чтобы снова смазать царапину. Но тут, спасая Славку, звякнул в коридоре колокольчик. От него к рычажку на калитке тянулась проволока.

— Я открою,— поспешно сказал Славка и выскочил во двор.

Он думал, что вернулась баба Вера. Но это была не она.

Пожилой почтальон принес телеграмму. Попросил расписаться. И опять у Славки тоскливо засосало внутри: при жидком свете уличного фонаря он разобрал на бумажной полоске печатные буквы: «УСТЬ-КАМЕНСК...»

Телеграмма была маме. Не Славке. Ни в коем случае не имел он права совать в нее нос. Однако такой жгучей сделалась тревога, что Славка остановился под яркой лампочкой у крыльца. Воровато отогнул край телеграфного бланка.

Все строчки прочитать он не сумел, но подпись увидел...

Славка молча отдал маме телеграмму, ушел в свою комнатушку и залез в постель.

Было еще рано, и спать не хотелось. Но Славка выключил свет и натянул на голову простыню. В душной темноте завертелись, запрыгали беспокойные мысли.

Гремучая ртуть

Когда улетали из Усть-Каменска, Славка поверил, что все, точка. Прошрое не вернется. Но миновала неделя — и вот, телеграмма. Будто бесконечно длинная злая рука протянулась за Славкой и за мамой.

Славка съезжился под простыней. Хочешь не хочешь, а лезли в голову воспоминания об Усть-Каменске.

...Там были спокойными лишь первые дни. А когда Славка пришел в школу, сразу стало ясно: хорошей жизни не будет. В том же классе, в четвертом «А», оказался Юрка Зырянов. Они с

тетей Зиной переехали в Усть-Каменск еще давно. В каком-то классе, во втором или третьем, Юрка посидел два года, и теперь они со Славкой сравнялись.

Юрка узнал Славку сразу:

— Семибратик-семицветик, мамина кисточка! Какое счастье...— Он обвел красным языком тонкие губы, словно облизнулся от удовольствия.— Смотри-ка, в адмиралы записался! Здравия желаю, ваше превосходительство!

У Славки на школьную курточку были перешиты пуговицы от джинсового костюма.

Из-за этих пуговиц Юрка больше всего издевался над Славкой. И Юркины дружки издевались. Сколько прозвищ они Славке надавали! Хватило бы на весь морской флот.

И если бы только прозвища! И подножки, и щипки всякие, и рисунки на доске. И ухмылки из всех углов...

Надо было сразу дать им в ответ как следует! Славка боялся сначала. Но если у тебя за душой паруса, нельзя бояться до бесконечности. Однажды на перемене Славку взорвало, как гремучую ртуть! Он, всхлипывая от ярости, кинулся на Юрку. Того загородили дружки.

— Шкура...— сказал Славка Зырянову.— Один на один душонки не хватает?

Юрка ухмыльнулся:

— В школе драться нехорошо, нельзя учителей расстраивать. После уроков — наше вам, пожалуйста. За гаражами.

И Славка пришел за гаражи. Он трусил отчаянно и все же пришел. Потому что не было выхода. Но едва он встал против ненавистного Зырянова, как отовсюду слетелась Юркина компания. Славку закатали в сухой бурьян, зажали рот, набили в волосы репьев, надавали пинков и разбежались, хохоча и подвывая.

Славка на целые сутки будто закаменел от ненависти. А на другой день в начале первого урока молча врезал Юрке по физиономии тяжелой коробкой с акварелью. Но драки опять не случилось. Случилось классное собрание, на котором долго ругали Славку, а классная руководительница предложила снять с него на месяц пионерский галстук. Галстук не сняли (попробовали бы только!). Вмешалась вожатая и объяснила, что делать этого нельзя. Кроме того, она сказала, что Юра Зырянов тоже виноват. Семибратов — новичок, и Зырянову с товарищами следовало поскорее приобщить его к коллективу.

Юрка скромно кивал и соглашался. Он был подлый. Видимо, тети Зинино воспитание приучило его к изворотливости. Он сказал, что прощает Славку за утренний случай (вот гад!), а после собрания опять подкараулил его с друзьями...

Про эти дела наконец узнала мама.

— Почему у тебя в каждой школе истории?

— Не в каждой...

— Срежь ты в конце концов эти пуговицы, если из-за них столько несчастий!

Славка не срезал. Потому что это была память об озсре и «Трэмпе».

Потому что, если срежет — значит, совсем струсил.

Потому что, если срежет — Юрка обрадуется, а потом найдет другую причину для насмешек.

— Разве в пуговицах дело... — сказал Славка маме.

— Дело в том, что ты не умеешь ладить с другими мальчиками. Учительница говорит, что ты ведешь себя вызывающе. Не хочешь найти с классом общий язык.

— Это они не хотят. Я никого не трогаю...

— А ты попробуй подружиться.

— Как?

— Ну, позови Юру Зырянова с ребятами в гости. Покажи свои книги, фильмоскоп...

— О господи... — сказал Славка.

И все продолжалось.

Утром он шел в громадную, гулкую, похожую на вокзал школу и то воевал там, то плакал. Потом шел домой по городу Усть-Каменску и ненавидел его улицы.

На улицах было два цвета: грязно-белый и черный. Грязно-белыми были многоэтажные коробки домов, обледенелый снег, подернутое дымкой зимнее небо. Черными — голые деревья, окна, заборы, телеграфные столбы, провода и трамвайные рельсы. И комья застывшей земли на пустырях. И клетки недостроенных зданий. И угольные кучи у котельных... Словно кто-то нарисовал все на пыльном ватмане мутной тушью.

Может быть, для других это был хороший город, счастливый город. И даже разноцветный. Для тех, у кого была радость. У Славки радости не было. В школе ее не было и дома — в больших комнатах с блестящей мебелью, которая называлась «гарнитур».

Мама и Константин Константинович ссорились. Сначала

нечасто. Незаметно и сдержанно, когда думали, что Славка их не слышит. Потом — чаще и откровеннее. Константин Константинович уже не болтал со Славкой и не рассказывал о путешествиях. Он частенько приходил домой поздно, сердито разматывал шарф и укрывался в своей комнате. В это время у него бывали блестящие, как у больного, глаза и красное лицо.

Мама неприятно ровным голосом спрашивала, где и с кем он задержался. Константин Константинович отвечал, что у него много работы. Мама смеялась ненастоящим смехом и говорила, что это прекрасная работа, если там каждый вечер угощают коньяком.

Иногда у мамы были заплаканные глаза.

Однажды Славка вернулся из школы и услышал, как Константин Константинович кричит. Он кричал маме такие слова, что Славку будто лицом ударили о терку. Он, как был в мокрых ботинках, шагнул в комнату и громко сказал:

— Не смейте кричать на маму!

Константин Константинович бешено глянул на Славку, сцпил пальцы, словно переломать их решил, и сказал маме:

— Ну вот что... Я в воспитание твоего наследника не лезу. Пусть и он не лезет в мои дела.

— А ты не кричи на нас,— сказала ему мама и увела Славку.

Она успокаивала Славку, объясняла, что у Константина Константиновича нервная работа и расшатанное здоровье, потому что у него была трудная жизнь. Скоро все наладится, и они станут жить дружно.

Но ничего не налаживалось.

Однажды они опять ссорились. Константин Константинович противно кричал и вдруг замахнулся на маму. И встретился взглядом со Славкой. Он задержал руку, как-то по-щенячьи взвизгнул и убежал к себе в комнату. Славка увидел, как он упал на тахту, стукнул кулаками по тугой подушке и мелко затрясся.

Было противно. Неужели этот человек недавно казался Славке похожим на капитана?

Славка стал его ненавидеть. Не называл по имени. Даже мысленно Славка называл теперь этого человека просто *Он*.

Он тоже не терпел Славку. Запретил бывать в своей комнате, где висели чучела, оружие, спортивные медали и стоял хрустальный кубок — главная награда, которую *Он* получил за стрельбу.

По вечерам в квартире была давящая тишина. *Он* запирался в

своей комнате. Мама, вздыхая иногда, сидела у лампы над переводами английских статей. Славка в своем углу шелестел страницами или шептался с Артемкой.

Так прошел учебный год. К бабушке Вере Анатольевне опять не поехали. У мамы было неважно со здоровьем, и врачи запретили ей далекие поездки. Славку на июнь отправили в лагерь: мама говорила, что в лагере есть яхты.

Яхты были. Четыре «оптимиста». После «кадета» они показались Славке фанерными коробками. Но дело не в этом. Плавали «оптимисты» — смешно сказать! — в бассейне длиной в двадцать пять метров.

Славка не стал смеяться. Он пожал плечами и начал считать дни до конца смены. Ко многим приезжали родители, а к Славке мама не приезжала. Только посылала письма. Лишь вернувшись, он узнал, что мама две недели лежала в больнице.

Потом были два дождливых унылых месяца. Мама и *Он* по-прежнему ссорились. По ночам, когда подступала злая тоска, Славка сжимал в темноте кулаки и мечтал, чтобы *Он* попал под трамвай...

В конце августа мама и *Он* поругались особенно сильно. Мама заплакала, надела плащ, взяла сумочку и хлопнула дверью. Славке показалось, что она ушла насовсем.

Славка бросился следом. Он искал маму под дождем по всем улицам. Почему она ушла одна? Им надо было уйти вдвоем. Навсегда. Где она теперь?!

Вернулся Славка часа через три. В комнате встретил Славку *Он*.

— Где ты шляешься, мерзавец? Мать бежит, ищет... Щенок сопливый!

Славка даже не обратил внимания на «сопливого щенка». Его захлестнула радость: значит, мама вернулась!

— Где она?

— Где? Носится за тобой по слякоти, трагедии устраивает, вместо того чтобы дожидаться и надавать оплеух. Марш в комнату!

Он хотел схватить Славку за плечо. Славка откачнулся и сказал:

— Оставьте меня в покое.

— В покое?! — *Он* взвизгнул и задышал, будто обжег рот горячей картошкой. — Тебя в покое? А меня?.. Ты мне жизнь изломал, змееныш!

Славка удивился. Спросил с любопытством и чуть пренебрежительно:

— Каким образом?

— А таким, что ты на свете есть...— неожиданно усталым и печальным голосом проговорил *Он*.— На кой черт ты появился? Мне свой сын был нужен, а не такая пиявка...

Славка сказал:

— Я к вам в сыновья не записывался. У меня мама есть...

— Мама твоя...— начал *Он*, скрипнув зубами.

— Что?— прищурившись, спросил Славка. А потом подумал: чего стоять здесь и слушать всякие гадости? Лучше пойти и встретить поскорее маму.

Славка шагнул к двери.

Он взревел:

— Куда?!— Ухватил Славку за ворот и дернул к порогу своей комнаты.— Опять надеешься исчезнуть? Не пройдет!

Кажется, *Он* замахнулся.

«Неужели будет бить?»— подумал Славка и приготовился драться до смерти.

Он не ударил. Швырнул Славку на середину комнаты и глухо сказал:

— Будешь сидеть под замком, пока мать не придет. А потом...

Не договорил, выскочил, захлопнул дверь.

Славка поднялся с пола. Отчаянно болел ушибленный локоть. Шумело в ушах, как на встречном ветру, и щипало в глазах от жуткого унижения. Даже мама никогда не поднимала руку на Славку, а этот... этот...

Славка старательно разбежался и грянулся плечом об очень твердую дверь.

— Откройте сейчас же,— отчетливо сказал он.

Тихо было за дверью.

— Откройте!!— закричал Славка. Ударил каблуком.

Крепкая была дверь. Ненавистная была дверь! Все было ненавистно в этой комнате, в этой клетке!

— Откройте!.. Открывай!!

Ни звука в ответ. Лишь закопченный трамвай невыносимо прогремел за окном по мокрым черным рельсам.

Все, что копилось на душе у Славки, поднялось в нем, как петоропливая холодная волна. Очень тяжелая волна. Как ртуть. Славка отошел к столу и взвесил в руке призовой кубок.

От удара о дверную ручку хрусталь разлетелся на мельчайшие брызги.

Дверь распахнулась сразу. *Он* встал на пороге, увидел стеклянную россыпь и приоткрыл рот.

— Подонок,— сказал *Он* плачущим голосом. Подумал и растерянно добавил: — Убью ведь... Пусть...

Славка увидел его глаза и подумал: «Может, в самом деле больной?»

Странно подпрыгивая, *Он* вбежал в комнату, подскочил к стене, оглянулся на Славку и как-то полувопросительно сказал опять:

— Убью...

Он сдернул с гвоздя ружье. Отбежал, стал шарить в ящике стола.

В первый миг Славка испугался. Но почти сразу что-то в нем отключилось. Не стало ни страха, ни злости, ни обиды. Только тяжелое утомление наваливалось. Такое, что хотелось прилечь и про все забыть. «Пускай,— подумал Славка,— все равно...»

Вместо того чтобы выскочить за дверь, Славка подошел к стене и прислонился лопатками к оленьей шкуре (из которой всегда лезли волосы). Там, где недавно висел «зауэр».

С безразличием Славка смотрел, как *Он* дрожащими ломкими пальцами толкает в казенник патроны, как, отвесив губу, поднимает пляшущие стволы. Впрочем, была, кажется, в Славке капелька любопытства: выстрелит или нет? Но боязни не было никакой.

Дульные срезы двустволки глянули на Славку — как зрачки, близко посаженные к переносице.

Славка очень хотел спать.

Но все же он оставался Славкой Семибратовым, сыном веселого парня Валерия Семибратова, который успел в жизни сделать одно очень важное дело: вовремя рванул в сторону руля. И видимо, поэтому появилась у Славки мысль: «Как же так? Без сопротивления?»

Ему не хотелось сопротивляться. Но до последнего момента человек должен быть человеком, и Славка через силу потянул руку к висевшему рядом ножу.

Рубчатая рукоятка удобно легла в ладонь. И, бросая нож от плеча — прямо врагу в глаза,— Славка уже знал, что не промахнется.

Но *Он* был опытный стрелок, привыкший на лету расшибать мелькающие мишени. Вздернув стволы, он отбил ими клинок (Славка сразу понял, что нож рикошетом уйдет в угол и воткнется в косяк у окна).

Несколько секунд (или минут, или часов) висела тишина. Потом *Он* бросил ружье на тахту, взял себя за щеки и побрел из комнаты.

Славка постоял, закрыв глаза, подошел к тахте и неторопливо разрядил «зауэр»...

Когда прибежала мама, Славка сидел у стола и, как шахматных королей, рассеянно переставлял по клетчатому пластику тяжелые патроны. А *Он* лежал в спальне на кровати и не то постанывал, не то скулил.

Мама увидела открытое ружье и торчавший в косяке нож.

— Что? — шепотом сказала мама. — Что здесь было?

Славка молчал. Мама прижала его к себе. Патроны покатались и стукнули о паркет. Славка высвободился.

— Осторожнее, мама, — тихо сказал он. — Это не игрушки.

— Что здесь было?!

Славка подобрал патроны.

— Давай уедем, мама, — попросил он. — Пожалуйста. Давай уедем...

— Уедем! Немедленно! Уедем!.. Господи, какая же я была глупая...

Они дали Вере Анатольевне телеграмму, уложили чемоданы, купили билеты. На сборы ушло двое суток. Все это время *Он* не показывался, даже не ночевал. А Славку не покидала трепетная, смешанная со страхом радость. Неужели ждет его море и Город? Лишь бы ничего не сорвалось!

Иногда среди дня Славку валил тяжелый сон. Будто Славка вернулся из трудного похода, где было много бессонных ночей. Но, падая на постель, Славка успевал тайком от мамы сунуть под подушку конверт с билетами. На всякий случай...

Они отдали соседям ключ, уехали в аэропорт, а через восемь часов перед Славкой было ночное море и мигали маяки. И Славка знал, что прежней жизни больше не будет.

Сначала было все-все хорошо, а теперь опять горько и беспокойно.

Славка лежал и думал: почему? С чего это началось? Не сегодня, не с телеграммы. Наверно, с того разговора на школьном дворе. С рассказа Светланы Валерьяновны о незнакомом Андрюшке Илюхине.

Тогда словно облако прошло по ясному солнцу.

Славка думал в тот день: позабудется, уляжется беспокойство. И правда, он ходил по Городу, купался в море, сидел на уроках, таскал на плечах Наездника, и вроде бы снова все стало, как надо. Солнечно, радостно.

А сегодня — опять тревога. Сначала этот крик на улице, потом телеграмма... Опять словно замотались на ветру флаги Новэмбэр и Чарли.

Славка вертелся. У простыни были жесткие швы, горела расщепанная нога. Больно так...

Но сильнее боли было ощущение опасности. Она подкрадывалась с двух сторон. Брала Славку в клещи. Отчаянные мысли о телеграмме перепутывались с мыслями об Илюхине. Два этих страха, две опасности смыкались, зажимали Славку в кольцо. Но почему? Телеграмма — это ясно. А Илюхин? Он-то при чем?

Будто он должен был что-то важное сказать Славке, о чем-то предупредить и не успел.

Не успел Андрюшка, не стало его в один миг...

«Почувствовал он что-нибудь или нет? — мучаясь, размышлял Славка. — Понял ли, что это смерть? Каким был его последний миг? Вспышка, удар?...»

Говорят, ощущения бегут по нервам к мозгу, как ток по проводам. Чтобы увидеть и почувствовать что-то, нужно время. Очень-очень короткое, но все-таки время. Может быть, Андрюшка перестал существовать раньше, чем нервы передали сигнал о взрыве?

От мысли, что Андрюшка не успел испытать ни страха, ни боли, стало немного легче. Не было для Андрюшки ни толчка, ни пламени — сразу темнота. Или даже темноты нет? Ни-че-го...

Как это? Жил-жил и сразу — ничего?

А если бы это с ним, со Славкой? Если бы тот гад нажал тогда на спуск?.. Мама потом успокаивала, говорила, что не мог он выстрелить, не хотел: просто попугать решил. Но Славка-то знал, что мог. Хотя бы случайно: у него же пальцы тряслись, у психа... И тогда — что? Наверное, все же был бы горячий удар в грудь...

А потом?

Славка представил себя, будто со стороны. Как он лежит ничком, и волосы от оленьей шкуры прилипли к мокрой куртке. И наверно, все так же торчала бы кисточка на макушке... А потом вбежала бы мама...

Что было бы с мамой?!

Славка дернулся и сел.

Как же так вышло? Он стоял у стены — чурбан чурбаном — и совсем не подумал о маме.

Вот почему его мучит Андрюшка Илюхин!

«Вам игрушки, а отцам и матерям на всю жизнь слезы!»

Нет, тогда было не до игрушек, но все равно... Почему он не подумал?

«Один был у родителей... Мать вся седая...»

Что осталось бы маме? Славка смотрел бы на нее с фотографий — вот и все. Как сегодня смотрел на Славку маленький Валерка Семибратов. Как, наверно, смотрит со снимков на свою маму Андрюшка Илюхин. С четких больших снимков, на которых глаза — будто живые...

Славка крепко зажмурился и замотал головой. Нет! Его мама не будет седая. Ничего с ним больше не случится. Во веки веков.

Ничего! Лишь бы не вернулась усть-каменская жизнь. Это было бы самое страшное. Но с чего вдруг она вернется? Смешно даже думать! Телеграмма? Но мало ли какие дела могут быть у мамы? Славка просто слишком крепко треснулся о тротуар, и от такого удара у него разболтались нервы. Да еще от этой истории с толстым мальчишкой и его соседкой. Да еще от духоты в комнате. Сам виноват: забрался в постель спозаранку и даже окно не открыл.

Надо встать. Выйти на улицу. Пробежать пару кварталов, чтобы свежий воздух выдул из головы дурацкие мысли. Ведь ничего же не случилось. Славка сам выдумал опасности и страхи!

Славка нащупал ногами свои легонькие кроссовки...

Мама сидела в большой комнате у лампы и пришивала к голубой рубашке белый накладной воротничок. Она обернулась на Славкины шаги.

— Ты почему улегся и не поужинал? Вера Анатольевна вся извелась, она еще не привыкла к твоим фокусам.

— Не хочется мне есть... — Он двинулся к двери.

— Ты куда?

— Ну, «куда»...— Пришлось взять с тумбочки газету и демонстративно оторвать клочок...

— У тебя что, живот болит?

— Немножко.

— Я говорила: не ешь столько арбуза и винограда.

— Да пустяки...— пробормотал Славка и выскользнул за дверь.

Он прыгнул с крыльца. Ему показалось, что он окунулся в ночь, как в ласковую воду. Воздух был теплый-теплый. Трещали сверчки. Славка осторожно, чтобы в доме не динькнул колокольчик, открыл калитку. Высоко среди листьев светил фонарь. Славка шагнул на каменный тротуар, в перистую тень акаций. Огляделся. Время позднее и темное, на улице ни души, можно пробежаться раздетому.

...Когда Славка вернулся, мама, конечно, стояла на крыльце.

— Где ты был? Почему ты голый носишься по улицам?

— Так, пробежался... В комнате жарко, я решил на воздухе погулять.

— Ты сведешь меня с ума.

— Со мной же ничего не случилось. Просто побегал.

— Ты сегодня какой-то на себя не похожий. Что у тебя стряслось?

«Ничего не стряслось»,— хотел сказать Славка. Но тревога вернулась и прихлынула с такой силой, что он не сдержался:

— Потому что... Мама, а что в той телеграмме?

Она сразу стала другая. Ласковая и чуточку виноватая.

— Да что ты, маленький... Ты из-за этого?

— Что в ней?

— Чепуха в ней. Глупые просьбы о прощении. Как будто в этом дело.

— Мы не уедем отсюда?

— Куда? Я уже о работе почти договорилась...

— Правда, не уедем?

— Разве мама тебя когда-нибудь обманывала?

«Всякое бывало»,— подумал Славка без обиды, но сумрачно. Однако не верить и бояться не было уже сил. Тревога ушла. Славка вздохнул так, будто хотел вобрать в себя весь теплый воздух Города. Мама взяла его за плечи:

— Горячий какой! Набегался... Пойдем спать, беспокойная душа.

— Я погуляю еще, мама... Да не на улице, здесь, во дворе! Две минуточки.

Когда она ушла, Славка подошел к забору. Виноградные листья легонько задевали его плечи и щеки. Славка встал на старый курятник, забрался на забор и сел, свесив ноги на улицу. Сидеть было удобно: забор сверху покрывали широкие черепичные плитки.

Тепло приморской ночи обнимало Славку. Он просто купался в этом тепле. Голубые мохнатые звезды светили ему с высокого неба. Это было очень черное южное небо, но Славке казалось, что где-то над невидимым отсюда морем, у самой воды, горит полоска заката. Ему хотелось почему-то так думать.

Тишина была сплошь наполнена трелями ночных кузнечиков. А больше — ни звука.

Потом далеко отсюда, на башне Матросского клуба, заиграли куранты. Наверно, уже пришла полночь.

Куранты вызванивали слова корабельного вальса:

Ислегкого дня отгремели раскаты,
И ночь на стеклянные бухты упала,
Храня под опущенным флагом заката
Непрочный покой бастионов и палуб...

Утро

Славка натянул новую голубую рубашку и — со вздохом обремененного — легонькие синие шорты. Они тоже были почти новые. В Усть-Каменске Славка надевал их всего два-три раза: лето выдавалось зябкое и слякотное.

Мама сама повязала Славке галстук, поправила пришитый белый воротничок. Причесала Славку, стараясь не задеть гребнем кисточку на макушке. Она смотрела потеплевшими глазами, и Славка понял: наконец-то он выглядит, «как нормальный воспитанный мальчик одиннадцати с половиной лет».

— Для полного вида возьми портфель и покажись мне издали, — попросила мама.

Квадратная физиономия портфеля стала удивленной. Он привык соседствовать с потертыми синими брюками, а сейчас в его никелированных очах отражались тощие незнакомые ноги.

— Чего уж теперь...— сердитым полусшепотом сказал Славка то ли портфелю, то ли себе.

Он нехотя крутнулся на пятке перед мамой. Потом дрыгнул поцарапанной ногой:

— Вон какое украшение...

— С каких пор мальчики стали стесняться боевых ранений? Такие украшения только придают мужественный вид.

— Вот и получается, что я хвастаюсь,— буркнул Славка.

Мама вздохнула:

— Вашему сиятельству не угодишь... Ладно, если ты так страдаешь, сегодня купим новые брюки. Только пойдем вместе, чтобы примерить. Сколько у тебя уроков?

— Пять. И еще классный час.

— Классный час был позавчера.

— И опять будет. В четверг говорили, чтобы никто посторонние вещи в школу не таскал, а сегодня какой-то военный придет. Будет опять... ну, про это рассказывать. Чтобы не трогали всякие штуки, если кто найдет.

У мамы сразу испортилось настроение. Славка увидел мамины тревожные глаза и пожалел ее.

— Мам, ну ты так боишься, будто на каждом шагу мины поставлены. Что ты за меня волнуешься? Я же по разным оврагам и закоулкам не ползаю!

Славка немного хитрил. В «разных закоулках» он бывал. Ему нравилось бродить по старым улицам, и эти улицы приводили его в неожиданные места. То в заросший незнакомый травой тупичок с заколоченным домом без крыши, то на полянку среди высоких стен из ноздреватого песчаника, то на старое кладбище, где между кипарисами темнели пустые окна разбитой часовни.

На серых камнях брошенного дома можно было разглядеть длинный ряд круглых выбоин — видимо, след пулеметной очереди. На полянке среди редкой травы, мелких желтых цветов и осколков черепицы Славка нашел ржавую шлюпочную уключину и маленький якорь с курсантского погона. А в колючих кустах на кладбище прятались памятники с настоящими тяжелыми якорями и горками пушечных ядер...

Славка уже побывал с мамой на Кургане Славы, на бастионах, где дремали на солнце старые корабельные орудия, в Панораме и Музее флота. Сильной, хотя и осторожной любовью новичка он

любил многоэтажные белые улицы, зеленую чашу Приморского бульвара и площади с бронзовыми памятниками адмиралов. Любил причалы, где над вышками трепещут флаги сигнальных сводов и где вместо причальных тумб впаяны в бетон стволы старинных пушек. Но это были места, известные всем, там ходило множество людей.

А в старых переулках Славка оставался с Городом один на один.

Славке все было интересно. Как растут в щелях среди камней маленькие синие цветы. Как блестят на лестничных ступенях спрессованные в камень ракушки. Что за слова отгиснуты латинскими буквами на разбитых плитках оранжевой черепицы. Где живут громадные черно-лиловые жуки-рогачи...

Однажды на пустыре, позади маленького уютного стадиона, он долго крался за таким жуком. Тот привел его к нагромождению бетонных глыб у желтого каменного обрыва. Между глыбами торчало ржавое железо и чернела узкая щель. Наверно, это был разбитый дот. Славка придвинулся к щели. Но из темноты веяло такой могильной сыростью, что он подумал: «Как-нибудь потом, когда буду не один...»

Мама, конечно, тревожилась, если Славка долго не приходил домой. Расспрашивала, где был.

— Просто гуляю. Смотрю вокруг,— объяснял Славка.

Он не обманывал. Он просто не касался подробностей, чтобы не волновать маму.

Схитрил Славка и сегодня. Накануне объявили, что не будет первого урока, но он вышел пораньше. Ему хотелось пойти в школу длинной дорогой, через гору, на склоне которой стоял на гранитном уступе зеленый «Т-34» — памятник погибшим танкистам. У танка Славка уже бывал, но выше не поднимался. Что там?

Было нежаркое утро с очень синим небом и маленькими желтыми облаками. Славка стал подниматься по кремнистой тропинке. Хотя и круто шла дорога, но шагать было легко. Славка ничуть не запыхался, когда добрался до верха.

Слева была стройка с башенным краном и клетчатым каркасом большого дома. Далеко впереди — привычно-белая улица с зелеными калитками. А прямо перед Славкой лежала поляна с густой высохшей травой. Трава была серая, высокая — Славке по пояс.

Немного похожая на бурьян, только с колючками на редких листьях.

Прикрывая портфелем колени, Славка двинулся через траву. И только сейчас заметил удивительную вещь: на ломких стеблях тут и там висели раковины улиток. Они были пустые и легкие. Кое-где они приклеились так густо, что стучали друг о друга, как маленькие кастаньеты.

Славка сорвал несколько самых крупных и сунул в карман.

Скоро трава стала ниже. Теперь это была свежая трава с мелкими цветами. Какие-то очень крупные кузнечики запрыгали перед Славкой. Он загляделся на них и почти наткнулся на низкую каменную стенку.

Стенка была чуть выше Славкиных колен, а длиной в несколько шагов. По краям ее стояли квадратные башенки — Славке до пояса. В их верхние площадки были вмурованы черные ядра, а посреди стенки на широком выступе лежала чугунная плита с выпуклыми буквами и цифрами:

Батарея Вѣдѣнскаго 1854-1855

Славка тронул коленками стенку и погладил плиту. Пористый камень был холодный и влажный, он впитал в себя прохладу ночи. А чугун уже нагрелся от солнца.

Славке понравился этот памятник. Запрятанный в траве, побитый кое-где осколками более поздней суровой войны, но все равно прочный. Очень простой и крепкий. Он таким и должен быть, потому что здесь в давние времена стояла батарея. Не пускала в город врага. И конечно, держалась до конца. Здесь всегда держались до конца все бастионы, редуты и раveliны.

Славка смущенно оглянулся, дернул с земли похожий на мелкую ромашку цветок, положил его на плиту.

Потом он присел на холодные камни.

И вдруг он увидел улитку. Живую! С рожками и крошечными блестящими глазками. Она тащила вверх по стенке свой спиральный домик. Славка видел улиток раньше только в книжках и мультфильмах. Он присел на корточки и стал разглядывать это маленькое чудо. А потом спохватился! Артемка-то ничего не видит! Сколько можно держать в темноте беднягу? Кругом пусто,

никто не станет смеяться, что пятиклассник возится с тряпичным зайцем.

Славка торопливо вытянул Артемку из-под учебников, взял за уши.

— Смотри вокруг!

И сам выпрямился, оглянулся.

Он до сих пор смотрел только перед собой, а теперь глянул по сторонам.

И просто задохнулся от неожиданной радости.

Утренний Город лежал вокруг, как громадный праздник, как лучшая на свете морская сказка.

Две узкие синие бухты врезались в улицы и обнимали центр Города. Они, как две исполинские руки, хотели обнять и холм, на котором стоял Славка. И самого Славку.

Это сам Город протягивал к Славке руки, звал его.

Звали сверкающие от солнца белые дома, похожие на громадные теплоходы. Звали белые теплоходы у причалов, похожие на многоэтажные дома. Звали замершие в бухтах грозно-синие крейсера и эсминцы. Звала зеленая громада Кургана, желтый равелин у выхода из Большой бухты, путаница старых переулков...

Город принимал Славку!

Славка хотел качнуться навстречу и оробел.

«Правда? — спросил он у Города. — Но я ведь еще... Я всего неделю... Разве я уже твой?»

Город празднично сверкал и смеялся:

«Не бойся, Славка Семибратов! У меня тысячи мальчишек! Будет еще один!»

«Но я... может быть, я еще не такой уж... Не такой как тебе надо...»

Город распахивал руки. Он принимал Славку такого, как есть. С младенческой кисточкой на темени, с припухшей царапиной на ноге, с тряпичным другом Артемкой. Со всякими боязливymi мыслями и с невыученным уроком по ботанике. Со всеми обидами и надеждами.

«Значит, я твой? — сказал Славка. — Ладно, я буду... Я иду!»

На другом краю поляны, за поворотом каменного забора Славка увидел лестницу, о которой не знал раньше. Она шла рядом со стеной, тоже опускавшейся по склону. Лестница была обыкновенная, а стена — старинная, сложенная из такого же серовато-желтого камня, как береговые равелины. В ней темнели бой-

ницы, украшенные сверху тяжелыми карнизами. В точности такие, как в оборонительной башне на Кургане.

Что сейчас за стеной? Склады какие-нибудь или мастерские. Но раньше здесь наверняка была крепость...

Лестница привела к маленькой Орудийной бухте, где у пирсов ждали народ пассажирские катера. Пассажиров было мало, и катера обиженно подвывали сиренами.

Славка обошел бухту и зашагал вдоль набережной. Мимо театра с высокой колоннадой, мимо запертых киосков и фонтана, опутанного ветками раскидистой ивы, мимо Дворца пионеров с белыми горнистами над высоким фасадом... У маленького кино-театра с названием «Прибрежный» он спустился к самой воде.

Никого здесь не было.

На каменной плите лежали многопудовые адмиралтейские якоря — в память о погибших моряках с восставшего в 1905 году крейсера.

Славка опять вытащил Артемку. Макнул с берега лапами и ушами, чтобы Артемка почувал, что такое соленая вода. Сказал:

— Погляди на море при солнечном свете.

Поглядеть было на что. На рейде весело рыскали моторки, деловито суетились буксиры. Неторопливо шел вдоль набережной серый катер под флагом вспомогательного флота и с синим выпелом брандвахты. Выползал из бухты теплоход «Шота Руставели» с черным острым корпусом и сахарно-белыми надстройками. Только серо-синие боевые корабли были неподвижны. Жизнь этих стальных громад была таинственна и скрыта от посторонних глаз. Они стояли как возникшие над водой крепости: недаром над их форштевнями полоскали красные, с большими звездами флаги — такие же, какие принято поднимать над береговыми крепостями...

Над кораблями, над морем неумоимо носились чайки...

Море вдаль было очень синее, а у берега темно-зеленое. Оно шевелило у камней водоросли. Громадные камни едва виднелись над водой. Они лежали там и тут, недалеко от гранитных ступеней.

У самого большого и самого дальнего камня Славка заметил белое пятнышко. Там бился на мелкой волне игрушечный кораблик.

На мачте не было флагов Новэмбэр Чарли, но и так любой мог понять, что яхточка попала в беду.

Гибнущие корабли надо спасать, если они даже совсем крошечные.

До парусника было метров двадцать. Доплыть — раз плюнуть. Но Славка твердо обещал маме, что не будет купаться в одиночку. Можно, конечно, успокоить совесть тем, что спасательная экспедиция — не купание, но лучше сначала попробовать другой способ.

Славка отправил Артемку в портфель и торопливо разулся.

Камни обросли скользкой зеленью. Время от времени их заливала волна, и тогда вода становилась белесой и непрозрачной от миллионов крошечных пузырьков. Славка балансировал и несколько раз вставал на четвереньки. «Ка-а-ак булькнуь,— думал Славка.— Вот тогда будет спасательная операция...» Но думал, впрочем, без особого страха.

Некоторые камни были совсем скрыты, и он пробирался по колено в воде. Царапину сильно щипало от морского рассола. Иногда приходилось прыгать с одного скользкого уступа на другой. Было жутковато и весело.

Наконец Славка добрался. Встал коленями на мокрый каменный скос, дотянулся до маленькой мачты.

Яхточка оказалась сделанной грубо, но правильно: с большим плоским фальшкилем, с намертво закрепленным прямым рулем, с туго натянутыми проволочными вантами. Легонький корпус был вырезан из пенопласта.

Славка заколебался. Взять парусник с собой? В портфель не влезет. Да и зачем? Если надо, Славка может сам такой смастерить. К тому же не для Славки его строили, а чтобы плыл он по морям и океанам.

— Плыви,— сказал Славка.

И маленький шлюп с треугольными парусами запрыгал среди волн. Пошел к выходу из Большой бухты, в открытое море.

Славка повернулся к берегу.

И охнул...

Рядом с его портфелем сидела на корточках Любка Потапенко. Она не просто так сидела! Она открывала портфель!

— А ну, не тронь!!! — заорал Славка.

Любка посмотрела на него и, кажется, удивилась. Громко сказала:

— Ты чего кричишь? Я забыла, что по истории задано. Я у тебя в дневнике посмотрю!

— Не тронь портфель, дура! — опять завопил Славка.

А что он еще мог сделать? Пока доберешься по скользким камням, Любка все разнюхает!

И она разнюхала.

Она весело ойкнула и вытащила Артемку за уши. В точности как Славка.

— Не тронь! — опять закричал Славка.

Он прыгал, скользил, ударялся о камни коленками, подымал брызги и наконец выскочил на плиты.

— Дай сюда, — свирепо сказал он.

Но Любка отскочила и все любовалась Артемкой.

— Какой смешной! Это твой, да?

— Ты чего шаришь по чужим портфелям?

— Тебе жалко, что ли? Я только задание посмотреть...

Наглость какая! Это она так задание смотрит!

— Отдай зайца! — потребовал Славка, и голос у него стал звенящим от злости и страха.

— А если не отдам?

Славка шагнул вплотную. Любка перестала улыбаться и протянула Артемку:

— На, а то заплачешь. Возьми свою куклу.

— Сама кукла! Кудрявая кукла с ватными мозгами.

— Мальчик, успокойся. Ты из какого детсада?

Славка лягнул ее мокрой ногой. Любка отпрыгнула, аккуратно поставила свой портфель, прищурилась и сжала кулачки.

— Вот как врежу...

Славка понял, что она в самом деле врежет. Она его ничуть не слабее, а главное — не трусливее. Отлупит, и тогда совсем позор.

— Скажи спасибо, что ты девчонка, — пробормотал он. Отошел и поспешно запихал Артемку в портфель. Потом оглянулся.

Любка смотрела на него непонятно: без ехидства и как-то задумчиво.

— Какой черт тебя сюда принес?! — в сердцах крикнул Славка.

— Никакой не черт. Я от бабушки ехала, с той стороны. — Она показала на другой берег Большой бухты. — Иду и вижу: ты на камнях...

— Ну и иди... к бабушке, — сумрачно посоветовал Славка.

Она заморгала, будто растерялась. Потом опять прищурилась и медленно проговорила:

— Так, да?.. Припомним.

И зашагала прочь, потряхивая черными кудряшками.

А Славка горестно задумался. Что за подлая особенность у Любки: оказываться где не надо и соваться куда не просят!

Под желудком у него тоскливо засосало. Видимо, там есть неизвестная науке железа, которая откликается на тревожные мысли и всякие опасения. Сейчас откликнулась она активно: Славку даже слегка затошнило.

А ведь как хорошо начиналась Славкина жизнь в новой школе!

В пятом «А» встретили его просто замечательно. Раньше нигде так не встречали.

Женька Аверкин тогда сразу сказал:

— Садись со мной, я пока один.

Костя Головин посоветовал:

— Станут в продленку агитировать — не ходи. Детский сад. Лучше записывайся в баскетбольную секцию.

Славка удивился:

— Там же рост нужен!

— Подумаешь, рост,— сказал Дима Неходов.— Была бы голова.— Этим он сразу как бы признал, что считает Славку здравомыслящим человеком.

Никто не косился с насмешкой, никто не задевал, будто случайно, плечом и не предлагал помериться силой. Только Любка Потапенко чуть не испортила настроение. Все улыбалась хитренько, а потом спросила:

— У вас в Усть-Каменске девочки красивые?

Славка сперва растерялся. Сказать, что их там много и всякие встречаются? Кто-нибудь подденет: «А ты что, всех девочек разглядываешь?» Ответить, что на девчонок не смотрел? Здешние девчонки скажут: «Глядите, какой гордый!» А с ними ссориться тоже не стоит.

Славка подумал и ответил:

— Они там все такие, как ты.

Любка сделала вид, что счастлива без памяти:

— Ой как замечательно!

А Игорь Савин сказал Славке:

— Несчастный город. Понятно, почему ты оттуда сбсжал.

Все засмеялись, а Любка фыркнула, надулась и отошла...

Сегодня она, конечно, постарается отыгаться.

Как теперь быть? Артемку он даже не успеет домой занести:

до урока пятнадцать минут. Куранты на Матросском клубе пробили четверть десятого.

Славка стал натягивать носки и кроссовки. Настроение было унылое. Так хорошо начинался день, и все испортила проклятая Любка!

А может быть... Может быть, не так уж и страшно? Если Любка в самом деле начнет болтать, он как-нибудь отговорится. Сочинит, например, историю про соседского малыша, который всегда толкает ему в портфель свои игрушки.

А может быть, Любка не такая уж и вредная?

Ладно! Будет ли неприятность из-за Артемки, еще неизвестно. А если опоздаешь на английский, неприятностей точно не миновать.

И Славка помчался к школе, попутно размышляя, что у коротких штанов есть все же свои преимущества: в своих шерстяных брюках он бы такую скорость не развил!

Славка поднялся по лестнице на площадь и увидел, что не опоздал. Всюду бегали ребята: был самый разгар перемены.

У верхних ступеней росло большое дерево с гладким серым стволом и большущими зубчатыми листьями. На нижней ветке по-обезьяньи держался Наездник. Он уцепился за сук руками и ногами и висел спиной вниз. Вывернув шею, смотрел на пробежавших внизу ребят.

Он встретился со Славкой глазами и просиял:

— Здравствуй! Подожди, я на тебя сяду.

— Поводилась лиса в курятник...— сказал Славка.— Ты что, в лошади меня записал?

— Да, ты моя лошадка,— весело согласился Наездник.

— За лошадьми, между прочим, ухаживают,— хмуро заметил Славка.— Их, между прочим, кормят...

— Овсом?

— Овес ешь сам. Я лошадь особой породы...

— Ладно, я подумаю,— серьезно сказал Наездник, спустился с дерева и стал что-то искать в своих карманах.

Вытащил синий стеклянный шарик, три этикетки от жевательной резинки, бельевую прищепку, два пятака, шестеренку от будильника... Не поймешь даже, как все это помещалось в его плоских кармашках. Наконец он достал сплюснутую конфету «Белочка» в замусоленном фантике.

— На! Вместо овса.

Славка понял, что краснеет, и сурово сказал:

— Не выдумывай чепуху! Лопай сам, я же пошутил.

— Давай тогда пополам.

— Пополам — другое дело, — сказал Славка. — Ладно уж, садись.

Он загадал, что если хорошо прокатит Наездника, то и в классе все будет хорошо. И прокатил как надо! Правда, на крыльце слегка запнулся левой ногой, но зато привез Наездника прямо в школьный коридор и, к неудовольствию тети Лизы, приземлил его на широкий подоконник.

— Спасибо, моя лошадка! — крикнул Наездник и приготовился мчаться по своим делам.

— Постой... Наездник... Тебя хоть как зовут-то?

Он обрадованно заулыбался:

— Меня? Денис.

Взрослое какое-то было имя.

— Денис... И больше никак?

— Еще... Динька.

Будто колокольчик звякнул. И, откликнувшись на этот короткий звон, забренчал школьный звонок.

...Любку на уроке английского Славка не увидел. Занимались по группам, и Потапенко была в другом кабинете. Зато Аверкин, как всегда, сидел рядом.

Славка незаметно отклеивал от ног присохшую зелень водорослей.

— По морю бродил? — прошептал Женька.

— Ага...

— Крабов ловил?

— Корабль спасал. Кто-то яхточку упустил, а она в камнях застряла.

— Слушай, я узнал про паруса. Есть такая секция во флотилии.

— Вот здорово... Спасибо, Жень.

— Тебя твой Наездник искал...

— Да видел я уже это сокровище...

— Семибратов и Аверкин, беседовать будете на перемене, — перебила их англичанка Анна Ивановна. — А если у Семибратова есть потребность поговорить, пусть он выйдет к доске. Я вам задавала какое-нибудь английское стихотворение, на выбор. Учили?

Славка не учил. Но кое-что он знал с прошлых времен. Он по-

спешно стер с ноги последнюю зелень, вздохнул и вышел. И выдал балладу Стивенсона «Рождество в море». Это были его любимые стихи. Когда Славка их читал, он даже забывал стесняться.

Все остались довольны. Анна Ивановна — Славкиным произношением. Славка — отметкой, а группа — тем, что баллада оказалась очень длинной и спасла по крайней мере трех человек.

Артемка

Все-таки Любка Потапенко была подлая. Ехидная, коварная и вероломная. Целый день она даже не смотрела на Славку, а в начале пятого урока подняла руку и сладким голосом сказала:

— Светлана Валерьяновна, мы ведь говорили на классном собрании, чтобы никто не носил в школу посторонние предметы? А у Семибратова в портфеле посторонний предмет.

Класс обрадовался.

— Мина? — спросил Костя Головин.

— Самогонный аппарат, — предположил Дима Неходов.

— Ножницы для длинных языков! — крикнул Женька Аверкин и шевельнулся, будто хотел прикрыть собой Славку.

— Это не посторонний предмет, — возразила Оксана Байчик.

— Тише... Тише, ребята! — Светлана Валерьяновна почти испуганно смотрела то на Любку, то на Славку. Она очень не любила всякие ЧП. Да и кто из учителей их любит? — Слава Семибратов, объясни, что случилось?

В эти секунды Славка успел передумать многое.

Можно отпереться. Шарить в портфеле никто не станет, здесь нет усть-каменской Ангелины, которая не стеснялась обыскивать ребячьи карманы и сумки (Славка там поэтому запирает портфель на ключ).

Можно обиженно встать и уйти из класса. За это попадет, но не очень. Зато он успеет спрятать Артемку.

Но тогда опять надо будет хитрить, что-то сочинять. Славка решился на дерзкий шаг. На атаку. Он встал.

— Я могу показать! Можно, Светлана Валерьяновна, я всем покажу?

Он взял портфель, твердыми шагами вышел к доске и за уши выдернул Артемку на свет. Поднял его над головой.

Конечно, никто, кроме Любки, не ожидал увидеть лупоглазого зайца, сшитого из диагоналевой пиджачной ткани, в полинялом зеленом комбинезоне и клетчатой кепочке между ушей.

Ребята на несколько секунд притихли. Потом кто-то младенческим голосом пропел:

— Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять!

И пошло:

— В лесу родилась елочка...

— Плутишка зайка серенький...

— Я не хочу в этот зоопарк, здесь хищники без клеток!

— Витька, он на тебя похож!

— А ты на обезьяну!

— Ну, заяц, погоди!

— Ребята, ребята! Ну-ка, успокоились! У нас урок!

И понемногу в самом деле все успокоились. Наверно, не потому, что уговаривала Светлана Валерьяновна, а потому, что всем хотелось узнать про зайца.

Светлана Валерьяновна слегка растерянно спросила:

— Это и есть твой посторонний предмет?

— Да,— сказал Славка и опустил Артемку.— Это неопасный предмет. Зайцы взрываются только в мультфильмах, да и то резиновые. А этот лежал на дне портфеля и никому не мешал. Про него никто бы даже не узнал, если бы не Потапенко. Что за привычка лазить в чужие портфели!

— Я только дневник хотела посмотреть!

В классе опять засмеялись.

Савин сказал:

— Любочка боялась, что мама Семибратова забыла расписаться.

— Игорь, подожди... Хорошо, Слава, садись на место... Все же, наверно, не следует такие игрушки носить в школу. Зачем он тебе здесь?

Славка обвел глазами класс и решительно сказал:

— Я его все время с собой ношу. Кто хочет, пускай говорит, что я как в детском садике... Потапенко этого и хотела... Только я этим зайцем не играю. Ношу — вот и все.

— А зачем? — спросил кто-то.

— А просто так... Я мог сейчас что угодно придумать: будто я его случайно нашел или будто мне его кто-то из малышей подсу-

нул. Все бы поверили. Но врать я не буду. Это мой зверь. Его зовут Артемка. Кто хочет, может смеяться.

Никто не засмеялся. Может быть, потому, что голос у Славки стеклянно зазвенел.

Опять стало тихо. Светлана Валерьяновна осторожно спросила:

— Это что же, Слава? Твой талисман?

Славка мотнул головой.

— Нет. Я не знаю... Просто он со мной путешествует. Когда я на яхте занимался, он всегда со мной плавал...

— Морской заяц,— серьезно сказал Дима Неходов.

— Там не море, а озеро,— объяснил Славка.— Зато Артемку там все любили... Он намокнет, а его за уши вздернут на мачту, он и сохнет на ветерке... Когда я уезжал, ребята говорили, чтобы я Артемке настоящее море показал. Я сегодня с ним на берег пришел, а Потапенко... Появилась откуда-то — и в портфель!

Оксана Байчик подняла руку.

— У Потапенко есть одно свойство,— деловито разъяснила она.— Если кто-нибудь привлек ее внимание, она за ним ходит по пятам, а потом выскакивает навстречу, будто случайно...

Любка взвилась:

— Чем это Семибратов привлек мое внимание?

— Уж не знаю...

— Ну и молчи, если не знаешь!

— Девочки! Девочки, успокойтесь...

— А как Артемка с тобой плавал? — спросил Костя Головин.— Болтался на мачте?

— Нет, он на носу сидел. Мы его к штагу привязывали.

Светлана Валерьяновна взглянула на часы.

— Ну хорошо, ребята, Артемка Артемкой, а урок уроком... Что тебе, Женя?

Аверкин встал.

— Светлана Валерьяновна! У нашей бабушки старые журналы есть, «Нива» за тысячу девятьсот двенадцатый год, а там фотография: летчик капитан Андреади. Он из нашего города до Москвы долетел. Самолет весь из реечек и парусины, а под крылом плюшевый мишка привязан...

— Вот бы Любочку туда,— сказал Савин.— Она бы на этого капитана сразу в морской штаб наябедничала: посторонний предмет!

— Я не ябедничала, я при всех! Потому что сами договаривались, чтобы в классе был порядок!

— Тише! Люба! Ребята!.. Порядок нужен без сомнения. Но что касается Артемки, то он, по-моему, порядка не нарушал. Жил себе спокойно у Славы в портфеле...— Светлана Валерьяновна вдруг улыбнулась.— Ну и что? Я, например, могу вам честно признаться: когда я была студенткой, все годы таскала в сумке шахматного конька. Мне его один третьеклассник подарил на практике, на первом курсе. В приметы я не верю, но конек определенно приносил мне счастье. Потому что я его любила.

— Не было там у вас Потапенко...— сказал Аверкин.

— Не надо нападать на Любу. Она заботилась о пользе класса, но немного перестаралась...

— Ну-ну,— сказала Оксана Байчик.

Светлана Валерьяновна предложила:

— Теперь все-таки займемся историей. Артемка в это время пусть посидит на подоконнике. Я уверена, что он будет самым дисциплинированным учеником.

— Подождите,— попросил Савин.— Семибратов, подними его еще раз, покажи всем.

Славка опять вскинул Артемку над головой. И сам на цыпочки привстал. Игорь выхватил из-под парты фотоаппарат и щелкнул спуском. Славка даже вздрогнул. Потом растерянно улыбнулся и спросил:

— Зачем тебе?

— Для истории.

— Все равно не получится. Здесь темно.

— Получится. У меня пленка двести пятьдесят единиц.

После урока Артемка пошел по рукам. Отнеслись к нему любовно, но каждый хотел подержать, погладить, подергать за уши.

Поэтому вид у него скоро стал помятый.

Славка стоял в сторонке, чтобы не подумали, будто он дрожит за Артемку. Но когда Витька Семенчук собрался рисовать на Артемкином пузе череп и кости, Славка решительно вмешался. Отобрал потрепанного зайца, а заодно и мел:

— Давай, я лучше на тебе нарисую!

— Давай,— согласился Витька и выпятил живот.

Но тут пришло известие, что не будет классного часа. Все радостно завопили, похватали портфели и разбежались.

Славку в коридоре остановила вожатая Люда.

— Семибратов! У тебя правда есть заяц-путешественник?

Славку даже шатнуло. Он-то думал, что вся история уже позади.

— Откуда вы знаете?

— Ребята сказали. Да ты что расстроился? Это же здорово! Напиши про него заметку, а? Надо стенгазету выпускать, а ни одного интересного материала, все такая сухомятина...

«Прославился»,— тоскливо подумал Славка.

— Лучше не надо, Люда...

— Ой, только, пожалуйста, без этих «не надо»! Игорь Савин обещал снимок сделать.

Еще не легче!

— Да не умею я заметки писать!

— А я не умею работать вожатой,— бодро сообщила Люда.— Но я работаю. Уже четвертый год. И говорят, что вроде бы получается. Вот и ты давай так же. Газету все равно выпускать надо.

Отступать было некуда. Да и какой смысл отказываться? Раз про Артемку знает столько народа, бояться уже бесполезно.

Люда устроила Славку в уголке пионерской комнаты за журнальным столиком. Дала листок.

Славка подумал и, вздыхая, написал название «Артемка». Зачеркнул и, рассердившись на весь белый свет, написал снова «Мой Артемка».

Но заголовок — не самое трудное. Мама говорила, что самое трудное — первая фраза (иногда маме приходилось писать статьи и доклады).

Славка написал первую фразу:

«У меня есть игрушечный заяц Артемка».

Почесал авторучкой переносицу и написал вторую:

«Только я им не играю».

Дальше пошло легче:

«Артемка со мной путешествует. Мы с мамой часто ездили с места на место. Артемка сидел у окна вагона и смотрел на леса и поля. Когда мы жили в Покровке, Артемка ходил со мной и Анютой Лагуновой на яхте. Анюта Лагунова была мой рулевой...»

Славка вспомнил Анюту и подумал: «Где она теперь? Обещала написать... Наверно, писала, да только по старому адресу, в Покровку. Не знает, что я давно уехал...»

«Артемка всегда сидел на носу и первый получал все брызги.

Один раз у нас были гонки, и мы заняли второе место. Все говорили, что это Артемка нам помог. Нам дали грамоты, а ему шоколадную медаль. Мы с Анютой эту медаль съели, потому что тряпичные зайцы не питаются шоколадом...»

Тут Славка засомневался: «Может быть, не надо про гонки и медаль? Подумают, что хвастаюсь...» Но потом решил не зачеркивать, потому что без этого получалось очень коротко. А с медалью, которую они съели,— смешнее.

Пока Славка писал и размышлял, собрались ребята. Видимо, это был совет дружины. Среди них оказался Женька. Славка не знал, что он в совете!

Женька подмигнул Славке — «трудись, не унывай» — и забрался на подоконник в другом конце комнаты.

Славка опять согнулся над листом.

«Теперь мы с Артемкой живем у моря. Я его макнул в соленую воду, чтобы он был настоящий морской заяц. Меня об этом пролили ребята...»

Что еще написать? Он перечитал заметку. Не все здесь было правдой. Никто не просил макать Артемку. Никто в Покровке и не знал, что Славка через год окажется у моря. Но Славка успокоил себя: «Если бы Анюта знала, то обязательно попросила бы».

Да, в заметке была не вся правда про Артемку. Всю правду Славка мог бы рассказать лишь очень близким друзьям...

Ребята шумно рассаживались вдоль стен. Пришла и тоже села — недалеко от Славки — полная, завитая учительница английского языка. Не Анна Ивановна, а другая. Классная руководительница пятого «Б». Звали ее, кажется, Елизавета Дмитриевна.

Рыжеволосый мальчишка, чуть постарше Славки, весело спросил:

— Кого-то чистить будем?

— Тебя,— сказала серьезная девочка с желтой косой.

— Меня не за что... А может, и есть, да вы не знаете.

— Сергей, сядь, пока не узнали,— попросила Люда. И обратилась к учительнице: — Елизавета Дмитриевна, где Сель?

«Англичанка» нервно подняла голову и сказала почему-то обиженным тоном:

— Я велела ему сидеть в классе, пока не позовут. Я же не знала: вдруг у вас есть еще какие-то вопросы на повестке дня?

— У нас, конечно, есть вопросы, но давайте сначала отпустим вас и вашего ученика.

— А что он опять начудил? — спросил огненноволосый Сергей.

— Сейчас узнаешь, тебе понравится. Кстати, сходи-ка позови его.

Сергей охотно убежал и через полминуты вернулся. Следом за ним шагнул в пионерскую комнату небольшой веснушчатый мальчик.

Очевидно, это и был пятиклассник со странной фамилией Сель.

Часть вторая

Тимсель - Оранжевый Парус

Похититель баркентины

Он был заляпан веснушками так густо и беспорядочно, что они казались ненастоящими. К тому же это были не обычные золотисто-рыжие веснушки, а коричневые. Того же цвета, что загар, только темнее. Словно мальчишка, запрокинув худенькое треугольное лицо, бегал под обильным дождем из густого кофе. На щеках, на носу, на лбу, на подбородке — и мелкие брызги, и пятнышки величиной с копейку, и целые сгустки. Маленькие галактики из веснушек. Но не только лицо забрызгал коричневый дождик — и шею, и руки, и ноги. На коленках такие пятна, будто мальчишке пришлось ползать по лужайке, где росли ягоды с шоколадным соком.

— Здравствуйте, — негромко, но без стеснительности, сказал мальчик.

И Славка сразу понял: вот человек, в котором мама за одну секунду угадала бы «воспитанного интеллигентного мальчика». Несмотря на веснушки.

Он был сдержан, вежлив, подтянут. И аккуратен во всем: начиная от ровно зачесанных набок темно-русых прядок и кончая белыми носочками и блестящими, будто сейчас из магазина, сандалиями-босоножками.

Что такой мальчик мог натворить?

— Выйди на середину, — сухо сказала Елизавета Дмитриевна. Сель оставил у дверей портфель и вышел.

— Встань как следует,— потребовала Елизавета Дмитриевна. Видимо, по привычке.

Он и так стоял по струночке. В самом прямом смысле. Будто струнки были натянуты в нем от ключиц до подошв. Руки опустил по швам, пятки сдвинул, плечи держит ровненько. Белые уголки воротника лежат точно над блестящими пуговками нагрудных карманов; галстук — отутюженный, на рубашке стального цвета — тоже ни морщинки; пряжка пионерского ремешка не сдвинута от середины ни на сантиметр, а стрелки на васьиковых шортиках такие, словно под ними спрятаны стальные линейки. Только голову Сель держал не по-строевому. Он ее слегка опустил — как и положено примерному, но случайно провинившемуся ученику.

Однако Елизавету Дмитриевну почему-то лишь рассердил образцовый вид ее питомца.

— Сейчас ты, конечно, изображаешь милого послушного ребенка. А расскажи-ка, что ты устроил той ночью?

Сель слегка шевельнул головой. Это было почти неувидимое движение. Но странное дело, у Славки тут же — в один миг! — исчезла всякая мысль, что Сель собрался просить прощения. Не было в этом мальчишке ни покорности, ни раскаяния. И струнки, которые держали его прямо, были стальные.

— Я уже много раз рассказывал,— сдержанно сказал Сель.

— Ты рассказывал в милиции и в классе, а ребята, которые собрались здесь, ничего не знают. Вот им и расскажи. Или боишься?

Сель быстро поднял на учительницу спокойные зеленовато-серые глаза. И тут же опустил.

— Тима, расскажи, пожалуйста,— поспешно попросила Люда.— Ребята в самом деле ничего не знают.

— Подробно рассказывать?

— Давай подробно,— с явным интересом попросил рыжеволосый Сергей.— С деталями.

Сель согнутым пальцем быстро поскреб подбородок, будто хотел отцарапать веснушку, и опять опустил руку. Потом сказал:

— Было десять часов вечера. С зюйда пошел хороший ветер, примерно в шесть баллов. Я решил, что этого хватит...

Славка отодвинул листок и насторожился.

— Я решил, что этого хватит. Все, что было нужно, я приготовил заранее...

— То есть это был обдуманный поступок! — перебила Елизавета Дмитриевна. — Заранее запланированное хулиганство!

Сель не изменился в лице.

Но Славке почудилось, что струнки в мальчишке натянулись ту же.

— Это был обдуманный поступок, — подтвердил Сель и посмотрел на вожатую. — Люда, как я могу рассказывать, если меня перебивают?

— Тима, не капризничай... Елизавета Дмитриевна, пусть он расскажет.

— Он паясничает! Пусть он не разводит истории, а сразу скажет, зачем проник на корабль.

— На баркентину? — спросил Сель, и Славке послышалось в его голосе еле заметная насмешка.

Славка смотрел на Селя, не отрываясь. Он еще не знал, что сделал этот веснушчатый мальчишка, но уже твердо знал, какой он.

— Да, да, на баркентину «Сатурн»! — громко сказала Елизавета Дмитриевна. — Какая разница!

— Разница есть, но не в этом дело... Я хотел перегнуть «Сатурн» через бухту и выбросить на бетонные сваи старого причала.

Рыжий Сережка тихо свистнул, и Люда наградила его неласковым взглядом.

Кто-то громко сказал:

— Одиссея капитана Блада...

Спокойная девочка с косой приоткрыла рот.

Женька Аверкин, который сидел на подоконнике, подтянув к подбородку колени, быстро опустил ноги, словно решил спрыгнуть на пол.

У Славки затюкало сердце. Почему-то так же затюкало, как прошлым летом, когда он увидел над Покровским озером летящие паруса.

Смуглый, строгого вида паренек с комсомольским значком — видимо, председатель совета дружины — спросил:

— Откуда там взялись сваи? Где они?

— Напротив Чернореченского пирса. Левее разделочной базы.

— Там нормальные причалы базы. Неразрушенные.

— А еще левее...

— Там нет.

— Есть. Я же не вслепую собирался идти. У меня схема была начерчена.

— Начерти.

— На чем?

Славка торопливо поднялся. Он должен был хоть чем-то помочь этому мальчишке. Позади Славки стояли у стены листы картона. Он торопливо вытащил один лист на середину комнаты, а потом протянул Селю кусок мела. Тот, что отобрал у Витьки Семенчука.

— Спасибо,— сказал Сель и быстро посмотрел на Славку. И они встретились глазами. И в серо-зеленых глазах Селя было не просто «спасибо». Он словно сказал взглядом: «Видишь, как мне приходится...»

«Ты держись»,— успел ответить Славка.

«Я держусь...»

Картон поставили на стул и прислонили к спинке. Сель нарисовал что-то похожее на длинный сачок.

— Это Большая бухта. Это станция Черная Речка. Вот причал и «Сатурн». А это база и сваи. Если с разгона туда врезаться, корпус застрял бы между сваями и получил бы пробоину. Он бы засел там, и его раздолбило бы волнами.

— Ве-ли-ко-лепно!— вставила Елизавета Дмитриевна.

Неожиданно поднялся круглолицый и немного сонный семиклассник.

— По-моему, Сель все придумывает,— сообщил он.— Рассказывает сказки, а мы слушаем. Какой может быть разгон без парусов? Там нет ни одного паруса, мы по этому «Сатурну» еще в прошлом году лазили. Там все сгнило.

— У меня был свой парус. Старый грот от крейсерской яхты,— объяснил Сель.— Я его поднял вместо фока-стакселя.

«Такую парусину при шести баллах? Один?» — подумал Славка. И Сель словно услышал его мысли. Он опять попробовал отколупнуть от подбородка веснушку и сказал с сожалением:

— Вручную было не поднять. Я фал намотал на ручной брашпиль... А барабан там несмазанный, визжит. Наверно, от этого сторож и проснулся. Я шкот закрепил на нагеле и стал носовой швартов перепиливать, а сторож в это время и появился. На трапе...

— А ты бы драпал!— воскликнул рыжий Сережка.

Ему тут же возразили:

— Куда драпать, если сторож на трапе? В воду, что ли?

Сель спокойно сказал:

— Я мог и в воду. На мне надувной круг был. Я все равно соби-
рался с борта прыгать перед сваями... Но тут я не сумел, у меня
нога подвернулась.

— Стойте! Что здесь происходит? — Елизавета Дмитриевна
обвела совет негодующим взглядом. — Вы... обсуждаете его посту-
пок как итоги воснной игры! Вы забыли, что Тимофей Сель
совершил злостное хулиганство! Он... хуже! Он пытался совер-
шить угон судна! Если хотите, это преступление. Мне сказали,
что по закону это... пиратский акт.

Все притихли сначала. Потом кто-то хихикнул:

— Страшный пират одноногий Сильвер...

— Сельвер...

— Повесить на рее...

А Женька Аверкин негромко сказал:

— Пиратский акт, это если для грабежа. Для выгоды.

— А он? — Елизавета Дмитриевна ткнула в похитителя баркен-
тины круглым пальцем. — Вы хотя бы спросите, чего он хотел!

— И так понятно. Он хотел спасти «Сатурн», — по-прежнему не-
громко сказал Женька. У него был странный, виноватый какой-то
вид, и на Селя он не смотрел. И Сель не взглянул на него ни разу.

— От чего спасти? — удивилась девочка с косой.

Сель обвел глазами всех ребят. И на Славку посмотрел.
И спросил:

— А вы знаете, сколько было у нас баркентин?

Голос у него не стал громче, но сделался вдруг особенно
ясным, открытым.

— Их было двенадцать, — сказал Сель, не опуская головы. —
«Тропик», «Меридиан», «Сириус», «Шокальский», «Капелла»...

«Вега», «Кропоткин», «Альфа»... — отозвалось в Славке.

— Я даже все названия не помню, — продолжал Сель. — Но все
равно... Это же нечестно! Идешь в каком-нибудь городе, видишь:
мачты! Все как по правде: ванты, реи... Подбегаешь — ресторан
«Нептун», ресторан «Кронверк», кафе «Парус»... Даже из малень-
кой шхуны «Испаньолы» в Ялте бар сделали! «Сатурн» оставался
последний, а теперь и его...

— И что же плохого в том, что устаревшие суда продолжают
служить людям? — почти спокойно поинтересовалась Елизавета
Дмитриевна.

У Славки даже кулаки сжались. Он бы ей сейчас сказал... Но Сель ответил не хуже:

— Мне трудно вам объяснить. Некоторые люди не понимают разницы между парусником и пивной.

— Тима! — воскликнула Люда.

На розовом лице Елизаветы Дмитриевны появились белые пятна. Как заплаты. Но она решила, видимо, больше не кипятиться.

— Допустим, — сказала она. — Допустим, я презренное сухопутное существо, а ты рыцарь моря. Но вот что странно: ты один протестуешь против того, чтобы на «Сатурне» оборудовали кафе. А из настоящих моряков никто не протестовал.

— Протестовали, — сказал строгий восьмиклассник. — Мой отец даже в газету писал.

— В газету — другое дело! Но ни твой отец, ни другие не пытались устроить кораблекрушение.

— Им бы от начальства влетело, они боялись, — разъяснил рыжий Сережка.

Елизавета Дмитриевна встала.

— Вот именно! А неустрашимый Сель не боится ничего. Он чувствует, что совет дружины на его стороне. И я это чувствую. Вы видите в нем героя! А этот герой, между прочим, теперь на учете в детской комнате милиции и сегодня на классном собрании получил строгий выговор. Вот так!

— Может быть, и хватит? — тихо спросила девочка с косой.

— По-вашему, хватит? Значит, по пионерской линии ему ничего не будет? А на классном собрании даже было предложение исключить его из пионеров!

Люда удивленно взглянула на учительницу, а потом на чернявую девочку, сидевшую недалеко от Женьки.

— Галя! Было такое предложение?

Чернявая девочка смущенно сказала:

— Да, Елизавета Дмитриевна предлагала...

Послышались смешки. Люда подумала, нахмурившись, и нехотя проговорила:

— Извините нас, Елизавета Дмитриевна, но такие вопросы не ставятся классными руководителями, это дело отряда. И решает это не классное собрание, а пионерский сбор. Есть определенная разница.

Елизавета Дмитриевна обессиленно села.

— Ну, если так... Если здесь решили обсуждать меня, а не его... А вы на него посмотрите! Он даже ошибок своих не признал.

— Почему? Я признал,— тихо сказал Сель.— Глупо это было.

— Наконец-то до тебя дошло!

— Да. Нельзя было делать это одному. И парус, и швартовы, и штурвал...

— Я вас поздравляю! — Елизавета Дмитриевна поднялась и решительно направилась к дверям. — Целуйтесь с этим... адмиралом.

Сель неожиданно громко сказал:

— На «Сатурне» папин брат, дядя Саша, практикантом плавал. А меня на «Сатурне» в октябрюта принимали, там сбор был! А теперь что?

— Не одного тебя принимали там в октябрюта! — бросила Елизавета Дмитриевна.

— Не одного,— согласился Сель.

А Женька Аверкин, который насупленно смотрел на него, медленно отвернулся. Остальные тоже выглядели недовольными.

Елизавета Дмитриевна остановилась у дверей и решительно потребовала:

— Ответьте наконец: по-вашему, он ни в чем не виноват?

Восьмиклассник встал.

— Сель виноват,— сказал он.— И давайте с этим кончать. Он виноват, потому что нарушил портовый режим. У него нет судоводительских прав, а он хотел вести судно, да еще по внутреннему рейду. У него даже опыта нет...

— Я с дядей Сашей на Л-6 ходил, на руле,— негромко сказал Сель и опять опустил голову. Как в начале разговора.

— Яхта — одно, а трехмачтовый парусник — другое. Ты и штурвал бы не удержал. Тебя могло снести на другие суда, на военные корабли. Вот тогда было бы дело!

— Другие суда стоят очень далеко,— глядя в пол, сказал Сель.— Ближе к выходу из бухты.

— Ну и что же? Ты такой опытный капитан, что хотел управлять баркентиной? Да еще в ночное время и без огней. А если бы снесло?... Вот за это я предлагаю строгий выговор. А за все остальное он и без нас уже получил. Кто-нибудь против?

Здесь все решала секунда. И Славка даже не колебался. Он быстро встал.

— Я против!

Конечно, к нему обернулись все разом. И конечно, Елизавета Дмитриевна возмутилась:

— Ты, по-моему, не в совете! И вообще, ты, кажется, новичок!

— Вы тоже не в совете,— осторожно сказал Славка.

— А ты нахал. Как твоя фамилия?

— Семибратов,— сказал Славка и посмотрел на Селя. Они встретились взглядами лишь на секунду, но Славка все равно успел заметить: «Спасибо».

И спасибо не за то, что против выговора. Выговор — ерунда. Все понимают, что скоро он будет забыт. И Сель про него забудет, и совет. Тут другое...

— Дело не в том, кто в совете, а кто нет,— сказал Славка,— дело в том, что баркентину снести не могло.

— Почему не могло? — быстро спросил восьмиклассник.

Славка торопливо выбрался из-за столика, зацепил его и чуть не опрокинул. Подошел к столу с картоном.

— Вот смотрите,— волнуясь, начал он.— Если ветер отсюда, а баркентина стоит носом к выходу из бухты, тогда стаксель закреплен на левый галс. Когда судно увалится, галс все равно останется левый... Если и снесло бы, то сюда, в конец бухты.

— А там,— сказала Елизавета Дмитриевна,— у самого берега чернорсченский Дом пионеров.

— Да,— согласился Сель.— Они как раз просили «Сатурн», чтобы сделать морской клуб.

— Но туда тоже не снесло бы,— сказал Славка.— Потому что вот...— Он быстро, несколькими взмахами нарисовал баркентину — вид сверху — и от стакселя прочертил длинную стрелу.— Ветер сюда. Дрейфа почти нет, потому что курс — полный бакштаг. С таким маленьким парусом баркентина только полным курсом и пошла бы. Он же всего вот какой...

Славка перевернул картон и нарисовал теперь баркентину, стоящую к зрителям бортом. И впереди фок-мачты, над носовой палубой — белый треугольничек. Стаксель, сделанный из паруса яхты.

Никто не перебивал Славку. А когда он кончил, все пошло очень быстро. Даже неправдоподобно быстро. Председатель совета дружины серьезно сказал:

— Это довольно убедительно. Видимо, человек разбирается... Тогда что? Тогда я предлагаю объявить Селю не выговор, а порицание. Кто «за»? Все «за». Переходим к следующему

вопросу. Кто не член совета, тот... спасибо, может идти домой.

Сель пошел первый. Он сделал налево кругом и зашагал к двери. Мимо безмолвно негодующей Елизаветы Дмитриевны.

«Оглянись,— подумал Славка,— ну, пожалуйста, оглянись!»

Сель обернулся. То ли просто так, то ли молча позвал Славку за собой. И вышел.

Славка торопливо шагнул за ним.

— Семибратов, а заметка?

Славка сунул вожатой листок и выскочил в коридор.

«Только бы он не ушел! Только бы не ушел!»

Мы одной крови

Сель не ушел. Он поставил ногу на батарею отопления и, кажется, возился с пряжкой сандалии. Он глянул на Славку зеленоватыми с искорками глазами, подергал на сандалии ремешок и сказал:

— Растянулся. Хлябает и хлябает, просто невозможно ходить.

Славка остановился рядом. Очень внимательно, словно от этого зависела чья-то судьба, он осмотрел ремешок и пряжку.

— Надо новую дырку проколоть.

— Так нечем же,— объяснил Сель почти обрадованно.

Славка сдернул с себя кожаный пояс. Там у пряжки был шпенец с довольно острым концом.

— Давай,— сказал Славка.

Сель снял сандалетку. Славка положил ее на подоконник и начал сверлить в ремешке отверстие. Сель нагнулся рядом и тихо дышал у Славкиной щеки.

— Тупой, не берет...— пробормотал Славка.

— Ну, тогда не надо. Я дома шилом...

— Подожди, я еще... Вот, пошла... Слушай, а где стоит этот «Сатурн»? Я парусных судов наяву еще не видел...

— У станции Черная Речка. Разве ты там не бывал?

— Я еще нигде почти не бывал... Я неделю назад приехал... Вот, готово! На.

— Спасибо.— Сель встал на колено и застегнул пряжку.— В самый раз...

(А было не в самый раз. Туговато было, Славка это видел.)

Славка, стоя над Селем, спросил:

— Я еще хотел узнать... Разве бегучий такелаж на «Сатурне» сохранился?

— Нет, конечно. Все сгнило или растащили.

— А как ты поднял стаксель? Откуда взялся фал?

Сель встал. У него странные сделались глаза: и виноватые, и обрадованные.

— Кроме тебя, никто про это спросить не догадался... Ты никому не говори, ладно?

— Честное слово,—быстро сказал Славка.

— У меня свой фал был. Капроновая веревка...

— Значит, до марсовой площадки лазил? — тихо спросил Славка.— Иначе же не продернуть.

Сель опустил голову и шевельнул плечом. Словно хотел сказать: «А что было делать?»

Славка представил, как это было. Ветер шесть баллов — натянутые тросы гудят, а обрывки хлещут по мачте. Высота — с пятиэтажный дом. Темно. Под ногами гнилые выбленки — ступеньки, привязанные к вантам...

— Жутковато, наверно...— тихо сказал он.

Сель вдруг улыбнулся:

— Ветер свистит, а я — гордый и бесстрашный — устремляюсь вверх, прямо к звездам!.. И на каждой выбленке шепчу «мачочка».

Они со Славкой засмеялись. И были они уже не просто Славка Семибратов и Тимка Сель. Кажется, что-то уже связало их. Чуть-чуть.

Сель перестал смеяться и сказал:

— Обидно только, что все зря...

— Не зря! — вырвалось у Славки, и он смутился. И начал суетливо продергивать в петли поясок.

«Ты, Тимка, не зря пробрался на «Сатурн». Иначе не было бы совета дружины. И тогда неизвестно, как бы мы встретили друг друга!»

Сель спросил:

— Неужели ты никогда парусников не видел? Схему точно нарисовал...

— Ну, по книжкам-то я знаю...

— У тебя какие книжки?

— Со схемами? «Операция «Парус», журналы «Катера и яхты», потом еще «Паруса над океанами», перевод с чешского. Только

там кое-что напутано. Еще «Парусно-моторные суда» Цурбана...

— Цурбан есть? Вот повезло! Там все подробно, да?

— Конечно. У тебя нет?

— Откуда? Я только слышал про нее.

— Хочешь почитать?

— Еще бы! А когда можно?

— Сейчас можно,— ликуя в душе, сказал Славка.— Давай забежим ко мне...

— Давай! Если у тебя время есть...

— Конечно, есть!

Они вышли на крыльцо.

— Ой! — спохватился Сель.— Мне же еще надо в библиотеку! В нашу, школьную. Если не сдам книжку, будет скандал. Их всего на три дня нашему классу дали.

— Что за книжка?

— Да вот...— Сель вытащил из портфеля потрепанную книжонку в бумажной корочке.

Славка даже засмеялся: он увидел старого знакомого — «Маугли». Сокращенное издание для тех, кто изучает английский язык.

— У меня такая была, только потерялась.

— Жаль, что потерялась,— вздохнул Сель.— Пригодилась бы. Я письменный перевод не сделал из-за всей этой истории. Завтра Куин Лиза вкатает мне двойку от всей души.

— Какая Куин Лиза?

— Елизавета Дмитриевна. Ее так зовут у нас: Королева Елизавета, Куин Элизабет. Куин Лиза... Тебе хорошо, ты не у нее...

— Много задали переводить?

— Целая страница. Вот, у меня заложено...

Сель открыл книжку. Из нее упал сложенный вчетверо листок. Славка нагнулся за ним.

— А! Это уже не надо,— сказал Сель.— Это анкета для детской флотилии. Записаться хотел...

— А сейчас не хочешь?

— Ты смотри, тут графа: «Согласие классного руководителя». Думаешь, Куин Лиза даст мне теперь согласие? От нее дождешься!

— Жалко...

— Конечно. Только упрашивать ее я не буду.

— Я тоже хотел записаться...— сказал Славка.

Сель, кажется, обрадовался:

— Тогда возьми анкету, она чистая!

Славка замотал головой. Получалось нехорошо: Тимке во флотию нельзя, а Славке вроде бы на эту Тимкину беду наплевать.

— Да бери! — сказал Сель. — Зачем тебе лишний раз бегать за анкетой? Сразу заполнишь, подпишешь — и к начальнику.

Славка вздохнул и взял. Потому что отказываться тоже было неудобно. Вдруг Сель скажет: «Я тебе помочь хочу, а ты ломаешься...»

Славка виновато спросил:

— Неужели она такая вредная, ваша Куин Лиза?

Сель печально ответил:

— Королевы бывают хорошими только в сказках и шахматах... Ты подождешь, пока я книжку сдам?

— Постой, — сказал Славка. — Двойка-то тебе к чему? Давай напишем перевод. Я его, наверно, помню.

— Вот здорово!

Сель без лишних слов уселся на высокий парапет крыльца — в сторонке, чтобы не мешать пробегавшим туда-сюда ребятам. Положил на колени портфель, на портфель — тетрадку. Славка сел рядом.

— Готов? Пиши: «Когда Маугли вышел из зарослей на поляну...»

Славка помнил текст почти наизусть. Иногда увлекался и шпарил без передышки. Сель останавливал:

— Подожди, это я сам, а то нечестно получается... Здесь я тоже могу. А это что? Все слова знаю, а выходит чепуха какая-то. Они что, дрались до крови?

— Да нет! Это же клич такой. Как пароль: «Мы одной крови — ты и я!»

Сель быстро глянул сбоку на Славку. Хотел написать, но задержал ручку. Головкой ручки поцарапал подбородок. Сказал, опустив глаза в тетрадку:

— Сидим рядом, разговариваем... а даже не знаем, как друг друга зовут...

— Я знаю, — торопливо и смущенно возразил Славка. — Тебя Тимка зовут... Да?

— Меня зовут Тим, — серьезно сказал Сель. — Все меня так зовут с тех пор, как я только родился. Все, кто... ну, кто мне не враг...

— А меня Славка... Тим... ты пиши. «Мы одной крови — ты и я...»

...Тим, конечно, понравился маме. Славка видел, что мама им просто любит. В Тиме было все, чего не хватало Славке. А Славке не хватало собранности, подтянутости, внутренней интеллигентности, умения держаться и вести себя, как положено воспитанному мальчику из приличной семьи.

Когда баба Вера позвала обедать, Тим не ломался и не отказывался. Вилку и нож он держал как полагается. Не торопился, как на поезд, не глотал непрожеванные куски и спокойно, без смущения отвечал на мамины деликатные вопросы.

И Славка благодаря маме узнал, что отец у Тима — инженер на судне, которое часто уходит в океан, чтобы поддерживать связь со спутниками и космонавтами. А Тимкина мама — дежурный администратор в гостинице для моряков.

— Надеюсь, дома у тебя не станут волноваться, что ты задержался? — осторожно спросила мама.

— Просто некому волноваться. Папа в море, а мама до завтра на дежурстве.

— И больше у вас никого нет?

— Еще сестра Валентина. Я в шесть часов пойду за ней в детский сад.

— Маленькая сестра?

— Нет, большая. Почти семь лет.

— Это все-таки не очень большая. Ты, наверное, о ней заботаешься?

Тим улыбнулся:

— О ней не надо заботиться, Елена Юрьевна. Она самый самостоятельный человек у нас в семье. Вы бы слышали, как она по телефону разговаривает! Те, кто не знает, сразу начинают к ней на «вы» обращаться...

После обеда Славка и Тим рассматривали книги и журналы с кораблями. От книжки Цурбана Тим еле оторвался.

— Ты ее бери домой и читай сколько влезет, — сказал Славка. — Хоть месяц, хоть год... — Он готов был сказать: «Если хочешь, то бери насовсем», но не решился. Получится, будто он сразу набирается Тиму в друзья.

Тим обрадовался:

— Я срисую кое-что. Тут все детали как на ладони... Смотри, марсовая площадка в точности как на «Сатурне». Вот через этот брус я фал перекинул, блок искать было некогда.

— Парус тебе вернули?

— Ой... Даже вспоминать боюсь. Обещали отдать, когда кто-нибудь из взрослых придет. Дядя Саша, когда узнает, еще устроит мне головомойку. Это его парус. Мы однажды в Голубую балку ездили, и дядя Саша нам его дал, чтобы тент от солнца на пляже сделать...

Славка жалобно засопел. Когда при нем говорили о пляже, его сразу же нестерпимо тянуло купаться.

Он сказал об этом Тиму. Тим подпрыгнул:

— Так идем!

— Легко сказать «идем»... Меня одного не пускают. «Ребенок захлебнется, ребенок ударится о камни...»

— А со мной?

Славка посмотрел на Тима с сомнением.

Тим подошел к двери:

— Елена Юрьевна! Простите, что я вас отрываю. Можно, мы со Славой сходим на пляж?

Славка не видел маму, но сразу представил, какие круглые у нее стали глаза.

— Одни?

— Я всегда купаюсь один...

— Да, конечно... Но Славик... Он еще не привык.

Знала бы мама, что случилось на Покровском озере...

Тим рассудительно сказал:

— Елена Юрьевна, привыкать все равно придется. Если живешь у моря, с мамой каждый раз купаться не будешь.

— Ох, я это понимаю. Но я так волнуюсь...

— А мы придем ровно через час — из минутки в минутку. Вы не успеете поволноваться.

— Это совершенно точно? — жалобно спросила мама.

«Ура!» — шепотом сказал Славка.

...Они были уже в квартале от дома, когда мама догнала их. Она несла пляжную сумку.

— Вы забыли полотенца... И кроме того, я тоже хочу поплавать. Нет-нет, не думайте, что я вам не доверяю. Просто мне стало завидно.

Они купались долго и весело. Плавали наперегонки. Брызгали друг на друга. Нырjali с бетонных ступеней. Пытались достать на глубине дно. Мама наконец вытащила их на берег.

— Сколько можно сидеть в воде! Вы превратитесь в русалок.

— Мальчишки-русалчики, новое открытие в науке,— сказал Тим. Он прыгал на одной ноге и тер полотенцем плечи.

Мама смотрела, смотрела на него и вдруг начала смеяться:

— Нет, это просто чудо! Какой же ты пестренький!

Славка вспыхнул: а если Тим обидится?

Но Тим тоже засмеялся:

— Меня маляры обрызгали... Это мне мама рассказывала маленькому. Будто, когда я родился, меня в больнице несли по коридору, а там стены красили. У маляров случайно повернулся распылитель, и вся краска — на меня.

— Похоже, что так и было,— смеясь, заметила мама.

— Я этому долго верил,— сказал Тим.— Один раз у нас в детском садике был ремонт, и я у маляров узнал, чем надо масляную краску смывать. Растворитель такой в плоских бутылочках... Стащил у них одну бутылку и давай ноги тереть...

Мама удивилась:

— Почему же не нос и не щеки?

— А что мне нос? У меня с ногами беда была... Мы в пряталки часто играли в коридоре, где взрослая раздевалка. Там халаты висели. Спрячешься за них, а ноги торчат. Тапочки у всех одинаковые были, ну и ноги похожие, не угадаешь, кто где. А меня сразу — хватать!

Мама опять залилась смехом. И Славка. Он был рад, что Тим так весело и доверчиво рассказал эту историю. «Будто давним знакомым»,— подумал Славка.

Когда вернулись, Тим сказал, что Славка теперь должен пойти к нему. Иначе будет просто несправедливо!

— А уроки? — привычно напомнила мама.

— Завтра же воскресенье! — разом сказали Славка и Тим.

— А ты забыл, что мы собирались в магазин за брюками?

— Зачем они мне в такую жару?

Тим сказал:

— Еще целый месяц будет лето.

Сначала они зашли в садик за Валентиной. Тим объяснил по дороге:

— Она могла бы одна ходить, да воспитатели не пускают. Боятся ответственности.

Валентина оказалась рослой девчонкой с круглым лицом и темными косами. Она басовито сказала:

— Я тебе поражаюсь, Тимофей. Неужели ты даже в субботу не можешь прийти пораньше? Я извелась в этом детском учреждении.

— Ой, я совсем забыл, что в субботу можно раньше...

Валентина посмотрела на аккуратно зачесанные, но все еще мокрые волосы брата.

— Искупаться ты почему-то не забыл.

Они поднялись по узкой лестнице, стиснутой белыми стенами, в которых глубоко сидели зеленые калитки. Со стен спускались плети ползучего кустарника. Лестница называлась «улица Камчатского люнета».

Наверху был новый квартал. Тим показал на самый высокий дом — девятиэтажный:

— Мы на четвертом этаже живем. Вон балкон, слева...

Квартира у Тима оказалась большущая. От пола до потолка поднимались книжные стеллажи. Среди стеллажей висели индейские и африканские маски. Многие книги были непонятные: физика, электроника. Но зато стояли томов полтораста библиотеки приключений, собрание фантастики и романы Фенимора Купера в старинных обложках с золотыми узорами.

— Тут я и помру,— жалобно сказал Славка.

Тим сказал, что помереть Славка еще успеет, и повел показывать корабельный конструктор, который отец привез из Англии.

Славка думал, что конструктор — это железки и кубики, чтобы строить игрушечные пароходы. Но увидел совсем другое — детали для модели галиона «Мэйфлауэр» — старинного парусника, который доставил в Америку первых переселенцев из Европы. Все было отштамповано так аккуратно и тонко, что казалось настоящим. Даже прожилки и сучки виднелись на коричневых досочках обшивки. Даже швы на выпуклых парусах из белой пластмассовой пленки.

— Корпус я почти склеил,— объяснил Тим,— а рангоут одному трудно ставить. Надо, чтобы кто-то держал.

— Давай попробуем!

Они провозились больше часа. Зато на «Мэйфлауэре» встали три мачты с марсовыми площадками и вантами.

— Хватит,— решительно сказал Тим.

Славка разогнулся. И заметил в углу на столике пишущую машинку. Это был «Рейнметалл» с латинским шрифтом.

— Такая же, как у нас! Мы еще не распаковали.

— Это папина... Вообще-то и наша с Валентиной. Мы играем иногда.

Славка удивился. Мама его не подпускала к машинке. Какие тут игрушки?

— В сигналы играем,— объяснил Тим.— У нас есть два тома трехфлажного «Международного свода»... Знаешь?

Славка кивнул:

— Знаю. Только он устарел, сейчас двухфлажный.

— Для игры-то не устарел. Мы знаешь как играем? Я Вальке диктую по три буквы наугад... Она у нас ученый товарищ, все латинские буквы знает... Она печатает, а потом я по книге разбора расшифровываю. Иногда так смешно получается! Хочешь, попробуем?

Тим выволок с книжной полки толстенный синий том.

— Называй какие-нибудь флаги. Любые три буквы.

— Тим...— сказал Славка.

— Что?

Славка рассмеялся:

— Ничего. Просто Т И М. Тангоу, Индия, Майк.

— Ой, а мне и в голову не приходило!

Они плюхнулись животами на ковер, начали поспешно листать книгу.

— Вот, смотри, Славка! ТИМ... «Облегчать вес, осадку...» Что бы это значило?... А, знаю! Это меня стащили с «Сатурна» и облегчили у него осадку. Все правильно. Теперь посмотрим про тебя.

— У меня же шесть букв.

— Разобьем на два сигнала.

— Точно. Сла.. Сьерра, Лима, Альфа... Что будет?

— Сейчас... Вот это да! «Освобождать»!.. Ты кого-нибудь освобождал?

Славка вспомнил толстого мальчишку, которого отбил у крикливой соседки.

— Да. Кажется, освобождал.

— А кого? Сейчас узнаем... Викто, Кйло, Альфа... Что получается? Странно. Эти флаги означают слово «как»... Как ты освобождал?

Славке неловко было рассказывать об этом случае. Получится, будто хвастается, а героизма-то никакого тут нет. Он вздохнул:

— Военная тайна.

— Тайна? Хорошо,— сказал Тим. Зачем-то пополз по-пла-

стунски к широкой тахте с подушками вместо спинки. Выволок из-под тахты желтую пластмассовую трубу с двумя пистолетными ручками. Славка такие видел в «Детском мире» — это был пневматический автомат, стреляющий теннисными шариками.

— Заряжен,— предупредил Тим.— Будешь открывать военную тайну?

Славка укрылся за томом сигнального свода:

— Вероломное нападение на мирных жителей...

— Не вероломное! Я честно предупредил.

— А я без оружия!

— Можешь кидаться подушками.

— Могу?

— Можешь.

Славка прыгнул на тахту.

— Пускаю в ход тяжелую артиллерию!

— А я скорострельную!

Шарики застучали о стену вокруг Славки. Славка пустил в Тима увесистой подушкой. Тим ее поймал и бросил в Славку. И прыгнул следом! Со стены с гулом сорвался боевой барабан какого-то племени из джунглей Ориноко.

Через минуту Славка лежал на полу, носом в ковер. Тим сидел на нем верхом. Славке было хорошо. Он чувствовал, что может скинуть легонького Тима одним движением плеч, но не хотел. Он был счастлив, что лежит вот так, а Тим победно смеется над ним и упирает ему между лопаток широкий автоматный ствол.

— Откроешь тайну?

— М-м...— сказал Славка.— Ни за какие сокровища.

— Что с тобой сделать?

— Как что? В сигналах же сказано: освободить.

— Как?— насмешливо откликнулся Тим.

— Облегчить вес и осадку. Слезть с меня.

— Тебя спасло знание Международного свода.

Тим вскочил, но подкатился на теннисном шарике и шлепнулся на ковер. Задумчиво сказал:

— Бах...

— Сейчас посмотрим, что такое БАХ,— деловито сообщил Славка и потянулся к синей книге.— Браво, Альфа, Хотэл... «Открытая якорная стоянка».

— Все правильно. Пора становиться на якорь. А то сейчас явится Валентина.

И Валентина явилась.

— Это выходит за всякие рамки,— сурово произнесла она.— Немедленно приведите квартиру в порядок.

Славка почувствовал себя как перед завучем.

Тим вскочил. Заправил рубашку, пригладил волосы и — просто чудо какое-то! — в один миг превратился из растрепанного мальчишки в аккуратно подтянутого Тима.

— Валечка, мы больше не будем.

Славка с сожалением посмотрел в окно.

— Темнеет уже. Пора домой, а то будет мне «бах»...

Тим проводил Славку до лестницы. Снизу к ним подбежал большой тощий пес.

— Боцман! — обрадовался Тим.

Славка вздрогнул.

— Не бойся,— сказал Тим.— Это здешний общий пес. Он ко всем ласкается.

— Да я не боюсь...

Боцман лизнул Славке ладонь, вежливо помахал хвостом и побежал по своим делам. Славке было неловко. Вдруг Тим решил, что он в самом деле испугался собаки?

— Тим... Я знаешь почему вздрогнул? Ты сказал «Боцман»... А меня так в старой школе дразнили...

Тим ничего не сказал. Он, видимо, сразу все понял: как несладко было Славке в той школе и каким обидным было прозвище.

— Не говори только никому...— пробормотал Славка.

— Конечно, Славка... А меня в первом классе дразнили «Ржавая селедка».

— Почему?

— Ржавая — из-за веснушек. А селедка — из-за фамилии.

— Дрался? — тихо спросил Славка.

Тим вздохнул:

— И ревел, и дрался... На «ржавую» я не обижался, а на «селедку» — очень. Потому что она скользкая и соленая... А потом новая учительница пришла, услышала и говорит: «Сель — это вовсе не селедка. Это могучий горный поток, лавина, которая может все разрушить. Поэтому не дразните Тима...»

— И перестали?

— Не сразу, но перестали...

«Сель. Грозная лавина»,— повторил про себя Славка. Нет, не годилось это для Тима.

— Пойду,— сказал Славка.

— Ну, до завтра. Да?

— До завтра... Тим! А можно, я тебе позвоню? В нашем квартале есть автомат.

— Вот правильно! Позвони! Запиши телефон. Двадцать три... девятнадцать... ноль восемь.

Славка легко запоминал числа. Но телефон ему хотелось записать. В этом был особый смысл. Будто они с Тимом подписывали договор о дружбе. Нет, до этого, конечно, еще далеко, но все-таки...

— А чем писать?

— Сейчас...— Тим достал из нагрудного кармана тонкий карандашик.— Смотри-ка, даже не сломался, когда по полу катались. Осторожнее, он как иголка.

— А бумага? Ой, у меня же есть.— Славка тоже полез в карман.

— Постой,— сказал Тим.— Это анкета.

— А зачем она мне...

— Ты же хотел...

— Не пойду я во флотилию,— сказал Славка.— Может, еще где-нибудь есть парусные секции?

— Не знаю. Есть, но, по-моему, только взрослые... А почему не хочешь в эту?

Славка положил свернутый листок на левую ладонь. Было еще не очень темно, можно писать.

Но сначала надо ответить Тиму. А что отвечать, если Тим и так все понимает.

Славка шепотом сказал:

— А ты как же?... Мы одной... В одной секции было бы лучше...

Чтобы скрыть смущение, он начал отчаянными штрихами рисовать на листке крупные цифры, а потом с размаху поставил точку. И ойкнул. Острый грифель проколол бумагу и воткнулся под кожу. Прямо в середину ладони.

Выступила капелька крови.

Тим взял Славкину руку и промокнул красную каплю уголком анкеты. Сказал:

— Теперь навсегда темная точка останется, как татуировка. Графит под кожу попал.

— Пусть,— сказал Славка.

Пусть. Это на память о бесконечно длинном счастливом дне, когда появился в Славкиной жизни Тим. Он будто подарил Славке одну свою веснушку.

Когда Славка подходил к Якорному спуску, было уже совсем темно. В будке телефона-автомата горела яркая лампочка. Славка зашарил по карманам. Ну конечно же, как назло, ни копейки! А придешь домой: сначала нахлобучка, затем ужин. А потом: «Никуда твой Тим не денется, нечего бегать к телефону на ночь глядя...»

Славка заглянул в будку: вдруг повезет? И чудо случилось. На полу поблескивала монетка. Правда, это был гривенник, а не две копейки, но Славка знал, что можно звонить и с гривенником.

Что-то сердце бухает. От волнения и от радости. От того, что есть Тим.

«Двадцать три, девятнадцать, ноль восемь»...

— Тим... Это ты?

— Славка?!

— Это я...

— Вот здорово...

— Тим... ну, ты как? Все в порядке?

— Да. А у тебя? Был «бах»?

— Я еще не был дома. Еще будет.

— Может, пронесет?

— Пронесет, Тим! Ну... до завтра?

— Ладно. Утром приходи пораньше.

— Конечно... Тим...

— Что, Славка?

— Сель — это не лавина. Не поток... Сель — это парус. Мар-сель, брам-сель, стак-сель...

— Ой, точно...

— Тим... Ты тоже парус... Тим-сель...

— Славка... А какой это парус? Где на корабле тимсель?

— Я... не знаю... Тим!

— Что, Славка?

«Тимсель, ты самый хороший парус. Тим, мы одной крови, да? Тим, с ума сойти, я утром еще не знал, что ты есть на свете! Тим...»

— Тим, до завтра!

Неспокойное море

Радостное ожидание не покидало Славку всю ночь. Ему снились искры и вспышки. Солнечные зайчики плясали на зеленых волнах, звезды сыпались с фиолетового неба, а в густых травах, где звонко перестукивались раковины улиток, крошечные гномы роняли фонарики.

Славка пытался поймать колющие огоньки и наконец зажал один в ладони. Огонек обжигал руку. Славка проснулся, раскрыл кулак и посмотрел на ладонь. Там темнела угольная точка, а вокруг нее припухла и покраснела кожа. Это приживалась к Славкиной ладони Тимкина веснушка!

Славка вскочил. Вот откуда радость: его ждет Тим!

...Тим ждал Славку на балконе. Он был в оранжевой рубашке, и рубашка эта полыхала на солнце. Он замахал руками, увидев Славку, а потом крикнул в сторону балконной двери:

— Мама, он уже пришел!

Тимкина мама была большая, с веселым громким голосом и светлыми волосами. Совсем на Тима не похожая. Она показалась Славке похожей на женщину со снопом — с плаката, выпущенного в честь праздника урожая. Такой плакат Славка недавно видел в книжном магазине.

Тимкина мама сообщила, что сейчас они будут завтракать. Да-да, она понимает, что Славка уже накормлен дома, но ни один мальчишка на свете не умер от того, что позавтракал дважды. Особенно такие костлявые товарищи, как Славка и Тим. Пусть они сию секунду отправляются за стол и не рассуждают, а то под горячую руку влетит обоим!

Славка подчинился. Из солидарности с Тимом он героически умял два блинчика с мясом.

— Какие у вас планы? — спросила Тимкина мама. — Надеюсь, вы не собираетесь угонять сегодня какой-нибудь корабль? Вдвоем вы, пожалуй, справитесь...

Тим серьезно сказал:

— Я же обещал, что больше не буду.

— Да, я помню. Ты сказал: честное слово, больше не полезу на этот «Сатурн». Об остальных крупнотоннажных единицах мирового флота ты деликатно умолчал. А сегодня на рейд пришел большой противолодочный крейсер.

Тим, глядя в тарелку, торжественно поднял левую ладонь.

— Клянусь: на Черном море флоту ничего не грозит. А до других нам сегодня не добраться.

Тимкина мама сказала задумчиво:

— Не знаю. На месте командира крейсера я бы все-таки усилила вахты и не пускала команду на берег.

Потом она поинтересовалась, куда Тим и Славка собрались.

— На Качаевку, на песчаный пляж,— сказал Тим.— Славка еще не видел по-настоящему открытого моря.

— Мама, я уверена, что мальчики не слышали сводку погоды,— заявила Валентина.— Иначе они побеспокоились бы о куртках. Синоптики обещали в середине дня дождь.

— Я возьму тонкую, капроновую,— решил Тим.— Нам хватит одной...

В троллейбусе Тим спросил:

— Сразу на пески или побродим?

— А где побродим? Зачем?

Тим слегка замялся.

— Знаешь, есть место... Ну, просто такое место, обрывы громадные. Море видно далеко-далеко. Я, когда маленький был, там часто с папой гулял... Может, тебе неинтересно, тогда сразу на пляж поехали...

— Мне интересно,— быстро сказал Славка. Он заранее любил все, что нравилось Тиму. Да и в самом деле: обрывы над морем!

— Тогда поехали на Северный берег.

— Катером?

— Конечно.

— Ура!

Солнце было яркое, но появились волокнистые облака и усилился ветер. Когда катер отвалил от пристани, его слегка качало. Тим и Славка стояли на носу. Славка на секунду зажмурился и улыбнулся.

— Здорово...

— Что?— не понял Тим.

Славка сказал немного виновато:

— Для тебя такой катер, наверно, все равно что автобус. А я первый раз по морю плыву.

— Что ты!— откликнулся Тим.— Не автобус. Мне на катерах всегда нравится. Только на открытом рейде лучше, чем здесь. Знаешь, как бросает, когда волна!.. Смотри, Славка, вот он, крейсер.

Славка оглянулся. Катер левым бортом проходил недалеко от кормы военного корабля. Она была такой громадной, что казалась стальным островом, поднявшимся из моря. Полоскал на ветру огромный военно-морской флаг. По палубам и трапам сновали матросы в сизых робах и черных беретах. Совсем крошечными они казались на этом корабле-исполине.

На одной из палуб выстроились моряки в белых форменках, перед ними прохаживался офицер с кортиком.

— В увольнение собираются,— сказал Тим.— Не послушал командир мою маму.

Славка осторожно спросил:

— Тим, а тебе нисколько тогда не попало от мамы?... Ну, за «Сатурн»...

— А как мне попадет? Меня привезли домой с опухшей ногой, думали, перелом. Перепугались все. А после времени мама не ругает, она только по горячим следам... Зато мне вчера утром перепало.

— Как это?— с опаской спросил Славка.

— Я рубашку не успел выгладить, а мама говорит: «Пиратскими делами по ночам заниматься успеваешь, а на хорошее дело времени нет». Я говорю: «То дело тоже было хорошее». А она: «Хорошее, да?» И — бэмс меня полотенцем по шее. Я под стол — раз! Голову высунул, а она по тому краю стола — бэмс! Я с другого конца — она тоже. Я тогда засел и жду. Потом спрашиваю: «Можно уже вылезать?» А мама говорит: «Лучше сиди, я еще не успокоилась».

Славка засмеялся. То, что рассказал Тим, было не страшно. Это не так, как с Юркой Зыряновым. Но все же Славка сказал:

— А говорил: не попало.

— Так это потом, и не за «Сатурн», а за рубашку. И не мне, а столу... Смотри, Славка, подходим.

Крутой берег, сложенный из желтых пластов песчаника, навис над катером. Внизу пласты были изрыты пещерами, у обрыва торчали обломки скал. На одном из обломков загорелый пацаненок в белых штанишках и похожем на пальто черном пиджаке ловил крабов натянутой на обруч сеткой. Еще несколько мальчишек удили бычков намотанными на палец лесками. Славка хотел посмотреть, но не решился задерживать Тима.

Тим повел Славку по длинной лестнице. Они поднялись на площадку, где стоял высокий обелиск с гвардейским значком. Его

с четырех сторон охраняли обелиски поменьше. Было пустынно, ветер шумел. Над серой плитой братской могилы качались высокие красные цветы.

С моря все гуще двигались облака. Острая вершина обелиска словно летела им навстречу.

— Кругом здесь памятники,— тихо сказал Славка.

Тим кивнул:

— Сам знаешь, сколько было боев...

От площадки шла извилистая улочка. Дикий виноград оплетал каменные изгороди. Над черепичными крышами захлебывались в потоках ветра самодельные вертушки.

— Здесь в прошлом году кино снимали,— сказал Тим.— «Приключения Буратино». У нас в школе режиссер выступал. Стал рассказывать про съемки и говорит: «У вас здесь хорошо, похоже на Италию». А я говорю: «Это Италия на наш Город похожа». Куин Лиза потом ругалась.

— Тим,— спросил Славка,— ты здесь родился, в Городе?

— Конечно. И мама, и папа...

«Счастливый»,— подумал Славка.

После «итальянской» улочки они прошли по новому району, где поднимались двенадцатэтажные белые корпуса, и долго шагали окраинными переулками. Затем они миновали посадки молодых кипарисов и строительную площадку, на которой уютно дремал маленький желтый экскаватор. За площадкой потянулась ровная земля с жесткой низкорослой травой. Эта земля обрывалась кромкой берега.

И дальше было только море. Впереди, слева и справа. И внизу — там, куда уходили стометровые обрывы.

Славка подошел к самому краю, и его мягко качнуло. Он впервые видел такие кручи, такую высоту. Тим осторожно, но крепко взял его за плечи.

Солнце давно уже ушло за пасмурные облака, но море вдали все равно оставалось синим. Только это была не праздничная, а суровая синева. Такими синими бывают иногда грозовые тучи. А ближе к берегу море делалось зеленовато-желтым. Видимо, волны поднимали со дна песок.

Волны двигались на обрывы длинными пенными валами. Далеко-далеко внизу они заливали полоску пляжа и расширялись о красноватые утесы. Среди утесов росли кое-где большие деревья. Сверху они казались крошечными.

Ветер шел с моря плотным потоком. Он ударялся о подножие берега и взмывал вверх по бурым глинистым откосам. Длинные пряди мягкой высохшей травы струились на ветру, как серое не-светящееся пламя.

— Куртку достанем? — спросил Тим.

— Тебе холодно?

— Я для тебя...

Славка помотал головой. Ветер был сильный, но не холодный.

Правда, сначала руки и ноги у Славки покрылись гусиной кожей, но через минуту он привык. А от Тимкиных ладоней на плечах стало совсем тепло.

По границе двух морей — зеленовато-желтого и синего — шел пассажирский катер. Он тяжело нырял среди гребней.

— Купальщиков повез с Качаевки, — сказал Тим. — Погода не для плавания и загорания... Но мы все равно туда пойдем, да, Славка?

Славка кивнул, но не двинулся с места.

— Ну... тогда пойдем, — осторожно напомнил Тим.

— Подожди, Тим, — попросил Славка. — Еще посмотрим. Ты, наверно, это тысячу раз видел, а я только сегодня...

Он лишь сейчас до конца понял слова: открытое море.

Ветер вдруг надавил так, словно хотел сорвать со Славки рубашку, а с Тима сдуть все веснушки. Славка едва удержался на ногах. Тим сказал:

— Пошли. А то мы целый час на одном месте... Мы же не уйдем с берега, а двинемся по краю. Там дальше еще интереснее.

Они зашагали недалеко от кромки обрыва. Кое-где громадные темно-рыжие пласты отслаивались от берега и стояли отдельными стенами. Их равновесие было непрочным и угрожающим — вот-вот рухнут на узенький пляж тысячетонной массой.

Славка и Тим прочно держались за руки. Так не страшно было подходить к самому краю. В одном месте Тим сказал:

— Смотри, здесь полный отвес.

Пляжной полоски внизу не было, и море входило в берег острым клином. Берег опускался вертикальными стенами.

Славка глянул вниз. Прямо под ним, далеко-далеко, кипела штормовая вода. Славка бросил туда камень. Он упал в пену прибоя.

— Страшенная глубина,— сказал Тим.— Ребята рассказывали, что во время войны там пряталась наша подводная лодка. Немцы ищут-ищут, а она у самого берега... Может быть, это легенда...

— А может, и не легенда?— сказал Славка.

— Может быть... Смотри, Славка! Иди сюда.

Тим отвел Славку от обрыва, и они оказались на краю бетонной ямы. Это было что-то вроде круглого сухого бассейна глубиной метра в полтора. Вниз вели ступеньки. На дне темнела ржавая железная площадка с громадными торчащими болтами по углам.

Славка почти сразу догадался, что это такое.

— Орудийное гнездо?

— Да. А вон там еще одно. Это была береговая батарея. Корабельные пушки крупного калибра.

Славка спустился к орудийной площадке. Здесь, за бетонными стенами, было безветренно и совсем тепло. На железе валялся голубой пластмассовый пропеллер от игрушечного самолета. На бетоне Славка увидел нацарапанную чем-то черным надпись: «Тома, Витя».

— Тома и Витя тире безмозглые ослы,— сказал он.— Нашли где писать.

— Конечно, ослы,— согласился Тим.— А знаешь, Славка, иногда настоящие надписи находят...

— Какие настоящие?

— Тех времен... Наши моряки и солдаты оставили, когда защищались. Когда уже понимали, что погибнут... Имена разные и адреса. «Мы не уйдем отсюда. Сообщите родным...»

— А те, кто на этой батарее воевали... Они тоже погибли?

— Кажется, не все. Те, кто остались живые, взорвали орудия и пробились к своим. Кажется, ушли в рavelин, он еще держался... Говорят, с ними мальчишка был. Мне папа рассказывал, когда мы тут с ним бывали.

— Большой мальчишка?

— Вроде нас. Говорят, подносчик снарядов. А может быть, и не подносчик. Такие снаряды вручную, наверно, и не поднимешь. Но все равно... Тогда много ребят воевало.

— Я читал про одного, как он самодельную газету в окопах выпускал. А потом рванул немецкий танк и сам погиб.

— Да, я знаю,— сказал Тим.

Они поднялись из орудийного гнезда и опять пошли по краю обрыва.

— В этой глине еще сколько снарядов сидит, наверно...— тихо сказал Славка.

Тим его понял:

— Есть еще... Про Андрюшку Илюхина слышал?

— Слышал, конечно... Тим, я только понять не могу... Как ему в голову пришло: в огонь такую штуку толкать? Зачем? Не ребенок же! Неужели не понимал, что взорвется?

Тим посмотрел удивленно:

— Почему не понимал? Он как раз и хотел... Ты разве не знаешь?

Славка насторожился. Он в самом деле не знал подробностей. В школе говорили о взрыве глухо и неохотно.

Тим сказал, будто заступаясь за Илюхина:

— Ты думаешь, он играл? Когда они с ребятами снаряд нашли, сразу на стройку побежали, чтобы кому-нибудь взрослым сказать. Это на пустыре было, а рядом стройка... Прибежали, а сторож на них накричал: «Уходите отсюда, не выдумывайте!»

— Сторож что, ненормальный?

— Кто его знает... Наверно, какой-нибудь пьяный дурак попался... Ну, они побоялись еще куда-нибудь идти, рсшили сами обезвредить. Костер зажгли, снаряд в огонь сунули и залегли за плитами. Там такие бетонные панели... Ждали, ждали, а костер погас. Один мальчишка хотел пойти покочегарить, а Илюхин не пустил, сам побежал... Тут и рвануло...

— Тим, ты откуда знаешь?

— Все знают. Те, кто был с ним, они же рассказали потом. Их некоторых поранило. Тех, кто высунулся...

«Вот как было дело...— подумал Славка с каким-то облегчением.— Не так уж все глупо...»

Нет, все равно, конечно, глупо: бежать к какому-то сторожу, а не к военным! И костер — тоже глупо. Но все же это была не игра. Андрюшка Илюхин думал не о забаве. Просто он не знал, что делать, он ошибся. Но и взрослые иногда ошибались, когда приходилось сталкиваться со смертью.

— Тим... Ты его знал?

Тим хмуро объяснил:

— Его многие знали, он в хоре Дворца пионеров пел. Хорошо так пел...

...Берег стал ниже. Тим и Славка обошли стоянку для авто-туристов и по тропинке спустились на пляж. Оттуда расходились последние купальщики. На мачте качался черный шар — сигнал, что купаться нельзя. Ветер гонял по песку пустые коробки от сигарет. Волны выкатывались на пляж длинными пенистыми языками. Они шумели. И ветер шумел.

Славка и Тим скинули обувь и побродили по набегающей воде. Пена забрызгала им колени. Вода откатывалась и старалась утянуть Славку и Тима за собой. Высасывала у них из-под пяток песок. Она оказалась довольно холодной, эта беспокойная вода. Тим честно сказал, что лезть в такой холод и в такие волны ему не хочется. Тем более что на берегу пусто, а на вышке штормовой сигнал.

Славка согласился. Он такое разыгравшееся море видел впервые.

Они сели и прислонились к большой выброшенной волнами коряге. Корягу выбелило море и высушил ветер. Она отливала алюминиевым блеском. Была гладкой и теплой. Сухой песок тоже был теплым. Славка и Тим зарыли в него озябшие от воды и гудевшие от долгой ходьбы ноги...

Море теперь было трехцветным: у берега — песочно-желтое, дальше — ярко-зеленое, а у самого горизонта лежала сине-фиолетовая полоса. Недалеко от берега прыгали на гребнях оранжевые шары — буйки пляжного ограждения. Словно какой-то пароход за горизонтом растерял громадные апельсины, и волнами их пригнало к земле.

Кучевые облака сизо-серого цвета быстро двигались в середине неба. За ними иногда чувствовался проблеск солнца. Над головами у Славки и Тима в струях ветра неподвижно стояли чайки с распластанными крыльями.

Потом пошел дождик. Можно было убежать под навес, но не хотелось покидать насиженное место. Тим вытянул из спортивной сумки курточку. Ветер рванул капроновую ткань, но Славка и Тим быстро обмотали ею головы и плечи. Получилась крошечная общая палатка.

— Мы робинзоны, — сказал Тим. — Катер уже не придет, нечего ему тут делать. Нужно будет ехать автобусом на Северный причал... Славка... Ты не обижаешься, что я тебя сюда затащил?

— Здесь хорошо, Тим, — сказал Славка.

Что он мог еще сказать? Не скажешь ведь вот так открыто, что

мечтал о такой минуте целые годы. Не будешь объяснять, что все это — счастье. Счастье от того, что рядом штормовое море и Тим.

Славка сказал:

— Смотри, какой водопад.

Недалеко стояла железная горка, чтобы скатываться прямо в воду. Волны взбегали на нее, и вода с верхней площадки лилась на гулкие ступени.

— Большой каскад Петродворца,— сказал Тим.— Я туда в июле с папой ездил... Ты там бывал?

Славка медленно качнул головой:

— Нет, Тим. Я мало где бывал: в Невьянске, в Первозаводске, в Покровке... Это все в одних краях, недалеко друг от друга. Мы там с мамой кочевали с места на место.

Тим примолк. Потом виновато проговорил:

— Дурак я все-таки. Ты меня извини, ладно?

— За что? — удивился Славка.

— Я болтаю, хвастаюсь. Все про отца, про отца... А ты... только с мамой.

— Ну и что такого,— спокойно сказал Славка.— Это у кого как в жизни получилось... Ты, может, думаешь, что он нас бросил или пьяница какой-нибудь? Он хороший был, Тим. Только я его никогда не видел. Он погиб в тот год, когда они с мамой поженились. Еще студентами были.

— А что случилось? — осторожно спросил Тим.

— Он разбился на мотоцикле... Ехал к товарищу на дачу, а через дорогу ребята побежали. Из лагеря. В войну играли. Он и крутнул на обочину, прямо на камни... Это в Первозаводске было, где они с мамой учились. А потом мама в Невьянск уехала после института... Знаешь, Тим, я там впервые море увидел...

Тим удивленно поднял глаза, но ничего не спросил. Он почувствовал, видимо, что Славка расскажет сам.

И Славка рассказал про бриг «Меркурий». А потом, незаметно, еще про многое: про Покровское озеро, про Анюту, потом про Юрку Зырянова и Усть-Каменск. И даже про то, как уехали из Усть-Каменска.

Тиму рассказал и морю.

Море шумело то возмущенно, то сочувственно: сердилось на Славкиных недругов и понимало его огорчения.

Тим тоже все понимал. Он слушал молчаливо и серьезно.

И только время от времени натягивал на Славкины плечи подол куртки.

Домой Славка вернулся к вечеру. Мама, конечно, сказала, что «чуть не сошла с ума» за этот день. Засадил Славку за обед, а потом за уроки.

Уроки были пустяковые. Славка читал «Ботанику» и рассказывал про все, что сегодня видел. Мама просила его не отвлекаться, но он отвлекался.

— Мама! А еще мы видели, где стояла береговая батарея!

Мама охнула:

— Я же просила не соваться в такие места!

— Ну, мама! Ты сама не знаешь, чего пугаешься. Там только площадки от орудий. Тим еще в детские годы там гулял... А на море сегодня почти настоящий шторм!

— Я боялась, что ты полезешь купаться...

— Нет, волны большие. Тим не разрешил.

Мама сказала, что готова молиться на Тима.

— Когда он с тобой, я почти спокойна.

— А говорила, что чуть не сошла с ума.

— Но не сошла. Спасибо за это Тиму. Я благодарна судьбе, что он есть на свете.

«Я тоже», — подумал Славка.

Он вспомнил, как сегодня они прощались на улице и Тим побежал к троллейбусной остановке. Быстро побежал, не оглядываясь. Будто сразу забыл про Славку. И Славка испугался: вдруг не оглянется ни разу? Но Тим оглянулся. А потом высунулся из окна троллейбуса и долго махал свернутой курткой. И Славка был счастлив...

— Мама, дай, пожалуйста, две копейки. Я Тиму позвоню.

Он побежал к автомату.

Было уже темно. Ветер улегся, облака ушли, и светили теплые звезды.

Славка набрал номер.

— Валентина?.. А где Тим?

— Он только что залез в ванну и, судя по всему, занимается в ней подводным плаванием. Ты, Слава, не представляешь, какой там шум и плеск!

Славка огорченно завздыхал.

— Я могу его позвать, — предложила Валентина.

- Что же он, мокрый побежит?
- Он вылетит из ванной как пуля, если узнает, что ты звонишь. Я тебе гарантирую.
- Славка представил мокрую веснушчатую пулю и засмеялся:
- Не надо. Передай ему: «До завтра».

Флагограммы

Утром Славку встретил радостный Динька.

- Про тебя в газете написали! И фотокарточка приклеена! Славка поежился.

Газета висела в коридоре нижнего этажа. Перед ней толпились читатели. Славка обошел толпу стороной: лишней известности ему не хотелось.

В классе на Славкиной парте лежали три фотоснимка. Большие, размером с тетрадку, и очень четкие. Но Славка посмотрел и огорчился. Он себе не понравился. Встрепанный какой-то, глаза испуганные, рот приоткрыт. Стоит на носочках и так тянет вверх Артемку, будто хочет приклеить его ушами к потолку. И конечно, волосы на макушке — торчком.

И такая фотография приклеена в газете!

Ну а кто виноват? Не Савин же. Савину все равно надо сказать спасибо: он старался, карточки напечатал быстро и аккуратно.

Славка поискал глазами Игоря, но того не было в классе. Зато откуда-то вынырнул Аверкин.

- У, как здорово! Подари одну.

— Возьми...— неохотно сказал Славка.— Только я тут какой-то уродина.

- Да что ты, все нормально! Как живой!

Женька засунул снимок в портфель, потом глянул мимо Славки, поскущел и отошел в сторону. Славка оглянулся и сразу забыл про Аверкина: сзади стоял Тим.

- Тим, привет!

Тим улыбался.

- Здравствуй! Я твою заметку читал... Покажешь Артемку?

- Конечно. После уроков, ладно? А то все опять набегут...

Тим увидел фотографии.

- Это Савин снимал? Мастер...— Он помялся и спросил:— У тебя всего две карточки?

Славка вздохнул:

— Возьми одну, если хочешь. Только что здесь хорошего?

— Все хорошее. Ты и Артемка...

После уроков Славка и Тим ушли в глухой уголок школьного двора — между забором и гаражом. Тут Славка и познакомил Тима с Артемкой.

Тим сел на перевернутое мусорное ведро, посадил Артемку на заляпанное веснушками колено, покачал его. Улыбнулся ему. И сказал про луноглазую Артемкину морду:

— У него лицо умное.

Славка засмеялся.

— Нет, правда,— сказал Тим.— Он так смотрит, будто заговорить хочет.

Ну что же, Тим был прав. Иногда и Славке казалось, что Артемка может разговаривать.

Тим спросил:

— А откуда у него эта награда? На снимке ее нет.

К зеленому Артемкиному комбинезону был приколот маленький значок — синяя стеклянная капля с золотистым якорьком внутри.

Славке стало неловко, но он ответил честно:

— Женька Аверкин ему подарил. Сегодня мы сидим на географии, а он вдруг дает: «Возьми для Артемки...»

Тень скользнула по лицу Тима, но он тут же улыбнулся:

— Хороший значок.

Славку не успокоила эта улыбка.

— Тим... А что у вас с Женькой? Поссорились, да?

Тим покачал головой. Почесал у Артемки за ухом, подбросил его в воздух, опять усадил на колено и наконец ответил:

— Нет, мы не ссорились. Просто нам теперь... говорить не о чем. Я его тогда на «Сатурн» звал, а он не захотел. Ну и... все.

— Да? Я не знал, что он трус,— подавленно сказал Славка.

— Аверкин не трус,— возразил Тим.— Он, наверно, решил, что у меня это просто так, фантазия. Не поверил, что я по правде все это задумал.

— Теперь он, как увидит тебя, виноватый делается...

Тим пожал плечами, словно хотел сказать: «Я здесь ни при чем». Славка нерешительно спросил:

— Может, вы еще помиритесь?

— А зачем? Это когда друзья поссорятся, они могут мириться,

а мы... так. Просто мы летом в одном лагере были. До этого почти не знали друг друга, а там оказались в одном отряде. Спали рядом, разговаривали по ночам... Я тогда думал, что он все понимает...

Славка хотел взять у Тима Артемку.

— Давай снимем значок.

— Зачем? Это как-то нечестно... Слушай, разве Аверкин думает, что я на него злюсь?

— Не знаю. Я с ним про тебя не говорил. Просто я заметил...

— Аверкин рисует хорошо,— вдруг сказал Тим.— Он в лагере первый приз получил на выставке рисунков.

— Да,— грустно согласился Славка.— Помнишь, у меня в комнате картинка, где я первоклассника на плечах таскаю? Это он рисовал... Тим...

— Что?

— А почему ты к Женьке пошел насчет «Сатурна»? У вас в классе разве нет... ну, таких, с которыми можно...

Тим опять покачал на колене Артемку, помолчал и ответил с еле заметной досадой:

— У нас хорошие ребята, но они не пошли бы. Тоже сказали бы, что это глупости... Знаешь, Славка, считают почему-то, что у меня в голове только несбыточные планы.

— Кто считает?— возмутился Славка.

— Многие. Даже мама иногда... Мне поэтому и за «Сатурн» не очень попало. «А, это опять Сель! Ну конечно, он всю жизнь чудит!» Одна Куин Лиза по-настоящему злилась, а остальные для вида. Даже на совете дружины... Ты сам видел. Ни один человек всерьез не верит, что я мог увести баркентину от пирса.

— Но ведь мог...

— А они не верят... Думают, что в голове у меня завихрения.

— Тим... А почему так? Это же неправда!

— Не знаю, может быть, и правда. Это еще с первого класса пошло. Мы тогда школьный забор изукрасили.

— Как?

— Всякими картинками... По телевизору передача была про Польшу, и показали, как там ребята на улицах рисуют. Если где-нибудь стройка и ставят временный забор, им специально дают краски: рисуйте на досках что хотите. Чтобы веселее было. Вот я тоже решил: зачем нам в школе белый забор? Подговорил ребят, мы целую неделю масляные краски собирали, а потом пришли

рано утром и такую роспись устроили! Корабли, ракеты, слоны, пальмы!

— Здорово влетело?

— Мы не только забор, мы еще себя расписали, как индейцы. Конечно, шум был. Вместо уроков целый день олифой и скипидаром отмывались.

— А рисунки замазали?

— Нет, директор не дал. Их только через год закрасили, когда ремонт был... А про меня с тех пор и привыкли говорить: одни фантазии пустые в мозгах...

— Они же не пустые, Тим. Ты же все делаешь, как задумал. Рисунки сделал. И на «Сатурне»... Ты не виноват, что не удалось.

Тим протянул Славке Артемку и сказал с зелеными искрами в глазах:

— У меня и еще кое-что есть на совести. Потом расскажу... Ну что, идем по домам?

— Увидимся сегодня?

— Конечно! Я к тебе приду. Я Артемке «куриного бога» принесу, чтобы на шее носил.

— Это такой камешек с дыркой?

— Да. Видел такие?

— Только слышал.

— Из них амулеты делают... Знаешь, Славка, значок — хорошо, но он из магазина все-таки. А «куриный бог» — настоящий морской подарок.

Тим прибежал через два часа. Дома он переоделся, и опять на нем весело полыхала оранжевая рубашка. Но сам он казался смущенным.

— Не нашел я этот камешек. Все перерыл... Славка, поехали к морю! Я там знаю место, где людей мало, а камни такие, как надо. Сразу найдем.

...Место, о котором говорил Тим, оказалось маленьким каменистым пляжем на плоском берегу Карантинной бухты, недалеко от развалин древнегреческой крепости. По развалинам, среди одиноких белых колонн и заросших остатков башен, бродили туристы. Славка тоже рванул туда, но Тим сказал:

— В другой раз. Там надо целый день ходить, а сегодня мало времени.

День был тихий и солнечный. Славка и Тим искупались в про-

гретой воде бухты. Славка немного боялся маленьких прозрачных медуз. А Тим говорил, что надо привыкать: моря без медуз не бывает.

Артемка в это время сидел на ржавом буйке, выброшенном на берег. Ждал друзей. Его принесли сюда не в портфеле, а просто так, взявши за уши: Тим держал за одно, а Славка за другое. Славка сначала опасался везти в автобусе и тащить по улицам Артемку открыто. Думал, что все будут оборачиваться и смеяться. Но Тим сказал:

— Что особенного? Идут люди, несут зайца. Кому какое дело?

И правда, почти никто не обращал на них внимания и уж совсем никто не улыбнулся...

Когда искупались, пошли искать «куриного бога». Нашли быстро. Круглый белый камешек со сквозным отверстием. А еще Славка нашел две ржавые автоматные гильзы, маленькую завитую ракушку — очень красивую — и трезубец от подводного ружья, которым тут же пропорол карман и расцарапал ногу.

Тим продел в отверстие камешка припасенный заранее шнурок. Торжественно повесил украшение на Артемку.

— Носи. Ты заслужил... Заслужил он, верно, Славка?

Славка кивнул. А Тим спросил:

— Давно он у тебя живет?

— Давно. Мне четыре года было, когда его купили. Случайно в каком-то киоске... Я им почти не играл тогда, забросил через несколько дней. Он валялся в старом чемодане. А потом мы стали переезжать, и мама начала ненужные вещи выкидывать. Его тоже хотела... А он лежит, лапы растопырил и смотрит так жалобно... Ну, я как-то... в общем, не по себе стало. Думаю: «Ему, наверно, обидно. За что его на помойку?» И вцепился. Мама говорит: «Большой уже, семь лет, а за всякую рухлядь цепляешься». А я не отдал, в ранец засунул. Так он и живет у меня вместе с учебниками...

— Ну и правильно.

— Знаешь, Тим, это, может, смешно, только я с ним иногда разговаривал... По ночам, в Усть-Каменске. Когда совсем уже тоска брала... Посажу перед собой на одеяло и разные сказки рассказываю. Или про то, как к бабе Вере поедem... Я, Тим, про это никому не говорил, даже маме.

— Я понимаю, Славка. Я никому не скажу...

Они собрались домой.

— Позвонишь сегодня? — спросил Тим.
— Конечно. А ты в ванне опять не засядешь?
— Не засяду. Славка, знаешь что? Если ты когда-нибудь позвонишь, а меня дома не будет, можно Валентине передать флаграмму.

— Что?

— Письмо по трехфлажному «Своду». По нему любые фразы можно составить. Валентина их напечатает, а разбирать она не умеет. Получится секретное сообщение. А если даже я дома, тоже можно секретное сообщение передать.

— А зачем, Тим?

— Мало ли что! Вдруг надо по секрету что-то сообщить, чтобы никто посторонний не понял!

— Тогда мне книга нужна, чтобы сигналы составлять.

— Конечно! Ты второй том возьми себе, а первый, для разбора, будет у меня.

Славка обрадовался:

— Давай сейчас забежим к тебе за книгой!

Мама в этот вечер была хмурая. Может быть, получила письмо из Усть-Каменска? Или ее рассердила Славкина случайная тройка по ботанике? Мама сказала, что если Славка целыми днями будет где-то болтаться, это кончится печально.

Чтобы не накликать лишних печалей, Славка поскорее сел за уроки. Их много задали, и он просидел до темноты.

Пора было бежать к телефону.

Славка придвинул к себе синий том «Свода».

Какую флаграмму составить для Тима? Надо передать что-то важное. То, что не скажешь просто так... Или то, что не решаешься сказать? «Тим, мы одной крови — ты и я...»

Может быть, в самом деле?..

Славка открыл книгу на букве «м». «Мы»... «Кэбек — Фокстрот — Оскар».

Теперь слово «один». Вернее, «одинаковый», это ближе по смыслу... «Фокстрот — Сьерра — Зулу».

«Кровь»... «Чарли — Браво — Зулу»...

Слова «ты» в книге не нашлось. Международный свод сигналов требовал безукоризненной вежливости. Ладно, Тим поймет.

«Кэбек — Янки — Лима»... «Браво — Браво — Эхо»... «Хотэл — Джулиэт — Индия»...

Линия трехбуквенного шифра вытянулась на листке. Но это были не буквы. Это хлопали на ветру пестрые праздничные флаги. Это был их с Тимом тайный сигнал.

— Мама, у тебя найдется две копейки?

— Опять к телефону! Тим наверняка уже спит! Одиннадцатый час.

— Он не спит!

— У меня нет двух копеек.

У бабы Веры их тоже не нашлось. И гривенника не было.

Славка чуть не заплакал:

— Ну, дайте мслочи, я разменяю в дежурном гастрономе!

— Еще не хватало! — сказала мама. — Ночью бежать за пять кварталов! Ложись-ка спать.

Славка знал: если у мамы такое настроение, с ней спорить бесполезно. Он сделал вид, что ему срочно необходимо на двор, и кинулся к телефонной будке.

Может быть, повезет, как в первый раз?

Нет, не повезло, хотя Славка обшарил в будке весь пол, все уголки. Он пробовал позвонить без монетки, но, конечно, ничего не вышло. Славка беспомощно посмотрел на телефон.

А в будке было все привычно и знакомо, словно он и не уходил отсюда с позавчерашнего дня. Словно до этой минуты шел у них с Тимом долгий-долгий разговор. И вдруг оборвался. И Славка не успел сказать всего, что хотел.

«Тимсель — ты парус...»

«Славка... а какой я парус?»

«Тим, ты замечательный парус. Парус огненного цвета. Их ставят на спасательных судах, такие паруса, чтобы видно было изда-лека...»

«Разве я спасатель?»

«Да, Тимсель».

«Потому что хотел спасти «Сатурн»?»

«Потому что ты спас меня. Я думал, у меня никогда не будет настоящего друга... Была только Анюта, но она большая была, а я маленький. И она ушла... Тим, ты никуда не уходи! Я все время боюсь: вдруг что-нибудь не так скажу или не так сделаю, а ты обидишься. Или вдруг я тебе надоем. Тим... ты все равно меня не бросай. Я уже не смогу один... Тим, это не скажешь флагограммой. В трехфлажных сигналах даже нет слова «друг». И я все равно не решусь тебе сказать про это ни сигналами, ни словами.

Тим, ты для меня как Город, как море... Как мама. Потому что без тебя я не смогу жить так же, как без них...

Тим, ты не сердись, что я не позвонил, ладно?

Спокойной ночи, Тим...

До завтра, Тим!»

Тим примчался в восемь часов утра.

— Ты почему не позвонил?

Славка с суровым упреком глянул на маму и рассказал Тиму, как было дело.

— Ты, Тим, не обижайся...

Когда шли в школу, Тим спросил:

— Артемка с тобой?

Славка хлопнул по портфелю.

— Давай вытащим,— попросил Тим.

Они извлекли Артемку на свет и ухватили за уши. Артемка обрадованно заболтал растопыренными лапами.

И тут Славка сказал слова, в которых уместились все неотправленные флаграммы и вчерашний молчаливый разговор у телефона. Он сказал:

— Тимсель, хочешь, это будет наш общий Артемка?

Тим просиял.

Денис и Валентина

Шли дни. Летние, хорошие. Почти без огорчений. Только мама порой тревожила Славку. После очередного письма или телеграммы из Усть-Каменска она ходила то задумчивая, то раздраженная. Но Славка прогонял тревогу. Все равно они не уедут! Об этом даже думать смешно. Куда он денется от Города, от моря, от Тима?

И от школы...

В этой школе Славка будто все годы учился, а не две недели. Его даже успели выбрать в редколлегия. После заметки про Артемку Люда сказала, что у Славки журналистские способности...

В субботу Люда предупредила:

— Скоро будет линейка, ты про нее напиши.

Линейку объявили после четвертого урока. Все классы выстроились во дворе. На середину вышли директор Юрий

Андреевич, завуч Мария Павловна, а с ними майор милиции, похожий на Тараса Бульбу.

«Что-то случилось», — подумал Славка.

Но директор начал говорить о самых обычных делах: о том, что пятый «Б» неплохо подежурил на этой неделе; о том, что санитарная комиссия разваливает работу; о том, что совету дружины пора взять на себя подготовку ко Всесоюзной радиолинейке, а не взваливать это дело на классных руководителей.

В конце речи Юрий Андреевич сказал:

— Теперь еще один вопрос. Пусть выйдет сюда первоклассник Денис Васильченко.

«Ого...» — с опаской подумал Славка.

Наездник вышел. Видно, не хотелось ему идти. Брел он, понунав голову. Остановился в пяти шагах от директора.

— Ближе, ближе, пожалуйста... Ну, Денис, что же было в прошлый вторник?

Денис переступил своими белыми сандалетками, помолчал и заревел:

— Я его только один раз стукнул! Он сам... Я же извинился...

Юрий Андреевич испуганно оглянулся на завуча. Мария Павловна быстро села перед Динькой на корточки.

— Денис, Денис! Что ты! Ну-ка перестань, никто тебя не ругает...

Юрий Андреевич смущенно заговорил:

— Тут недоразумение. Речь не о том, что Васильченко стукнул кого-то... Тем более что он извинился. Дело в том, что во вторник Денис Васильченко помог предотвратить аварию. Один шофер оставил на улице грузовик с металлоломом, а тормоза оказались неисправные. Машина стала потихоньку двигаться назад, под уклон. Представляете, что она могла натворить, если бы набрала скорость? Денис проходил мимо, увидел такое дело и тут же сунул под заднее колесо сумку с капустой и картофелем... Ты с рынка шел, Денис?

Денис хмуро пробормотал:

— От дедушки.

— Молодец... — продолжал директор. — Грузовик шел еще очень тихо, сумка его на минуту задержала...

— Люблю капустные шницели, — прошептал Славке Женька Аверкин.

Однако Славке было не до смеха.

— ...А Денис побежал и позвал морской патруль, который проходил недалеко,— закончил Юрий Андреевич.

Усатый майор открыл папку и неожиданно тонким голосом сообщил, что Денис Васильченко за смелость и находчивость награждается грамотой от имени городской автоинспекции.

Все захлопали, но торжественности не получилось: аплодисменты были вперемешку со смехом. Всех развеселило, как перепуганный Наездник пустил слезу.

Майор вручил насупленному Диньке грамоту и пожал руку. А Мария Павловна сказала:

— Ступай, Денис, в строй, ты молодец. Только старайся больше никого не стукать. По крайней мере, без причины.

— А я не без причины. Я его за дело,— мрачно объявил Денис.

— Тогда зачем же ты извинялся?

— Тамара Алексеевна велела.

По рядам прокатился хохот...

После линейки Славка сказал Тиму:

— И про эту комедию я должен писать заметку.

— А ты не пиши про линейку,— посоветовал Тим.— Расскажи, как он машину остановил, вот и все. «Подвиг первоклассника».

— Тим, ну их к черту, такие подвиги,— озабоченно сказал Славка.— Он же сам под колеса мог сыграть. Вместо сумки...

— А что ему было делать?— возразил Тим.— Стоять и смотреть, как машина ход набирает?

Славка поморщился.

— Да нет, он все правильно сделал. Но обидно же: из-за взрослых дураков такие, как Динька, головой рискуют. Один тормоза не закрепил, другой еще что-нибудь не так... вроде того сторожа на стройке... А потом приезжает мать, спрашивает: «Где мой Динька?»— «Ах, извините, его нет, он подвиг совершил...» Весело?

— Уж куда веселее,— согласился Тим.— А где Динькина мама? Она уехала?

— Он говорил, что в командировку... Она какие-то аппараты на разных заводах налаживает... А он, обормот, на продленку ни за что не хочет ходить. Вроде как я в детский сад. Раньше за ним соседка смотрела, а теперь он у деда живет. А дед, кажется, старый и глухой. Динька что хочет, то и делает.

— Валентина тоже забастовала,— пожаловался Тим.— Заявила,

что уволилась из детсада. Сидит дома и читает «Робинзона Крузо». Ничего себе дошкольница, да?

— Почему вы ее в школу не записали?

— Мама спрашивала — сказали, что рано. Ей только в январе семь лет исполнится.

— Так и будет весь год сидеть дома?

— Ох, не знаю... Славка, давай их познакомим! Вальку и Дениса!

— Думаешь, польза получится?

— Хуже не будет. Ей веселее, а Диньку она, может, к рукам приберет. Он меньше бродяжить станет... И тебе спокойнее. А то, я смотрю, ты из-за этого Наездника землю копытом роешь.

Славка слегка покраснел.

— Раз в лошади попал... Лошадь всегда о наезднике беспокоится.

— Если хорошая лошадь...

— Иго-го! — согласился Славка. — Пошли искать героя. Мне еще надо подробности узнать. Писать-то придется, хочешь не хочешь. Раз поручили...

В столовой, где обедал первый класс, Наездника не было. И никто не знал, где он. Даже молоденькая Тамара Алексеевна, которая, видимо, раскаивалась, что напрасно заставила бедного Дениса извиняться.

Нашли Диньку в закутке между школьным гаражом и забором. Он сидел на перевернутом ведре и через бумажную трубу разглядывал свои белые сандаlette. Очень внимательно. Будто хотел понять, почему они такие пыльные и потрескавшиеся и почему там, где большие пальцы, появились грязно-серые бугорки.

Другим, не занятым трубой глазом Динька настороженноглянул на Славку и Тима. Глаз был мокрый и красный.

— Нашел где сидеть... — сказал Славка. — А это что? Ему награду дали, а он из нее телескопы делает. Ну-ка, убери грамоту в ранец... Дай я распрямлю.

Динька отдал грамоту и раскрыл ранец, а сам все смотрел в землю.

— Надо в альбом положить, чтобы разгладилась, — посоветовал Тим.

Динька, не глядя, протянул альбом для рисования. Тим открыл его и удивился:

— Смотри-ка! Это ты рисовал?

Динька на секунду скосил в альбом влажные глаза.

— Я...

На рисунке была баррикада — не то из мешков, не то из крупных булыжников. Из-за баррикады торчала старинная черная пушка. Из пушки вырывался желто-красный огонь и синий дым. На баррикаде рядом с огнем и дымом стоял лохматый мальчишка, в руке его дымился факел для запала.

— Здорово,— сказал Тим.

Славка согласился. Мальчишка был, пожалуй, слишком тонконогий и длинношей, но лицо хорошее, смелое. Он что-то кричал: наверно, командовал. Позади мальчишки было голубое море и много парусных кораблей. Они тоже палили — из всех пушек. Некоторые шли ко дну...

Конечно, Динька был не такой умелый художник, как Женька Аверкин. Зато очень старательный.

Славка спросил:

— Динь, ты это про что нарисовал?

Наездник поцарапал сандалеткой асфальт и нехотя объяснил:

— Нам про этого мальчика Тамара Алексеевна рассказывала, его Колей звали. А фамилию не помню. Это давно еще было, когда война с французами. У него отца убили, а он тогда сам стал вместо него... Стрелял из пушки.

— Из мортиры,— сказал Тим.

— Ну, из мортиры... А потом мы про него рисовали.

— Отлично нарисовано,— похвалил Славка.— Только знаешь... он у тебя какой-то немножко слишком современный получился...

Юный артиллерист был в желтой рубашке с погончиками, в ярко-синих шортиках с модными косыми кармашками и в кедах, у которых Динька не позабыл прорисовать даже рубчики вокруг подошв.

— А какого надо?— слегка ревниво спросил Динька.

— Ну...— начал Славка и перехватил укоряющий взгляд Тима. Торопливо сказал: — А в общем-то, правильно. Они почти такими и были, те ребята... Ты почему не пошел обедать?

Наездник опять насупился. Моментально.

— Не хочу.

— Врешь,— сурово сказал Славка.— Ты боишься, что будут смеяться. А никто не будет...

— Ага, не будет! Вон как гоготали на линейке!

— Линейка давно прошла,— сказал Тим.— До вечера, что ли, будешь тут прятаться? С голоду помрешь. И так уже совсем тощий.

— А ты конопатый! — огрызнулся Наездник.

— Денис! — рявкнул Славка.— Вот как дам по шее. И даже извиняться не буду...

Наездник дерзко хмыкнул.

— Не надо по шее,— примирительно сказал Тим.— Не хочет в столовую — пойдем к нам. Валентина покормит.

— Никуда я не пойду,— ошетинился Динька. Видно, ему было неловко за «конопатого».

— Пойдешь,— сказал Славка.

Они с Тимом надели на Диньку ранец. Потом ухватили строптивного Наездника за руки.

— Поехали!

Динька уперся. Они его потянули. Динькины подошвы заскребли по асфальту. Он в самом деле поехал. Сначала он сердито сопел. Потом посмотрел на Славку, на Тима и засмеялся.

Когда пришли, Тим сказал:

— Валентина! Это Денис. Его надо покормить. Нас тоже.

Валентина со спокойным интересом посмотрела на Диньку и сообщила, что его она покормит, а Тима и Славку не станет. Пускай сначала съездят на рынок за помидорами и кабачками. Дом доведен до полного опустошения: не из чего приготовить ужин.

— Кошмар какой-то,— жалобно сказал Тим.— С тех пор как она сидит дома, началось сплошное тиранство... Ты со мной съездишь?

Славка любил бывать на рынке. Там было так интересно: разноцветно и празднично. Под навесами лежали на прилавках груды помидоров, лиловых баклажанов, розово-серых гранатов, оранжевого перца. И целые горные хребты груш и яблок. И прозрачно-зеленые россыпи винограда. А по углам хитроватые старики и бабки продавали неожиданные и удивительные вещи: живых пестрых попугаев, рисовые веники с узорными ручками, разноцветные корзины, сделанных из плоских ракушек лягушат и чертиков, покрытые лаком раковины-рапаны, крабьи клешни на цепочках и целые чучела крабов.

А как-то раз надутая краснолицая тетка продавала за два рубля живого краба. Он тихо шевелил клешнями и безнадежно погля-

дывал на покупателей черными шариками-глазками на стебельках.

— Зачем такой? — спросил какой-то строгий мужчина. — Для чего он годен?

— А хоть для чего! — оживленно объяснила тетка. — Хотите — сварите на закуску, а хотите — чучело делайте, оно дешевле обойдется, чем готовое.

Славка и Тим насобирали по карманам рубль тридцать девять копеек и за эту сумму сторговали краба. Они отпустили его с бетонного блока недалеко от памятника кораблям, погибшим в Первую оборону. Сначала краб мертво шлепнулся на дно.

— Довели человека, — горестно сказал Тим.

Но краб лежал, шевельнулся и боком пошел в расщелину среди камней.

— Один — ноль в нашу пользу! Да здравствует охрана животного мира! — возликовал Славка...

В общем, рынок был интересным местом. Он тоже был частью Города, и Славка обрадовался, когда Валентина погнала туда его и Тима. Домой Славка не спешил. Мама была занята на какой-то, пока временной, но сложной работе в библиотеке, а бабу Веру он предупредил, что задержится у Тима. Когда уходили, было слышно, как на кухне Валентина командует Денисом:

— Иди мой руки, а потом нарежь хлеб. Надеюсь, это у тебя получится? Очень хорошо. А то я просто поражаюсь, какими беспомощными бывают иногда мужчины.

Трое на площади

Славка и Тим поехали по кольцевому маршруту: это дальше, но зато в троллейбусе свободнее. Троллейбус шел над Малой бухтой, где стоял вспомогательный флот и гидрографические суда. С высоты видны были белые рубки, трубы с голубыми полосами, желтые солнечные палубы и тонкая паутина антенн.

— Я, когда первый раз увидел столько кораблей, просто обалдел от радости, — признался Славка.

Тим сказал:

— Папин «Пеленг» тоже здесь стоит, когда приходит из рейса. Они в ноябре вернутся. Мы туда пойдем, он все покажет. Знаешь, как у них здорово!

Славка улыбался. Столько радостей ждало его еще в Городе! Лишь одна досада грызла иногда Славку: где-то недалеко были яхты и паруса, а он вел береговую жизнь. Когда белые крылья скользили по синеве рейда, к Славке подкрадывалась тоска. Но не мог же он идти во флотилию без Тима! И Славка уговаривал себя, что все еще впереди, все как-нибудь наладится...

Они вышли на главной площади у старинной Адмиральской пристани с белой колоннадой и мраморными львами. Бронзовый адмирал Нахимов спокойно смотрел на Город. Над площадью разносились размеренные звуки шагов. Это шел пионерский караул. Ребята лет четырнадцати в матросской форме, в белых пилотках, с черными десантными автоматами. Два мальчика и три девочки. Они шли на смену к городскому мемориалу, где на плитах из красного гранита были перечислены все воснные части и корабли, защищавшие город в последней войне.

— Четко идут,— с легкой завистью сказал Славка.

— Ничего,— согласился Тим.— Только девчонок я бы в караул не пускал.

— Почему? Всякие бывают девчонки. У меня Анютка знаешь какой капитан была!

Тим упрямо сказал:

— Анютку я не знаю. Если капитан — другое дело. А эти с бантиками. Бантики и автомат! Если заряженный дать, они и выстрелить не сумеют.

Славка промолчал. Он не имел ничего против девчонок. Такие же люди. Даже с Любкой Потапенко у него вроде бы наладились отношения. Потому что она подошла недавно и без всяких ужимок сказала: «Семибратов, ты меня извини за Артемку». Славке что? Он сказал: «Да ладно, пустяки...»

Славка и Тим прошли площадь и зашагали вдоль решетки Приморского бульвара.

Тим вдруг спросил:

— Знаешь, сколько в Городе памятников?

— Всех-всех? И Первой, и Второй обороны?

— И еще революции...

— И танки, и катера считать, которые на земле стоят, и всеobeliski?

— Конечно.

— Я же весь Город не знаю,— сказал Славка.— Наверно, больше ста.

— Больше трехсот. А точно, по-моему, никто не знает. Зато одно совсем точно: ни одного памятника нет... знаешь кому?

— Ребятам... Да?

Тим кивнул и сердито щелкнул себя по ноге пустой авоськой.

Славка сказал:

— Я знаю, ты про это подумал, когда Динькин рисунок увидел. А потом, когда караул шел...

— Я об этом и раньше думал. А сегодня опять... Тому парнишке, которого Динька нарисовал, памятник, может быть, поставят. Он знаменитый. А сколько было незнаменитых... Пули в земле собирали для штуцеров, воду на бастионы носили под обстрелом...

— Я читал. Полегло их сколько...

— А в последнюю войну еще больше... Знаешь, Славка, по-моему, надо тем и другим поставить один памятник.

— Общий обелиск?

Тим опять щелкнул авоськой.

— Обелиск не надо. Они все какие-то одинаковые... Если бы я умел, я бы нарисовал, как я хочу.

— А ты расскажи.

— Ну, понимаешь... Надо, чтобы просто мальчишки. Из камня или из металла, совсем небольшие. Чтобы как живые. И невысоко совсем. Может, прямо среди травы. Там у стены камни, а между ними трава...

— Где?

Тим замялся, сбил шаг, но потом посмотрел на Славку прямо. И тихо сказал, не опуская глаз:

— На площади Карронад.

— А где такая?

— А такой нет. Я придумал.

Это было непонятно. Славке стало даже чуточку обидно, словно Тим что-то скрывал. И Славка проговорил с упреком:

— Придумал... А рассказал, будто все по правде. Камни, трава...

Тим как-то задумчиво улыбнулся:

— Я название придумал. А площадь есть... Ну может быть, не площадь, а так, пустырь. Такой широкий перекресток. Но там хорошо.

В этом была загадка. Еще одна тайна Города. И тайна Тима.

Славка нерешительно спросил:

— Покажешь?

Тим сказал:

— Это недалеко от рынка, на горе. Если хочешь, можно сейчас.

Они поднялись по лестнице, которая вела вдоль крепостной стены с бойницами. Наверху Тим провел Славку по кремнистой тропинке мимо белого забора и маленьких тонких кипарисов. «Кипарисы-мальчишки», — почему-то подумал Славка.

Они свернули за угол и оказались на широком месте.

Действительно, не то перекресток, не то пустырь. А скорее всего — маленькая площадь, потому что земля была вымощена старыми стертymi булыжниками.

И росла между камнями высокая трава с зонтиками желтых цветов.

Кругом — знакомая картина: небольшие белые дома, тополя и акации. Справа дома расступились, и видно, что склон уходит к нижней улице, за которой синее Орудийная бухта.

Словно охраняя этот спуск, поднялись в одном месте остатки желтой крепостной стены. Такие же, как у лестницы. Наверно, в прежние времена здесь был один из бастионов крепости.

Было здесь безлюдно и солнечно, и большие белые облака висели над площадью. Круглые, как надутые паруса...

Славка сказал шепотом, как в тихом незнакомом доме:

— Хорошее место... Я сколько раз рядом ходил, а не знал, что здесь такая площадь.

Тим показал на маленький двухэтажный дом:

— Вон там я раньше жил. Пока на новую квартиру не переехали... Мы тут играли с ребятами, по вечерам салют устраивали.

— Какой салют?

— У нас железное кольцо было, тяжеленное — звено от якорной цепи. Мы встанем со всех сторон — и давай его друг другу кидать, чтобы по камням рикошетило. Оно звенит, а от камней искры сыплются. Красиво так... И вообще хорошо.

Славка почувствовал: Тим не просто рассказывает, он чем-то дорогим делится. Так же, как Славка, когда рассказывал про Покровское озеро и про Артемку.

— Тим... — осторожно спросил он. — Ты сюда, наверно, часто ходишь?

— Иногда...

— А почему такое название — площадь Карронад?

— Ты знаешь, что такое карронады?

— Знаю, конечно. Пушки корабельные. Они корпуса не пробивали насквозь, а разрушали внутри.

...Славка читал про эти пушки много раз. А недавно увидел одну собственными глазами. Был пустой урок, и Славка решил прогуляться до бастионов на Историческом бульваре. Прихватил с собой Наездника, который без дела болтался на школьном дворе. На бастионе никого не было, над брустверами стояла сонная трава с пушистыми, как у одуванчиков, головками. Их неподвижные тени лежали на тускло-черных туловищах орудий.

Орудийные лафеты были ненастоящие, их отлили из чугуна, когда восстанавливали бастион. Зато сами пушки — это действительно пушки. Боевые. Не раз они качались на деревянных палубах старых линейных кораблей, а потом отсюда, с укреплений, посылали картечь и ядра в густые колонны атакующего врага...

Славка хотел не спеша пройти от орудия к орудию, но Динька, верный своей кавалерийской привычке, лихо гикнул и с разбегу оседлал толстый, как железная бочка, орудийный ствол. Тут же взвыл и скатился на землю.

— Ты что? — перепугался Славка.

— «Что»! Потрогай!..

Славка ладонью коснулся орудия. Ого! Солнце, оказывается, разогрело пушку, как чугунную печку. «Будто после стрельбы», — подумал Славка, а Диньке сердито сказал:

— Прыгаешь очертя голову! Вот и поджарился.

Динька виновато пританцовывал, прижимая к «поджаренным» местам растопыренные ладошки. Славке стало жаль его, и он заговорил помягче:

— Смотри-ка, здесь надпись. Я раньше и не замечал...

— Тут не по-нашему...

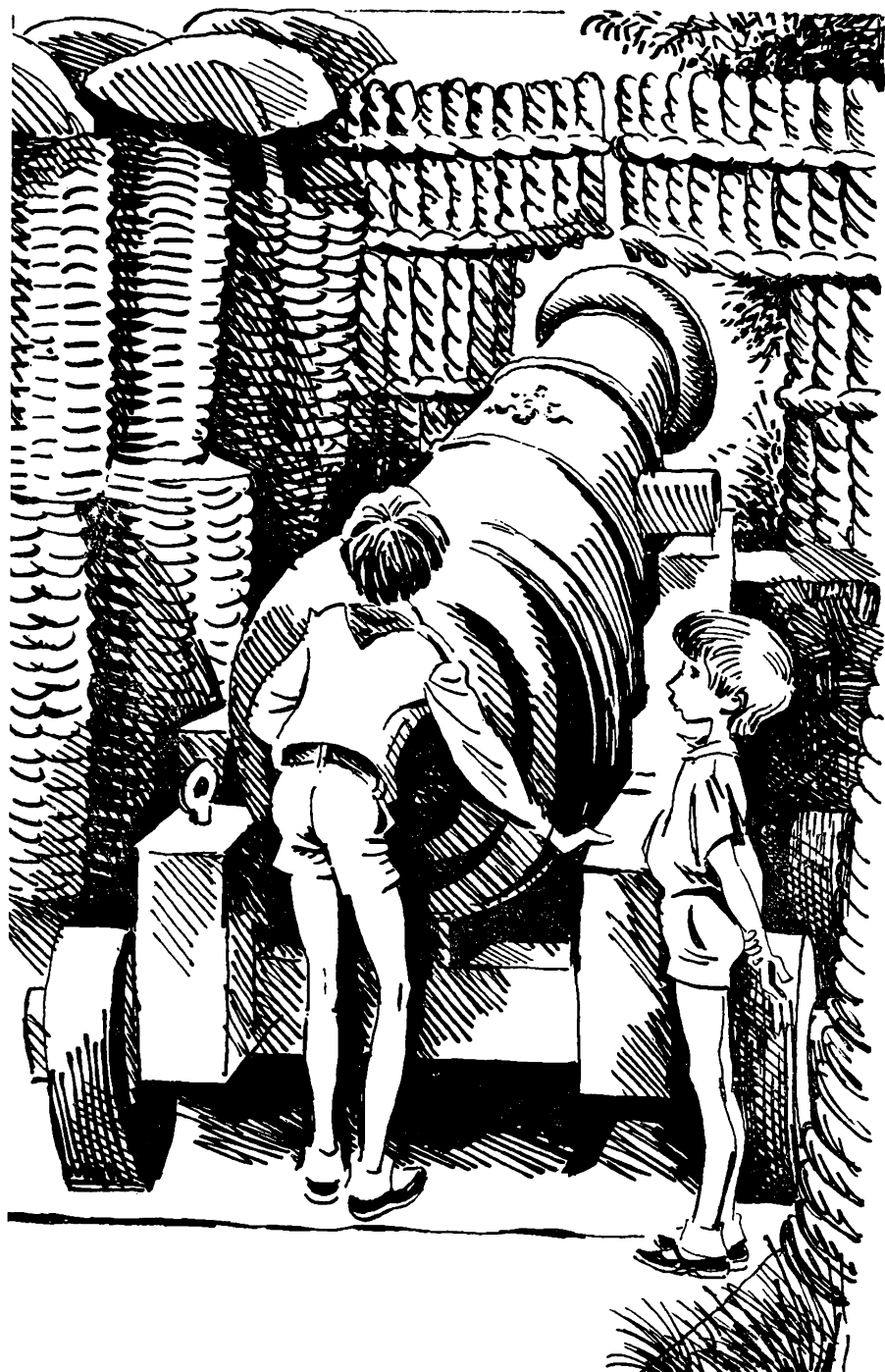
— Написано «Carron». Это был пушечный завод в Шотландии. Пушки они всему свету продавали, специально для кораблей.

— Если для кораблей, зачем она здесь? — насупленно спросил Динька. В его голосе так и звучало: «Забралась не на свое место, да еще жжется...»

Славка серьезно сказал:

— Когда враги навалились, было, наверно, некогда выбирать. Все пушки с кораблей пошли на бастионы...

Славка наклонился и глянул вдоль ствола. Ему захотелось представить, как на бастион движутся плотные шеренги

английских пехотинцев в красных мундирах и зуавов в синей униформе и малиновых фесках. Динька пристроился рядом и тихо дышал у Славкиной щеки. Видно, он перестал обижаться на карронаду и тоже думал об атаке и залпах.

Но не было ни штурма, ни стрельбы. Стояла тишина, только трещали кузнечики. Так же, как сейчас, на площади Карронад...

— Хорошее название,— сказал Славка Тиму.

— Мне это слово нравится — «карронада»,— сказал Тим.— Ну, и вообще, говорят, эта площадь с пушками связана. Во время Первой обороны, когда укрепления строили, сюда орудия с кораблей свозили, а отсюда уже везли на бастионы.

— На такую высоту затаскивали?

— Зато дальше удобно везти. А сюда, наверно, была дорога от Орудийной бухты... А может, и не так было... Но если и не так, здесь, по-моему, все равно стояли пушки. Вот и стена оборонительная...

— Ты хотел, чтобы памятник у стены стоял, да?

Тим серьезно кивнул и подвел Славку к стене. Она была сложена из больших каменных блоков, на которых сохранились выбоины от пуль. В узких бойницах синело небо. На разрушенной верхней кромке росли кустики.

— Вот здесь...— тихо проговорил Тим.— Они бы стояли вдвоем и за руки держались. Будто собой стену защищают. А за стеной — весь Город... А они будто не из разных времен, а вместе. Потому что Город один и тот же. Ну, я не знаю, как объяснить.

— А чего объяснять,— сказал Славка.

Он их как наяву увидел. Только не из камня и не из металла, а живых. Один — широкоскулый, курносый, в широкой холщовой рубашке, старинной большой бескозырке. Другой — чуть повыше, темноволосый, строгий. Держит за ремешок снятую каску. На плече тельняшка разорвана — большая, не по росту тельняшка...

А потом — будто даже неожиданно для Славки — подошел третий. Чуть повыше Диньки, чуть пониже Тима. В голубой школьной рубашке, с помятым ранцем на одном плече. Тоненький и угрюмый. Исподлобья глянул на Славку. Встал чуть в стороне от тех двоих.

— Тим,— сказал Славка.— Неправильно, если только двое. Такие, как Андрюшка Илюхин... Они ведь тоже погибли из-за войны...— Он хотел объяснить и не мог подобрать слова.

С давних пор Славка научился чувствовать неумолимость

математических законов. Еще тогда, когда неотрывно следил за движением костяных шаров по бильярдному сукну. И сейчас он хотел объяснить, что во всем виновата жестокая математика войны. Если лежат в земле сгустки тротила и гремучей ртути в ржавых оболочках, на них все равно кто-нибудь наткнется. Рано или поздно. И чаще всего натыкаются маленькие и любопытные — те, кто ближе к земле и к траве; те, кто ощупывают коленками и локтями глинистые откосы и камни развалин; те, кто не пройдут мимо темного входа в подземелье и мимо загадочной находки. Это — тоже закон. Можно охранять, беречь, запрещать, но по беспощадному закону больших чисел на кого-то падает жребий. Не на того, так на этого. Потому что укрытые в земле снаряды — это продолжение войны. И если Андрюшка Илюхин погиб, он закрыл от смерти другого. Может быть, Диньку. Может быть, Тима или Славку. Может быть, тех ребят, которым не дал добежать до костра...

Но сказать все это Славка не сумел. Он только повторил:

— Они тоже из-за войны... Не все ведь по глупости...

Хорошо, когда тебя понимают. Тим понял сразу.

— Правильно... Почему я не подумал?.. Трое, конечно, лучше, а то несправедливо... Знаешь, Славка, в позапрошлом году какие-то малыши в подземелье провалились, где раньше минные склады были. Один семиклассник их вытащил, а сам не выбрался. Засыпало...

Славка кивнул. Потом сказал:

— А если бы не засыпало? Наверно, никто бы и не узнал. И героем бы никто не считал. А он ведь все равно как на войне. Будто тоже Город защищал... Тим, таких, наверно, тоже немало...

— Конечно...

Они постояли еще у теплой от солнца стены. Наверху в кустах ссорились воробьи. Где-то на рейде прогремела якорная цепь.

Тим неловко улыбнулся:

— Мы размечтались, будто про памятник все уже решено. Будто от нас зависит...

Но Славка сказал серьезно:

— Все равно ты хорошо придумал.

— Мы, по-моему, вместе придумали, — сказал Тим. — Пошли, Славка, а то Валентина нам задаст...

Они обогнули стену, и Орудийная бухта вся открылась перед ними.

В бухту входила баркентина.

— «Сатурн»! — крикнул Тим.

И они помчались к берегу.

Баркентину тащил буксирный катер. Он вел ее к месту последней стоянки, где трехмачтовый парусник должен был превратиться из учебного судна в торговую точку треста кафе и ресторанов.

В своем последнем плавании старая, с ободранной краской на бортах, без парусов баркентина все равно была красива. На низкой набережной собрались зрители. Славка и Тим пробрались к самой воде.

— Отплывалось корытце, — послышался слева от Славки насмешливый голос.

Славка и Тим разом обернулись. Недалеко от них стояли трое курсантов и пожилой моряк с капитанскими шевронами на погончиках светлой куртки.

Капитан коротко глянул на курсанта с гладким красивым лицом.

— О любом судне следует говорить уважительно, курсант Вересов.

Вересов, видимо, смутился и поэтому сказал излишне громко:

— Это если о судне, товарищ старший воспитатель. А «Сатурн» уже не судно, он без флага. Он теперь плавучая танцплощадка.

— И вы говорите об этом с удовольствием...

— Никак нет. Я просто отражаю объективную истину.

«Дурак», — подумал Славка.

Другой курсант, совсем юный, похожий на восьмиклассника, почему-то засмутился и спросил:

— Дмитрий Георгиевич, а правда, что какой-то пацан хотел перерезать швартовы у «Сатурна» и грохнуть его о камни?

Капитан кивнул:

— Да, я слышал.

Вересов усмехнулся:

— Представляю, как папаша порол этого юного флибустьера...

Славка взорвался:

— А ты!.. Сам-то... Только форму носишь! Попробовал бы ночью при шести баллах на марс подняться, чтобы фал протянуть! Весь день потом клеши сушил бы!

К Славке обернулись: и курсанты, и капитан, и вообще все, кто был рядом.

Вересов снисходительно сказал:

— Юноша, с вами не разговаривают. А что касается моих клешей, не беспокойтесь. У меня первый разряд по альпинизму.

— А по уму четвертый, детсадовский,— рубанул Славка.

Кругом засмеялись. Тим осторожно дернул Славку за рукав. Капитан с короткой усмешкой сказал Вересову:

— Видите, подрастающее поколение не нашло с вами общего языка.

Вересов с вкрадчивым нахальством спросил:

— Товарищ старший воспитатель, разрешите вопрос... Вы, кажется, одобряете того пирата, который хотел затопить «Сатурн»?

Дмитрий Георгиевич опять усмехнулся и наставительно произнес:

— Курсант Вересов, вы могли заметить, что действий, идущих вразрез с уставами морской службы, я никогда не одобрял...

— По крайней мере, вслух,— негромко добавил третий курсант— горбоносый и курчавый.

— Курсант Гальченко...— сказал капитан. Впрочем, без особой строгости.

Тим опять дернул Славку за рукав.

— Пойдем,— попросил он каким-то виноватым шепотом.— Пойдем, Славка.

И они ушли с набережной. Славка все оглядывался, а Тим смотрел под ноги...

У самого входа на рынок их окликнули:

— Мальчики! Сбавьте скорость! Я за вами от самой набережной бегу!

Их догоняла удивительно большая девушка. Высокая и толстая. Несмотря на тепло, она была в полосатом свитере, похожем на старинную матросскую фуфайку.

«Боцманша какая...» — подумал Славка.

Они с Тимом остановились.

— За вами не угонишься,— сердито сказала «боцманша». И выпуклыми синими глазами внимательно посмотрела на Тима.— Я про тебя слышала. Я тебя давно ищу. Это ты хотел перерезать швартовы?

Славка ошетинился: что ей надо?

Тим встал, как на совете дружины. Опустил голову.

— Вы из детской комнаты?

— Я из детской парусной секции при Доме культуры Вторчермета. Заместитель начальника базы. Пойдешь в матросы?

У Славки екнуло сердце. А Тим, не поднимая головы, сказал:

— Нет.

«Боцманша» обиделась:

— Это почему?

— Мы только вдвоем,— сказал Тим и взял Славку за руку.

«Боцманша» оглядела Славку с ног до головы и серьезно сказала:

— Кто же спорит...

Виндjamмеры

В конце сентября выдалось несколько прохладных дней. Но что значит «прохладных»? Градусов двадцать тепла. По утрам перепадали дожди — тоже не холодные, летние. Пощелкают по виноградным листьям, позвенят о перевернутое корыто, прибьют пыль на кремнистых тропинках... К полудню облака разбегались, и небо опять становилось праздничным. Однако мама волновалась за Славку:

— Ты забываешь про свои гланды. Сколько можно щеголять в летней одежде?

Но Славка не хотел идти с мамой в магазин. Он был немного суеверен. Ему казалось, что, если они купят школьный костюм (такой же, как в Усть-Каменске), мама скажет однажды: «Вот что, Славик, погостили и хватит. Все это было несерьезно. Пора возвращаться т у д а».

Славка уговаривал себя, что опасения эти — пустые. Мама же обещала! Поэтому страх был маленький, дремлющий. Но он был постоянный. Славка видел, что мама недовольна. Затягивалось дело с выпиской-пропиской, поэтому и работа у мамы была временная. Кажется, не нравилось маме и то, как устроена жизнь в доме: туалет во дворе, умывальник и водопровод — тоже, вместо удобного серванта и шифоньера скрипучие пыльные шкафы пенсионного возраста...

А тут еще эти письма! Они приходили из Усть-Каменска почти каждый день. Сначала мама рвала их, а потом стала прятать в сумочку...

Нет, не было у Славки полного спокойствия. Он даже, чтобы

умилостивить судьбу, отыскал и надел на Артемку второго «куриного бога». А о школьной куртке и брюках он даже думать не хотел. В летней форме, обветренный, успевший загореть под сентябрьским солнцем, он чувствовал себя частью Города. Не оторвать!

В самом деле, не повезут же его в рубашке и коротких штанах в холодные края...

— Уже все мальчики ходят в костюмах,— убеждала мама.

— Не все,— упрямылся Славка.— Тим не ходит. Он говорит, что еще будет жарко.

— Я уверена, что Тим в свою очередь ссылается на тебя.

— Тим ни на кого никогда не ссылается. Он самостоятельный.

— Это правда. И он, по крайней мере, всегда выглядит аккуратно. А ты свою рубашку и шорты скоро превратишь в лохмотья.

— А ты купи еще одни.

— Можно подумать, что я сама печатаю деньги!

Разговор услышала баба Вера. Сказала маме:

— О чем вы говорите, Леночка! Неужели я Славушке одежду не куплю?

Мама незаметно поморщилась, а Славка остался доволен.

— Баба Вера, постарайся, пожалуйста, чтобы рубашка была темно-синяя. Нам надо для формы.

— Вячеслав,— сказала мама, и Славка сделал вид, что смутился.

А баба Вера вдруг весело, совсем не по-старушечьи, ему подмигнула.

Когда мама ушла, Славка шепотом попросил:

— Баба Вера, а морской ремень можно? Два. Мне и Тиму. Ребятам в военторге не продают, а тебе дадут, ты ветеран...

В тот же вечер Славка пришел на рукав черный треугольник с золотым якорем и двумя маленькими звездочками для погон. На погончики рубашки Славка тоже поставил золотые якорьки. Баба Вера распоролла и сделала пошире петли на новеньких шортах, чтобы входил матросский пояс. Это была форма «винджаммеров», а звездочки — знак командира яхты.

Когда Славка пришел в этой форме в школу, Женька Аверкин сразу все понял.

— Записался? В парусную?

Славка кивнул. Женька сказал со вздохом:

— Вы с Тимом счастливые... А я ушел из флотилии. Две недели подряд только маршировать учат. Рулевые-сигнальщики...

Я в художественную студию пойду во Дворце пионеров.

Славка почувствовал себя вроде бы виноватым перед Женькой. Такое ощущение вины приходило к нему уже не в первый раз. И чтобы прогнать его, Славка спросил:

— Нарисовал что-нибудь новое?

— Конечно. Я каждый день...

— Покажешь?

Женька обрадованно полез за альбомом.

Славку вдруг будто толкнуло.

— Жень... Ты только с натуры рисуешь или можешь фантазировать?

Женька смутился:

— Не знаю... Смотря что...

— А ты когда-нибудь рисовал памятники?

«Боцманшу» звали Настя. Во время первой встречи она объяснила, как ехать до спортивной базы, и сказала, чтобы Славка и Тим приезжали в воскресенье с утра.

Они добирались около часа. Сначала катером через Большой рейд, потом на автобусе вдоль Северного берега. Почти до конца бухты. Зато база им сразу понравилась: аккуратные пирсы, сигнальная мачта с настоящего морского охотника, новый белый домик и большая вывеска:

ЮНОШЕСКАЯ ПАРУСНАЯ СЕКЦИЯ

«ВИНДЖАММЕР»

«Виндjamмер» значит «выжиматель ветра». Так называли самые быстрые парусные суда — сначала клипера, а потом громадные стальные барки и фрегаты.

На пирсах базы стояли «кадеты». Десяток новеньких, пластмассовых и три старых, с обшарпанными фанерными бортами.

Но оказалось, что секции в полном смысле еще нет. Потому что не было людей. Базу недавно оборудовали, и Настя подбирала экипажи. А подбирала она не спеша. Не хотела, чтобы записались случайные люди, такие, кто сбежит через несколько дней, испугавшись трудностей морской науки. Настя показалась Славке чем-то похожей на Анюту.

Начальником базы был высокий лысоватый дядька с недовольным лицом и шевронами старшего помощника капитана. Игорь Борисович. Когда Настя привела Славку и Тима, он по-

смотрел на них вполне равнодушно, а на свою заместительницу — почему-то насмешливо. Записал в толстый журнал фамилии и сообщил:

— Занятия с пятнадцатого октября. Осенью и зимой пройдете теорию, с апреля — на воду. Есть вопросы?

У Славки были вопросы. Он набрался смелости:

— А в этом году... нельзя на воду?

Игорь Борисович не удивился и не рассердился. Но и не обрадовался. Без всякого выражения спросил:

— Имеете опыт?

Славка кивнул на Тима:

— Вот он ходил на «эл-шесть»...

— Два раза, — честно сказал Тим.

— А ты?

Славка, волнуясь, достал свое удостоверение. Это был, наверно, не очень законный документ — Славке явно не хватало возраста. Но все же на плотном сероватом листке было отпечатано, что «Вячеслав Семибратов сдал необходимые зачеты по морской практике и судовождению и, на правах яхтенного рулевого третьего класса, может водить яхты с парусностью до 12 кв. м в дневное время». Стояла круглая печать ДСО и подпись старшего тренера.

Эта бумага — все, что мог сделать для Славки бородатый Виктор Семенович, когда прощались. Наверно, начальник покровского яхт-клуба не думал, что в ближайшие годы удостоверение Славке пригодится.

Игорь Борисович молча свернул и возвратил листок. Скучным голосом сказал:

— Анастасия Евгеньевна, помогите им спустить старый «кадет». Лучше седьмой номер, он не течет. Пусть поставят паруса, пройдутся у пирса...

«Седьмой номер» показался Славке таким родным, будто неведомыми путями приплыл сюда старенький «Трэмп». Славка взялся за паруса. Он ничего не забыл за прошедший сухопутный год. А Тим просто молодец! Все схватывал с первого раза.

Здесь, в оконечности бухты, была постоянная толчея волн. Приходила с рейда зыбь, раскачивали воду катера, ветер тоже взъерошивал на воде гребешки. Все это перемешивалось, и получались невысокие, но крутые и беспорядочные волны. Они под-

брасывали «кадет», и он на ходу шлепал по воде звонким днищем.

Хорошие, веселые были волны! Они совсем не мешали Славке. «Семерка» помчалась по гребешкам, как лихая, но послушная лошадка. Брызги ударили по Тиму, который сидел впереди. Тим радостно взвизгнул. А Славке захотелось сразу и петь, и плакать, и смеяться...

Когда вернулись к пирсу, толстая веселая Настя показала им большой палец. А Игорь Борисович сообщил:

— Приведите яхту в порядок и можете ходить, пока у нас набор экипажей и предварительный период... Но имейте в виду: не дальше вон той баржи.— Он показал на большую наливную баржу «Бея», которая стояла в полукилометре от пирса; ее собирались резать на металл.— Помните, что здесь не Покровское озеро. Здесь военные власти, портовое начальство, движение катеров и диспетчерская служба. Есть вопросы?

— Нет вопросов, товарищ начальник базы,— с готовностью отозвался Славка. Но когда Игорь Борисович ушел, он спросил: — Настя, а чего он такой... скрипучий какой-то?

Настя утопила в море сигарету (она целыми днями дымила, чтобы похудеть) и разъяснила:

— Он хороший человек, только неприятности у него были. Какая-то авария случилась, когда он стоял на вахте. Он старпомом был на сухогрузе. Сказали, что виноват, перевели на портовый буксир, он поругался с начальством и ушел из пароходства... Только это между нами... А раньше еще, несколько лет назад, он на «Сатурне» плавал третьим помощником, паруса знает.

Сама Настя занималась в секции крейсерского плавания, во взрослом яхт-клубе, и заочно училась в пединституте. Славке и Тиму она сказала, что будет оттачивать на них свое педагогическое мастерство.

— Сначала отучись курить,— посоветовал Славка.— Не педагог, а пароход «Саванна» в плавании через Атлантику.

— Не смей критиковать начальство,— отозвалась Настя.— Должна же я иметь хотя бы один недостаток...

Однажды Настя предложила:

— Хотите, выпрошу для вас у Игоря новый «кадет»?

— Пфу! Это мыльницы,— сказал Славка. Он не любил пластмассовые яхты, потому что в свое время их презирала Анюта.

Тим сказал:

— Нам и этот хорош. Зря, что ли, возились?

Они за четыре дня привели «семерку» в порядок: заново выкрасили корпус, подлатали паруса. Написали на белых бортах название «Маугли».

Игорь Борисович покосился и ничего не сказал. Вернее, сказал, но не про название:

— Семибратова назначаю командиром. Есть вопросы?

На следующий день, когда Славка и Тим увлеклись и выскочили за «Бею», он вызвал их к себе.

— Я предупреждал?

— Да,— прошептал Славка и обмер.

— Как это произошло?

— Случайно,— сщс тише отозвался Славка.

— Надеюсь, что не нарочно. В следующий раз за подобную случайность будете до весны сидеть на берегу. В море за случайности расплачиваются головами.

Когда они как ошпаренные вылетели от начальника, Тим сказал:

— Давай, Славка, не рисковать. Лучше спросим сначала про Диньку и Валентину, а то опять влетит.

Дело в том, что Наездник уже много раз просил покатать его на яхте. И Валентину. Вместе. Потому что он и Валентина сделались неразлучными. Динька по секрету даже сообщил Славке, что они обязательно поженятся, как только окончат школу.

«Слишком рано,— сказал Славка.— Кроме того, Валентина кончит школу на год позже, чем ты».

«Верно...» — пробормотал Динька и задумался.

Прокатить их Игорь Борисович разрешил. Только по одному и недалеко от пирса. Валентина отнеслась к морской прогулке спокойно, а Наездник даже тихо подвывал от восторга, когда «Маугли» прыгал на гребнях. А потом про все расспрашивал: про паруса, про руль, про мачту.

— А эта цепь зачем?

— Для швартовки.

Затаскивать «Маугли» на пирс Тим и Славка не могли, сил не хватало. Они оставляли яхточку на плаву. В гавани, за пирсом, где начиналось мелководье, волны не бывало, и «кадет» мог ночевать спокойно. Его пристегивали цепью к плавучему буйку, а потом вброд перебирались на берег: воды здесь было чуть выше колен.

Обзавестись цепью их заставил сторож дядя Сеня. Он сказал,

что обычный пеньковый швартов ненадежен: могут проникнуть злоумышленники и угнать яхту, а он, дядя Сеня, отвечает за все здешние плавсредства. Славка и Тим сначала заспорили: откуда им тут взяться, злоумышленникам? Но дядя Сеня резонно заметил, что в свое время именно так рассуждал сторож, карауливший «Сатурн».

Цепь отыскивали на железной свалке рядом с «Беей». Хорошая была цепь, почти не ржавая, длиной метра два. Звенья диаметром с грецкий орех. Один конец Тим и Славка намертво закрепили на скобе форшпигеля — плоского и тупого носа яхточки. А для запора Славка попросил у бабы Веры небольшой замок с двумя серебристыми ключиками. Один ключик взял себе, другой отдал Тиму...

Тим был прав, когда говорил, что придут еще теплые дни. Тридцатого сентября, в субботу, наступила такая жара, что хоть прямо с урока беги — и головой в море. Судьба сжалилась над школьниками: из-за какой-то конференции четвертые и пятые уроки отменили. Школа наполнилась радостными воплями.

Славка и Тим запаслись в буфете бутербродами и покатили на базу. Зачем терять время?

Настя выстраивала на пирсе шеренгу незнакомых мальчишек. Те почтительно смотрели на Славку и Тима, на их якоря и нашивки.

— Мы немного пройдемся, — небрежно сказал Славка Насте. Что ни говори, а приятно быть ветераном.

Настя грустно кивнула. Славка ее понял: ей отчаянно хотелось курить, но перед новичками было неудобно.

Вместе с портфелями (в них бутерброды и Артемка) Славка и Тим перебрались на «Маугли». Подняли паруса. Ветерок был теплый и плотный. Они вышли из гавани.

— Пойдем на ту сторону? — спросил Тим.

Славка кивнул. Тим опять спросил:

— Дашь на руле походить?

— А вот возьму и не дам, — сказал Славка, — чтоб не задавал глупых вопросов.

— Виноват, товарищ рулевой третьего класса.

Славка вздохнул:

— Учю я тебя на свою голову. На будущий год получишь яхту, а где я возьму матроса?..

— Диньку возьмешь. Он в тот раз два часа канючил, просился.

— Опять заново учить. Да Игорь и не разрешит. Скажет: что за детский сад?

— Настю попросим, она его уговорит. Она на него влияние имеет. Как Валька на Дениса... Ой, чуть не забыл!

— Что?

— Можешь писать заметку «Новый подвиг первоклассника Васильченко».

Славка даже рулем дернул не в ту сторону, и «Маугли» чуть не улегся парусом на воду.

— Что еще он натворил?

— Это мирный подвиг,— успокоил Тим.— Денис Васильченко записал в первый класс Валентину Сель.

— Ты что... Серьезно? Как это?

— Очень просто. Пришел в кабинет к директору и говорит: что за безобразие! Девочка без присмотра, одна дома. Читает, пишет, считает, как отличница, а в школу не берут. Ну, Юрий Андреевич посмеялся: хорошо, товарищ Васильченко, разберемся. Позвонил нам домой. Оказывается, в первом классе неполный состав... Мама Вальку быстро сводила в школу, ей там что-то вроде экзамена устроили. А она Тамаре Алексеевне знаешь что заявила? «Я просто поражаюсь, какие наивные вопросы вы задаете...» В понедельник пойдет учиться...

«Маугли» пересек бухту. Они сменили галс и пошли от чернореченских причалов к «Бее».

— Артемку забыли посадить на палубу! — спохватился Тим.— Опять бедняга в темноте сидит.

— Зато там вкусно пахнет,— сказал Славка.— Подбери стаксель, полощет...

Прыгали волны, плясало на них солнце. Ветер кидал навстречу соленые брызги. Славка жмурился от брызг и солнечных бликов. Сквозь радужные пятна он видел желтые обрывы, один из створных маяков Большого рейда — белую башню на горе — и пассажирский катер, бегущий из города вдоль Северного берега. Кто-то помахал им с катера, но Славка не разглядел. Над «Маугли» весело носились чайки. И жизнь была замечательная.

Тим сказал:

— Динька портрет Валентины нарисовал. Знаешь, даже похоже немного...

Славка подумал о Диньке, вспомнил его альбом, рисунок с мальчишкой на баррикаде. Потом вспомнил еще один альбом...

— Тим... Не обижайся, ладно? Может, подумаешь, что я болтун... Я Аверкину про памятник рассказал. На площади Карронад...

Тим резко обернулся:

— Зачем?

— Ну, ты не обижайся.

— Я не обижаюсь, ты что... Но только я не понимаю: зачем? — сказал Тим с мягким нажимом.

— Он рисует здорово, ты же знаешь... Так захотелось, чтобы кто-нибудь памятник нарисовал. Чтобы глазами увидеть. Я как-то не стерпел и проговорился... Надо было тебя спросить, конечно...

Тим сказал без восторга, но и без огорчения:

— Ладно, это же не военная тайна. Лишь бы он не стал всем болтать, а то опять начнут говорить про мои фантазии...

— Что ты! Он никому... Он так обрадовался — и скорее за карандаш.

— Хорошо получилось?

— Я же не видел, он только начал... Тим!

— Что?

— Знаешь, я подумал... А если у него хорошо получится, можно показать какому-нибудь скульптору. А потом набрать цветного металла... Все ребята помогли бы, если бы по правде памятник делать.

Тим потуже выбрал стаксель-шкот и повернул к Славке мокрое от брызг лицо.

— Славка, ну зачем ты... Говоришь про памятник, а думаешь про другое. Будто извиняешься...

— Ну... ты, наверно, все еще злишься на Аверкина, а я тогда про это забыл.

— Нисколько я на него не злюсь...

— Ну и хорошо, — с облегчением сказал Славка. — Возьми руль, сам же просил... А про памятник я все равно думаю.

Они поменялись местами.

— Металл собрать не так уж трудно, — сказал Тим. — Со старых кораблей знаешь сколько меди снимают! Например, оправы иллюминаторов.

— Вот бы достать иллюминатор! Я бы на стенку его приделал, а под стекло — какой-нибудь парусник.

— Иногда на свалке попадают. Даже среди железа.

— Когда цепь искали, я что-то не заметил.

— Ну, не каждый же раз. Как повезет.

— Тим, сходим посмотрим?

— Давай.

Тим взял покруче к ветру, и «Маугли» устремился прямо на корму «Беи». У самой кормы он рыскнул к берегу, Славка выдержнул шверт, и днище заскрипело о твердый песок и мелкие ракушки. Тим поднял перо руля, а Славка сбросил спасательный жилет, выпрыгнул на берег и закрепил цепь за ржавый рельс. Ослабшие паруса заполоскали на ветру.

На берегу громоздилась куча металлолома.

— Смотри-ка, мы тут не одни такие охотники,— сказал Тим.

Несколько мальчишек — из второго или третьего класса — возились среди железа. Трое по очереди дергали ручку разбитого корабельного телеграфа. Двое выдергивали из-под гремящего стального листа обрывок якорной цепи. Еще один — смуглый, похожий на галчонка, в продранных на коленях джинсах и обвисшей полосатой майке — стоял над ними и рассеянно баюкал заостренный с одного конца ржавый цилиндр.

Славка и Тим быстро посмотрели друг на друга.

«Все-таки это случилось,— подумал Славка.— Надо же, все так просто...»

Тим не спеша подошел к мальчишке и негромко спросил:

— Можно посмотреть?

И принял цилиндр на свои ладони. Оглянулся на Славку и сказал:

— Какой тяжелый...

Часть третья

Цепь

Право капитана

— Какой тяжелый,— сказал Тим и посмотрел исподлобья на Славку.

Славка опять подумал: «Все-таки это случилось...— Он прислушался к себе. Сердце билось редкими толчками.— Значит, не боюсь»,— подумал Славка. Он знал, что, если человек боится, сердце колотится беспорядочно и часто.

Снаряд размером с небольшой термос лежал в веснушчатых Тимкиных руках. Тим осторожно прижимал его к оранжевому спасательному жилету. Снаряд был покрыт коричневой ржавчиной. К ней кое-где прилипли плоские маленькие ракушки. Словно ребристые чешуйки. У снаряда была маленькая головка, похожая на привинченную пробку. Видимо, взрыватель.

«Все-таки это случилось...»

Прежде всего надо было убрать мальчишек.

Славка сказал негромко, но очень решительно:

— Идите отсюда, ребята. Здесь нельзя.

Его серьезный тон подействовал: ребята отступили на пару шагов. Но похожий на галчонка мальчишка — тот, что отдал снаряд,— огрызнулся:

— Нам нельзя, а вам можно?

— Здесь зона, понимаете? — сказал Славка.— Придет сторож, он вам головы поотрывает.

Белокурый мальчик лет восьми рассудительно заметил:

— Мы здесь сколько раз играли. Никакого сторожа здесь нет.

И остальные наперебой подтвердили это. Они стояли теперь плотной шеренгой. Их было шестеро, и при желании они вполне могли справиться со Славкой и с Тимом.

— Раньше не было, а сейчас есть,— напористо сказал Славка.

— А вы кто такие? — скандальным тоном спросил «галчонок».

Славка придумал на ходу:

— Мы пионерский патруль. Кто не верит, поехали на базу, там узнаете!

Он снова шагнул к ребятам, и они опять отступили. Наверно, поверили насчет патруля. В самом деле — форменная рубашка, нашивки... Но «галчонок» крикнул:

— Врет он! Он хочет все забрать, что мы нашли!

— Дураки! Хотите, чтобы вас в пыль разнесло?

— Подумаешь, в пыль! У нас Степан патроны разряжал — как семечки щелкал!

И шеренга сдвинулась еще плотнее.

Славка быстро оглянулся на Тима. Тим стоял неподвижно. Со сжатыми губами и напряженным лицом. И прижимал к груди ржавую находку.

— Убирайтесь! — отчаянно крикнул Славка ребятам. — Ну? Считаю до трех! Раз... — И он прыгнул к ним. Словно хотел схватить того, кто не слушается.

Они отбежали, но теперь смотрели совсем враждебно. «Галчонок» вдруг громко сказал:

— Пошли, ребята, к Степану! Степан придет — он им даст!

Компания грозно и обрадованно загудела, давая понять, что со Степаном шутки плохи. Сейчас они его приведут, и тогда самозванный патруль узнает, как приставать и командовать не на своей улице.

Они ушли, сердито оглядываясь. Курчавый мальчишка на прощание швырнул в Славку и Тима обломок черепицы. Славка сразу увидел, что обломок пролетит в стороне, но Тим вздрогнул и резко отступил на шаг. Славку будто шарахнуло током!

— Тихо ты!

— Я тихо... — виновато сказал Тим.

— Очень тяжело?

— Да нет, держу. А что дальше?

— Сейчас!

Славка прыгнул к яхте, схватил портфель, вытряхнул

бутерброды и учебники. Хотел вытряхнуть и Артемку, но подумал: «Не надо, Артемка мягкий».

Он подбежал к Тиму, поставил открытый портфель у его ног:
— Давай уложим...

Тим начал медленно сгибаться, отодвигая снаряд от груди.

— Дай мне,— сказал Славка.— Дай, Тим. У тебя руки устали.

Тим осторожно переложил свой груз в Славкины ладони. Снаряд в самом деле оказался очень тяжелым для своих размеров. Наверно, килограммов десять.

«Вот тебе и клятвы»,— подумал Славка, вспомнив про все честные слова, которые давал маме.

Никаких угрызений совести Славка не чувствовал. Если оставить снаряд и кто-нибудь из-за него погибнет, какими честными словами оправдаешь себя? Обстоятельства оказались сильнее Славкиных клятв. Это был форс-мажор.

Тим встал на коленки и пошире растянул открытый портфель. Видимо, руки у Тима в самом деле устали: пальцы вздрагивали.

На дне портфеля Славка увидел Артемкину неунывающую физиономию с блестящими глазами. Славка медленно сел на корточки и начал опускать снаряд. Тихо-тихо. Теперь он уже не думал, что не боится.

Артемка понимающе улыбался и растопыривал лапы: готовился принять на себя ржавую тяжесть.

Снаряд лег на ватное Артемкино тело.

Славка встал. Было очень тихо. Казалось, что совсем исчез ветер. Палило солнце.

— Все,— сказал Славка и вытер мокрый лоб рукавом.

— Что все? Дальше-то что делать?

Славка не знал. Просто еще не подумал.

— Сейчас ребята вернутся,— сказал Тим.— С этим своим Степаном. И получится свалка.

Славка кивнул. Тим был прав.

Тим опять сказал:

— Наверно, мы зря их прогнали. Надо было все объяснить и послать за кем-нибудь: за военными или за милицией.

— Какие-то они бестолковые,— пробормотал Славка. Но он понимал, что Тим говорит правильно. И признался: — Это я сгруппил.

— Я тоже,— сказал Тим.

— А теперь с ними не договоришься.

— Смотря что за Степан. Может, умный, а может, такой же, как они.

— Умный! Патроны расковыривал...

— Да,— согласился Тим.— Сейчас нельзя рисковать.

— Тим,— сказал Славка.— Давай затопим эту штуку.

— В бухте? Здесь мелко. Если она у кого-нибудь под килем сыграт?

Славка оглянулся на воду. Крутые резвые волны плескались под солнцем.

— Да,— сказал Славка.— И нельзя ее везти на яхте. Вон как кидает... Тим, ты не знаешь, как устроен взрыватель у этой штуки?

— Откуда я знаю...

— Нельзя на яхте,— опять сказал Славка.— Тут каждый толчок опасный. Может, в нем какая-нибудь проволочка на одной чешуйке ржавчины держится...

Он увидел, как Тим побледнел. Веснушки Тима сделались почти черными на побелевшей коже. Ну и что? Славка сам не боялся, что ли?

— Один пусть подожурит, а другой — на базу,— сказал Славка.— Надо кого-то позвать.

— А что на базе? — возразил Тим.— Игоря нет, Настя катер не водит. Телефон еще не подключили... И можно не успеть: явится компания со Степаном...

— Может, спрячем?

— Где?

Кругом был пустой берег, твердая как камень земля. Не зароешь. Если в железе спрятать — найдут. Если в песке, у самой воды — вдруг кто-нибудь наступит?

— А если сбегать в милицию или в какую-нибудь военную часть? — предложил Славка.

— Где они здесь?

— Поискать...

— Ходить с этим подарочком среди людей?

— Да нет же! Один с ним здесь останется...

— Это все равно что на базу,— устало сказал Тим.— Можно не успеть... Давай, Славка, унесем его куда-нибудь подальше, где нет людей. Осторожно...

— Куда?

— Знаешь что... Здесь если по прямой, то, наверно, недалеко до обрывов. Помнишь, где гнездо орудия?

— Ну и что?

— Там всегда пусто. И глубина... Кинем с обрыва и отскочим. Если утонет — пускай. А если грохнет от удара об воду — нас не зацепит.

— А много идти?

— Километра полтора, наверно...

«Никуда не денешься,— подумал Славка.— Если это случается, не спрячешься, не свалишь на другого...» И пришел такой страх, что дышать стало трудно. Неужели это его, Славкина, судьба? Неужели как Андрюшка Илюхин?

Да нет же! Не в костер же он будет толкать снаряд! Просто отнесет тихонечко и выбросит.

Но мысль о чешуйке ржавчины, на которой держится спуск взрывателя, была неотступной.

Славка резко дернул плечом и коротко выдохнул воздух.

— Придется нести,— сказал он.— А если кого-нибудь встретим, сразу пошлем за саперами.

— Если идти пустырями, едва ли встретим... Да ладно, Славка! Эту штуку в металлоломе привезли, и то она не взорвалась. Чего ей взрываться в мягком портфеле? Донесем.

«В самом деле...» — подумал Славка.

— Пошли,— сказал Тим.

«Пошли... Значит, вместе?.. А зачем вместе? Вдвоем не так страшно, но если что-то... Если эта ржавая проволока...»

Он сел на корточки и очень осторожно, стараясь не звякнуть замками, застегнул портфель. Лицо у портфеля было хмурое и боязливое.

— Тим,— сказал Славка,— яхту оставлять нельзя.

Тим удивился:

— Разве сейчас нам до яхты?

— Все равно,— сказал Славка.— Зачем идти вдвоем? Ты отведи «Маугли», а я эту штуку отнесу... Ну чего ты смотришь? Отнесу, и ничего не случится.

— Ты с ума сошел? — жалобно проговорил Тим.

Но Славка не сошел с ума. Наоборот, он понял: сумасшедшими надо быть, чтобы идти вдвоем. И он понял еще, что надо говорить честно.

— Тимсель,— сказал Славка ласково.— Ну, пожалуйста, не спорь. Ну, ты же понимаешь... Зачем рисковать обоим?

Тим, нагнувшись, отколупывал от колен плоские плотно прилипшие ракушки. Не поднимая головы, он сказал:

— Тогда уводи яхту ты. Ты капитан.

Это была правда. И Славка... Славка даже обрадовался в первую секунду! Но тут же представил, как Тим, согнувшись набок от тяжести, уходит через поросший бурьяном пустырь. И почувствовал Славка, что смотреть на это он не сможет.

«Гадина проклятая, свалилась на нашу голову! — мысленно сказал он сразу. И тут же испугался: — Нет-нет, не гадина. Только лежи спокойно. Совсем спокойно...»

И он сказал Тиму то, что обязан был сказать, раз уж так получилось:

— Тим... Если я капитан... Капитан должен быть, где... труднее. — Он не решился сказать «опаснее».

— А я не справлюсь с яхтой, — не глядя на Славку, отозвался Тим.

— Не валяй дурака.

Тим выпрямился. У него были решительные зеленые глаза.

— Славка, давай по-честному. Бросим жребий.

«Давай!» — чуть-чуть не сказал Славка. Но не сказал, потому что это было бы как раз не по-честному.

Конечно, ничего страшного не случится, он в этом уверен. Но... если все-таки... Тогда что он скажет матери Тима?

«Тетя Маша, так получилось. Мы тянули жребий. Я не виноват, что выпало ему...»

А если наоборот? Если что-то с ним случится, со Славкой? Тогда что скажут его маме?

Ну почему здесь не появится ни один взрослый?! Что за проклятое такое невезение? И ждать уже нельзя. Пацаны могут вернуться в любую минуту.

Славка решил:

— Тим, не надо жребия, не обижайся.

Они всегда во всем были равны. До сих пор. Но сейчас стало по-другому. Тим не мог отказаться от жребия, а Славка мог, он имел право. Но он еще не сказал об этом. Он сказал о другом:

— Не обижайся, Тим, но я сильнее. И я к своему портфелю привык... И я умею толчки и рикошеты рассчитывать: не упаду не споткнусь. Мне легче.

— Это нечестно, — сказал Тим.

Тогда, глядя в сторону, Славка наконец сказал:

— Тим, я командир яхты. Мы сейчас считаемся в плавании.

— Ну и... что? — тихо спросил Тим.

— Тим, — сказал Славка. — Ты не сердись... Командир имеет право приказывать.

У Тима стало чужое лицо.

— Ты мне приказываешь?

— Да, — чуть не плача, сказал Славка.

— Есть, капитан, — откликнулся Тим, глядя мимо Славки. — Слушаюсь, капитан.

Он это спокойно произнес, без всякой насмешки. Но ох как тошно стало Славке. И, глядя, как Тим идет к яхте, Славка отчаянно сказал:

— Ты думаешь, мне в герои хочется? Дурак ты... Тим! Ну, не злись! Нельзя же иначе!

— Я ничуть не злюсь, — не оборачиваясь, ответил Тим. Нагнулся и стал распутывать цепь.

— Ты... знаешь что? — нерешительно проговорил Славка. — Ты ошвартуй «Маугли» и подожди меня на базе. Я быстро...

Тим грохнул цепью о палубу и столкнул «Маугли» с песка. Вошел в воду по колено и прыгнул в яхту. По-прежнему не глядя на Славку, он ответил:

— Я ошвартую яхту. Но после этого плавание кончится, и тогда ты мне уже не командир. Я сам знаю, что мне делать.

«Вот мы и поссорились», — подумал Славка.

Но надо было идти. Главное сейчас — чтобы идти. Чтобы скорее избавиться от страшного груза. Остальное будет потом: они помирятся с Тимом, который все поймет; они опять вдвоем сядут на «Маугли»; они обсудят с Тимом, как избавить Славкину маму от писем из Усть-Каменска; они завтра пойдут купаться на Качаевку и возьмут Валентину и Диньку...

...Если проржавевший спуск взрывателя не окажется слишком хрупким.

Белая дорога

Потом Славке много ночей подряд будет сниться эта дорога. Светлая, почти белая земля с блестками кремния. Бесконечная дорога, белый бред под палящим солнцем...

Он вышел на эту дорогу не сразу. Сначала был пустырь с

колючей травой и сухими раковинами улиток. Они хрустели под кроссовками. Славка решил было спрятать снаряд в этой траве и сбегать за помощью, но на пустыре паслись козы, и, значит, здесь в любую минуту могли появиться люди.

За пустырем тянулись домики и сады окраины. Обходить их пришлось бы очень далеко, и Славка пошел по улице. Он понимал, что делать этого не следует, нужно держаться подальше от людей. Но понимал он и другое: если идти в обход, не доберешься до моря и к вечеру. Тим явно ошибся, когда сказал, что до обрывов полтора километра. Он, видимо, не очень хорошо знал эти места.

К счастью, улица оказалась почти безлюдной. Только дважды промчались навстречу мальчишки-велосипедисты. Славка оба раза каменел от страха, будто встречные люди могли разбудить и встряхнуть снаряд...

Страх был непостоянный: он приходил волнами. Иногда он накрывал Славку с головой — Славка леденел и замирал, и не спасало от холода солнце, которое жгло спину и плечи сквозь темно-синюю рубашку. Казалось, что вот-вот, сию секунду ударит грохот... Потом страх откатывал, и Славка ругал себя трусом, сопляком и нервной барышней. С минуту казалось, что все случившееся — пустяк. Что железная болванка, лежащая в Артемкиных объятиях, не опаснее, чем старинный литой утюг бабы Веры. Но минута проходила, и опять наваливался страх.

Один раз Славка услышал в портфеле тихий, но отчетливый щелчок. Он оцепенел на секунду. Потом осторожно (быстро, но очень осторожно) поставил портфель в дорожную пыль и кинулся в кювет, в жесткую траву. И залег там, прикрыв голову руками.

Хорошо, что никого на улице не было.

Славка полежал, приподнял голову. Портфель стоял посреди улицы, и квадратная физиономия была у него виноватой. Славка понял, что щелкнул язычок разболтанного замка.

После этого страх ушел надолго. Славка даже стал насвистывать. Он спокойно добрался до конца улицы.

И тогда он увидел дорогу.

Узкая, прямая и длинная, она уходила в направлении моря. Но моря Славка не увидел. Дорога шла вверх и словно втыкалась в небо. Нужно было подняться до перевала. С двух сторон дорогу стискивали побеленные каменные заборы. За ними поднимались острые кипарисы. Наверно, там были большие сады.

«А может быть, кладбища. Подходящее место,— подумал Славка и тут же одернул себя: — Не распускайся!»

Он ступил на эту дорогу с твердой белесой землей, почти горячей от солнца. Белый блеск резал глаза. Даже небо теперь было не голубым, а светло-стальным и беспощадным.

От тяжести ныли руки и болели плечи. Славка осторожно перекладывал портфель из руки в руку, но ставить его на дорогу не решался. Не хотел лишних толчков. Портфель приходилось держать на отлете, чтобы жесткая нижняя кромка не чиркала по ноге и чтобы случайно не ударить коленом.

У Славки опять появилась мысль: спрятать портфель в укромном месте и сбежать за кем-нибудь. Но здесь, на дороге, сделать это было нельзя. Ни ямы, ни камня, ни заросшего травой кювета. Ровная твердая земля подходила прямо к белым стенам. У подножия стен росли кустики пыльной травы, но в них не спряталась бы даже улитка.

Дорога была как судьба: не избавишься от груза и никуда не убежишь. В каменных заборах — ни калитки, ни щели, ни выхода в переулок. Оставалось идти вперед, а что впереди — неизвестно. И путь казался бесконечным.

Тогда Славка стал думать, что все равно это кончится. Все равно он выйдет к обрыву и кинет снаряд в воду. И станет хорошо и спокойно. И он побежит к Тиму, чтобы скорее помириться. И Тим скажет: «Ох и натерпелся я из-за тебя, Славка...»

А если не скажет?

Если обида у Тима такая, что он не захочет больше видеть Славку?

Но почему? Тим поймет! Он же справедливый. Он поступил бы так же, как Славка, если бы сам был капитаном.

А что сделал бы тогда Славка? Подчинился бы приказу?

«Я... я не знаю,— подумал Славка.— Да, я, наверно, подчинился бы. Но я извелся бы от страха, думая о Тиме. Я боялся бы сильнее, чем сейчас...»

«А он, думаешь, не боится? Думаешь, ему сейчас легко?»

«Но он меня простит, когда я вернусь...»

«Кто знает... Вот если наоборот, если не вернешься, тогда, конечно, простит. Потому что взрыв — это оправдание...»

При этой мысли Славке стало так жутко, как еще не было. Ему показалось, что все предугадано. С самого начала. С его приезда в Город. И разговоры об Андрюшке Илюхине, и находка

на берегу, и эта дорога, с которой не свернешь,— все вело к одному.

«Что будет с мамой, если это случится?»

И мама будто появилась откуда-то и пошла рядом.

«Мама, ты прости. Что я мог сделать?»

А мама молчала и укоряюще смотрела на Славку.

И Славка вдруг сообразил, что надо сделать!

Надо осторожно вынуть снаряд и положить у стены. Кто-нибудь найдет? Пусть. Почему один Славка должен рисковать? Он унес эту страшную игрушку от ребят, он отмерил для себя свою долю риска. Пускай теперь кто-нибудь другой. Он не за себя боится, а за маму.

«У других тоже мамы...»

«Значит, я должен ходить по ниточке, а другие не должны?...»

«Сам взялся...»

«Но я не знал, что это так далеко. И так страшно... Я просто больше не могу».

«Ладно, оставь снаряд... Тим не оставил бы...»

«Это несправедливо. Почему это случилось именно со мной? Я живу здесь всего месяц. Другие целую жизнь живут — и ничего...»

«Значит, это не твой Город?»

— Будь ты проклят, гадина такая,— шепотом сказал снаряду Славка, уже не думая, что снаряд может отомстить.

И будто от этих слов дорога кончилась.

Славка оказался на перекрестке. Впереди была обычная улица окраины, черепичные крыши, а за крышами плавилось под солнцем море. И опять рванулся с моря плотный теплый ветер.

— ...Слава! Семибратов!

Он даже не удивился. Он только обрадовался. К нему торопливо шла Любка Потапенко.

— Семибратов! Ты что здесь делаешь?

— А ты? — глупо спросил Славка и очень мягко поставил портфель на каменный тротуар.

Она улыбалась.

— Я же тебе говорила: у меня здесь бабушка живет. На улице Морских пехотинцев.

Славка не помнил такого разговора. Но какая разница? Главное, что все теперь будет просто. Главное, что не надо двигаться с места.

— Любка,— быстро сказал Славка.— Здесь есть где-нибудь военная часть?

У нее широко распахнулись глаза.

— Тебе зачем?

— Ты не спрашивай. Скажи — есть?

— Военная тайна, да?

— Да скорее же...

Она капризно пожала плечами.

— Подумаешь, какой нервный. Вон, через дорогу посмотри, там проходная.

И Славка увидел. Там опять была белая стена, но не такая глухая, как у дороги. В нее была встроена проходная будка, а рядом виднелись решетчатые ворота со звездами и якорями. У зеленой двери стоял часовой в черной форме морского пехотинца.

«Вот и все»,— подумал Славка. И нетерпеливо сказал:

— Потапенко, сходи к ним, позови кого-нибудь из военных. Пожалуйста.

— Зачем?

— Очень надо.

— Сперва скажи.

Было не до споров.

— Люба,— сказал Славка,— позови, пожалуйста. У меня в портфеле неразорвавшийся снаряд.

Она еще обиделась, дура:

— Ты что мсня разыгрываешь? У тебя там Артемка. Вон из дыры лапа торчит!

В самом деле, внизу из портфеля торчала Артемкина лапа в зеленой штанине.

— Артемка на дне, а сверху снаряд. Честное слово.

Любой нормальный человек сразу кинулся бы к проходной. Но Любка прижала к щекам ладони, приоткрыла рот и шепотом спросила:

— Правда, Слава? Покажи...

— Ну какая же ты безмозглая!— с отчаянием сказал Славка.— Тогда отойди! Отойди на сто метров! Ну!!

Он крикнул так, что она отскочила. Конечно, не на сто метров, но довольно далеко.

Славка поднял портфель и перешел дорогу. Сзади раздались тяжелые шаги. Славку обогнал пожилой усатый мичман в голубой куртке. Или, может быть, прапорщик — Славка не знал, какие

там звания у морских пехотинцев. В общем, две звездочки на гладком черном погоне. Часовой козырнул. Мичман кивнул и взялся за ручку двери.

— Пойдите,— тонким голосом сказал Славка.— У меня важное дело!

Мичман обернулся и удивленно поднял клочкастые седые брови. Придержал дверь.

— Ты к кому? Проходи. Ты сын майора Ковского?

Славка вошел. Он не имел права идти туда со своим грузом, но получилось само собой.

После знойной улицы здесь было прохладно и темно. Славка помигал, разглядел у стены табурет и опустил на него портфель.

— Я не сын... Пожалуйста, осторожнее. Здесь снаряд.

— Что за шутки? — недоверчиво и слегка раздраженно спросил мичман.

Славка быстро, хотя и осторожно, отстегнул замки. Он чувствовал небывалое облегчение. Здесь, при опытном взрослом человеке, не могло случиться ничего страшного.

— Вот...— сказал Славка и тихо откинул крышку.

Мичман заглянул в портфель. Сначала нахмурился, но тут же лицо его стало спокойным.

— Где ты эту штуку разыскал?

— На свалке у танкера «Бая», в конце Большой бухты.

— А зачем притащил сюда?

— Куда же было девать? — со звоном спросил Славка. Его захлестнула обида.— Там были маленькие ребята!

Мичман опять посмотрел на Славку — теперь внимательным и продолжительным взглядом. И коротко улыбнулся.

— Да не бойся,— вдруг мягко сказал он.— Натерпелся, да? Это не снаряд, это портативный газовый баллон для разогрева самолетных моторов. Их многие путают со снарядами, кто не знает...

— Баллон?

Кто-то громко хихикнул.

Славка растерянно оглянулся и увидел Потапенко. Он только силуэт ее увидел в прямоугольнике двери, за которой полыхал знойный день, но сразу представил Любкино лицо.

Баллон!!

Завтра будет хохотать вся школа...

И все было зря: белая дорога, изнуряющий страх...

И нелепая ссора с Тимом!

Славка всхлипнул и кинулся к двери, проскочил мимо отлетевшей Любки и побежал вдоль стены. Сначала быстро — так, что горячий ветер забивал горло. Потом тише: стало колоть в боках. Но все равно бежал. По улице, по белой дороге...

Потом не хватило дыхания, и Славка перешел на шаг. Ветер мохнатыми ладонями гладил мокрое лицо. Славка наконец подумал: зачем было убегать?

Еще хуже будет. Еще больше станет издеваться Любка. Расскажет, как он выскочил, будто капризная девчонка.

И портфель с Артсмойкой остался там...

Вернуться?

Нет, вернуться он не мог. Он только пошел потише.

И может быть, от ровного шага ровнее стали мысли.

Что он нервы распустил? Разве плохо, что снаряд оказался баллоном? Наоборот. Иначе кто знает, был бы сейчас на свете Славка Семибратов или не был?

Портфель, конечно, отдадут Любке...

Любка раззвонит про эту историю? Пусть. Славка не виноват, что снаряд не настоящий. А если найдутся дураки, которые будут смеяться, — их дело. Пускай хоть весь свет смеется. Разве это сейчас главное? Главное — Тим!

Лишь бы Тим не ушел!

Какой-то переулочек вывел Славку к бухте. Правее базы. Славка подскочил к воде, разогнал ладонями нефтяную пленку, которая приплыла от стоявшего неподалеку танкера. Плеснул соленой водой в лицо. Вытерся подолом, заправил рубашку. Быстро зашагал к базе.

Тим не ушел. Он сидел у ворот на старом перевернутом ялике. Он поднялся навстречу Славке.

— Тим! — поспешно сказал Славка. — Это был не снаряд! Это газовый баллон... Мне мичман сказал... Тим, ты что?

Тим протянул Славке его учебники, связанные обрывком фала. Не глядя. Потом повернулся и пошел.

— Тим... — сдавленно сказал Славка.

Тим не остановился.

Славка пошел следом. Тим не оглядывался.

— Тимсель... — позвал Славка. Это было как пароль. Как сигнал о помощи.

Тим замедлил шаги. Не обернувшись, он сказал негромко:

— Ты за мной не ходи, пожалуйста. Ты... хуже, чем враг...

Никогда не забуду...

Дома Славка сразу лег на диван. Лицом к стене. Он не удивился, что его не зовут обедать. Не удивился, что баба Вера — печальная и растерянная. Не удивился тяжелому молчанию в доме. Все так и должно было быть в этот черный день.

Сначала Славка ни о чем не думал. Он очень долго лежал, сцепив зубы, а в голове, как замкнутая в кольцо кинолента, крутилось воспоминание: белая дорога, Любка, мичман, баллон, Тим, последние слова Тима. И снова: дорога... баллон... Тим... И опять.

«Ты за мной не ходи, пожалуйста. Ты... хуже, чем враг...»

Но почему?!

«Тим, почему? Я же тебя не бросил, не обманул... Ну, пусть я виноват, но я же не хотел... А ты сразу — как насмерть!»

И вдруг появилась ясная мысль. Такая простая и легкая, что Славка сразу сел. Он даже улыбнулся и кулаком себя стукнул по лбу.

Тим просто не понял, вот в чем дело! Он увидел у Славки вину, которой не было! Их поссорила какая-то ошибка... Эту ошибку надо выяснить и убрать. Уничтожить! Надо не валяться здесь, не впадать в тоску, а поговорить с Тимом. Обо всем спросить и про все объяснить самому. Тим поймет. Это же Тим...

Ну а если не поймет?

Ладно... Тогда Славка скажет: «Тим, я дурак был с этим своим капитанством. Я просто потерял голову. Не прогоняй меня, Тим, прости».

И Тим простит. Не может он поставить на Славке крест. Они одной крови — Славка и Тим...

Славка вскочил. Если бегом — он увидит Тима через пятнадцать минут!

Он качнулся к двери, и в эту секунду вошла мама.

У мамы были сжаты губы. Она коротко глянула на Славку, обвела глазами комнату и сухо спросила:

— Где твой портфель?

— Что? — растерянно сказал Славка.

— Меня интересует, где твой портфель. Почему ты принес учебники, связанные веревкой?

Она смотрела мимо Славки. Лицо у нее было напряженным и холодным.

«Все уже знает,— со страхом подумал Славка.— Любка разнюхала адрес и притащила портфель». Стало ясно, что несчастья не кончились.

— Ну, что ты молчишь?

А что было говорить? Самое глупое дело — давать ответы, которые известны заранее.

Мама посмотрела на Славку слегка удивленно:

— Ты объяснишь наконец?

— Он остался у военных,— пробормотал Славка.

— У каких военных? Что ты там делал?

— Ну... что ты меня мучаешь? — вырвалось у Славки. — Ты же сама знаешь! Любка же рассказала!

— Любка? — удивилась мама. — Я не знаю никакой Любки. В чем дело?

Значит, Любки не было? Как по-идиотски он влип!

— Вячеслав! — сказала мама. — Я хочу немедленно знать, что произошло. Имей в виду, что мы договаривались: никогда не врать.

Врать он и не мог. Промолчать — другое дело. Но молчать уже было нельзя. Славка, глядя в пол, прошептал:

— Я отнес военным... одну штуку. Газовый баллон.

— Зачем? Что за баллон?

— Мы с Тимом его на свалке нашли...

— Ну и что?

— Мы его у ребят отобрали...

— Ну и что, я спрашиваю!

— Ну и... отнес.

— За-чем?

Тянуть было бессмысленно. Славка был измотан, он не мог сопротивляться. Он поднял глаза и проговорил:

— Я думал, что это снаряд.

Он не увидел на мамином лице ни страха, ни гнева. Мама, кажется, даже обрадовалась. Все так же сухо, но со скрытым облегчением она сказала:

— Очень хорошо. Иди поешь, а потом поможешь уложить чемоданы. Мы уедем сегодня.

— Мамочка... — шепотом сказал Славка. — Мама, ты со мной что хочешь... Только не это...

Потом крикнул:

— Не надо!

Он вцепился в маму. Сам того не сознавая, он кричал слова, которые кричат дети, оказавшись в тисках жестокости и боли. Да он и был сейчас маленьким мальчиком, изнемогавшим от боли и отчаяния:

— Мамочка, не надо! Мама, я больше не буду, ну прости, мама! Но она оторвала от себя Славкины руки:

— Прекрати истерику!

Славка упал на диван. Но он тут же вскочил! Надо было драться за себя и за Город!

— Ты не имеешь права! — крикнул он. — Ты обещала! Ты слово давала!

— Ты тоже давал слово. И нарушил.

— Но у меня не было выхода!

— Не кричи. У меня тоже нет выхода. Ты меня сам вынуждаешь на это.

— Я не поеду, — сказал Славка. Он вдруг почти успокоился. В самом деле: не поедет, и все! — Я руками и ногами, зубами цепляться буду. Не поеду.

— Поедешь, — сказала мама. — Ты не будешь цепляться ни зубами, ни когтями. И не будешь устраивать скандалы. Пожалей Веру Анатольевну. Сейчас ты пообедаешь, и начнем укладываться. Поезд уходит в половине десятого вечера.

— Ну и пусть уходит!.. Все равно ты не достанешь билеты.

— О билетах я позаботилась.

— Когда?

— Не твое дело.

«Но ведь Любки не было...» — подумал Славка.

Любки не было, и о баллоне он рассказал сам. Сейчас. Значит...

— Значит, все это неправда, — сказал Славка и переглотнул.

— Что неправда?

— Все... Все твое вранье, — с отчаянной грубостью, но тихо сказал Славка, глядя ей прямо в лицо. — Ты все врешь. Ты едешь из-за Него.

Ни разу в жизни он так не говорил с мамой.

Ее щеки побелели.

На столике лежала пустая авоська, с которой Славка обычно бегал на рынок и в магазин. Этой авоськой, вытянутой в тяжелый жгут, мама хлестнула его по лицу. И еще, еще! В кожу впились твердые узелки.

Славка не увернулся и не защитился. Он только прикрыл глаза, но не от страха, а машинально. Он расстегнул пряжку и выдернул из петель флотский ремень.

— Возьми,— сказал он.— Пряжкой можно пробить до кости. Не бойся, шрамы придают мальчикам мужественный вид.

Мама бросила сетку и выскочила в другую комнату. Славка увидел, как она плачет у окна. Но он не пошел за ней. У него горели от ударов щеки.

Славка медленно продернул ремень в петли.

— Славик, прости меня,— сказала, не оборачиваясь, мама.

— Я не поеду,— ответил он.

— Славик...

— Не по-е-ду.

Он сел, положил на колени руки и стал смотреть на окно, как на киноэкран. В окне качались узорчатые листья винограда. От вечернего солнца на них был оранжевый налет.

Никуда он не поедет. Смешно даже думать. Он еще и с Тимом не помирился...

А на той неделе — отрядный сбор, выпуск новой стенгазеты. На базе — общее собрание экипажей. Потом экскурсия на крейсер «Суворов». Неужели Славка в это время будет уже в ненавистном слякотном Усть-Каменске?

Мама вернулась в комнату и села рядом. Пальцами провела по Славкиной макушке.

— Ты едешь из-за Него,— опять сказал Славка.

— Да... Если хочешь правду, то из-за него тоже.

— Он гад,— решительно сказал Славка.

Мама не рассердилась.

— Он несчастный человек,— тихо объяснила она.— Ты не знаешь, сколько ему пришлось пережить.

— Я его ненавижу.

— Я понимаю... Он виноват перед нами. Но я перед ним, видимо, тоже виновата.

— В чем?!

— Не кричи. Ты не поймешь.

— А я? — спросил Славка.— Я-то в чем виноват? Меня вы за что мучаете?

— Ты, наверное, не виноват... Ты, видимо, и сегодня поступил правильно, я тебе верю. Но я извелась от страха за тебя. И сегодня я поняла, что этот страх не пустой.

— Да как раз пустой! Как этот баллон! Ведь снаряда-то не было!

— Но он мог и быть...

— И поэтому ты заранее взяла билеты,— с жесткой насмешкой сказал Славка.

Мама встала.

— Хорошо, издевайся надо мной,— сказала она.— Я виновата. Я тебя ударила... Еще я виновата, что люблю человека, которого ты не терпишь. Я не могу без него и не могу без тебя. Скажи, что мне делать?

Славка не знал. Он понял, что не устоит перед натиском несчастий. И подумал, что, наверно, сам виноват: он слишком боялся. Страх притягивает несчастья, как магнит. Если чего-то очень боишься, это обязательно случается. Давным-давно Славка отчаянно боялся, что мама увидит краденый «Справочник вахтенного офицера»,— и мама увидела. Он боялся наткнуться на снаряд — и наткнулся. Правда, снаряд оказался не настоящим, но беды он принес настоящие. Из-за него случилось то, чего Славка боялся больше всего. Две самые страшные вещи: он поссорился с Тимом и уезжает из Города.

Значит, такая судьба? Такой несчастный день, от которого не убежишь?

Мама сказала:

— Ты, пожалуйста, не думай, что все будет по-старому. Мы разменяем с ним квартиру и будем жить с тобой вдвоем. Ты пойдешь в новую школу...

Славка тихо и совершенно честно сказал:

— Знаешь, о чем я жалею? Что я не нашел настоящего снаряда и не уронил его на камни.

Мама резко встала.

— Спасибо! И ты хочешь, чтобы после этого мы остались здесь?

— Ничего я уже не хочу,— с безразличием сказал Славка.

На него наваливалось тяжелое утомление. Как тогда, перед ружьем. Все сделалось пустым и ненужным.

Он машинально помогал маме укладывать чемоданы. Что-то отвечал заплаканной бабе Вере; кажется, обещал написать письмо.

Баба Вера сказала маме:

— Славушке-то зачем ехать? Он, смотри, как прижился.

— Вы думаете, Славик захочет меня оставить?—спросила мама. Славка взял со стола тяжелую синюю книгу — «Международный свод сигналов». И тогда все опять взорвалось в Славке!

Уехать, не помирившись с Тимом?

— Я схожу к Тиму...

Мама встревоженно выпрямилась над чемоданом:

— Не надо, я тебя прошу...

— Но я должен попрощаться! Неужели даже этого нельзя?

— Ты ему напишешь... Славик! Он придет к тебе в гости! Или ты к нему на будущий год! А сейчас не ходи, я так боюсь.

— Чего?

— Не знаю. Всякой случайности. Всего теперь боюсь. Смотри, уже темнеет..

— Мне надо ему книгу отдать!

— Он зайдет и возьмет у Веры Анатольевны...

— Ну хорошо,— зло сказал Славка.— А позвонить я могу? Будка-то не заминирована.

— Сходи позвони... Мы ходим вместе.

Вот как! Даже и поговорить с Тимом он не может один на один.

Ну ладно же!

Славка рванул из тетради листок, взял авторучку и открыл «Свод».

«НС»,— написал он сначала.

Даже если Тим обижен насмерть, даже если он решил навсегда забыть про Славку, после этого сигнала он все равно прочитает флаграмму до конца.

«Тим, я не хочу, но меня увозят! Тим, пожалуйста, приходи хоть на минуту! Пожалуйста, Тим! Меня увозят сегодня вечером! Поездом! Насильно...»

«Насильно... Насильственно» — РХІ.

«Сегодня вечером» — FTC.

«Меня» — SCI...

«Поездом» — PLK...

«Вагон № 7... 21 час 30 минут...»

«Тим, ты придешь? Тим, в «Своде» нет таких слов: обида, прощение, дружба... Но ты же поймешь. Поймешь, Тимсель?»

В будке горела тусклая лампочка. Славка вошел, а мама осталась у открытой двери.

Славка набрал номер.

— Валентина? Позови Тима!

Он услышал:

— Тима нет, он ушел.

Этого еще не хватало!

— Куда?

— Он ушел с мамой к знакомым. Из Африки прилетел один человек, он привез от папы письмо и посылку. Представляешь, какая неожиданность? Но Тим сначала не хотел идти... Слава, может быть, ты объяснишь, что с ним случилось?

— А что?

— Он сегодня печальный, как целое кладбище. Ходит и молчит. Мама просто в панике.

Значит, Тим тоже?.. Значит, ему не все равно!

— Валентина! У знакомых есть телефон?

— Есть, но к сожалению, я не знаю номера.

— А как зовут этого знакомого?

— Дядя Толя...

— Полностью! Фамилия, имя, отчество!

— Анатолий Иванович Васильев. Слава, а что...

Славка нажал на рычаг и набрал 09.

— Справочное слушает...

— Дайте, пожалуйста, телефон Васильева, Анатолия Ивановича!

— Адрес?

— Адрес... Я не знаю...

— Без адреса не можем.— И отвратительно заныли короткие гудки.

Славка опять закрутил диск.

— Валентина? Какой адрес у дяди Толи?

— Слава, я, честное слово, не имею понятия. Там новый микрорайон, без улицы. Как идти туда, я знаю, но адреса никогда не слышала...

— Прими флаграмму!

— Одну минуту, Слава... Я готова.

— Новембэр — Чарли,— сказал Славка.

— Всего две буквы?— удивилась Валентина.

— Сначала две... Дальше: Фокстрот — Танго — Чарли...— Славка оглянулся на маму. Он не хотел маме ни обиды, ни огорчений, но все-таки сейчас это была его маленькая месть: «Пожалуйста,

разбирай, если поймешь». Он услышал в трубке, как защелкала машинка. — Сьерра — Чарли — Джулиэт... Папá — Эксрей — Индия... Роумио — Лима — Кило...

«Тим, приходи немедленно...»

— Дэльта — Новэмбер — Гольф...

«Приходи немедленно...» А как Тим придет, если ничего не знает?

— Валентина, когда он вернется?

— Мама обещала, что они придут около десяти.

Ну, вот и все. Тим не успеет даже на вокзал. Не будет у Славки последней короткой радости, последнего утешения. Он уедет и не узнает, простил его Тим или нет. Несчастья сегодня бьют по Славке без промаха, до конца.

— Слава! Ты почему молчишь? Ты кончил передачу?

— Да... Нет, подожди. Валька, передай ему просто так... Слышишь? Скажи, что я его никогда не забуду...

Прощай, Город

Когда вернулись, мама сказала:

— Вечером прохладно, переоденься. Я все же купила тебе костюм.

Она разложила на диване куртку и брюки. Это была не школьная форма, а бархатистый джинсовый костюм со множеством олимпийских нашивок, пуговиц и «молний». Мечта любого мальчишки. Но Славка посмотрел на него с молчаливой тоской. Так, наверно, смотрит приговоренный к каторге, когда равнодушный тюремный кладовщик швыряет ему полосатые штаны и рубаху...

Потом все, что делал Славка, было в последний раз.

Последний раз он постоял перед зеркалом в форме виндjamмеров.

Последний раз умылся во дворе под звякающим эмалированным умывальником.

Последний раз поужинал в кухне, где пахло дымом и горьковатой травой.

Последний раз оглянулся на свою каюту с большой картой мира, Женькиным рисунком над столом и брошенным на диван «Сводом сигналов». Обнял плачущую бабу Веру... Последний раз услышал, как трещат в тишине теплого вечера сверчки.

Потом он смотрел из такси на улицы Города. По ним шли счастливые, веселые люди, ничего не знавшие о Славкином горе... Была суббота, и на тротуары словно выплеснулась бело-синяя волна — форменки и широкие воротники идущих в увольнение матросов...

Машина прошла над Орудийной бухтой. Белым лучом врезался в черное небо освещенный прожекторами обелиск — памятник Городу.

Там, за обелиском, за желтым каменным мысом с пещерами и гротами были скалы, среди которых любили плавать Славка и Тим. Они приходили сюда, если надоедал бетонный городской пляж с его суетой, разноцветными зонтиками и разлапистыми шезлонгами... Зеленая вода среди скал медленно поднималась и опускалась — это подходили незаметные пологие волны. Они то заливали гроты, то уходили из них со звонким гулом. Из этих каменных пустот пахло соленой сыростью. Оттуда выбегали деловитые крабы с тонкими узорами на спинах и черными глазами на стебельках. Славку и Тима они не боялись... Славка прыгал с камня в прощитую солнцем глубину и видел мохнатые бурые водоросли, узкие тени рыб на песчаных проплешинах дна и серебристо-перламутровые осколки раковин-мидий... Из-за темной, обросшей скалы навстречу Славке выплывал Тим. Он улыбался. Они брались за руки и плыли вдвоём, и зеленоватые зайчики скользили по Тиму. И даже здесь, под водой, среди размытых красок и теней были видны Тимкины веснушки... А когда Славка выскакивал на поверхность и неторопливая волна приподнимала его, он видел синие дали, старую крепость и маяк на ней, белые улицы на дальнем берегу бухты, катера, теплоходы, паруса больших яхт на рейде и сизые громады крейсеров. И яркое небо, и неутомимых чаек, которые, подобрав красные лапы, кружили над Славкой. И над Тимом.

А Тим, блестящий от воды и солнца, стоял высоко на камне и собирался опять прыгнуть к Славке...

«Я не хочу уезжать! Не хочу! Не могу!!» — этот отчаянный тоскливый крик звенел в Славке, не переставая. Но это был молчаливый крик. Его не слышал никто, даже мама.

Славка сидел прямо и спокойно. Он отвечал на какие-то мамины вопросы. Он, кажется, даже улыбнулся какой-то маминой шутке — неловкой и жалобной.

А улицы убегали назад, убегал назад Город, убегал от Славки. А впереди не было ничего...

«Ну, я же не хочу!!»

...Он помог маме втащить в вагон чемоданы. Он делал все, как надо. Вежливо поздоровался с соседями по купе: маленькой загорелой старушкой и лысым капитаном третьего ранга, который безуспешно пытался открыть окно. Капитан третьего ранга оставил окно в покое, заинтересованно глянул на Славку (и на маму) и благосклонно кивнул:

— Здравствуйте, молодой человек. Будем знакомы. Меня зовут Федор Николаевич. А тебя?

— Меня зовут Слава.— Он ответил, как подобает вежливому ребенку.

— Очень приятно. Далеко держите путь?

— Мы гостили у бабушки, а теперь едем домой, за Урал. На родину,— горопливо объяснила мама.

Какая чушь! Его родина здесь. Здесь его единственный Город. А там что? Они мотались по разным местам, и Славка не помнил и не любил ничего, кроме Покровского озера. Он не помнил даже названия поселка под Перво заводском, в котором родился...

— А на пару дней мы заедем в Москву,— сказала мама.— Славик ни разу не был в Москве.

И не надо! Бывает, что человеку и в Москву не хочется нисколько! Славка успеет побывать там сто раз, когда вырастет.

А что заменит ему Город? Кто заменит Тима?

Поезд пошел. Резко загорелись лампы дневного света. Славка вышел в коридор. Здесь, напротив купе, окно было открыто. Славка встал на выступ отопления и прижался грудью к верхней кромке оконного стекла. Теплый-теплый воздух стал гладить его по лицу.

Поезд шел над ночными бухтами, в которых жил таинственной и неутомимой жизнью громадный Флот. Иногда пролетали мимо окна темные ветки, закрывали Город, а потом опять распахивалась перед Славкой бескрайняя россыпь огней. И в этом свете он различал скопление труб, кранов, мачт, сигнальных вышек. А над ними, по высоким берегам, тянулись высвеченные фонарями улицы. Славка разглядел свою школу...

«Даже документы не взяли,— подумал Славка.— Наверно, мама затребует по почте... А может быть, она успела сходить в школу?»

Да наплевать на документы! А что будет с Артемкой? По-

смеются и выкинут на свалку? Или все же его отыщет и заберет себе Тим?

Раньше в самые трудные времена со Славкой был Артемка. Теперь нет и его. Никого нет. Ничего нет.

Поезд нырлял в туннели, с натугой брал подъемы, а Город все не кончался. Он только уходил вниз и сейчас был виден, как с самолета...

— Славик, помоги мне разобрать постели,— позвала мама.

— Да подожди! — вырвалось у Славки.— Дай посмотреть последний раз!

Мама больше не окликала.

Потянулись темные деревья, заборы. Поезд сбавил ход. Остановился. Славка увидел белый домик с желтыми окнами и большой вывеской:

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Это все еще был Город. За станционным домиком, за деревьями дрожали в черной воде змеистые отражения огней. И совсем недалеко, на том берегу бухты, была база «Виндjamмер» с маленьким вертким «Маугли», дремлющим у буйка.

Недалеко? За тысячи миль! Потому что все это уже не его, не Славки. Потому что завтра ничего этого не будет: ни пляшущей воды, ни теплого ветра, шумящего в каштанах, ни запаха моря. Будет мокрый снег за окнами, черные деревья и безрадостные дни...

«Гражданс пассажиры! Поезд номер двадцать три прибыл на первый путь. Стоянка поезда четыре минуты. Будьте внимательны к сигналам отправления...»

— Какая духота! А? — Лысый Федор Николаевич остановился рядом со Славкой.

Что ему надо? Почему в самые горькие минуты рядом не те люди, которые нужны?

Почему дома не оказалось Тима? Он бы пришел. Он бы к поезду прибежал! Он бы крикнул еще издали:

«Славка!»

«Тим! Ты пришел! Тим, не обижайся, я не хотел...»

«Да брось ты про это, Славка...»

«Тим, я не хочу уезжать! Но я не виноват! Тим, мы ведь все равно... мы одной крови, да?»

«Конечно, Славка! Навсегда!»

«Тим, я напишу!»

«Ты обязательно напиши, Славка! И я тоже! Слышишь, Славка? Слышишь, Славка?!»

«Слышишь меня, Славка?! Славка!»

— Славка-а-а!!

Кинувшись к выходу, он сбил с ног капитана третьего ранга и проводницу...

Четыре жизни Тимсея

Ученик пятого класса «Б» общеобразовательной средней школы № 20 Тимофей Сель за одиннадцать лет и три с половиной месяца прожил четыре жизни.

Первая жизнь была самая длинная и обыкновенная. В нее вошли детский сад, три класса школы, все радости и огорчения, которые случаются с человеком в его первое десятилетие.

Вторая жизнь началась, когда дядя Саша, папин брат, усадил Тима на носу большой яхты Л-6 и дал ему в руки толстый капроновый трос.

— Держи стаксель-шкот, морячок...

Это была жизнь с мечтой о парусах.

Третья жизнь включала в себя один последний месяц, сентябрь. С того дня, когда появился Славка. У каждого человека начинается новая жизнь, когда среди множества приятелей и товарищей появляется единственный и самый нужный на свете друг.

Тим просыпался с радостью, что есть Славка. И засыпал с той же радостью. Каждый раз. Он, как праздника, ждал вечернего Славкиного звонка, а утром, как на праздник, бежал в школу: там будет Славка!

Эта жизнь кончилась сегодня днем.

Почему?

Потому что Тим оказался трусом. Да! Может быть, не все время он был таким, но в тот момент, когда Славка сказал «приказываю», Тим трусил. Он обрадовался приказу. Тогда он себе в этом не признался, он гордо и обиженно ушел к яхте, сделал вид, что не может быть сильнее морского закона.

А на самом деле он не мог быть сильнее своего страха.

Он кидал Славке сдержанно-обидные слова, а в самой-самой глубине души таилась радость: не надо нести портфель. Можно, никого не предавая, уйти подальше от страшного места...

Это была недолгая радость. Когда «Маугли» отошел от берега и Тим увидел, как Славка уходит по пустырю, в Тима ударил горячий залп стыда и страха. Стыд был за себя, а страх теперь — за Славку. Почему Тим в тот момент не повернул к берегу, не бросился за Славкой? Сам не знал. Он уже не думал об опасности для себя, но будто по инерции продолжал вести яхту к базе. Зато потом, едва закрепив цепь, он кинулся туда же, куда шел Славка, — к обрывам. Вскочил на автобус, идущий до Качаевки, потом бежал через кипарисовые посадки, через какие-то ямы с остатками колючей проволоки...

Славки не было на обрыве. Да и не могло еще быть: он же шел пешком. Идти встречать? Но куда? Славка мог выйти на берег любой тропинкой, любым переулком.

Тим сидел на краю бетонного оружейного гнезда и ждал. И каждую секунду боялся услышать раскатистый удар взрыва. Наверно, нет ничего страшнее такого томительного и беспомощного страха.

Взрыва не было. Но и Славки тоже не было. И когда прошла целая вечность (даже непонятно, почему ни разу не наступила ночь), Тим опять побежал к автобусной остановке, а оттуда приехал к базе.

И просидел у ворот еще одну вечность.

Потом он издалека увидел Славку: как он подходит к берегу, ополаскивает лицо...

Трудно рассказать, какое ликование поднялось в Тиме! Но поднялось и схлынуло. Потому что теперь, когда страх ушел, Тим опять подумал о себе. Вспомнил унижительную радость, которую испытал после Славкиного приказа. И понял, что больше они со Славкой не могут быть равными. Славка не дрогнул, держался до конца, а он, Тим, бросил его.

Да, бросил! Надо было наплевать на приказ. Надо было сказать: «Пойдем по очереди, будем меняться. Один тащит, а другой идет поодаль, чтобы не зацепило, если взорвется...»

«Но я же тогда не подумал об этом!» — сказал себе Тим.

А Славка? Славка, наверно, подумал, но промолчал. Из благородства! Капитан!

Если бы он не сунулся со своим приказом, все было бы как

надо. Не стал бы Тим трусом! Не было бы этого унижения, от которого хочется завывать, как от зубной боли. Они до конца шли бы вместе.

Но Славка не захотел. Пожалел Тима. Не пожалел, а бросил! Одного! Чтобы он мучился от своей трусости и страха. Какое он имел право бросать Тима? Какое имел право делать его ничтожеством?

И когда Славка подошел, обида, перегоревшая и сбитая в тугой комок, сидела в горле у Тима. И Тим сказал Славке те слова...

Так началась четвертая жизнь Тима. Без Славки.

И очень скоро, уже по дороге домой, Тим почувствовал, что такая жизнь хуже смерти.

Сначала Тим говорил себе: «Он сам виноват. Он поступил нечестно». Но такие мысли не успокаивали. Во-первых, несмотря ни на что, Тим понимал: Славкино решение было правильным. Славка же не подозревал о Тимкиной трусости! Он просто хотел уберечь Тима от риска.

Во-вторых, какая разница — виноват Славка или нет, если Тим без него не может жить? И если сам он, Тим, виноват перед Славкой в тысячу раз больше?

Была бы хоть какая-то надежда, что Славка забудет эти подлые слова «хуже, чем враг», — тогда другое дело...

А может быть, надежда есть? Славка гордый, но он же добрый. И если честно рассказать о своем сегодняшнем страхе, о своих дурацких мыслях, о нелепой обиде, он, может быть, поймет?

Ведь не смеялся же он, когда Тим признался, как боялся лезть на марсовую площадку «Сатурна»...

Но тогда Тим боялся и все-таки лез. А сегодня струсил до конца.

Но этого же никто не знает! Если бы Славка не приказал, разве бы Тим ушел?

А может быть, завтра утром Славка сам подойдет и скажет: «Брось, Тимсель, не надо обижаться...»

Скажет? После того как Тим сказал ему такое?..

Нет, надо идти и все объяснить. Сейчас, скорее... Или не сейчас? Может быть, лучше завтра, чтобы сначала успокоиться и найти самые убедительные, самые правильные слова?

Мучиться до завтра?

Но, может быть, это все-таки лучше — подождать? Чтобы Славкина обида не была такой жгучей?

Эти мысли грызли Тима на улице, дома и в гостях у человека, который недавно встречался с папой на Канарских островах. Это был давний товарищ отца и мамы, он знал Тима с пеленок. Он спросил:

— Тим, что гложет юную твою душу?

Мама сказала:

— Он сегодня как в воду опущенный. И не могу добиться, что случилось.

— Ничего не случилось,— сказал Тим.

Он не знал, конечно, что в этот момент Валентина смотрит на листок с отпечатанными буквами и озабоченно говорит Диньке, который засиделся у нее допоздна:

— Здесь что-то не так. Я определенно чувствую, что нам придется ехать на другой конец города...

Они приехали туда через сорок минут. Папин товарищ ввел их в комнату.

— Полюбуйтесь на неожиданных гостей.

Валентина протянула Тиму листок:

— От Славы.

Динька держал под мышкой второй том «Международного свода сигналов» — книгу разбора.

С этой секунды четвертая жизнь Тимсея рванулась и начала раскручиваться, как часовой механизм, у которого сорвало маятник (в этом случае шестерни воют от перегрузки, а минутная стрелка вертится со скоростью велосипедной спицы).

Буквы НС ударили, как двойной выстрел. Тим распахнул книгу. Сколько ушло на расшифровку? Минута, две? Тим не знал. Но он запомнил: когда прочитал номер вагона, большие электронные часы на стене показали 21.07.

Метнувшись к двери, он успел крикнуть маме:

— Славка уезжает, я на вокзал!

И через три секунды был на улице...

Про вокзал Тим крикнул для краткости. Он понимал, что туда уже не успеть. Был единственный шанс увидеть Славку — перехватить его на Черной Речке. До отхода поезда двадцать три минуты. Еще примерно столько же пройдет, пока поезд минует

туннели, проползет над бухтами и одолеет подъемы и спуск. Но и катер на Чернореченский причал идет сорок минут. А как добраться до катера?

Тим рванулся к обочине.

По дороге, пересекавшей новый район, то и дело проносились легковые автомобили. Три из них Тим без колебания пропустил. Это были два самодовольных личных «Москвича» и такси, набитое пассажирами. Но когда за стеклами еще одного такси блеснули золотые полосы наплечного шеврона, Тим вскинул обе руки. Его оранжевая рубашка полыхнула в свете фар.

Тим не ошибся. Машина проскочила метров двадцать и завизжала тормозами.

— Эй, мальчуган, что случилось?

Не было времени придумывать истории. Да и зачем?

— Товарищ капитан, мне надо на Черную Речку, к поезду! У меня уезжает друг!

— Да ты что! Мы совсем не туда!

— Я понимаю! Мне бы только до причала, до катера!

— Дома-то тебя искать будут...

— Дома знают, честное пионерское!

И улицы бросились навстречу, размазывая фонари в сплошные желтые полосы.

— Прямо к Орудийной,— сказал водителю человек в форме капитана морфлота.— Ничего, это не очень большой крюк.

Машина подлетела к арке, за которой тянулись бетонные пирсы.

— Ни пуха ни пера, малыш!

Тим бросился к кассе.

...Зря он торопился. Зря капитан гнал машину. Вообще все зря...

Над окошечком кассира был припшплен листок с обыкновенными и беспощадными словами: «Движение пассажирских катеров по Большой бухте закрыто до 23.00».

Тим прочитал эти слова несколько раз. И все еще машинально шарил в карманах, искал мелочь для билета.

«А ведь и денег нет ни копейки...»

Когда бежал, в кармане что-то звякало, а сейчас оказалось — ключи. Два плоских ключа на блестящем колечке: от квартиры и от «Маугли». Тим растерянно подержал их на ладони.

И вдруг Тим понял, что ключ — это надежда.

Это риск — почти такой же, как с «Сатурном». Но ведь Славка уезжает!

По бульвару, мимо праздничных людей и светящихся фонтанов, Тим бросился к Адмиральской пристани.

Повезло! У дощатого настила прыгал на короткой зыби катер-лимузин. С пристани на борт шагнул молодой офицер в парадной форме.

— Товарищ капитан-лейтенант! Подождите, пожалуйста! Товарищ капитан-лейтенант! Мне надо на Северный берег, а рейд закрыт! Меня мама потеряет! — Сейчас нельзя было говорить настоящую причину.

Офицер обернулся. Веселые глаза, белые зубы.

— Что за крик?

— Мне надо на Северный берег, а катера не идут!

— Мы не туда, мы на крейсер.

— Вам же это две минуты! Пожалуйста!

— Не положено.

Тим заплакал. От бессилья и тоски по Славке.

— Ты что слезы льешь, моряк? Веснушки хочешь смыть?

— Дома же беспокоятся, — соврал Тим, а думал по-прежнему о Славке.

— Где же ты был? С обеда предупреждали, что рейд закроют.

— Я у товарища засиделся...

— Шут с тобой, прыгай, Конопухин... Пускай мамаша тебе выплет по тому месту, на котором засиживаются. Оно у тебя тоже с веснушками?

Ладно, сейчас не до обид! Лишь бы скорее!

Катер вздыбился, раскидав пенные усы. Северный берег с обелиском в честь воинов-гвардейцев приблизился, накатил вплотную, навис над Тимом.

Каменистая крутая тропинка вела от пирса наверх, туда, где шоссе и автобусная остановка. Можно и по лестнице, но тропинкой ближе... Теплый, но плотный ветер качнул Тима над откосом, пузырем надул рубашку — она выбилась из-под резинки на пояс. Тим схватился за кусты, в ладонь злорадно вгрызлись мелкие колючки. Наплевать! Лишь бы успеть!

Квадратные окна автобуса светились у остановки.

— Подождите!

Зашипели двери, мигнули красные фонарики. Насмешливо так мигнули, будто сказали: «Денег нет — нечего и соваться».

Следующий автобус — через полчаса. А поезд, наверно, уже в пути.

У поворота заметались лучи от ярких фар. Тим выскочил на дорогу. Высоко поднял руки.

Крытый брезентом грузовик взвыл, как остановленный на бегу мамонт. Шофер в синей робе и берете со звездочкой распахнул дверь:

— Ты что, парень?! Головы не жалко?!

— Товарищ водитель! Мне надо на Кипарисную! Это прямо по дороге, до поворота!

— Ты что, обалдел? Это военная машина!

— Товарищ водитель! У меня друг уезжает, я не успею!

— Уйди с дороги!

— Я же его больше никогда не увижу!

— Я из-за тебя на губу сяду!

— Меня не заметят в кабине, я пригнусь! Товарищ...

— Носит вас по ночам! Лезь!

В машине резко пахло бензином.

— Друг у него уезжает...— проворчал матрос.— Твое счастье, что друг...

Все могучие силы — не лошадиные, а, наверно, бизоньи — взрели в моторе. Грузовик пошел через тьму, как ракета. Впереди опять замелькали красные сигналы автобуса. Еще несколько секунд — и автобус остался позади. Желтые окошки окраины пролетали мимо, как огни встречных поездов...

— Вот твоя Кипарисная. Шпарь отсюда мигом! Привет другу...

— Спасибо!

...Белый забор, зеленые ворота «Виндjamмера», лампочка у входа. В окошке дяди Сени темно. Спи, миленький дядя Сеня, спи крепко-крепко. Пожалуйста! Тим готов молиться, чтобы ты не проснулся! Как хорошо, что ты рано ложишься!

Но в ворота Тим все же соваться не стал. Он обошел забор по воде. Не снимая сандалий. Короткая сердитая зыбь хлестала по ногам, парусиновые шортики намокли. Потом они высохнут и затвердевшими солеными кромками начнут ядовито царапать кожу. Но теперь некогда думать про это. Подол рубашки тоже намок, и Тим торопливо связал его концы узлом на животе.

Вот и «Маугли». Он закачался под Тимом, обрадованно закивал светлой мачтой.

Как хорошо, что Тим и Славка не уносят паруса в рундук, хра-

нят их в ахтерпике — заднем отсеке с герметической дверцей! Скорее! Фал с железной мочкой на конце не дается в руки, мотается на ветру. Тихо ты, дурак, не до игры!

Наконец грот заскреб ползунками по тонкому рельсу на мачте, пополз вверх. И захлопал. Ух как громко захлопал! Можно разбудить весь Северный берег!

Скорее! Тим вставил румпель и опустил шверт — деревянный выдвигной киль. Навалившись животом на носовую палубу, Тим отцепил замок. Подобрал гика-шкот.

Пошел!

Хорошо, что ветер не встречный, а боковой, можно идти в галфвинд. Кренит здорово, но зато скорость больше, чем при бей-девинде.

За пирсом сразу хлестнула в борт волна, ветер нажал, «Маугли» чуть не положило набок. Тим уцепился ногами за ремень, перегнулся наружу. В одной руке румпель, в другой шкот. «Маугли», родной, держись.

Тим никогда не водил яхту в одиночку и никогда не держал румпель в такой ветер. Хорошо, что он не поднял стаксель: с двумя парусами он бы не справился. Но с одним парусом «кадет» шел неровно, рыскал на волне. Его опять чуть не положило на гребне.

Тиму стало страшно — одному среди плянущей черной воды, на фанерной скорлупке с непокорным рвущимся парусом. Он вспомнил, что не надел спасательный жилет. Да и где его было взять? Все жилеты под замком в кладовке.

Если «Маугли» опрокинется, Тим не сможет поставить его на таком ветру и волне.

И придется болтаться в воде, пока его вместе с яхтой не прибьет к берегу. А когда прибьет? И куда? И главное — Славка в это время будет уже далеко-далеко!

«Нет, Славка, я держусь! Я спешу! Я изо всех сил, Славка...»

Бояться больше нельзя. Сегодня из-за его трусости и так хватило бед! Может, и Славка не уехал бы, если бы не было ссоры. Может, он бы намертво отказался ехать, если бы знал, что Тим его не бросит!

А может быть, он еще уговорит Славку? Вдруг случится чудо?

По краям бухты змеились желтые маслянистые отражения фонарей. Впереди, на стрелках Черной Речки, мелькали синие

огоньки. Они были все ближе. А поезд? Он, наверно, уже вышел из ближнего туннеля.

Но Тим успеет! Тут от берега до берега всего полмили, всего каких-то шесть или семь минут хорошего хода. Лишь бы «Маугли» не подвел!

Голубая полоса прожектора метнулась над мачтой и уперлась в парус.

— Яхта Це-семь! Яхта Це-семь, немедленно вернитесь к берегу. Кто разрешил ночной выход? Яхта Це-семь, рейд закрыт! — взревел мегафон.

Откуда это? С патрульного судна? С береговой станции? С маяка?

Ветер крепче прежнего надавил на парус, а Тиму показалось, что это нажал широкий луч. От такого толчка «Маугли» почти лег на борт. Но Тим не выпустил гика-шкот, не ослабил парус. Потому что нельзя было терять скорость!

Он всем телом рванулся за наветренный борт. «Маугли» тоже рванулся и встал. С нижнего угла паруса ветер срывал капли.

— Яхта Це-семь...

Тим понимал, что с «Виндjamмером» покончено. Никто не простит мальчишке самовольный выход в ночное время без прав, без спасательных средств. Но и это было теперь неважно. Вдали показалась цепочка вагонных огней.

— Яхта Це-семь...

«Маугли» влетел в тень большого лесовоза. Кажется, это был «Бахчисарай». Корма «Бахчисарая» возвышалась совсем недалеко от берега.

Прожектор пометался и погас.

Трах! «Маугли» подпрыгнул и встал. Тим забыл выбрать шверт, и он с размаху врезался в песчаное дно. Его верхний край выбил переднюю стенку плоского швертового колодца. В яхту сразу пошла вода.

Тим выдернул шверт, сбросил парус и прыгнул за борт. Схватил цепь, потянул «Маугли» к берегу. Наконец днище зашуршало по песку. Но волны подбрасывали и сносили яхточку. Унесут совсем, если оставить. Надо вытащить ее на сушу. Тим дергал и тянул цепь изо всех яростных сил. Скорее же! Поезд уже подходит к станции!

Наконец корпус «Маугли» больше чем наполовину вылез на песок. Тим отчаянно потянул цепь в последний раз... И грохнулся

спиной на жесткую траву и ракушки. Скоба вырвалась из форшпигеля, цепь осталась у Тима в руках.

Тим вскочил. Гремя цепью, обежал станционный домик и выскочил на платформу. Поезд замедлил ход.

Где седьмой вагон?

Тим бросился вдоль перрона, цепь звенела на каменных плитах.

— Славка, где ты?! Славка!!

Форс-мажор

Славка прыгнул с верхней ступеньки и упал прямо на Тима. Они вцепились друг другу в плечи.

— Славка...— сказал Тим. Он сбивчиво дышал после бега.

А Славка ничего не сказал. Что говорить, раз Тим пришел? Он тоже часто дышал и смотрел на Тима. И в эту минуту, несмотря ни на что, был счастлив. Потом он заметил, что Тим мокрый.

— Ты откуда? Так на катере брызгает?

Тим понимал, что нельзя говорить про «Маугли». Если Славка все-таки уедет, в дороге он изведется от беспокойства за Тима. Тим быстро сказал:

— Зато я успел! Ты почему уезжаешь? Славка, ты из-за меня?

— Ты что! Тим, я не виноват, это мама...

— Из-за снаряда?

— Нет, Тим. Из-за... того. Того человека. Я же рассказывал.

Мама появилась в тамбуре.

— Славик, что это такое!.. Боже мой, Тим... Ты откуда?

Тим махнул рукой.

— Славка,— горячим и умоляющим шепотом сказал он.— Не уезжай.

— Тим,— сказала мама.— Как ты сюда попал? Как ты доберешься домой?

— На катере. Это неважно!.. Славка...

— Мальчики, у вас три минуты. Ради бога, не отходите от подножки!

За мамой появилась проводница. Она, кажется, ругалась.

Славка яростно оглянулся. И крикнул маме, проводнице, всем на свете:

— Хоть на три минуты оставьте нас в покое!

— Славка, не уезжай,— опять сказал Тим.

— Тим, я не могу...

— Упрись. Убеги...

— А мама? Она как? Она говорит, что не может без меня.

— Славка... Она сможет, она большая!

— Нет,— сказал Славка.— Она говорит, что нет... Я бы все сделал! Я бы в землю впаялся! Но... как я? Значит, получится, что я ее бросил?

— Ну, пусть и она не едет!.. Славка, я ей скажу!

Славка сжал губы и покачал головой. Как объяснить Тиму?

— Тим, я не виноват. Это... Ну, как приказ. Когда не хочешь, а все равно надо... Тим, ты сегодня тоже не хотел, когда я... Но ты же понял...

— Я был дурак,— резко сказал Тим.— Я понял: не все приказы надо выполнять!

— Наверно. Только я не могу, Тим. Ну, не имею права.

— А если бы она разрешила? Ты бы остался!

— Тим, она ни за что в жизни не разрешит...

Получался не тот разговор. Им сказать бы сейчас друг другу самые хорошие слова, а они тратили последние минуты. «Тим, ты не забывай меня. Ладно, Тим? Это такое чудо, что ты все-таки пришел!»

Незаметно они отошли метра на три от вагона.

Мама опять заволновалась:

— Славик, Тим... Поезд сейчас тронется.

— Подожди, еще красный свет,— резко сказал Славка. И спросил Тима: — Ты мне напишешь?

— Славка, я не о том! Ты скажи! Если бы ты не смог уехать, ты жалел бы? Она бы уехала, а ты не смог?

— Как не смог?

— Ну, заболел, ногу сломал! В яму провалился, черт возьми! Что угодно!

— Форс-мажор?

— Да! Чтобы ты не был виноват!

Чтобы мама уехала, а он остался? Славка не знал. Об этом

трудно было думать. Как они друг без друга? Но... Позади Город. Позади море. Тим. А впереди? Да и что об этом говорить? Какая теперь разница?

— Тим, не все ли равно сейчас...

— Нет! Не все равно! Славка, скажи!

Он остался бы?

Он не знал. Но Тим так отчаянно спрашивал об этом! Это было для него так важно! А секунды бежали.

— Мальчики, уже зеленый свет!

— Славка...

— Да, я остался бы,— сказал Славка.— Да, Тим!

С отчаянной силой Тим рванул его за руку, подтащил к бетонному столбу с фонарем. Толкнул так, что Славка ударился о столб затылком.

— Тим, ты что?!

Взметнулась и коротко прошуршала в воздухе цепь. Двумя стремительными витками опоясала Славку и столб. Ее замок очень больно ударил Славку по ребрам. Тим, яростно дыша, рывком стянул у цепи концы. Щелкнул замком.

Славка машинально рванулся. Цепь держала туго — не выскользнешь. Даже не вздохнешь.

Славка понял. Он сразу все понял! Больше, чем Тим. Тим думал, что цепь удержит только Славку, а она удержит и маму. Не уедет она без Славки!

Славка рванулся еще, радостно сознавая, что цепь ему не порвать. Мама оказалась рядом. В желтом свете фонаря Славка увидел ее перепуганные глаза.

— Что такое? Славка! Тим! Это что?!

Морщась от боли и смеясь от нарастающего ликования, Славка сказал:

— Я не могу. Видишь, я не могу ехать! Видишь, мама?! Хоть убей!

Тим стоял рядом — растерянный, маленький и мокрый. Мама лихорадочно дернула цепь и увидела замок. И мгновенно все поняла. Выпрямилась.

— Тимофей! — сказала она ледяным голосом. — Дай ключ!

«Тим, не надо!»

Тим зажмурился, будто ожидая пощечины. Сильно махнул рукой в сторону темных кустов. Славка увидел, как под фонарем сверкнуло колечко...

Ты — парус

Ровно шуршали по сухому асфальту колеса. Машина легко взлетала на подъемы и потом стремительно, почти со скоростью падения неслась со спусков. От этого появлялось чувство, похожее на невесомость. Теплый ветер врывается в окошко. Он лохматил волосы и упруго отгибал Славкины ресницы.

Город, плавно разворачиваясь, двигался навстречу. Наплывал. Огни наплывали. Множество огней и отражений в бухтах. Город возвращался.

Ровная скорость и ощущение спокойного счастья слегка убаюкивали Славку. То, что недавно произошло, вспоминалось, как ненастоящее. Будто не с ним это случилось. Сон какой-то... Что было?

Ключи сверкнули и улетели, а мама стала снова дергать цепь. И что-то кричала Славке и Тиму. Потом бросилась к вагону.

— Федор Николаевич! Товарищ капитан! Вещи! Ради бога, вещи скорее!

Маме протянули в окно чемодан. Потом сумку. Потом еще чемодан. Мама его не удержала. Он грохнулся, отскочила крышка. Тим бросился подбирать рассыпавшиеся свертки и книги. Кажется, мама сказала, чтобы он убирался, но он не убрался и помогал. А мимо них все быстрее и быстрее катились черные колеса, а над колесами ехали желтые квадраты окон.

А Славка стоял прикованный к бетонному столбу. Цепь отчаянно резала ему бока, а он тихо смеялся.

Мама захлопнула крышку, и они с Тимом подтащили чемоданы и сумку ближе к прикованному Славке.

Мама еще раз дернула цепь и сказала Тиму:

— Сию минуту ищи ключ.

Тим послушно полез в кусты, а Славка, все так же смеясь, сказал, что искать не надо. Надо открыть чемодан. Там в кармане на шортах лежит другой ключ от замка. От цепи ключ. От их с Тим-селем яхты.

Потом Славка и Тим затащили «Маугли» на берег, в кусты, и убрали парус, намотали его на гик. Мама в это время что-то беспрядочно говорила пожилому дежурному в красной фуражке. Затем Славка и Тим долго сидели в маленьком пустом зале ожидания, а мама с кем-то разговаривала по телефону. Выясняла, что делать с

билетами. Горела яркая лампочка. Мамин голос казался громким, но все равно было тихо.

Хмурый дежурный несколько раз прошел мимо. Он очень осуждающе смотрел на Тима и на Славку.

Славка и Тим сидели рядом. Скамейка почему-то была очень высокая, и ноги не доставали до пола. Тим держал на заляпанных веснушками коленках цепь. Ее концы свисали. Тим качал ногами, и цепь тихо звякала. Тим покусывал нижнюю губу и, опустив голову, смотрел на брошенный у скамьи окурок. Но иногда он быстро поднимал глаза на Славку. С какой-то странной улыбкой: и вопросительной, и виноватой, и упрямой.

Славка отвечал таким же быстрым взглядом. А цепь: дзинь, дзинь... Славка держал Тима за локоть. Двумя руками...

А может быть, ничего не было? Мчится машина... Может быть, они с мамой едут в Город первый раз, из аэропорта?

Нет, было! Потому что Тим — вот он, рядом. Он — справа, мама — слева. Славка — посередине...

Мама каменно молчит. Это не очень хорошо, но это не страшно. Теперь все равно, потому что Город возвращается. Он катит на Славку тысячи огней, темные тучи деревьев, цветные вспышки маяков.

И вот уже улицы побежали за окнами машины...

Тим, который молчал всю дорогу, оторвался от окна и тихо сказал:

— Елена Юрьевна, простите меня...

— За что? — сухо спросила мама.

Тим не ответил. Он сидел прямо и смотрел в затылок водителю. Водитель был молодой, кудрявый, как Любка Потапенко.

— За что же простить? — переспросила мама.

— Ну, за то... что я сделал.

Мама усмехнулась:

— Знаешь, это даже нечестно. Просишь прощения, хотя вовсе не чувствуешь, что виноват... Или чувствуешь?

Тим сказал негромко и со вздохом:

— Нет... Но все равно...

— Что все равно?

— Вы на меня сердитесь.

Мама опять усмехнулась:

— По-моему, это для тебя неважно. Тебя другое беспокоит: что будет дальше? Верно?

— Верно,— почти шепотом сказал Тим.— Но то, что вы сердитесь, тоже... беспокоит.

Славка улыбнулся про себя, потому что все это были пустяки. Главное, что они вернулись. Где-то уже далеко в ночи стучал по рельсам поезд. Без Славки, без мамы...

Мама взглянула на Тима, потом на спокойного Славку, опять на Тима и сказала как-то удивленно:

— Самое непонятное, что я не сержусь... Вот в первые минуты, когда поезд ушел, я действительно кипела. Если бы мне было позволено, я бы тебя в тот момент с наслаждением выпорола.

Славка поморщился, ему стало неловко за маму. Но Тим, кажется, искренне удивился:

— Кто же вам не давал? Я на что угодно готов был.

Мама коротко засмеялась:

— А сейчас?

— Что сейчас?

— Тоже готов... на что угодно?

Почти серьезно Тим сказал:

— Ладно. Только не увозите Славку.

Он, значит, еще не понимал! Он думал, что его, Славку, можно увезти второй раз!

Тим повторил уже совсем серьезно:

— Вы со мной что хотите делаете. Только не увозите его... Ладно? Пожалуйста...

Мама долго молчала. Тим ждал. Славка тоже ждал, но без страха, а просто с любопытством.

Мама сказала:

— Тим, ты ставишь меня в безвыходное положение. Я просто не имею права рисковать. Я же не знаю, что ты сделаешь в следующий раз, если мы попытаемся уехать. Вдруг заминируешь туннель или захватишь торпедный катер и обстреляешь вокзал. Или запрешь меня в трансформаторной будке и уморишь голодом...

Славка засмеялся.

— Сдаешься? — спросил он у мамы.

Она сказала без смеха:

— Почти...

Они уже ехали по Якорному спуску.

— Елена Юрьевна, у меня еще одна просьба...

— Это любопытно.

— Можно, я у вас переночую?

— Ты что же, боишься, что я схвачу сына под мышку и ночью сбегу?

— Нет. Нам со Славкой поговорить надо...

— У вас еще будет время, я обещаю.

— Нам сегодня...

— Тебя дома потеряют.

— А я позвонил маме со станции. Когда вы машину встречали.

— Ну и ну! Я вижу, ты все рассчитал...

Тим виновато засопел.

— Оставайся,— разрешила мама.— Только не будет у вас разговора. Посмотри, он совсем спит...

— Не сплю я,— сказал Славка.— Мы всю ночь не будем спать. Верно, Тим?

— Тогда я тебя запру, а ненаглядного Тима выставлю домой.

Тим смущенно объяснил:

— Домой не получится. Мама с Валентиной уехали на дежурство в гостиницу, а у меня ключа нет. Я его выкинул... Вместе с тем...

Мама сказала, что оба они, Тим и Славка, отправят ее на тот свет. В ближайшее время.

— Приехали. Убирайтесь из машины, ироды.

Тим, гремя цепью, полез из кабины...

Они выволокли багаж. Славка подошел к знакомой калитке с чешуйками пересохшей краски. От калитки пахло теплыми старыми досками. По ней вверх и вниз ползала мохнатая тень от ветки акации — это тихо качался фонарь. Славка потянул шнурок, и знакомо звякнул в доме колокольчик.

Баба Вера открыла калитку и, кажется, очень удивилась. Растерянно стояла на пороге.

— Мы не поехали,— сказала мама.— Они не захотели.

Баба Вера пожевала губами:

— Славушка...

Славка щекой прикоснулся к ее вязаной кофте, от которой пахло лекарствами, дымом и горьковатой теплой травой...

В Славкином закутке рядом с диванчиком поставили раскладушку. Свободного места почти не осталось, только узенький проход.

— Спать немедленно,— сказала мама и выключила свет.

И сразу поплыла на Славку темнота с россыпью городских

огней, шуршанием шин и фарами встречных автомобилей. И опять мягко закачало Славку...

— Славка, подожди,— попросил Тим. Он протянул с раскладушки руку.

И Славка понял это, на ощупь взял его руку — маленькую, горячую, твердую. Они держали теперь ладонь в ладони. Что еще нужно в жизни?

Но Тим скрипнул раскладушкой и снова сказал:

— Славка, я дурак такой был тогда... днем. Это я со страху. Сам был виноват, а на тебя...

Славку все качало.

— Тим,— сказал Славка,— ты — парус... Помнишь, я говорил? Ты — оранжевый парус. Ты — спасатель... Я думал, что уже все, а ты успел... Ну, что ты бормочешь о каком-то страхе...

Письмо

Рано утром Славка и Тим приехали на Черную Речку. Надо было заделать швертовый колодец и перегнать яхту на базу. Но они опоздали. С «Маугли» уже возился Игорь Борисович. Он снял мачту и теперь отцеплял от гика парус. У берега стояла моторка.

Игорь Борисович не удивился, когда виноватые Тим и Славка возникли перед ним. Он посмотрел исподлобья и грустно сказал:

— Чтобы я вас больше не видел. Ни на базе, ни в округе радиусом в милю.

Что же, они этого ожидали. Тим печально позвенел цепью, которую притащил с собой. Славка покачал тяжелой авоськой: в ней лежала банка с суриком и коробки с зубным порошком для шпаклевки.

Оба не двинулись с места.

Игорь Борисович снова коротко глянул на них.

— Есть вопросы?

— Есть,— хмуро произнес Тим.— Славку-то за что? Это я один все сделал.

— Семибратов — капитан. Если у капитана матросы творят что вздумают, он виноват больше всех. Гуляйте.

— Понял? — сердитым шепотом сказал Славка Тиму.

Тим смешной, честное слово. Неужели Славка останется, если Тимсея попрут из секции!

Он протянул банку.

— Краску возьмите...

— Зачем?

— Мы для ремонта принесли.

Игорь Борисович перестал возиться с парусом. Выпрямился и посмотрел на них внимательнее.

— Ах, для ремонта... Это мысль. Поехали на базу. Сперва почините колодец, а потом уж отправляйтесь на все четыре стороны. Так, по-моему, будет справедливо... Или нет?

— Справедливо,— сказал Тим.

Они молча стащили «кадет» на воду. Молча погрузили мачту и парус. Игорь Борисович укрепил буксирный конец. Кивком показал, чтобы лезли в катер.

Славка что-то вспомнил:

— Подождите!

Он бросился к станции, перебежал линию и нырнул в кусты. Вернулся минуты через три. Протянул Тиму два ключа на блестящем колечке.

— Вот это да! — сказал Тим. — Как ты нашел?

— Я еще тогда заметил, как они летят. Запомнил траекторию... Ты их в самые колючки закинул. Нарочно, что ли?

Они посмеялись. Хорошо им было, хотя и грустно. Грустно, что выгонят из секции, и хорошо, потому что они вдвоем. Это самое главное. Это уж никто не отнимет.

И утро было хорошее. Ясное такое и горячее. Синяя вода сверкала, и маленькие желтые цветы сияли среди берегового мусора и чахлой травы. Они качались от теплого ветра. А громадные крейсера в солнечном мареве казались глыбами сизых скал...

— Долго будем стоять? — спросил Игорь Борисович.

Они прыгнули в катер, затарахтел мотор. Неуправляемый «Маугли» заскакал на буксире.

Все молчали. Наконец посреди бухты Игорь Борисович заметил:

— Могли бы и рассказать, что у вас случилось...

— Мы хотели,— сказал Тим,— а вы сразу: «Гуляйте!» Даже не спросили...

— Ах какие мы самолюбивые!.. А меня вы о чем-нибудь спросили? Как, например, меня подняли с постели до рассвета и какую я получил нахлобучку?

Славка и Тим растерянно посмотрели друг на друга. О нахло-

бучке, которую получил начальник базы, они не думали. А ведь получил. Из-за них. Что тут ответишь? А Игорь Борисович больше ничего не говорил и не спрашивал.

«Маугли» через разбитый колодец постепенно набирал воду. Но он немного набрал. Очень скоро они ошвартовались у базы...

С ремонтом провозились до полудня. Когда вгоняли в швертовый колодец последний шуруп, рядом появилась Настя. Шумно и сердито вздохнула, потом громко поинтересовалась:

— Может, расскажете, что натворили?

Тим вопросительно посмотрел на Славку. Славка сказал:

— Пожалуйста...

И, работая отверткой, он поведал о ночной погоне Тима.

— А что делать, если человека увозят? — насупленно спросил Тим.

— Почему же не увезли?

— Он же догнал! — сказал Славка.

— Ну и что?

Славка засмеялся:

— Я же говорю: цепь. В три обмотки к столбу — и на замок!

— Трепачи. Я с вами серьезно, а вы...

Славка встал и задрал к подбородку рубашку.

— А это не серьезно?

На животе и на ребрах у него были коричневые ссадины.

Настя поморгала. Повернулась и, прогибая доски на пирсе, пошла к домику.

Славка с размаху воткнул в доски отвертку.

— Все... Прощай, «Маугли». Хорошо мы с тобой жили...

Тим тоже сказал:

— Не скучай о нас, «Маугли». И не сердись...

Они погладили у «кадета» облупленный форшпигель и пошли в дом.

Игорь Борисович сидел за столом с неприступным видом. Что-то писал. Насти не было.

— Все готово, — сказал Тим. — Можно взять немного олифы, траску оттереть?

У него руки, ноги и подбородок были в сурике от шпаклевки. Славка тоже изрядно перемазался.

— Олифу еще на вас изводить... — сказал Игорь Борисович Симу. — Особенно на тебя... Все равно пятнистый.

— Очень остроумно, — сказал Славка.

— А мне сейчас не до остроумия. Объяснительную пишу портовому начальству. По вашей милости. Возьмите олифу в кладовке... и сгиньте вы наконец!.. За нарушение портового режима и судоводительских прав имеете месяц без выхода на воду. Есть вопросы?

Тим посмотрел на Славку, Славка на Тима. Поползла у Славки улыбка — не удержаться. У Тима засияли веснушки.

— Нечего тут ослепительно улыбаться,— проворчал Игорь Борисович.— Гнать бы вас вместе с толстой заступницей...

Из-за фанерной перегородки вырвался негодующий Настин баритон:

— Я попросила бы выбирать выражения, товарищ начальник базы!

Тим радостно спросил:

— А можно просто так пока приходить? Заниматься на берегу?

— Не раньше чем через две недели. Пока не приду в себя, вам лучше не соваться.

Тим сдвинул пятки и опустил руки. Тим сказал:

— Есть появиться на базе через две недели.

Славка, глядя на него, одернул рубашку и тоже сказал тихонько:

— Есть...

Олифы оказалось на доньшке: хватило только, чтобы отмыть ладони да Тимкин подбородок.

— Ладно, дома отскребемся,— сказал Тим.— Только сначала пойдем выручим Артемку.

Оказалось, что Славка не помнит дорогу. Он запутался среди заросших улочек, тропинок, изгородей и пустырей.

Тим веселился:

— Всякие траектории запоминаешь, а улицу забыл! Ты как профессор, да?

Но Славке было не до веселья.

— Скажут: «Чего вчера убежал?..»

— Торопился, вот и убежал. Решил, что Любка портфель возьмет.

— Может, она в самом деле взяла?

— Вот и узнаем.

Наконец они выбрались на улицу Морских пехотинцев и увидели проходную.

Молоденький часовой в сурово надвинутом на брови берете долго не мог их понять. Потом взялся за телефон.

— Товарищ капитан! Тут пацаны... перемазанные, с якорями и нашивками. Спрашивают с меня какой-то портфель и какого-то зайца... Никак нет... Так точно... Есть! — Он обернулся: — Подождите за дверью.

Славка и Тим вышли на улицу. Почти сразу вышел и часовой. Строго сказал:

— Портфель вам будет завтра.

— Почему? — удивился Славка.

— Так приказано передать. Все. Свободны.

— «Свободны»... — передразнил Славка, когда отошли. — Новобранец какой-то, а командует, как адмирал... Завтра опять в такую даль тащиться... Хоть бы объяснил, когда приходить!

— Да ладно. После уроков съездим, — утешил Тим.

— Зажилят они Артему, — мрачно сказал Славка. Он понимал, что не будут морские пехотинцы заживать чужого тряпичного зайца, но его грызла досада.

— Славка...

— Что?

— Славка, — сказал Тим, — все это пустяки...

И Славка понял: «Все это пустяки по сравнению с тем, что было вчера». И опять поднялась в нем радость: он здесь, он с Тимом! Навсегда!

А Тим вдруг встревожился:

— Слушай, я опять чего-то забоялся... Мама у тебя не передумает?

— Что ты! Она сама учебники мои расставила, одежду развешивала. Ты же видел.

Тим улыбнулся, но как-то нерешительно:

— Ну смотри. А то цепь на базе осталась...

— Тим... А если бы вчера не оказалось цепи? Тогда что?

Очень серьезно Тим сказал:

— Все равно... Схватил бы тебя в охапку и утащил бы куда-нибудь. Или вцепился намертво...

К ним обоим словно придвинулась вчерашняя ночь. И чтобы прогнать ее, Славка торопливо предложил:

— Поехали к нам! Отмоемся как следует, у бабы Веры есть керосин.

Тим жалобно сказал, что не доедет, помрет с голоду.

— Пирожок бы купить...

— А деньги? — спросил Славка.

Тим сиротливо побрякал медяками:

— У меня только на катер. А у тебя?

Славка вывернул пустой правый карман. А левый, истертый ракушками, камешками, крабьими клешнями и другими береговыми находками, был дыряв. Славка пропустил сквозь него руку навыворот. Растопыренная пятерня высунулась из короткой штанины. Славка торжественно показал ее Тиму.

— Миллионер, — сказал Тим. — Рокфеллер.

— Кто Рокфеллер? — спросил Славка. Взял Тима в охапку и аккуратно уложил в траву у забора.

Тим извернулся. Они с хохотом покатались, молотя землю перемазанными суриком ногами, пугая маленьких серых ящериц... Прогоняя остатки тревоги.

Славка сел Тиму на грудь. Коленками прижал к земле его локти.

— Возмездие неизбежно, — заявил он. — Ты меня обругал два раза: профессором и миллионером. Было?

— Было, — покаялся Тим.

— За профессора — раз, — сказал Славка и хлопнул Тима указательным пальцем по переносице.

— Раз, — согласился Тим и зажмурил один глаз.

— За миллионера — два!

Тим зажмурил второй глаз и сказал:

— Людоед.

— За людоеда — три.

— Сдаюсь, — сказал Тим, который никогда никому не сдавался всерьез.

Славка поднял его. Тим пожаловался:

— Теперь я совсем инвалид.

— Не дойдешь — донесу, — пообещал Славка.

У самой пристани Тим вдруг остановился. Сунул руки в карманы. Задумчиво посмотрел на Славку.

— От судьбы не уйдешь, — сокрушенно сказал он. — Ключи я все-таки потерял.

Мама была спокойной и ласковой. Она не стала упрекать Славку и Тима, что долго болтались где-то. Сразу их накормила, а потом помогла оттереть краску. И сказала:

— Теперь от вас разит за версту, как от старых примусов. Пошли купаться, смоее керосин!

Славка и Тим заорали «ура!».

Купались на городском пляже. Мама развеселилась. Она была похожа на девчонку в красном купальнике. Она гонялась за Славкой и Тимом, брызгала их, и на плечах у нее горели солнечные зайчики.

Потом все трое, взявшись за руки, ныряли с бетонных ступеней.

И лишь когда наплавались и напрыгались, мама села в сторонке и снова сделалась слишком спокойной. Непонятно как-то смотрела на Славку.

Славка осторожно подошел.

— Мама, ты чего?

— Ничего, Славик. Я, кажется, тебе очень завидую.

— Почему?

— У меня никогда не было такого друга, как твой Тим... Это же надо придумать: цепь...

— Ты правда на него не сердишься?

— Я его люблю,— сказал мама. И вскочила: — Не пойти ли нам, товарищи, в кино? Двухсерийный фильм «Четыре мушкетера»! Говорят, глупость ужасная, но очень смешно!

...В общем, это был прекрасный день. И прекрасный вечер. И Славка уснул счастливый.

Утро тоже было замечательное. Безоблачное. Мама проводила Славку до школы. На крыльце он, не стесняясь, чмокнул маму в щеку. А что? Многих провожали, и многие так делали. Мама потрогала его кисточку на макушке и сказала:

— Ни пуха ни пера...

А когда перешла площадь, помахала Славке с лестничной площадки...

Когда кончился третий урок, за окнами потемнело, и ударил дождик. Но это был теплый летний дождик. Он весело звенел по стеклам, плескался в листьях и лупил каплями по асфальту.

На перемене в коридорах стали появляться мокрые взрослые. Это родители, бабушки и дедушки несли ребятам плащи и зонтики. Славку отыскал Наездник. Он держал под мышкой желтый полиэтиленовый сверток. Значит, о Диньке тоже позаботились.

— Слава, тебя внизу какая-то тетя спрашивает, плащ принесла!

Славка побежал на первый этаж. Он был уверен, что увидит маму. Но у раздевалки стояла баба Вера.

— Вот, Славушка...— Она протянула голубую прозрачную накидку.— А то намокнешь, простудишься...

— Да что ты, баба Вера... Зачем? Маленький я, что ли? Говоришь, ходить трудно, а сама...

Баба Вера смотрела нерешительно и куда-то мимо Славки. Шевелила губами.

— Устала, да?— неловко сказал Славка.

— Тут еще... вот. Письмо тебе, Славушка.

Он удивился. И сразу почему-то встревожился. Взял белый, без надписи, конверт. Рванул. Развернул клетчатый листок...

«Хороший мой, Кисточка моя, не обижайся и не сердись. Я ничего не сказала заранее, чтобы не было лишних слез. Ты уехать не смог, а я не могу остаться. Все так перепуталось в моей взрослой жизни... Я обязательно приеду, как только во всем разберусь и все решу. Может быть, скоро. Не грусти, ты уже большой. Я только вчера поняла, что ты уже большой и имеешь право выбирать сам... Слушайся бабу Веру, помогай ей. Она очень хорошая. Я скоро подробно напишу обо всем.

Передай привет Тиму.

Крепко-крепко обнимаю тебя и целую.

Мама».

«Странно,— подумал Славка.— Дождик идет. Динька стоит. Ребята бегают. Все как раньше...»

Мама уехала, все должно стать черным. А осталось прежним. И сам он, Славка... стоял и ничего не чувствовал. И тут он вспомнил: он читал где-то, что человек, получивший большую рану, не чувствует боли. В первую минуту не чувствует. А потом...

Но боль — что... Славка любую готов испытать, лишь бы не было этого письма. Однако письмо было. Славка зачем-то положил его на подоконник. Прочитал еще раз. Свернул, затолкал в конверт. Сунул конверт в левый карман, вспомнил, что там дыра, переложил в правый. Поковырял краску на подоконнике. Подоконник был гладкий, холодный и очень широкий. Наверно, в давние времена здесь на переменах сидели мальчишки в черных мундирчиках — морские юнкера — и лихорадочно учили такелажные узлы и названия частей рангоута... Надо же, какая чепуха лезет в голову... А Динька все стоит рядом... И баба Вера...

— Мама на каком поезде уехала? — тихо спросил Славка.

— На самолете, Славушка. Утром еще, как тебя проводила... Самолет не догнать. А если и догонишь, то что дальше?

— Ладно, баба Вера, — сказал Славка. — Спасибо. Я пойду. Ты меня не теряй, я задержусь сегодня, потому что шесть уроков да еще собрание, я в школе пообедаю, ты не волнуйся, пойду я...

Он пошел, пошел по коридору, а накидка тащиась сзади и скребла жестким краем по паркету. И, словно убегая от шороха, Славка все ускорял шаги...

«Ну, тихо ты, — говорил он себе. — А ну, держись! Чего ж теперь? Не смей... Хоть еще полминуты...»

Через боковую дверь он выскочил во двор и бросился в закуток между гаражом и забором. И там под дождем он прижался лбом к мокрой стене. И рванулись слезы...

Кто-то надел ему на плечи накидку. Кто? Динька... Надел и отошел. Потом Славка услышал гневный Динькин голос:

— Куда лезете? Нельзя сюда! Уходите!

Славка оглянулся. Наездник и несколько ребятишек из его класса шеренгой встали в проходе.

Славка глотнул. Еще глотнул, остановил слезы.

— Динь... — позвал он.

Динька повернулся. И его друзья разом повернулись, не сломав шеренги.

Они стояли, закутанные в разноцветные плащи и накидки с капюшонами. Будто большие целлофановые кульки на тонких, забрызганных дождем и грязью ногах. И это было не смешно, они были молчаливые и решительные. Готовые и дальше охранять Славку. Потому что первоклассники лучше всех понимают, что такое горькие слезы.

У них были отважные и сердитые лица.

— Какие-то девчонки с зонтиками сюда шли, — объяснил Динька. — Мы их прогнали.

— Спасибо, Динь, — проговорил Славка и не удержался, всхлипнул.

— Ты не стесняйся нас, — деловито сказал Динька, — это все свои люди.

— Хорошо, Динь, — сказал Славка. Ему стало чуточку легче. Динька посоветовал:

— Ты лицо поверни к дождику. Он все смое, получится, будто от воды мокрое.

Славка послушался. Капли ударили по щекам, по лбу и подбородку. И почти сразу дождь перестал. Будто, умыв Славку, решил, что вся важная работа сделана.

— Звонок уже был...— осторожно заметил Динька.— Ты на урок опоздал.

— Ну и пусть,— сказал Славка.

Он не вернулся в школу. Начинался сдвоенный урок физкультуры, и тошно было думать, что придется полтора часа прыгать в спортзале.

Славка не хотел видеть людей. Даже Тима. Потом он расскажет Тиму про все, а сейчас никого не надо.

Он пошел к морю.

Дождя не было, сделалось совсем тепло. С листьев катились капли, от блестящего асфальта поднимался легкий пар. Но небо и море оставались пасмурными. На пляже было пусто. О бетонные ступени билась небольшая волна.

Славка бросил на мокрый топчан одежду. Прыгнул в воду.

Он думал, что волны теплые, но вода обожгла его неожиданным холодом. И это было хорошо. Славка плавал, уходил в глубину, выскакивал на гребни, бешено лупил по волнам ладонями.

Снова прошел короткий бурливый дождик. Славка лег на спину и стал ловить ртом тяжелые капли. Но волны перевернули его, и он наглотался соленой воды.

Совсем измотавшись, Славка поплыл к железной лёсенке. Здесь опять не повезло. Сзади подкатила волна, и он, когда поднимался, ударился коленом о ступеньку с наростами красной морской ржавчины. Ну и пусть!

Хромая, он побрел к топчану. С колена бежала размытая соленой водой кровь. Пусть бежит!

Он натянул промокшую одежду. Ну и пусть мокрая!..

В школу идти было рано. Славка пошел домой. Бабы Веры дома не оказалось. Славка нашарил в тайничке у косяка ключ. В комнатах был знакомый запах сухой травы. И все было как раньше. Только в углу под вешалкой не стоял теперь большой чемодан. Славка поставил на это место свои мокрые кроссовки.

В своей комнате на столе он увидел мамины часы с кожаной браслеткой. Квадратные, крупные. Мама любила часы, похожие на мужские. Под часами лежал клочок бумаги. На нем было три слова: «Славик, это тебе».

Тоска опять зажала Славку. Он, как был в мокрых штанах и рубашке, сел на диван. Привалился к спинке. Подтянул к подбородку колени. Кровь из ссадины все сочилась. Славка плакал, вздрагивал и сердито облизывал колено. Оно было соленое — от морской воды, от упавших слез, от кровавых капель. Это был вкус беды.

Но... это был еще вкус моря. Если беда и если счастье — море всегда соленое. И когда все было хорошо, Славка со смехом и радостью глотал эту соль. В те счастливые дни, когда они с Тимом плавали наперегонки до пляжного буйка и обратно и когда носились вдвоем на верном «Маугли»...

Славка подумал о Тиме, и тот словно встал рядом.

«Не надо, Славка», — сказал Тим.

«Тебе хорошо говорить. Не твоя мама уехала...»

«Это нечестно, Славка», — сказал Тим. — Значит, я виноват? Если бы я не запер цепь, ты ехал бы сейчас с мамой».

Да, в самом деле. Он ехал бы сейчас. Он лежал бы, наверно, на полке и смотрел, как бегут назад голые деревья. И может быть, летели бы за стеклом серые полосы осеннего снега. И море было бы уже далеко. И Тим далеко. И Город...

«Тим, ты не виноват», — сказал Славка. — Я выбрал сам. Ты сделал все, как надо».

«Тогда перестань плакать».

«Я не могу... Ты бы тоже плакал...»

«Да, наверно...»

«Тогда подожди».

«Хорошо, Славка, я подожду... Ну, что?»

«Все», — сказал Славка.

Он высушил утюгом шорты, рубашку и галстук. Оделся, затянул ремень. Вместо мокрых кроссовок надел старенькие сандалии. Надо было идти в школу. Отсидеть урок математики, встретиться с Тимом, ехать выручать Артемку...

Вернулась баба Вера. Удивилась, увидев Славку. Он сказал:

— У нас перерыв был. Я плащ принес, чтобы потом не таскать лишнее.

— А как же, если опять дождик?

Славка посмотрел за окно.

— Наверно, не будет больше, — сказал он.

У тучи золотился косматый край.

...В школу Славка успел к перемене. И сразу же его поймал во дворе Евгений Львович — молодой, похожий на д'Артаньяна учитель физкультуры.

— Сударь, какие врачи прописали вам прогулки вместо уроков? Славка опустил голову.

— Молчание — не всегда золото,— напомнил Евгений Львович.

— Мама у меня уехала,— сипловато проговорил Славка. Не было у него сил выкручиваться.— Она срочно уехала, а я...

Евгений Львович взял его за плечо, сжал легонько. Тихо сказал:

— Не журысь, хлопче...

И ушел.

Все-таки легче жить на свете, когда кругом хорошие люди.

Вместо Евгения Львовича появился перед Славкой Наездник. Глаза у него были вопросительные и тревожные.

— Хочешь, прокачу?— сказал Славка.

Динька сразу заулыбался. Бросил к забору свой ранец с притороченным свернутым плащом. Вмиг залез на забор, а с него на Славку.

— Два круга,— сказал Славка.

— Ура!

Они двинулись неторопливой рысью.

— Ты почему тут крутишься, домой не пошел?— спросил Славка.

— Маму жду. Она за мной зайти обещала.

Славка перешел на шаг.

— Значит, приехала твоя мама?

— Конечно! Позавчера еще!

— А моя уехала...— сказал Славка. И пошел тише.

Динька негромко спросил:

— Ты из-за этого плакал?

— Да,— сказал Славка.

— Значит, надолго уехала?

— Может, насовсем...

— Ты что!— Динька негодуя дернулся на плечах у Славки.— Она приедет!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю,— убежденно произнес Динька.— Раз она мама... Они всегда приезжают.

«Спасибо, Динь»,— подумал Славка. И спросил:

— Ты не видел Тима?

— Видел. Он тебя искал, а потом куда-то подевался... Вон Валька идет. Спросим.

— Валентина! — окликнул Славка. — Ты не знаешь, где Тим? Она остановилась.

— К сожалению, знаю. Его только что повели к директору два человека. Женщина-милиционер и какой-то моряк. Ума не приложу, что он опять натворил...

Ну, что это такое? Беда за бедой! Значит, не смог заступиться Игорь Борисович... Все теперь припомнят Тиму: не только ночное плавание, но и баркентину. «Это тот самый Сель. У него не первый раз...»

Сине-белые флаги Новэмбэр Чарли опять забились на ветру. И нельзя было терять ни единого мига. Даже Диньку не ссадишь — на это уйдут лишние секунды.

Скорее! Через двор, через коридор, через вестибюль! Двери директорского кабинета раскрыты. И Тим в самом деле там!

— Юрий Андреевич, он не виноват! Честное слово! Он из-за меня!..

Город и Флот...

Юрий Андреевич поднялся из-за стола. Он был толстоватый, но двигался легко. Он подошел к Славке.

— Во-первых, — сказал Юрий Андреевич, — личностей, которые врываются сюда без приглашения, да еще верхом, мы попросим выйти. Идите гулять, товарищ Васильченко. — Он снял со Славки Наездника, унес его за порог и прикрыл дверь. Затем повернулся к Славке: — Станные вы люди. Только захочешь с вами побеседовать, как вы начинаете каяться в грехах: «Я виноват, он не виноват, я только один раз стукнул, я больше не буду...» Вас позвали не для разбора прегрешений, а для серьезного разговора... Сядь, Семибратов. Вон там, рядышком с друзьями.

Тим сидел на жестком диванчике у стены. На другом конце дивана, глядя прямо перед собой и зажав между коленями прямые ладошки, сидела Любка Потапенко. А у директорского стола расположились в двух креслах люди, о которых сказала Валентина: молодая женщина в форме старшего лейтенанта милиции и капитан второго ранга с седыми гладкими волосами.

Увидев Любку, Славка кое о чем догадался. И немного успо-

коился: значит, дело не в Тиме. К тому же Тим не выглядел ни взволнованным, ни испуганным. Он шепотом сказал Славке:

— Ну и ворвались вы... Как на конных скачках.

— Я думал, тебя опять...

Тим усмехнулся:

— Не меня, а всех...

Капитан второго ранга обернулся и посмотрел на Славку. У капитана были резкие морщины и очень светлые прозрачные глаза. Будто из зеленоватого стекла.

— Это ты — Слава Семибратов? — глуховато спросил он.

Славка встал.

— Ну и добро, — сказал офицер. — Мы принесли тебе сумку.

Он протянул Славке желтый бумажный сверток.

— Посмотри, годится или нет?

Славка недоуменно взял тяжелый пакет. Разорвал тонкий шпагат, развернул упаковку. В пакете оказалась голубая спортивная сумка с отпечатанным белой краской веселым и храбрым зубренным.

— Это не моя, — сказал Славка. — У меня портфель...

Офицер кивнул:

— Да, я знаю. Но подарок, который ты принес морским пехотинцам, решили не доставать из портфеля, это был бы лишний риск. Так и взорвали.

— А... — начал Славка и замолчал. Ни к чему были всякие вопросы. Он просто снова за одну секунду прошел сейчас раскаленную белую дорогу. — А сказали — баллон...

— Да... — офицер неловко усмехнулся. — Это мичман Федоров. Ему показалось, что ты очень перевозился, и он решил тебя успокоить. Придумал на ходу какие-то баллоны для разогрева моторов. Неуклюже получилось... Но он не знал, что ты сразу убежишь.

Славка нагнулся и стал подбирать с пола обрывки шпагата.

Офицер сказал:

— Ты сядь, надо поговорить.

Но Славка не сел. Он отошел к окну, прижался коленями к холодной батарее и уперся ладонями в подоконник. Наверно, так не должны поступать воспитанные ученики, когда разговаривают со взрослыми, но Славка не хотел, чтобы видели его глаза.

Он стал смотреть во двор.

Там верхом на заборе сидел Динькин одноклассник Артур

Новиков. Артур болтал ногами, ел банан, а банановой кожурой угощал худого серого кота, который устроился напротив. Интересно, что кот не отказывался, ел кожуру. Очевидно, ему не хватало витаминов.

«Хорошо, что Савин сделал фотографию,— думал Славка.— Все-таки будет память об Артемке».

— Слава Семибратов, ты успокойся, пожалуйста, и сядь,— попросила женщина-милиционер.

А капитан второго ранга сказал:

— Ничего, в таких случаях даже у взрослых не всегда выдерживают нервы.

И тут впервые заговорила Любка:

— При чем тут нервы? У Семибратова Артемка был в портфеле. Думаете, не жалко?

— Что за Артемка? — испуганно спросила милиционерша.

Юрий Андреевич торопливо ответил:

— Замечательный Артемка, герой школьной прессы. Я потом объясню... Ладно, Слава, зато люди не пострадали. Не горюй.

Славка, не оборачиваясь, проговорил:

— Спасибо за сумку... Бабушке не говорите про снаряд, а то она расстроится. И маме напишет...

— Напишет? — переспросил Юрий Андреевич.— Разве мама не здесь?

— Она уехала. Я с бабушкой...

Тогда Тим поднялся и подошел к Славке. Ничего не сказал, просто встал рядом. Славка посмотрел на него: «Тим, я держусь».

И они оба повернулись лицом к директорскому столу.

Женщина-милиционер обратилась к капитану второго ранга:

— Сергей Дмитриевич, давайте о главном.

— Есть, Вера Матвеевна. Давайте о главном... Слава, для начала один вопрос: зачем нужно было тащить находку в такую даль?

— Ничего не оставалось. Мы думали по-всякому. Спрятать нигде, а ребята могли прибежать... Они какие-то шальные...

— Понятно... И все же это был сумасшедший риск. Неужели нельзя было придумать ничего другого?

И тут вмешался Тим. Сдержанный, воспитанный Тим сказал:

— Разумеется, можно было придумать другое... Сидя в кабинете. А там было некогда.

— Тимофей Сель...— сказал Юрий Андреевич.

— А почему получается, будто Семибратов в чем-то виноват? — дерзко спросил Тим.

Юрий Андреевич развел руками:

— Опять вы за свое...

Сергей Дмитриевич слегка нахмурился:

— Подождите, ребята... Никакой вины нет. Слава молодец...

— А почему я?! — взвинтился Славка. — Тим раньше меня снаряд увидел! Он его у ребят отобрал! Он, может, больше моего рисковал!

— Да, я понимаю. Вы оба. Я пришел сюда, чтобы сказать вам спасибо...

— А милиция тоже для этого? — напряженным голосом спросил Тим.

— Милиция для порядка, Тима, — отозвалась Вера Матвеевна. — У тебя после истории с «Сатурном» к милиции прохладное отношение, но мы не виноваты. А сейчас разговор о другом...

— Разговор вот о чем, — подхватил Сергей Дмитриевич. — Смелые вы люди. И неглупые. Я верю, что вы поступили правильно... Только не все такие, как вы. Если станет известно об этом случае, найдутся ребята, которым очень захочется совершить геройский поступок. Они полезут в такие места, куда лазить не следует, будут специально искать, чтобы проявить свои доблести. Допустить это нельзя.

— А кто узнает? — сказал Славка. — Только пусть Потапенко не болтнет где-нибудь.

— С ней мы уже договорились, — сообщила Вера Матвеевна. — Я за нее ручаюсь. Дело теперь за вами, мальчики.

— За нее ручаться нельзя, — мстительно сказал Славка. — А мы с Тимом будем молчать. Верно, Тим?

— Да, — сказал Тим.

Юрий Андреевич поднялся из-за стола.

— Спасибо, ребята. И не обижайтесь, что пришлось обойтись без торжественных построений и наград.

Тим засмеялся.

— Ты что, Тимофей? — спросил директор.

Славку словно бес толкнул:

— Юрий Андреевич, он вспомнил линейку, когда Дениса Васильченко награждали.

Директор не рассердился.

— Да, это не очень продуманное было мероприятие. Рад, что

вы все понимаете... Вера Матвеевна, Сергей Дмитриевич, ребята вам еще нужны?

— Мне нужны,— сказал Сергей Дмитриевич.— Если можно пусть мальчики меня проводят.

...Они вышли из школы. Облака уже разошлись, и асфальт высыхал, только в углублениях синели лужицы. У крыльца стоял «рафик» с военным номером. За рулем сидел матрос в отутюженной бслой форменке.

Сергей Дмитриевич открыл дверцу:

— Садитесь. Прокатимся, а потом отвезу куда хотите.

Славка и Тим забрались в автомобиль. Сергей Дмитриевич устроился рядом, на том же сиденье. Машина поехала. Славка и Тим положили на колени сумку и молча разглядывали зубренка.

Сергей Дмитриевич сказал:

— Кажется, обо всем поговорили, а на душе беспокойно. Нельзя, чтобы такие ребятишки, как вы, рисковали головами. Даже случайно. Постарайтесь в дальнейшем без этого.

— Да уж постараемся,— сказал Славка. Тихо и без насмешки.

Зубренок был очень симпатичный. Он мчался по голубой клеенке в веселую атаку.

Сергей Дмитриевич тронул Славку за плечо.

— Скажи честно: страшно было?

Славка хмуро спросил:

— Если скажу, что не страшно, вы поверите?

Сергей Дмитриевич коротко засмеялся:

— Пожалуй, нет. Хотя есть дураки, которые не боятся.

— Значит, я очень умный,— сказал Славка.

— А я вообще гений,— сказал Тим.

Сергей Дмитриевич расстегнул на левом запястье часы, положил их на зубренка. Они были большие, тяжелые, с парусным кораблем на циферблате.

— Это мне подарил командир флотилии. Возьмите, ребята, на память.

Славка посмотрел на Тима. Тим чуть поморщился.

— Спасибо,— сказал Славка.— Нам не надо.

— Потому что одни на двоих?

— Потому что это вам подарили,— сказал Тим.

— Мы ими все равно похвастаться нигде не сможем,— добавил Славка.— А если они просто как часы, то у нас есть. У Тима давно, а мне сегодня... мама оставила, когда уехала...

Сергей Дмитриевич не настаивал. Он взял часы.

— Ладно,— сказал он будто самому себе.— Что-нибудь придумаем.

«Придумайте, чтобы мама моя вернулась»,— мысленно сказал Славка и опять стал смотреть на зубренка.

— Что за нашивки у вас?— спросил Сергей Дмитриевич.

— Парусная секция «Виндjamмер»,— объяснил Тим.— Только мы пока не занимаемся. Мы пока вроде арестантов.

— Что так?

— Славка, можно рассказать?

Славка кивнул. Не все ли равно теперь?

И Тим рассказал. Он сумел это сделать коротко. Буквально в несколько фраз. А Славка слушал и думал: где теперь мама? Все еще в самолете или уже в Усть-Каменске? Хоть бы догадалась прислать телеграмму...

— Значит, цепь...— задумчиво сказал Сергей Дмитриевич.— Отчаянные вы ребята...

— Мы?— удивился Тим.

Сергей Дмитриевич спросил:

— Как фамилия начальника базы?

— Федосов... Игорь Борисович,— сказал Тим.

— Ладно... Куда вас отвезти?

— Если можно, на пляж,— попросил Славка.

— Не холодно купаться?

— Ничего,— сказал Тим.

«Рафик» покатыл к Орудийной бухте.

Недалеко от пассажирских причалов они вышли из машины. Тим озабоченно проговорил:

— Я все время думаю: надо узнать, откуда лом привезли на свалку. Может быть, там есть что-нибудь еще... такое же.

— Совет опоздал на двое суток,— сказал Сергей Дмитриевич.— Но все равно спасибо... Давайте прощаться. И прошу вас помнить три вещи...

— Больше не попадать в такие истории,— догадался Тим.— Да?

— Да. Это первое...

— Молчать как рыбы,— сказал Славка.— Это второе.

— Все знаете... Ну а третье?

Славка пожал плечами. Он не ожидал услышать ничего нового. Сергей Дмитриевич жестко обнял его и Тима за плечи, придвинул к себе.

— Мальчики вы мои... Несмотря на молчание, помните: вам благодарны Город и Флот.

Когда шли на пляж, Тим спросил:

— Она сегодня уехала?

— Да.

— Ты не знал?

— Нет. Она письмо оставила.

— Славка... Наверно, это я виноват. Со своей цепью...

— Не говори глупости,— сказал Славка.

На пляже было пусто. Славка подпрыгнул и уцепился за обруч громадного зонтика, впаянного ножкой в бетон. Заболтал ногами.

— Где ты коленку ободрал? — спросил Тим.

— Здесь. Купался, когда с физкультуры сбежал. Я устроил себе каникулы...

— Славка,— сказал Тим.— Не надо веселиться, если невесело. От этого не легче, я знаю.

Славка разжал руки и упал на бетон.

— Я не веселюсь, Тим... Давай макнемся!

Они стали раздеваться. Славка сказал:

— А все же хорошо, что сегодня мамы нет. Не узнает, что эта штука настоящая...

Они встали на бетонную ступень.

— Имей в виду, вода сегодня холодная,— предупредил Славка.

— Ладно, вытерпим и это,— сказал Тим.— Прыгаем?

— Да... Подожди... Тим! А если дать ей телеграмму, что я заболел? Она же придет, верно?

Тим ничего не сказал. Он, видимо, не решился ответить и опустил глаза. Но Славка успел заметить в его глазах невысказанный ответ: «Это нечестно...»

— Я пошутил, Тим,— сказал Славка и прыгнул в соленую воду.

Он никуда не поплыл, а повис, как в невесомости, в плотной зеленой толще. Холод сжал его на несколько секунд и ослабел, отступил. Глубина тихо звенела. Это отзывалась в ней работа судовых моторов, корабельного завода, плавучих кранов и доков. Это жили несмолкаемой жизнью Город и Флот.

Славка вдруг вспомнил, как ночью звенят сверчки.

В это время шумно прыгнул Тим...

Площадь Карронад

Прошла неделя. За это время мама прислала сначала телеграмму, а потом письмо. В телеграмме она сообщала, что долетела благополучно. В письме просила Славку быть осторожным, не ходить раздетым по холоду и слушаться бабу Веру.

«Вера Анатольевна — замечательный человек, — писала мама. — Помогай ей во всем. Скоро я вышлю вам денег. А когда приеду, мы вместе подумаем о ремонте дома».

Этими словами она давала Славке понять, что приедет. Но когда приедет — было неясно. Дом бабу Веры выглядел прочным и, судя по всему, скорого ремонта не требовал.

Через день после маминого письма пришло еще одно. Совсем неожиданное.

«Комарик, здравствуй! Кое-как нашла твои следы. Сначала узнала твой старый адрес, приехала в Усть-Каменск и здесь повстречалась вчера с твоей мамой. Она мне все про тебя рассказала. Даже про цепь. Ты молодец, и твой Тим молодец. Вы там держитесь, не мняйте курс. Тебе, Славчик, здорово повезло...

Мне тоже повезло. Меня, кажется, берут стажером на теплоход «Краснокамск». Если все будет нормально, может быть, в ноябре мы придем в ваш порт. Вот тогда поговорим!..

А я все-таки правду говорила: ты стал рулевым. Молодчина.

Как поживает ушастый друг Артемка? Привет ему, обормоту. Он еще не забыл Анютку?»

Стало Славке после этого письма хорошо и грустно. Хорошо, потому что Анютка нашлась и вспомнились счастливые дни первых плаваний. Грустно, потому что столько печального случилось, пока Анютка где-то пропадала. Но ведь и хорошее случилось. И, несмотря ни на что, были у Славки море, Город и Тим.

И была теплая южная осень. А по Славкиным понятиям — еще полное лето. Вода, правда, стала холоднее, но все же они с Тимом иногда купались. Два раза с ними ходил купаться Динька. Холодной воды он не боялся, но плавать не умел и, когда его пытались учить, верещал так, что уши закладывало.

— Тихо ты! — прикрикнул наконец Славка. И пригрозил: — Я за тебя возьмусь. Ты у меня научишься вести себя, как положено интеллигентному ребенку семи с половиной лет.

Динька притих и смотрел на Славку с опаской, пока ему не объяснили, что это была шутка...

Наступил еще один понедельник. После четвертого урока Динька разыскал Славку на втором этаже.

— Тебя с Тимом какая-то тетя ищет. Большущая.

Большущей тетей оказалась Настя. Она спросила:

— Не надоело отдыхать?

— Игорь Борисович сказал, чтобы две недели...

— Он велел прийти.

Славка и Тим ринулись на базу.

Игорь Борисович был, как всегда, хмур и недоволен жизнью. Он выставил из кабинета трех новичков, которых записывал в журнал, а Славке и Тиму сказал:

— Можете готовить яхту к выходу. Но чтобы никто из новых ребят не знал о ваших подвигах. Примеры заразительны, а мне здесь вполне хватает двух авантюристов... Есть вопросы?

— Нет! Вопросов! Товарищ! Начальник! Базы! — в два голоса откликнулись Тим и Славка и хотели рвануть на пирс.

— Стоп,— сказал Игорь Борисович.— Имейте в виду: я, еще не начав нормальную работу секции, получил уже от начальства крупный нагоняй. Из-за вас. Поэтому, если что натворите, больше вам не помогут никакие заступники.

— А... какие заступники? — осторожно поинтересовался Славка. Он почувствовал, что одной Настей здесь не обошлось.

Игорь Борисович усмехнулся:

— А вы не знаете?

— Нет! — хором сказали Тим и Славка.

— Любопытно... То из штаба флота звонят, то является кудрявая девица и орет на меня, как старый боцман на провинившегося юнгу... Чучело какое-то еще принесла. Чуть не забыл.

Он вытащил из тумбочки письменного стола странное существо. Оно оказалось сшитым из пестрых лоскутков. У существа торчали длинные уши, но это был не заяц. Это был не то ослик с большим улыбчивым ртом, не то помесь кролика и обезьяны. Плюшевое брюхо его подпоясывал ремешок с блестящей пряжкой, а за ремешком торчал маленький заклеенный конверт.

Славка и Тим распечатали письмо.

«Семибратов! Это тебе вместо Артемки, раз его больше нет. А если не понравится, пожалуйста, можешь выбросить. Мне-то что! Только не воображай, что я в самом деле обращаю на тебя внимание».

— Ну и Любка,— пробормотал Славка.

А Тим нерешительно посмотрел на обезьяну-кролика:
— Что с ним делать? Может, возьмем?

И они взяли себе этого ушастого зверя. Не вместо Артемки. Артемку никто не смог бы заменить. Взяли просто так — не выбрасывать же. Дали ему имя «Шастик». Сперва называли Ушастиком, а потом сократили. Шастик лучше. Как будто он озорной, неспокойный — все время где-то шастает. Пестрый улыбчивый зверек «шастал» над волнами, когда «Маугли» опять начал плавание. Но в сумке Славка его не носил. Шастик жил в яхте, в ахтерпике.

На базу приходилось ездить часто. Теперь Славка и Тим не только ходили на «Маугли». Они помогали Насте учить новичков. Тим носил на рукаве под якорем подшкиперскую звездочку...

Возвращались домой под вечер. И почти каждый раз делали крюк, чтобы зайти на площадь Карронад. Иногда здесь играли мальчишки: запускали змеев, а если дело было в сумерки, гоняли по камням звонкую железку — выбивали искры. Это были старые приятели Тима. Они и Славку встречали как приятеля.

А иногда здесь было пусто. Ходили по камням голуби, и качались травинки там, где должен был стоять памятник. Славка и Тим останавливались у края разбитой стены и смотрели на Город.

Город был очень красив под закатным солнцем. На белых домах и теплоходах лежал оранжевый налет. Море делалось светлым и удивительно ласковым. Дальние берега и темный горбатый Курган видны были сквозь тонкую золотистую пыль.

Славка смотрел на Город со спокойной радостью. Теперь это был навсегда его Город. И не потому, что Славка рисковал со снарядом. Этой истории могло и не случиться (и лучше бы никогда не случилось!). Это был его Город, потому что Славка прикипел к нему сердцем.

Когда-то Славка (смешной он был человек!) думал, что найдет здесь безоблачную жизнь. Что не будет здесь огорчений и боли. Все было. А Город стал еще дороже. Славку приковали к Городу цепью, заперли замок и выбросили ключи в глубокое море...

В тот день ветерок был слабый, поэтому ходили под парусом недолго. Занятий с новичками не было. Славка и Тим ушли с базы раньше обычного. Но по Городу они еле брели, потому что домой не хотелось. Когда поднялись на площадь, уже вечерело.

Над площадью стояло безветренное тепло. Стрекотали кузнечики. Сначала показалось, что здесь никого нет. Потом они увиде-

ли мальчика в голубой школьной рубашке. Он сидел на старинной, вросшей в землю скамейке из решетчатого чугуна. Недалеко от стены. Держал на коленях не то альбом, не то папку. Быстро водил карандашом.

— Смотри-ка, там Аверкин,— сказал Славка и смущенно взглянул на Тима.

Тим остановился, будто споткнулся. Поскреб на подбородке веснушку и спросил:

— Может быть, подойти?

— Ты же не хотел раньше...

— Ну, почему я не хотел... Просто причины не было.

— Тогда пошли?

— Да,— сказал Тим. И добавил, будто оправдываясь: — Нельзя же стоять просто так, когда он нас увидит. А уходить тоже... Это наша площадь.

Славка окликнул Аверкина, чтобы он не подумал, будто они с Тимом хотят застать его врасплох:

— Женя...

Аверкин поднял голову. Вздрыгнул. Захлопнул папку. Но не встал, не собрался уходить. Он неловко заулыбался, отложил карандаш, обнял себя за плечи. Сидел и ждал.

Тим и Славка медленно подошли. Славка спросил:

— Ты здесь что делаешь, Жень?

Вопрос был глупый. По всем правилам Женьке следовало ответить, что он косит траву или торгует рыбой. Но Женька перестал улыбаться, переглотнул и даже побледнел слегка.

— А вот помнишь... ты про памятник рассказывал... чтобы нарисовать. Вот я... пробую...

Они помолчали. Женька ссутулился на скамейке и водил тупым концом карандаша по закрытой папке. Славке вдруг показалось, что Аверкин выцарапывает на коже буквы НС.

И тогда Тим, словно через пограничную полосу, шагнул:

— Женя... Покажешь?

Женькины щеки вспыхнули, он согнулся, будто грудью хотел прикрыть папку. Но тут же выпрямился. Прошептал:

— Только еще не готово. набросок еще...

— Ну и что! — быстро сказал Славка. Он сел рядом с Женькой, а Тим обошел скамейку и встал сзади.

Женька медленно отвернул крышку.

На серовато-желтом листе была нарисована площадь: дома в

отдалении, камни, остатки стены, трава и голуби. Но это было не главное. Главными были ребята. Они втроем стояли на низкой каменной площадке сдвинувшись плечами и взявшись за руки.

Они были почти такие, какими представил их Славка, впервые оказавшись на площади Карронад. Только третий — в съехавшем набок галстуке, со сбившимся бинтом на колене, с приподнятыми ветром волосами — не был угрюмым. Он смотрел спокойно и открыто. Они все смотрели спокойно и открыто — маленький артиллерист со старинных бастионов, двенадцатилетний юнга из морской пехоты и нынешний мальчишка из ближней школы. В их лицах не было суровости. Но улыбок тоже не было.

Женька тихо сказал:

— Я сначала хотел их веселыми нарисовать. Думал: пускай смеются несмотря ни на что... Но не получились они веселые...

— Ну и не надо, — откликнулся Тим. — Какое уж тут веселье... А так все правильно. Да, Славка?

Славка кивнул.

Женька был художник. Мастер он был, ничего не скажешь. Нарисованный памятник отливал металлом, и в то же время мальчишки выглядели живыми. Славка тихо спросил:

— Ты их долго рисовал?

— Долго, — признался Женька и тут же, не меняя голоса, не поднимая лица, проговорил: — Слава, Тим, возьмите в матросы...

После этих слов стало совсем тихо. Славка не двинулся, и Тим тоже замер. А надо было ответить. Что? Можно было сказать: «Ты же в художественной школе занимаешься...» Или другое: «Понимаешь, у нас яхта на двух человек...»

Но в такие моменты нельзя изворачиваться и хитрить. По крайней мере, Славка не мог, не хотел. И Тим, видимо, не хотел тоже. Потому что Женька просился не в матросы. Ему просто хотелось быть вместе со Славкой и Тимом.

Славка медленно повернулся к Тиму. Тим опустил глаза.

Женька сказал шепотом:

— Я тогда не думал, что ты всерьез насчет «Сатурна»... Я бы не испугался.

— Ну, а если бы даже испугался... Подумаешь, — хмуро сказал Тим. — Каждый может испугаться... И вообще это была глупая затея, теперь я понял.

Славка опять оглянулся на него. Удивленно.

— В самом деле, — сказал Тим Славке. — Я уже думал. Надо

было не так. Надо было шум поднимать на весь город. Может быть, и спасли бы «Сатурн».

Женька повторил негромко, но упрямо:

— Я все равно бы не испугался.

— Я знаю,— сказал Тим.

Женька обрадованно поднял голову. Папка соскользнула у него с колен. Листок с рисунком спланировал в сторону и лег на камни. К нему бросились все трое. Хотели схватить, перепутались руками. Посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Порвем ведь...— сказал Славка.— Осторожнее...

А Тим спросил у Женьки:

— Ты хорошо плаваешь?

— Не знаю... Нормально. А что, Тим?

— «Что»... А если вылетишь с яхты?

— Тим... Я хорошо!

— Если потонешь, в другой раз не возьмем,— сказал Славка.

Шуточка была так себе, но разве в этом дело? Женька сразу сделался такой счастливый. Но он стеснялся показать, какой он счастливый, закусил губу и понес рисунок к папке. Тим и Славка пошли за ним.

В распахнувшейся папке лежали другие листы. И сверху...

Сверху лежал большой портрет Шастика!

Уже сбегались легкие сумерки, но стало видно, что Женька опять покраснел. Его не успели ни о чем спросить, но он, видимо, и сам понял, что ребята удивились.

— Это я для Потапенко нарисовал,— пробормотал он.— Она просила зайца, чтобы сшить такого же, как раньше, а я не стал. Я подумал: зачем вам другой Артемка? И вот этого придумал...

— Женька! Значит, Любка тебе все рассказала?

— Она же слово дала,— сказал Тим.

— Она еще раньше рассказала, вечером в воскресенье. Она уже все знала... Ребята, я ей сказал, чтобы молчала намертво! И сам...

«А ведь правда: он в понедельник и вида не подал, что знает»,— подумал Славка.

— Ну и хорошо,— решительно сказал Тим.

В самом деле хорошо. Не надо будет ничего скрывать от Женьки.

Они уложили рисунки в папку и сели на скамью. Помолчали. Потом Женька спросил:

— А этот... которого она сшила... Его как зовут?

— Шастик,— сказал Славка.

— Он плавает с вами?

— Плавает. Завтра увидишь,— пообещал Тим.

— Я его живьем-то и не видел,— объяснил Женька.— Она сшила и даже не показала.

— Странная она, эта Любка,— сказал Славка.— Я ей говорю тогда: «Спасибо за зверя», а она как фыркнет: «П-жалста...» И больше разговаривать не стала. Пошла драться с Савиным.

— У каждого свой характер,— заметил Тим рассудительно.

Стало еще темнее. На военных кораблях переливчато и немного печально заиграли горнисты. Это значит, верхний краешек солнца ушел за морской горизонт. Над Орудийной бухтой зажглись огни. Вдали коротко прозвенели куранты: три четверти. Славка пошарил в кармане, достал мамины часы и положил на левую ладонь. Темнота наваливалась очень быстро, но он различил циферблат и стрелки. Было без пятнадцати минут семь. Рядом с часами темнела маленькая точка—след карандашного прокола. Тимкина веснушка. Славка осторожно согнул пальцы, словно хотел согреть севшую на ладонь бабочку...

Из недалекого переуллка, где светились окна, выбежали на площадь четверо мальчишек. Разглядели в сумерках, что кто-то есть на скамейке, и подошли.

— Тим! Ребята, Тим пришел! И Славка!

— А это Женька,— сказал Тим.

— Погоняем искорки?

— А биток есть?

— Вот.— Мальчишка протянул зазубренный кусок железа.

— Похоже на осколок,— сказал Женька.

Славка взвесил железо в руке:

— Тяжелый. Хорошо бьет?

— Здорово! Попробуем?

— Вставляйте на тот край,— сказал Тим.— А мы здесь, втроем.

Ребята убежали метров за двадцать и выстроились там еле различимой шеренгой. Славка изогнулся и метнул осколок. Метнул, будто плоский камешек по воде, чтобы «напечь блинов». Славка умел рассчитывать рикошеты. Когда-то смертельный, а теперь безвредный кусок железа со звоном помчался над землей. Он выбил из камней яркие-яркие искры.

ПОБЕДИТЕЛИ

Рассказы

*

*

ГВОЗДИ

Ночью Костик сильно кашлял, прямо спать никому не дал. Утром мама сказала:

— Сиди-ка сегодня дома, не ходи в школу, а то совсем сляжешь.

Костик не огорчился. Дома одному, конечно, не очень весело, но в школе тоже хорошего мало: холод, как на улице. Даже варежки снимать не хочется. Да и незачем их снимать, потому что чернила часто застывают и писать нельзя. Нина Матвеевна второклассникам даже и не задает ничего, а только читает книжки вслух. Старается больше про лето читать, но от этого все равно не теплее.

А дома тепло. Мама выхлопотала два кубометра дров. Дрова, конечно, не березовые, а сосна вперемешку с осиной, но ничего, греют. Каждое утро теперь печка-голландка бодро гудит и потрескивает угольками. И валенки всегда просохшие, теплые.

Только сегодня валенки не нужны.

Когда мама и Зина ушли на работу, Костик выскочил из-под одеяла, быстренько оделся и нырнул под кровать. Там в углу, за Зинкиным чемоданчиком, прятались пыльные старенькие сандалии. Если от пола не тянет промозглым холодом, хорошо побегать по комнате в сандалиях. Лето вспоминается.

Костик побегал. Какая-то крошка мешала в левой сандалиии. Костик вытряхнул ее. Это были слежавшиеся листики и семена полыни. Наверно, с того сентябрьского дня остались...

Костик вспомнил и загрустил, присев у окна. Прыгать больше не хотелось. Потом он вздохнул и поднялся со стула: он знал, что делать. Как всегда в такие минуты, сделалось страшновато. Костик запер на крючок дверь, задернул шторы. И опять полез под кровать — за фанерным чемоданчиком, где хранилось Зинкино личное имущество.

«Имущество» старшей сестрицы было сплошное барахло. Железные штучки, чтобы волосы на них накручивать, две брошки, пустая пудреница, перевязанная шпагатом пачка писем от знакомых ребят с фронта, зеркальце, лоскутки какие-то. Но среди лоскутков лежала треугольная косынка. Красная с белым горошком.

Она была из остатков материи от платья. Платье Зина шила еще до войны и давно износила, а косыночка сохранилась. Летом Зина ее надевала, когда ходила на танцы в Сад судостроителей. Ну, а сейчас, конечно, в таком платочке не побегаешь. Отправляясь на завод, Зина шаль наматывает да еще шарф сверху...

Костик вынул косынку, задвинул обратно чемодан. Подошел к зеркалу. Зеркало было почти от пола и до потолка, старое, еще бабушкино. Очень удобное: человек в нем отражался с головы до ног.

Сейчас в зеркале виден был худой, белобрысый, давно не стриженный мальчишка в синей выцветшей рубашке и зеленых штанах из плащ-палатки. Остроносый, остроплечий, с немного оттопыренными ушами. Не очень красивый, но ничего. На лице у мальчишки было беспокойство.

Костик перестал себя разглядывать и еще раз оглянулся на окна и запертую дверь. Если кто-нибудь застал бы его за теперешним занятием, Костик просто провалился бы сквозь землю, хотя и сам не знал, почему. Может быть, потому, что не хотел признаваться никому в своих мечтах и боялся насмешек. А может быть, потому, что было в этом деле непростительное самозванство. Но он ничего не мог с собой поделать.

Костик отогнул воротник, набросил косынку на шею и стал старательно завязывать узел.

Если зажмуриться или просто забыть про белые горошины, то косынка абсолютно такая же, как пионерский галстук.

О галстук Костик мечтал давно. С того сентябрьского дня, когда случилось чудо. Действительно чудо, и никаким другим словом Костик не мог назвать свое спасение.

Был тогда выходной. Стоял совсем летний день, только ветер был плотный и ровный, хотя и не холодный. Костик склеил змея. Хотел забраться на крышу, чтобы запустить, но сосед Иван Сергеевич Протасов и его жена тетя Валя подняли такой крик, что лучше не связываться. А чего им надо? Ведь он не на их дом забрался (они живут в каменном трехэтажном), а на свой, двухэтажный.

Протасова не переспоришь. И Костик решил идти на площадь. Там простора много, можно змея прямо с земли запустить, если разбежаться.

Площадь просто так называлась площадью, а на самом деле это был громадный пустырь посреди города. В центре его стояла красная водонапорная башня, похожая на старинную, а кругом раскинулись заросли полыни и бурьяна да лужайки с мелкой травой. На лужайках паслись козы и гоняли тряпичные футбольные мячи мальчишки со всех улиц. В прошлые годы площадь распределяли под огороды, а в этом году запретили: хотели что-то строить.

Раньше Костик никогда не ходил на площадь один, только со старшими ребятами. Дорога была неблизкая. Но сейчас он решился, очень уж ветер был хорош.

Со змеем под мышкой добрался он до края пустыря. Ветер шел плотным потоком: пригибал полынь, рвал на башне выгоревший флаг, отбрасывал назад волосы у Костика и даже его ресницам не давал покоя. Костик зажал в кулаке катушку, подбросил змея и кинулся навстречу ветру.

Змей поднимался быстрыми рывками. Катушка разматывалась и дергалась в кулаке, как живой мышонок. Костик оглянулся и увидел, что змей уже высоко.

А потом он увидел врагов.

Враги сбегались с двух сторон. То, что они враги, Костик сразу понял. Потому что узнал среди них большого мальчишку, которого все звали «Глотик». Глотик был жулик и хулиган. Он постоянно ошивался у кинотеатра «Темп», спекулировал билетами и не прочь был запустить лапу в чужой карман. К маленьким Глотик был безжалостен.

Мальчишки увидели, что Костик их заметил, и засвистели. Костик поддал ходу.

Если бы он не бежал, ничего бы с ним, наверно, не сделали. Ну, отобрали бы змея, стукнули бы по шее для порядка, вот и все.

Но попробуйте устоять на месте, когда к вам, воя и визжа, мчится вражья ватага. Костик припустил так, что ветер не засвистел, а просто застонал в ушах.

А когда человек убегает, его надо обязательно догнать. Это уж закон такой. Если даже непонятно, зачем его догонять, все равно гонятся.

Теперь мальчишки, видимо, и не думали про змея. Он сорвался с высоты, сделал петлю и косо врубился в траву. Несколько метров он тащился на нитке, потом нитка лопнула.

— Эй ты, стой! Хуже будет! — пискляво кричал кто-то сзади.

Костик всхлипнул и постарался бежать еще быстрее. Было трудно продираться сквозь густую полынь, и в боках кололи длинные тонкие иголки. Добежать бы до края пустыря, там улица, а на улице прохожие, они не дадут в обиду. Но разве добежишь? Площадь бесконечная, а дышать уже совсем трудно, ветер пролетает мимо щек и ни капли не попадает в легкие.

«Упаду сейчас», — подумал Костик, потому что иголки в боках стали как кинжалы. И в самом деле упал. Но не оттого, что совсем обессилел. Он ухнул в заросшую по краям, незаметную яму.

В яме полно было битого кирпича. Грудью, локтями и коленями грянулся Костик на острые обломки и несколько секунд лежал не двигаясь. Он старался проглотить боль и стискивал зубы, чтобы не выдать себя громким плачем.

«Может, не найдут, — думал он. — Может, проскочат мимо».

И в самом деле, прошла, наверно, минута, а врагов было не слышать. Боль слегка отпустила Костика. Он поднялся и сквозь траву глянул на площадь.

И он увидел такое, что потом, когда вспоминал, ему хотелось смеяться и даже плакать от радости.

Мальчишки потеряли его (и устали к тому же) и бежали едва-едва. Крутили головами. До ямы было шагов двадцать. И вдруг между Костиком и его врагами поднялся строй ребят. Они встали из высокой травы ровной линией. Костик видел их головы в бумажных пилотках, их спины в зеленых, как гимнастерки, рубашках и алые треугольники галстуков.

А над плечами у них поднималась щетина сверкающих штыков.

Костик ничего не понял сначала. Не поняли и враги. Они остановились и затоптались перед неожиданно возникшей шеренгой.

— Ну, че надо? — нерешительно сказал Глотик.

Прозвучала короткая команда, и шеренга, не теряя стройности, двинулась на ватагу.

— Ну, че надо?! — тонко крикнул Глотик. — Мы к вам не лезли!

Раздалась еще команда, и штыки дружно склонились навстречу противнику. У ребят с винтовками не было барабана, но Костику показалось в тот миг, что он отчетливо слышит торжественную атакующую дробь.

Радостная сила подняла его как на крыльях. Он выскочил из ямы и догнал шеренгу.

— Я с вами! Я за вас...

— А мы — за тебя! — весело сказал ему светловолосый парнишка. Он подтолкнул Костика и, не сбивая шага, ввел его в строй. Рядом с собой. И пошли. Левой, левой...

Компания Глотика сперва отступала рысью, а потом перешла на галоп и кинулась врассыпную.

Шеренга домаршировала до края площади и остановилась, сохранив равнение...

Винтовки у них были, конечно, деревянные, покрытые коричневой краской. И штыки деревянные. Но каждый штык, обитый жестью от консервных банок, сверкал грозно, как боевой.

Ну и пусть винтовки из дерева. Все равно, когда Костик шел плечом к плечу с этими ребятами, ему казалось, что никакие танки и пушки не остановили бы их. И повторялись в голове у него простые и крепкие слова светловолосого парнишки: «А мы — за тебя! А мы — за тебя!»

Это были ребята из незнакомой школы, с той улицы, где Костик и не бывал никогда. Они готовились на площади к воснной игре, учились устраивать засаду и вдруг увидели, как за Костиком гонится толпа. Это же свинство — столько больших на одного маленького! Вот пионеры и решили защитить его!

Костик проводил ребят до школы. Он маршировал вместе с ними посреди мостовой и ни разу не сбил шага, хотя в сандалии попали крошки и ступать было неудобно. И он не чувствовал себя лишним. Правда, не было у него рубашки защитного цвета и винтовки, но зато были штаны из плащ-палатки, почти военные. А главное, никто не смотрел на него как на чужого.

И только в тот момент, когда светловолосый паренек строго отсалютовал ему на прощание, Костик понял, как далеко ему до

этих ребят. Ведь он не мог ответить на салют салютом. И он шепотом сказал:

— Ну, я пошел...

Он так и не узнал их имен. И даже лиц не запомнил. Они были для Костика просто п и о н е р ы. Просто дружная шеренга, чеканный строй, который был «за него». И с тех пор Костик затосковал о пионерском галстуке.

Костику казалось, что, если станет он пионером, жизнь его делается в тысячу раз лучше. Красивее, смелее, интересней. А разве не так? Разве не рассказывала Майка Рудакова, как замечательно было в пионерском лагере? Разве не живет удивительной и немного таинственной жизнью их сосед, пятиклассник Борька?

Но как вступают в пионеры?

Однажды во второй класс «Б», где учился Костик, пришла девчонка-семиклассница и взрослым голосом сказала:

— Кто хочет стать пионером, пусть придет на сбор в четвертый класс «А». Только запомните: одного желания мало. Надо, чтобы вы хорошо учились и чтобы вам исполнилось девять лет. Кто хочет в пионеры, поднимите руки.

Костик хотел. Правда, лет ему было только восемь с половиной, но он как-нибудь выкрутился бы. И учился он не хуже других. Но дурацкая стеснительность связала его будто веревками, и он не поднял руку. Если бы хоть кто-нибудь из мальчиков поднял, Костик, наверно, тоже решился бы. Но мальчишки пересмеивались и недружелюбно поглядывали на семиклассницу. Им не хотелось оставаться ни на какой сбор! После уроков-то! Дураков нет. Захотели только несколько девчонок: одна отличница и две ябеды.

В общем, что-то было не так. И семиклассница совсем не похожа была на того светловолосого паренька-командира. Она старалась изо всех сил походить на учительницу.

А потом Костик узнал, что сбор в четвертом «А» почему-то не состоялся. Девчонки продолжали ходить без галстуков, и все позабылось. И Костик ни у кого не решался узнать: как же стать пионером?..

Он поправил на груди Зинкину косынку, стал по стойке «смирно» и в салюте поднял над головой ладонь. И опять вспомнилось ему ярко-ярко, как идет он в боевой шеренге через солнечную заросшую площадь и невидимый барабан отстукивает: «А мы — за тебя! А мы — за тебя!...»

...Костик убрал косынку в чемоданчик, раздвинул шторы, отпер дверь. Начинаясь день. Надо было думать, какими делами его заполнить.

Первое дело — автомат. Нужно его дострогать. Мамы и Зины нет, никто не будет охать, что Костик отрежет себе кухонным ножом пальцы. Костик вытащил из-за печки недоделанный автомат и навалился на работу. Стружки — по всей комнате. Он выстругивал свое оружие из старой ложки. Приклад получился гладкий, коричневый, почти настоящий.

Но автомату обязательно нужен диск. Без дисков автоматы не бывают, это каждый ребенок знает. А самые лучшие диски получаются из консервных банок.

Костик замел стружки к печке, оделся, сунул ноги в валенки и выскочил во двор.

Двор был длинный и узкий. С одной стороны стоял кирпичный трехэтажный дом, с другой — двухэтажный деревянный. Между домами в конце двора тянулись дровяники и сараи. Получалась будто большая буква П. Ножки этой буквы подходили к овражку. Овражек летом зарастал дремучими травами и журчал ручейком, а сейчас был занесен снегом.

На краю овражка жители устроили зимнюю помойку. На помойке можно было отыскать консервную банку. Больше всего банок выбрасывал Иван Сергеевич Протасов.

И Костик нашел банку. Очень хорошую — плоскую, блестящую, с отогнутой наполовину крышкой, которую очень легко поставить на место. Костик глотнул слюну, представив, какие вкусные консервы ел недавно Протасов, и тут же заставил себя не думать про это. А то очень захочется есть.

Костик приставил банку к автомату. Так здорово получилось! Только прибить ее надо, эту банку.

Вот тут-то и была главная трудность. Чтобы прибить, нужны гвозди. А где их возьмешь? Дома Костик еще летом, когда саблю и щит делал, обшарил все углы и из всех стен гвоздики повыдергал — не на что полотенце повесить. А на улице гвозди тоже не валяются — это штука редкая.

Что делать? Два гвоздя нужно, хоть умри. Может быть, покопаться в куче золы, которую выбрасывают из печек? Там иногда попадаются гвоздики, но они обгоревшие, мягкие. В дерево заколотить можно, а жечь не пробьешь. Чтобы пробить ее, все равно нужен крепкий гвоздь, хотя бы один.

Озабоченный такими мыслями, побрел Костик домой. И тут его окликнули:

— Мальчик! Покажи автомат!

У подъезда большого дома стоял незнакомый мальчишка. В больших валенках, куцем пальтишке и мохнатой шапке с очень длинными ушами. До подбородка закутанный шарфом. Был он гораздо старше Костика, наверно в пятом классе учился, как Борька. Несмотря на всю закутанность его, Костик рассмотрел, что мальчишка очень худ.

«Эвакуированный», — понял Костик. Это было обычное дело: в сибирский городок приезжало немало семей из разоренных войною мест.

Костик нерешительно остановился. Станный какой-то мальчишка. По всем правилам он должен был окликнуть Костика так: «Эй ты, пацан! А ну, иди сюда! Покажи свою тарахтелку! Да не бойся, не возьму!» И по тем же правилам Костику следовало оглянуться и, если есть возможность, рвануть к своему крыльцу. Потому что насчет «не возьму» — дело темное.

Но парнишка этот как-то слишком вежливо и серьезно сказал: «Мальчик, покажи автомат». Может быть, притворяется? Лучше бы не связываться, конечно.

Однако, пока Костик топтался, незнакомый мальчик сам подошел к нему. Снял варежку и протянул к автомату руку.

— Можно?

Ладонь была узкая, очень бледная, с розовым следом ожога. Костик молча подал свое оружие.

— Хороший, — сказал мальчик. — Ты его сам сделал? Удачно. Только банку надо прикрепить как следует.

— А как? — откликнулся Костик слегка сердито. — Ни одного гвоздика нету.

Мальчик подумал:

«Гвоздики у меня есть. Несколько штук. Только я не могу придумать, как эту банку приколотить. Надо ведь изнутри прибивать, а молоток не влезет».

Костик торопливо сказал:

— У нас пестик от ступки есть. Можно им приколачивать. Он маленький и очень тяжелый.

Неужели этот совсем незнакомый мальчишка поможет? Значит, он такой же, как те, с винтовками? Тогда все понятно.

— Я принесу гвозди, — сказал мальчик, — а ты принеси, пожа-

луйста, пестик. Мы здесь, на крыльце, и приколотим. Можно было бы у нас, но мама немного нездорова, ей вредно, когда шумят.

— Можно у нас,—поскорее сказал Костик.— У нас никого дома нет.

— Хорошо... Меня Володей зовут. А тебя как?

Костик слегка засмутился и назвал себя. Не привык он так быстро и просто знакомиться.

— Костик...—повторил Володя.—Значит, Константин? Моего папу Константином зовут. Он морской летчик.

— А мой отец — техник-интендант,—сказал Костик и вздохнул.— Ты не думай только, что он в тылу. Он в атаку ходил, когда в окружении были. У него ранение и контузия. И орден Красной Звезды...

С гвоздями они отправились к Костику. В коридоре Костик почувствовал беду. Пахло гарью. Синий дым выползал из-под двери.

Костик рванул дверь. У печки горели стружки и веник. Костик замер. Он потом никак не мог понять, почему стоял и смотрел на огонь, хотя мог броситься за водой.

— Ух ты...—негромко сказал Володя. Странно это у него прозвучало: не со страхом, не растерянно, а будто даже с одобрением.

Потом он снял пальто. Костику показалось, что двигался Володя неторопливо и аккуратно. Снятое пальто Володя бросил прямо на огонь. Пламя захлебнулось, только дым еще шел. Володя поднял пальто, бросил еще раз и похлопал по нему ладонями. Потом сказал:

— Еще немножко, и пришлось бы пожарников вызывать.

Костик заревел. Он ничего не мог с собой поделать. Слезы текли, как вода из умывальника, и нельзя было сдерживать отчаянных всхлипываний.

— Ну что ты плачешь?—сказал Володя.— Боишься, что упадет? Да никто и не заметит, мы сейчас все уберем.

Он поднял пальто и стряхнул с него почерневшие стружки.

Костик стал всхлипывать реже. И сердито сказал:

— Я ничего не боюсь. Я сам не знаю, откуда слезы взялись. Просто чушь какая-то.

Конечно, ему было неловко.

Но Володя вел себя так, будто ничего не случилось. Спокойно замел на фанерку и выбросил в печку обгорелые стружки. Открыл

форточку. Повесил свое пальто и шапку на крючок у двери. Костик молча следил за ним и моргал мокрыми ресницами.

У Володи было симпатичное лицо. Только очень худое. Наверно, поэтому глаза и уши казались слишком большими. Он весь был какой-то острый и тонкий. Казалось, что колючие Володины локти и лопатки вот-вот прорвут старенький хлопчатобумажный свитер.

— Ну, принеси ваш пестик,— сказал Володя.

Костик принес.

И за две минуты Володя ловко приколотил банку к автомату. Накрепко. А потом посоветовал:

— Положи в нее какие-нибудь железки. Будешь трясти автомат, а они будут греметь, и получится как стрельба.

Это была мысль! Костик тут же кинулся искать по углам гайки и колесики от рассыпанного конструктора. Даже про Володю забыл. А тот вдруг негромко сказал:

— Знаешь, я домой пойду.

— Почему? — растерялся Костик. И подумал: «Обиделся на меня».

— Что-то голова закружилась. Наверно, дыма надышался. Надо полежать.

«Странный какой-то,— думал Костик, начиная банку гремучим железом.— Дымом надышался! Что такого? Не сгорел ведь».

Он построил из стульев «крепость» и открыл огонь из автомата по печке, которая была вражеским дотом. Дот не хотел сдаваться. Костик усилил стрельбу и решил вызвать на помощь артиллерию. Но тут под сердитыми ударами загудела стенка, и голос соседа Борьки врезался в шум сражения:

— Эй ты! Кончай тарыхтеть! Я уроки делаю!

С Борькой спорить опасно и невыгодно. Костик опять оделся и выбежал на улицу.

Он пристроился в партизанском укрытии, за пленницей Ивана Сергеича. Протасовская пленница была ровная и прочная, будто крепостная стена. Кое-где хозяин даже обил ее фанерой, чтобы не растаскивали дрова.

Костик дал очередь по подъезду большого дома, где скрывались «фашистские пехотинцы», и поморщился. Неудобно стрелять: острое полено давило плечо. Костик ухватил полено и отбросил в сторону.

И тут на него напал враг. Настоящий. Прокравшийся с

тыла Иван Сергеич сдернул с Костика шапку и уцепил его за ухо.

— Ясно теперь,— сказал он, шумно дыша.— Ясно, голубчик. Все ясно, кто мне поленницу разоряет. Пойдем-ка, дорогой...

Он был громадный, тяжело сопящий, в белом военном полубухе (он служил начфином в военкомате и носил форму, только без погон). Костику показалось, что над ним нависла снеговая глыба. Глыба тронулась с места и потянула Костика за собой.

Костик почти висел на выкрученном ухе, было очень больно. Костик закусил губу: один раз он уже плакал сегодня, хватит. Ни единой слезинки, ни одного жалобного слова Протасов не дожидется. Только скоро ли он отпустит? Мамы дома все равно нет. А что, если Протасов потащит его за ухо к маме на работу?

Протасов ногой толкнул дверь, они оказались в коридоре. Костик увидел Борьку. Борька стоял у мусорного ведра и большим кухонным ножом чинил красный карандаш. Он услышал топот и оглянулся.

— Мамаша его дома?— спросил Протасов у Борьки и тряхнул Костика за ухо.— Позови.

Костик увидел, как Борька побледнел.

Раньше Костик только в книжках читал, что люди могут быстро и сильно бледнеть. Сейчас увидел на самом деле, хотя света в коридоре было немного. Борькино лицо сделалось вдруг почти белым, а крупные веснушки на нем будто почернели.

Сперва Костик решил, что Борька очень испугался Протасова. Но тут же понял, что ничуть.

— Руки...— сказал Борька тихим и странным голосом.

— Что руки?— не понял Протасов.

— Убрать руки!— крикнул Борька с такой силой, что Протасов дернулся и отпустил Костика.

— И держите их при себе!— зло сказал Борька.— Нечего маленьких за уши хватать.

— Хулиган!— задохнулся Протасов.— Да я...

— Кто хулиган?— спросил Борька.

— Оба!

— Я не хулиган,— сказал Борька уже спокойно.— Что я, окна у вас бил или ваши дрова воровал? Или хлебные карточки из карманов таскал? А он?— Борька посмотрел на Костика.— Он что плохого вам сделал? Жить мешает, что ли? Не смейте его трогать. У него отец на фронте, не то что некоторые...

— А-га...— сказал Протасов и задом отошел к двери.— Понятно. Вот, значит, как...

Он старался говорить зловеще, но было видно, что он и сам не знает, при чем тут «ага» и «понятно».

— Шпана,— произнес Протасов на прощание и скрылся за дверью.

Борька всадил нож в половицу.

— У, шкура,— сказал он.— Чего он к тебе прицепился?

— Не знаю. Я в войну играл рядом с его пленницей. Он к ней никого не подпускает.

— Я сразу понял, что он зря тебя ухватил. Всех ребят за уши хватает. Ну ничего, ты не плачь.

— Разве я плачу...— сказал Костик. И в глазах у него защипало от благодарности.

Он вспомнил, как еще летом Борька помог ему починить деревянный грузовик, а осенью подарил синий карандаш и открытку, на которой красноармеец втыкал штык в зад Гитлеру. А один раз он даже открыл Костику военную тайну. А еще Борька никогда, ну ни одного разика не стучал Костика, хотя часто сердился и требовал не путаться под ногами.

Ну и что же, что сердился? У него в школе дела важные и работа такая, про которую нельзя, чтобы шпионы узнали. Он ведь устает. Даже мама бывает сердитая, когда устает на работе.

Костик взглянул Борьке в лицо и увидел, что он смелый и умный и ни капельки не рыжий. Волосы у него золотистые, а реснушки блестящие. И глаза очень хорошие, светлые и добрые.

Ну, все ясно. Просто Костик раньше не понимал до конца, что и Борька такой же, как те с винтовками.

И, не зная, что хорошего сделать для Борьки, Костик спросил:

— Хочешь, я подарю тебе мой автомат?

Борька взял оружие, взвесил на руке.

— Хороший... Да нет, Костик, не надо. Я, если надо, могу на комбинате хоть пулемет выстрогать... А ты сам его делал?

— Сам... Только банку не сам приколачивал. Ее Володя прибил. Знаешь его?

— Ленинградец? Знаю,— сказал Борька.— Хороший парень.

Воскресенье было теплым, шел липкий снег. Костик с утра строил у забора блиндаж. Вырыл в сугробе яму, окружил ее стен-

кой из снежных кирпичей и выбрался наружу, чтобы придумать, как сделать крышу.

Тут он увидел Володю. Володя стоял посреди двора и, видно, не знал, чем заняться.

— Эй, здорово! — крикнул Костик. — Айда играть!

Володя подошел:

— Здравствуй... А как играть? Ты что построил?

— А хоть что! Можно, чтобы это штаб был, а можно, чтобы землянка у партизан.

— Это похоже на убежище, — серьезно сказал Володя. — Давай играть в воздушную тревогу.

— Давай!

Володя ухватил в каждую варежку по снежному комку (это были бомбы), раскинул руки и загудел, как «юнкерс». Двинулся по широкому кругу, чтобы зайти Костику в тыл.

Не на такого напал!

Костик моментально слепил тугой снежок.

— Батарея, огонь! Б-бах!

Снежок попал Володе в подбородок. «Бомбардировщик» прервал полет и уронил бомбы. Володя взялся за лицо, постоял несколько секунд и тихо сказал:

— Ты совсем глупый. Когда бывает воздушный налет, население не кричит «бах», а прячется в щели и убежища.

— А я не население! Я зенитная батарея!

Володя помолчал, вытер варежкой лицо и вдруг улыбнулся:

— Ну, ладно. Я ведь не знал, что ты зенитная батарея... Подожди, сейчас одну штуку принесу. Бомбы сделаем.

Он, значит, не обиделся. Он сходил домой и принес три капсуля от охотничьих патронов — крошечные медные чашечки с зеркальцами внутри. Если капсуль залепить хлебным мякишем, да нацепить на ручку с пером, да стукнуть о что-нибудь твердое, знаете, как трахает! Костик и Володя так и сделали: они превратились в советские самолеты и сбросили три бомбы на немецкие танки, которые расположились на крыльце.

— Во грохает! — радостно сказал Костик. — Как настоящая бомба! Ага?

Но Володя ответил тихо и серьезно:

— Что ты. Настоящая как даст — сразу целого дома нет.

— Ты видел? — спросил Костик.

— Еще бы...

...«Еще бы»,— сказал он, и Костик отчетливо понял, что для Володи война совсем не игра. Володя видел сам, как рассыпаются от бомб дома. На самом деле, а не в кино. Они ведь по правде рассыпаются. И люди гибнут. И большие и маленькие.

А зачем?

Ну что им, этим гадам-фашистам, надо? Ну чего они полезли?!

И ощущение злой беспомощности так резануло Костика, что он даже зажмурился.

Это уже не первый раз. Такую же злость и бессилие почувствовал Костик, когда папа приехал в отпуск и показал ему свой лейтенантский погон, распоротый пулей.

А если бы чуть в сторону? Значит, пуля в голову или в сердце? И война словно в упор посмотрела на Костика.

Костик пришел домой и стал придумывать бомбу. Такую громадную и сильную, чтобы немцы в ужасе бежали до самого Берлина после первого же взрыва. Он хотел начинить ее маленькими бомбочками, чтобы они разлетались во все стороны и взрывались в самой гуще фашистов. На старых газетах он сделал несколько чертежей и решил послать их Калинин. Только надо их перечертить на чистый лист. Костик попросил бумаги у Зины. А она сказала:

— Ну, Костик, ну какой ты конструктор? Лучшие ученые в Советском Союзе изобретают самые сильные бомбы и танки. Они уж как-нибудь справятся. А ты бы лучше примеры решал по арифметике.

Костик рассердился и порвал чертежи.

Вот если бы посоветоваться с Борькой!

Но Борьки нет дома. Он на фанерном комбинате. Он туда почти каждый день ходит: их класс организовал фронтовую бригаду. Все мальчишки и даже девчонки сколачивают деревянные ящики, будто для посылок бойцам. Но Костик знает, что ни для каких не для посылок. Борька однажды под страшным секретом рассказал Костику, что эти ящики — корпуса для мин. В них кладут взрывчатку, а потом эти штуки подсовывают под немецкие танки. Как рванет — от танка только брызги во все стороны.

— Понял? — суровым шепотом спросил Борька.

— Понял, — тоже шепотом ответил Костик и оглянулся.

— Но если хоть кому-нибудь разболтаешь, будешь самый паршивый предатель, хуже всякого шпиона.

— Ни-ко-му,— сказал Костик. И спросил:— А мне можно с вами?

— Пока нельзя. Надо подрасти.

Спорить бесполезно. Где ему, Костику, до Борьки! Тот вон какой: большой, сильный, в настоящей командирской гимнастерке, только немного перешитой. Заместитель командира бригады. И два пальца перевязаны бинтом—ударил на работе молотком. Это почти настоящая боевая рана.

Пришел Новый год, 1944-й. Мама принесла елочку. Маленькую елочку, Костику до плеча, но пушистую, аккуратненькую. Из корочек старых Зининых тетрадей Костик склеил флажки и цепи. Тетрадки были еще довоенные, с разноцветными обложками—желтыми, розовыми, голубыми, зеленоватыми и коричневатыми.

Получилось красиво. И кроме того, сохранились настоящие елочные игрушки: несколько стеклянных шариков, два серебристых картонных дирижабля, ватный заяц с лыжами и одним ухом и звезда из тонкой золотистой бахромы.

Звезду Костик посадил на верхушку. Получилось здорово.

Ни свечек, ни цветных лампочек, конечно, не было. Но Костик отыскал в своем имуществе лампочку от автомобильной фары и двумя тонкими проводками подключил к розетке репродуктора. Как это сделать, ему Борька рассказал. Когда радио работало, волосок лампочки наливался светом. Если громкая музыка—разгорался ярко, если разговор какой-нибудь—тлел, как уголек в догорающей печке. Костик повесил эту лампочку в самой гуще еловых веток, и она светила, будто сказочный огонек в лесу.

Вечером к Зине пришли гости: две ее бывшие одноклассницы, какой-то парень с завода и курсант из пехотного училища Сережа Казанчук.

Все смотрели на лампочку-уголек и хвалили Костика. А Зинка подхватила его, посадила на колени и весело сказала:

— Он у нас изобретатель. Недавно хотел бомбу придумать. Немножко не получилось, а то бы всем фашистам сразу капут. Верно, Костик?

— Да ладно, хватит языком чесать,— проворчал Костик и слез с колен.

Все засмеялись, только Казанчук не засмеялся. Он сказал очень серьезно:

— Ничего смешного. Человек для фронта старался.

И все тоже сделались серьезными. Может быть, стало неловко перед Костиком, а может быть, вспомнили, что скоро Сережа Казанчук уезжает на фронт...

На следующий день в клубе железнодорожников состоялся новогодний утренник. Его устраивал для детей фронтовиков женский совет военкомата (сокращенно — «женсовет»). Костик на утренник не пошел: прохудились валенки. А мама пошла. Она состояла в женсовете и должна была встречать ребят в клубе.

Вернулась мама под вечер. Принесла Костику подарок: бумажный кулек со слипшимися карамельками, тремя пряниками и горсточкой печенья. Точнее говоря, она принесла два кулька, и Костик ревниво спросил:

— А этот кому? Зинке?

— Что ты, — сказала мама. — Она же большая. Это для Володи. Ну, ты знаешь, тот мальчик-ленинградец. Он болеет, и меня попросили передать подарок. Отнесешь ему?

— Угу, — сказал Костик.

Володя жил в соседнем большом доме, на третьем этаже. Костик знал, что в шестой квартире, но никогда там не бывал. Интересно, есть ли у Володи елка; правда ли, что у него на столе стоит самодельный крейсер — маленький, но как настоящий; и действительно ли висит на стене портрет Володиного отца, морского летчика? Про крейсер и портрет рассказывал Борька, он к Володе несколько раз приходил.

Костик запахнул пальтишко, промчался через двор, затопал вверх по лестнице и, наконец, постучал в обитую клеенкой дверь.

Долго не открывали. Тускло горела у потолка лампочка, пахло керосином, и холодно было, как на улице. Костик потоптался и постучал снова. Тут дверь открылась.

Ее отворила высокая женщина со строгим лицом, с шерстяным платком на плечах.

— Ты к кому, мальчик?

— Володя дома? — спросил Костик, слегка оробев: женщина походила на учительницу.

— Ты пришел поиграть? К Володе сейчас нельзя, он болеет.

— Я не играть. Я вот... — Костик протянул кулек.

— Что это?

— Подарок. От военкомата.

— А-а... — Женщина чуть улыбнулась. — Спасибо.

— Пожалуйста,— сказал Костик и почему-то слегка обиделся.— До свиданья.

— Подожди. Тебя, кажется, зовут Костя? Приходи к нам как-нибудь потом. Может быть, Володе станет лучше. Хорошо?

— Приду,— сказал Костик и сразу перестал обижаться.— Он поправится, и я приду.

Но Володя не поправился. В марте он умер.

Двор притих. Ребята с тревогой и смутным страхом поглядывали на крайнее окно третьего этажа. Там в маленькой комнате случилось непоправимое и непонятное. Такой солнечный день, с крыш побежало, и лужи сверкали изо всех сил, а он умер.

Вообще-то смерть была не в новинку, но люди умирали где-то далеко, от осколков и пуль, а сюда только приходили по почте серые бумажки с напечатанными буквами. И каждый раз сквозь горе пробивалась крохотная надежда: вдруг это ошибка?

А сейчас — никакой надежды...

Володя был такой же, как все мальчишки. Ему бы сейчас кораблики мастерить и радоваться близким каникулам. Он же не какой-нибудь старик. И не солдат. При чем же здесь смерть?

— Почему он умер? — спросил Костик у Борьки. Борька не ответил. Они стояли на крыльце, и Борька хмуро смотрел, как две женщины в ватниках вносят в подъезд большого дома красный гроб. Этот гроб привезли на телеге, и маленькая брюхатая лошадь терпеливо ждала у ворот, когда люди управятся со своим непонятным делом.

Костик не хотел смотреть на гроб. Он стал смотреть на свои разбитые, дырявые ботинки. И настойчиво повторил:

— Почему он умер?

— Не смог поправиться, вот и умер,— неохотно сказал Борька.

— А какая у него болезнь?

— Я ведь не врач, откуда я знаю. Что-то отбило, наверно, у него внутри, когда с крыши сбросило...

— С крыши?

— Ты, что ли, ничего не знаешь? — с досадливым удивлением спросил Борька.— Его в Ленинграде сбросило с крыши взрывной волной, когда он зажигалки тушил.

Костику почему-то представилось, как фашисты в касках со свастикой скрытно ползают по ленинградским чердакам и рассовывают по углам зажигалки с горящими фитилями. Зажигалки

такие же, как у курсанта Казанчука, который смастерил ее из трофейного немецкого патрона... А Володя пробирается следом за врагами и задувает огоньки.

Но конечно, все это не так... И Костик спросил:

— Какие это зажигалки?

— Ну, лопух,— беззлобно сказал Борька.— Неужели не знаешь? Которые немцы сбрасывают с самолетов, чтобы дома поджигать.

— Так бы и говорил, что зажигательные бомбы,— ловко вывернулся Костик.

Но Борька не ответил.

Костик думал о Володе.

«Значит, он не просто так умер. Он погиб из-за бомбы, когда тушил зажигалки. Его фашисты убили. Он — как солдат...»

— Говорят, он целых сто зажигалок потушил. А может, больше,— вдруг сказал Борька. И прозвучала в его голосе гордость. Будто и сам Борька гасил зажигалки. Будто он такой же, как Володя. Ну, а разве нет? Зажигательных бомб он не тушил, но зато делал корпуса для мин, и, может быть, уже не один гитлеровский танк вздрогнул и осел в дыму, напоровшись на Борькин ящик со взрывчаткой.

Володя и Борька состояли в одном отряде. Володя, оказывается, записан был в тот же класс, где учился Борька. Только в школу он ходил редко, болел все время...

— Борька,— сказал Костик тихо, но очень твердо.— Как мне записаться в пионеры?

И так же серьезно Борька ответил:

— Я подумаю. Это можно. Я давно на тебя смотрю, ты уже не маленький. Только надо тебе какое-то пионерское задание выполнить.

— Я хоть какое выполню. Можно, я буду с тобой ящики для мин сколачивать?

— Вообще-то я спрошу в цехе. Только мы пока не работаем. Гвоздей не хватает. Просто беда.

— Гвоздей всегда не хватает,— вздохнул Костик.

Володю хоронили через день. Гроб поставили на грузовик с опущенными и обтянутыми красным ситцем бортами. Машина выехала со двора и остановилась на дороге. Пришел оркестр — старшеклассники в одинаковых зеленых телогрейках, с трубами и

большим барабаном. И солнце сияло на помятых, но блестящих трубах так, будто никто не умирал, а, наоборот, был праздник. И желтые облака отражались в лужах, и весело шумели воробьи.

Кто-то плакал в толпе. Володино лицо было совсем как живое, только очень-очень спокойное.

Пришли ребята, Борькины одноклассники, с венком и пионерским знаменем, с которого свисала черная лента. И еще много незнакомых ребят. Какой-то мальчишка в шапке с полуоторванным ухом дернул Костика за рукав и шепотом спросил:

— Правда, что у этого пацана орден Красного Знамени?

— Правда,— сердито сказал Костик.

Оркестр играл почти без перерыва, и музыка была такая печальная, будто на свете не осталось совсем ничего хорошего.

Потом оркестр на минуту замолчал, и стало совсем тихо. Только со двора доносился стук. Это Иван Сергеич Протасов обивал опять фанерой свои дрова. Чтоб не растащили.

Знамя качнулось над людьми, двинулось в голову колонны, машина заурчала и тихонько поехала вдоль тротуара. Володина голова качнулась на белой подушке. Опять заиграли трубы — медленно и сурово. И Костик вдруг увидел, что люди на дороге — это уже не беспорядочная длинная толпа. Ребята и взрослые шли ровным, почти солдатским строем.

Опасаясь, что ему не найдется в этом строю места, Костик прыгнул с тротуара и хотел уже встать между незнакомой девчонкой и пятиклассником Владиком Солдатовым. Но откуда-то со стороны появился Борька. Он строго сказал:

— Ты с нами не ходи.

— Еще чего! Тебе можно, а мне нельзя?

Это просто нахальство какое-то! Нашел место, где распоряжаться! Раскомандовался!

— Тебе нельзя,— твердо сказал Борька.

— Я тебя, что ли, обязан спрашивать?

— Дурень,— совершенно по-взрослому сказал Борька.— Смотри, у тебя ботинки раскисли и ноги насквозь мокрые. А идти-то нам туда и обратно целых десять километров. По лужам.

— Тебе-то что...

— А то, что потом еще и тебя хоронить придется. Думаешь, я не слышу, как ты по ночам от кашля крутишься?

Много обидных слов мог сказать в ответ Костик. Можно, например, ответить, что Борьку ночью даже корабельными

пушками не разбудишь, не то что кашлем. Можно посоветовать, чтобы заботился не о чужих ногах, а о своей голове. Но все эти ответы перепутались у Костика, и он только сказал:

— Ты для меня не командир.

— Нет, командир,— сказал Борька.

— Ты?!— сердитым шепотом спросил Костик.— Думаешь, если заступался за меня, значит, командовать можешь? Все равно пойду, не указывай.

— Не пойдешь,— шепотом ответил Борька.— Если хочешь знать, я имею право командовать. Ты сам говорил, что собираешься в пионеры вступать.

— Ну и что?

— А я в совете дружины, вот что. Значит, ты должен подчиняться.

Можно было сказать, что он, Костик, еще не пионер и ничего еще не должен. Но Костик не сказал. Четкое воспоминание о шеренге мальчишек с винтовками заставило его промолчать. И когда Борька совсем не по-командирски попросил: «Останься, будь человеком», Костик тихо сказал:

— Есть.

И вышел из шеренги на тротуар.

Он стоял, а мимо проходили люди, и нескончаемую печальную мелодию повторял оркестр. И Костику представилось, что это уходит армия, а он оставлен для ее прикрытия.

Армия уходила, унося с собой убитого фашистами Володю, чтобы держаться до конца. И отомстить.

Но ведь Володя убит не понарошку, а всерьез. Это не игра. А если всерьез, то что мог сделать Костик?

Ну, как он мог отомстить не игрушечным, не из снега слепленным или нарисованным, а настоящим врагам?

Бомбу придумать не удалось, а больше он ничего не умел. И знакомое ощущение острой беспомощности опять кольнуло его.

Володя, пока мог, тушил зажигалки. Борька ящики для мин сколачивал, пока гвозди были... Пока были... Гвозди!

Их сейчас нет, и мина, которая должна взорвать немецкий танк, не взорвет его. А Протасов свежими, новенькими гвоздями прибывает к своим дровам фанеру!

Сколько надо гвоздей, чтобы склотить корпус для мины? Хотя бы один корпус? Может быть, именно эта мина попадет под

гусеницу «тигра» или «фердинанда», и стальное чудовище запыхает оранжевым огнем, бессильно уронит длинный орудийный ствол...

Протасов поймал Костика, когда он вытаскивал плоскогубцами двадцать седьмой гвоздь. Костик почувствовал, как тяжелая рука ухватила его воротник, и сжал в правой руке плоскогубцы, а в левой добычу.

— Змееныш...— с придыханием сказал Протасов. Лицо у него было даже не красное, а сиреневое.— Я все знаю, я давно вижу... Я в милицию...

Он потянул воротник, но Костик рванулся с такой яростной силой, что пальтишко затрещало, а Протасов качнулся и не выдержал, отпустил. Костик упал, но тут же вскочил, оттолкнувшись от мокрой земли сжатыми кулаками. Затем отступил на два шага, потому что Протасов опять потянулся к нему. Глядя в его лиловую физиономию, Костик сказал:

— Тыловая крыса.

— У-у-у!— тонко закричал Протасов и почему-то замахал руками. Костик побежал. Протасов кинулся следом, но сразу отстал. Костик обернулся, бросил в него плоскогубцами и выскочил со двора на улицу.

Он бежал по теплой и тихой вечерней улице, и прохожие удивленно оглядывались на него. Он бежал, сдержав закипающие слезы. Бежал, как бегут в атаку, когда все уже неважно и самое главное — бить врага наповал.

Он бежал и видел перед собой вражеский танк, охваченный ревушим пламенем. И никакие силы не заставили бы его разжать ладонь и отдать гвозди.

1971 г.

ОСТРОВ ПРИВИДЕНИЯ

Опять весна...

Кто-то говорил мне, что ранняя весна пахнет свежим разрезанным арбузом. А еще я слышал где-то красивые слова, что «весной оживают запахи проснувшихся ветров и веселого солнца». Не знаю. Может быть... Мне всегда казалось, что ранняя весна пахнет просто весной... Впрочем, сейчас я понимаю, что и это не «просто». В воздухе смешиваются запахи талого снега, сырых

деревянных заборов, черных проталин, где проклюнулись храбрые травинки. А еще — запахи тополиной коры, под которой толкнулись в жилках соки, и железных крыш, которые сбросили снеговые пласты и греют под солнцем свои поржавевшие спины...

А над крышами в ясном высоком небе идут пушистые, желтые от солнца, облака.

Когда я был маленький, мне казалось, что весна пахнет этими облаками. Если оттолкнуться новыми скрипучими ботинками от упругих досок деревянного тротуара, подпрыгнуть высоко-высоко, ухватить кусок похожего на легкую вату облака и уткнуться в него лицом — вот тогда-то и можно полностью надышаться влажным радостным запахом весны...

Сейчас мой дом в центре большого города, и весенние запахи пробиваются сюда еле-еле. Но я часто езжу к маме. Она живет на окраине, почти у самого леса, в деревянном двухэтажном доме. На старой тихой улице. Эта улица очень похожа на ту, где прошло мое детство. Даже высокий тополь недалеко от крыльца совсем такой же, как тот, что качал надо мной свои ветки в давние-давние годы.

И синие лужи — такие же.

И пушистые облака отражаются в них так же, как в далеком сорок шестом году. Только сам я... Когда я шагаю к маминому дому через лужи по обломкам кирпичей, снизу, из синего зеркала, на меня смотрит не семилетний пацаненок в мятой ушанке, телогрейке до колен и с потертой полевой сумкой через плечо. Смотрит здоровенный гражданин в драповом пальто и модной шапке — такой солидный, что глядеть тошно...

Ну, ладно, в конце концов, не в этом дело. Все равно, как и раньше, скачет по берегам луж самый главный и вечный на земле народ — мальчишки с легкими сосновыми корабликами. У мальчишек сейчас каникулы.

Я до сих пор люблю весенние каникулы, хотя они давно уже приносят не отдых, а массу хлопот. Это хорошие, веселые хлопоты. Начинается Неделя детской книги, и дома у меня то и дело трезвонит осипший телефон:

— Вы не забыли, что сегодня читательская конференция в районной библиотеке?

— Вы обещали прийти к нам в школу на утренник...

— Завтра у нас пионерский сбор, посвященный героям ваших книг...

По мартовским улицам я топаю к школе, библиотеке, Дому пионеров, клубу... Шагаю, попутно думая о делах и заботах. Щурясь от солнца, поглядываю по сторонам. И вдруг ахаю про себя: «Неужели это я иду на встречу с читателями. С моими читателями? Неужели там на библиотечных полках и стендах выставлены мои книжки? Я их написал? Столько лет прошло, а привыкнуть все еще не могу.

«Неужели и вправду случилось в жизни такое, о чем я думал в тот февральский вечер сорок шестого года?»

Черт возьми, значит, в самом деле случилось!

...Сейчас я шагну в зал или класс, к тем, кто читал мои рассказы и повести. Ребята будут напряженно смотреть на меня и ждать: что хорошего скажет им этот пожилой грузный дядька, которого библиотekarша и учителя усаживают за столик с приготовленным заранее букетиком и почтительно именуют «нашим дорогим земляком-писателем».

Мальчики и девочки ждут чего-то интересного. Они имеют на это право. Зря, что ли, они бросили игры среди теплых весенних дворов, не стали смотреть по телевизору «Приключения Электроника», не пошли в кино, отложили книжку Жюль Верна? Не так уж хочется посреди каникул идти в школу и сидеть на запланированном мероприятии. «А уж если пришли и сидим,— думают они,— то давайте...»

И каждый раз я чувствую себя немного виноватым. Тем более что начинать выступления до сих пор не научился.

Я говорю:

— Вот что, товарищи... Длинную речь мне заводить не хочется. Я ведь, по правде говоря, не знаю, что именно вы хотели бы услышать... Может быть, начнем с вопросов? Пусть каждый спрашивает о том, что ему интересно. Кто первый? Главное — начать...

Повисает растерянное молчание. Классные руководительницы укоризненно смотрят на меня и переглядываются: кажется, в ходе событий произошел непредвиденный сбой.

«Ой-ёй...» — говорю я про себя и приподнимаюсь за шатким столиком (букетик падает).

— Ну что же вы, ребята? — страдальчески произносит девушка-библиотекаршa и глазами беспомощного гипнотизера смотрит на оробелых читателей. — Вы же так готовились, так ждали...

Я, потупясь, разглядываю на столике рисунки и отзывы ребят. Иногда под отзывами поставлены красными чернилами оценки:

пятерки и (гораздо реже) четверки. Отзывы с тройками писателям, естественно, не показывают. А жаль. Там, несмотря на пропущенные буквы и запятые, наверно, немало интересного...

Наконец, при легком вздохе всеобщего облегчения, поднимается первая рука. И слышен первый вопрос. Иногда он звучит весело и даже озорно. Иногда — робко, после торопливого перешептывания с соседом. Порой — сбивчиво читается по бумажке, и автор его зябко шевелит плечами, ощущая неотрывный взгляд классного руководителя. Ничего, на первый раз годится и так. Сейчас я отвечу, потом сам спрошу о чем-нибудь, и разговор закрутится, как в веселом механизме, где одна шестеренка цепляется за другую. Руки начнут подниматься бойко и часто, вопросы пойдут — успевай только отвечать.

И наконец кто-нибудь обязательно скажет:

— Расскажите, как вы написали свою первую книгу!

Когда-то я ждал этого вопроса с удовольствием. Потом насто-роженно. Приходилось каждый раз говорить: «Вы уж не обижай-тесь, если слышали про это раньше. Возможно, кое с кем из вас мы встречаемся не впервые, а вопрос такой задают обязательно — вот и приходится рассказывать одну и ту же историю».

Наконец я стал бояться этого вопроса: ужасно неловко чувст-вовать себя гастролером, который выступает с одним и тем же номером. Я пробовал что-то мямлить в ответ, отделяваться короткими фразами, но слушатели требовали подробностей. Я опять извинялся и запускал старую пластинку.

Но однажды далеко-далеко от моего дома, в Гурзуфе, моло-денькая учительница с улыбкой призналась, что слышит мое повествование четвертый раз. Сначала она выслушала его, когда еще была школьницей и жила на Урале, затем — когда училась в пединституте (я выступал там перед студентами), потом — когда в одной из сельских школ заменяла на практике учительницу... Мне захотелось немедленно скрыться в глубинах ласкового Черного моря и не всплывать до тех пор, пока нынешнее молодое поколе-ние не уйдет на пенсию. Но это было невозможно. И тогда я решил, что пора кончать.

Выход был один: поскорее написать про свою первую книжку рассказ и напечатать в газете или журнале. Тогда пускай спраши-вают! Я буду говорить: «Про это уже напечатано. Прочитайте, если интересно, там все-все рассказано».

Я так обрадовался этой мысли, что хотел сесть за работу в тот же день. Однако всякие срочные дела мешали... Но вот опять весна, близятся каникулы, и времени уже почти не осталось. Я берусь за карандаш. Пишу название...

Но даже сейчас у меня ощущение, будто я не сижу один за столом, а стою в классе, и на меня выжидательно смотрят сорок девочек и мальчишек. Рыжий пятиклассник, весело морща конопатую переносицу, спрашивает:

— А как вы написали свою первую книгу?

— Как я ее написал... Видишь ли, это длинная история.

— Вот и хорошо! Расскажите! — слышатся голоса.

— Разве вы еще не устали?

— Не-е-ет!!

«Вот черти...»

— Ну ладно... Прежде всего надо сказать, что в то время мне было чуть больше семи лет...

— У-у-у...

— Да. Именно так. Это случилось в феврале сорок шестого года.

...Хороший был год — первый мирный год после войны. Больше не надо было со страхом ждать: вдруг придет извещение, что кто-то из родных убит, ранен или пропал без вести. Но жизнь еще была нелегкая. Хлеб давали по карточкам, одежды не хватало, с дровами тоже случались перебои...

Мама, я и старшая сестра Людмила жили тогда в Тюмени, на заваленной сугробами улице Герцена, такой тихой, что по вечерам на много кварталов разносился скрип снега под полозьями саней и валенками редких прохожих...

Вечера случались хорошие и плохие. Хорошие — когда горят в печке дрова, на столе — каша или макароны, посыпанные сахарным песком; мама вовремя пришла с работы и сегодня больше никуда не уйдет; в тетрадках нет ни двоек, ни грозных записей Прасковьи Ивановны; уроки вроде бы сделаны (а еще лучше, если завтра воскресенье). Но самое главное — у меня есть хорошая книжка!

Если книжки не было, никакой вечер не мог считаться полностью хорошим. Я в то время читал, как говорится, напропалую. Добывал книжки где только можно: брал в детской библиотеке на углу улиц Ленина и Челюскинцев, выпрашивал у знакомых,

выменивал «на срок» у ребят («Я тебе насовсем пистолет с резиной, а ты мне на три дня эту книжечку. Идет?»). Больше всего мне нравились потрепанные томики детиздатовской «Библиотеки приключений» — маленькие, пухлые, в потертых коленкорových переплетах, которые украшала узорчатая рамка со следами облезлой позолоты.

Какие это были книги! «Таинственный остров», «Аэлита», «Плутония», «Белый клык», «Всадник без головы»...

На первой странице каждой книжки я всегда видел маленький значок со словом «Детиздат»: сидящего мальчика, который положил на поднятые колени книгу и, видимо, с головой ушел в мир бурь и приключений. Мне казалось, что этот мальчик похож на меня. По крайней мере, мы были друзьями...

Не всегда мне везло. Случалось, что я оставался совсем без книг: прежние прочитал и отдал, новых раздобыть не удалось. И вот однажды...

Вечер без книжки был унылым. Тем более что мама все не возвращалась, Людмила за что-то на меня ворчала, электричество не горело, а желтый свет керосиновой лампы делал комнату тесной и печальной.

Дрова в печке, однако, горели. Я сидел у приоткрытой дверцы и почти сердито думал о писателях. Что они за люди? Откуда у них такая сила, что могут они заставить человека забыть про все на свете? Про то, что хочется есть, про уроки, про боль в распухших от холода пятках. Даже про то, что мамы все еще нет дома, а на улицах, говорят, хозяйничает по вечерам банда «Черная кошка» (эти бандиты не только грабят, но еще страшно мяукают и царапают людей громадными железными когтями)...

«Как человек придумывает книгу, от которой не оторвешься?» — это была, кажется, первая четкая мысль в цепочке моих рассуждений.

А вторая:

«Наверно, писать такую книгу еще интереснее, чем читать...»

И третья:

«А если так, не попробовать ли самому?»

Я даже задержал дыхание — такой неожиданной и блестящей была идея.

Но почти сразу я спросил себя:

«Разве ты писатель?»

А может быть, это спросил не я, а тот мальчик с детиздатов-

ского значка? Он вспомнился — будто поднял от книжки голову и взглянул внимательными темными глазами. Без насмешки, но недоверчиво.

Я немного смутился, но сказал:

«А что? Сперва никто не писатель, пока не написал книжку. А если написал, тогда уж... вот... Вдруг я когда-нибудь тоже?..»

«Ты же маленький».

«Но я только попробую... маленькую... Ладно?»

Он улыбнулся и сказал мне:

«Ладно. Давай».

Когда человеку семь лет, у него решительный характер. Я вскочил и сразу взялся за дело...

Обычно здесь я прерываю рассказ и спрашиваю ребят:

— Как по-вашему, что надо, чтобы написать книгу?

Нынешние школьники не лыком шиты! Аккуратная строгая девочка в белом переднике поднимает руку и говорит:

— Надо знать жизнь.

Мальчик с первой парты что-то шепчет соседу и потом сообщает:

— Надо заранее изучить материалы и составить план... Подробный.

Даже конопатый мальчишка — тот, что задал коварный вопрос о первой книге, — произносит с ужасно серьезным видом:

— Надо лучше выучить русский язык. — Он хитро косится в сторону учительницы, а та одобрительно кивает.

Я вздыхаю.

— Правильно, — говорю я. — Вы молодцы. И мне сейчас неловко за себя. Потому что в тот далекий зимний вечер я не смотрел на дело так серьезно и глубоко. Мне казалось, что для работы над книгой нужны две вещи: бумага и карандаш. (Чернила не годились: они напоминали об уроках и гасили вдохновение.)

Карандаш у меня был. Даже карандаши. Цветные. Шесть штук в коробке с надписью «Спартак». Мама положила их под елку в новогоднюю ночь. Где мама взяла такую редкость, я так и не узнал. Она утверждала, что это подарок Деда Мороза. Но я на восьмом году жизни верил в Деда Мороза не больше, чем в то, что когда-нибудь стану отличником.

Я заново отточил кухонным ножом красный и черный карандаши. Красным я выведу название и первую заглавную букву —

как в старинных книгах. А черным стану писать весь роман. Я сразу решил, что это будет роман — с морскими приключениями, пиратами и сокровищами.

Итак, у меня было чем писать. А на чем?

С бумагой было туго. Чистые тетрадки выдавали нам в школе по строгому счету. Их не хватало. Часто приходилось писать на всяких случайных листках, на обороте старых документов, а задачки мы иногда решали даже на газетах.

Я подумал, что если газеты годятся для школьных занятий, то сойдут и здесь. Тем более что другого выхода не было.

Старые газеты мы припасали для растопки и хранили в углу за этажеркой. Я их вытащил оттуда под негодующие крики старшей сестрицы. Скобками из медной проволоки я сшил тетрадку размером в одну восьмую газетной страницы — так, чтобы писать поперек печатных строчек.

Потом встал коленями на стул, подвинул тетрадку к лампе, сердито оглянувшись на Людмилу — чтобы не подглядывала — и вывел название:

ОСТРОВ ПРИВИДЕНИЯ.

С чего начинаются главные приключения почти во всех классических морских романах? Конечно, с бури. Вспомните «Робинзона», «Пятнадцатилетнего капитана», «Гулливера»... Я не хотел отступать от правил. Я написал: *«Буря была ужасная...»*

Отчетливо помню большую красную букву Б в начале строки. И эту черную неровную строку с первыми словами моего «романа» (она дерзко пересекла цепочки мелкого газетного шрифта). И разлапистое Т, совершенно ненужное в слове «ужасная» (про это мне потом сказала мама).

Вторая строчка рассказывала, что «волны были, как десятиэтажный дом».

В ту пору я ни разу не видел десятиэтажных домов. Самые большие здания в Тюмени тогда были высотой в четыре этажа. Но эта высота казалась мне совершенно недостаточной, чтобы изобразить гороподобные волны «ужасной» бури.

«Ветер выл, как тысяча змеев-горынычей и дул сразу со всех сторон...»

Поразив будущих читателей картиной небывалого урагана, я приступил к изложению событий.

События заключались вот в чем.

Среди бушующих десятиэтажных волн беспомощно болталось судно с поломанными мачтами, изодранными парусами и разбитым рулем. Это была пиратская шхуна «Черная макарона» (до сих пор горжусь так славно придуманным названием). Почти всю команду смыли ревущие гребни, и осталось там лишь три человека: матрос Боб Рыбка, боцман Пушкадёр и капитан Джон Кривая Нога. Они то плакали, то молились, то ругали бурю страшными «пиратскими» словами. В трюме открылась течь, и надежды на спасение не было.

Однако я понимал, что, если пираты потонут, роман придется кончать в самом начале. И поскольку в своей книжке я был хозяин, то с помощью громадной волны швырнул несчастную «Макарону» на скалы у небольшого острова.

Шхуна булькнула и пошла на дно, а пиратов море милостиво выбросило на берег.

Буря сразу выключилась, так как больше была не нужна. Небо очистилось. Море стало гладким. Засияло солнышко. Пираты пришли в себя на белом песчаном пляже...

Скоро Джон Кривая Нога, Пушкадер и Боб Рыбка разобрались в обстановке. Они поняли, что судьба (то есть автор) забросила их на необитаемый остров. Сначала они крепко изругали судьбу (про автора им ничего не было известно), а потом сообразили, что дело не так уж плохо: лучше сидеть здесь, чем кормить рыб на дне океана.

— Ничего,— сказал капитан Джон.— Клянусь моей кривой ногой, мы еще проживем. Отдохнем здесь от приключений, а потом нас увидят с какого-нибудь корабля. Скажем, что мы (ха-ха-ха!) честные матросы с разбившегося судна, и нас отвезут на большую землю. А там мы начнем все снова.

— Да здравствует капитан! — крикнул Пушкадер.

А Боб Рыбка тихонько проговорил:

— Только очень хочется кушать...

Пиратам повезло. Конечно, необитаемый остров — не дом отдыха, но жить здесь было можно. Росли кокосы, водились на берегу вкусные крабы и черепахи. Если не лениться, с голоду не помрешь.

Из пальмовых листьев пираты построили шалаш, из крабов сварили похлебку (в большой раковине). В другой раковине — плоской, как сковородка,— приготовили омлет из черепаховых

яиц. После сытной еды они сидели у маленького костра и лениво разговаривали. Тут наступил вечер, а за ним красивая тропическая ночь...

Не помню, как я описывал эту ночь, но представлял я ее очень ясно. И сейчас представляю.

Над морем и островом висело темно-зеленое небо с громадной луной. Луна была похожа на медный начищенный таз. Пальмы казались черными. И кусты, обступившие поляну с шалашом и костром, были черные. Над кустами летали светлячки. Пламя костра освещало довольные пиратские лица.

— Клянусь моей кривой ногой, здесь не так уж плохо,— проворчал капитан Джон.

— Вы абсолютно правы, капитан! — с энтузиазмом воскликнул боцман Пушкадер.

— Довольно уютно...— согласился Боб Рыбка и почему-то вздохнул.

Они еще ничего не знали...

Они не знали ужасного сюрприза, который подготовил им автор!

Дело в том, что остров был не совсем необитаемый. С давних-давних пор здесь

ЖЫЛО-БЫЛО ПРИВИДЕНИЕ...

Откуда оно тут появилось, Привидение и само не помнило. Скорее всего, какой-то сильный ураган подцепил его на дворе старинного рыцарского замка и ради шутки занес на этот остров.

Привидение очень тосковало в одиночестве. Всем известно, какая задача у привидений — кого-нибудь пугать. А кого можно пугать на необитаемом острове? Крабов? Черепах? Птичек? Но эти существа, в отличие от людей, совершенно не боятся нечистой силы.

Привидение по своей натуре было трудолюбивым и общительным. Оно томилось без работы и боялось потерять квалификацию. И вот впервые за много столетий наступил для него радостный день. Вернее, ночь, потому что все привидения трудятся в ночную смену.

После захода солнца Привидение почистило обветшалый саван, немножко порепетировало в своей пещере полузабытые «пугательные» приемы, потом определило по звездам, что уже полночь, и вышло на работу.

...Боб Рыбка первый увидел, как над черными кустами тихо всплыл кто-то непонятный, с большущими горящими глазами и в длинном светлом балахоне.

— Я... ик... ик,— сказал Боб.— Мама... Я больше не буду.

Здесь я всегда делаю отступление и говорю:

— Вы должны понять Боба, Джона и Пушкадера. Они были необразованные, верили во всяких там чертей, ведьм и привидения... Конечно, вы люди современные, и на их месте ничуть не испугались бы, потому что привидений нет и быть не может, но эти несчастные пираты...

Среди слушателей раздается нервное хихиканье, а иногда и открытый смех. И я начинаю догадываться, что даже среди образованных и смелых пятиклассников есть люди, которые почувствовали бы себя немного неуютно там, на ночной поляне...

Тем более что Привидение старалось вовсю! Оно, как сумасшедшее, носилось вокруг поляны и выло, будто стая пикирующих бомбардировщиков. Потом оно останавливалось, печально подымало к луне прозрачные руки и унылым басом говорило непонятные заклинания.

Пираты лежали, уткнувшись носом в песок, и наперебой каялись в грехах. Они думали, что Привидение собирается взять их за шиворот и утащить прямехонько в ад.

— Клянусь кривой ногой, я брошу пиратское ремесло! — восклицал капитан Джон и посыпал песком голову.

— Совершенно верно, капитан! — вторил Пушкадер. — Я тоже клянусь! — И он стучался лбом о пустой черепаховый панцирь.

— А я вообще! — жалобно причитал Боб Рыбка. — Я давно собирался!.. Я хотел поступить в садовники и выращивать анютины глазки! Это мой любимый цветок!

— Уавы-ахшм-бамухших-х-х-х,— отвечало Привидение и, нечеловечески усмехаясь, опять начинало облет поляны...

Так продолжалось, пока звезды не показали четыре часа полуночи. Тогда Привидение, довольное проделанной работой, отправилось на отдых, а обалделые от ужаса пираты до восхода лежали на песке и тихонько стонали.

При свете дня они слегка пришли в себя и, вздрагивая, стали обсуждать ночное происшествие. Капитан Джон еще раз поклялся

своей ногой, что бросит пиратское ремесло и начнет честную жизнь. Пушкадер и Рыбка его, разумеется, поддержали.

Боязливо оглядываясь, бывшие пираты сделали зарядку и занялись дневными трудами.

День прошел без всяких страхов, но к вечеру Джон, Пушкадер и Рыбка опасливо съежились у костра. И не зря. Изголодавшееся по работе Привидение не собиралось так легко оставлять несчастных робинзонов. Вторая ночь оказалась для них полна тех же ужасов...

И третья ночь...

И четвертая...

И пятая...

Но у человеческого характера есть неплохое свойство: постепенно он привыкает к самым большим страхам. Особенно если страхи эти одни и те же, однообразные. И на шестую ночь бывшие пираты уже не вздрагивали, не причитали и даже с любопытством смотрели, как Привидение старается нагнать на них прежний трепет.

Тут, посередине длинного рассказа, я обычно останавливаюсь, чтобы глотнуть водички и прочистить горло. И несколько голосов обычно говорят:

— А дальше?

— Дальше... Привидение тоже чувствовало, что прежней радости уже нет. Люди почти перестали бояться. Теперь пугай не пугай, а толку не будет. А что еще может сделать привидение? Оно состоит вроде бы как из тумана и серьезного вреда причинить человеку не в состоянии... Кстати, если встретитесь с привидениями, имейте это в виду... Ну конечно, не бывает, это я так, на всякий случай...

Ну, а дальше было вот что...

Днем Джон Кривая Нога посоветовался с товарищами, а ночью (это была уже седьмая ночь) он дождался, когда Привидение всплыло над кустами, и сказал:

— Слушай, парень... ты какой-то странный, ей-богу. Все ходишь в сторонке, разговариваешь не по-нашему... Ты подходи, не стесняйся. У нас вот похлебка еще осталась... На одном острове живем, пора уж познакомиться.

Привидение неподвижно повисло в воздухе и задумалось.

С одной стороны, вроде не полагается привидениям заводить близкое знакомство с людьми... а с другой стороны, что еще делать-то?

Оно влетело в круг света и тихо присело на большую шляпу капитана Джона, которая лежала недалеко от костра. Смущенно покашляло и сказало:

— Вообще-то вы правы... Да... Здравствуйте.

Они познакомились и разговорились. Рассказали друг другу про свое житье-бытье. Привидение стало почти каждый вечер прилетать к новым знакомым на огонек, а иногда заглядывало и днем. Бывшие пираты всегда радовались. Привидение оказалось разговорчивым (намолчалось за века). Оно знало множество старинных легенд и охотно их рассказывало. А Джон, Пушкадер и Рыбка иногда пели Привидению морские песни (Пушкадер басом, Джон средним голосом, а Боб Рыбка тонко и нежно).

В общем, заброшенные на остров люди и одинокий призрак все больше нравились друг другу. Однажды Привидение сказало:

— Вот что, ребята... Я смотрю, люди вы неплохие. Сами говорите, что в пираты пошли не по злобе, а от скудной жизни. Бедняков не обижали, а если когда приходилось палить из пушек и махать кортиками, то что поделаешь — такая ваша была пиратская профессия...

Джон и Пушкадер завздыхали и закивали, а Боб Рыбка напомнил:

— К тому же мы теперь совсем перевоспитались...

— Вот и хорошо,— сказало Привидение.— Поэтому я хочу открыть вам одну тайну... Видите ту кривую пальму?

— Видим,— взволнованно выдохнули бывшие пираты.

— Если там, куда в полдень упадет тень от верхушки, вы станете копать яму, найдете сокровище.

Услыхав такие слова, капитан Джон, боцман Пушкадер и матрос Боб Рыбка кинулись к пальме, потому что солнце стояло в зените — был как раз полдень. Ржавыми абордажными саблями, которые они не потеряли даже при крушении, бывшие пираты начали рыхлить и разгребать землю.

И они нашли сокровище!

Это был полусгнивший сундук, полный золотых монет, всяких драгоценностей и старинного оружия. Когда сундук вытащили, он тут же рассыпался на досочки.

Тут в капитане, боцмане и матросе проснулись прежние пиратские привычки. Пушкадер упал на кучу золота и стал загребать сокровище к себе.

— Прочь руки! — заорал Джон Кривая Нога. — По закону половина добычи принадлежит капитану! — Он схватил старинный пистолет и щелкнул курком. — Всех перестреляю!

Пистолет был, конечно, незаряженный, и капитан стукнул Пушкадера по шее рукояткой. Начался шумный дележ, который очень был похож на обыкновенную драку. Наконец Боб Рыбка (которому в этом дележе досталось всего несколько монеток) воскликнул:

— Как же нам не стыдно! Так ведем себя при посторонних! А ведь мы говорили, что перевоспитались!

И всем стало стыдно, потому что Привидение маячило неподалеку и укоризненно поглядывало на драчунов.

Капитан Джон поднялся с груды сокровищ, выплюнул четыре золотых дублона, вытряхнул из уха крупный алмаз и сказал:

— Мы это... просто так. Поиграли. Клянусь моей кривой ногой, это была просто шутка.

— Совершенно верно, капитан, — сказал Пушкадер. Сел на травку и высыпал из широкого сапога с отворотами драгоценные камни. — Давайте все в общую кучу... У вас, капитан, вон в том кармане, кажется, случайно еще с десяток монет...

— Будем делить честно, — предложил Боб Рыбка. — На четыре части.

— Почему на четыре? — удивились капитан и боцман. — Нас трое!

— А ему... — Боб украдкой кивнул в сторону Привидения.

Джон и Пушкадер засмутились и согласились.

Но когда разделили сокровище, Привидение расхохоталось.

Оно сказала, что золото и алмазы ценятся только у людей, а для привидений они — тьфу! Все равно что песок. Так что пускай трое друзей все забирают себе. Бывшие пираты, конечно, не спорили — поделили на три части и долю Привидения.

Потом, тяжело дыша, каждый сел рядом со своим богатством. И Боб Рыбка печально сказал:

— Ну и что дальше? Зачем нам эти сокровища? Здесь не купишь на них даже пирожок с морковкой.

— Да! Пора решаться! — воскликнул капитан Джон (и, конечно, поклялся ногой).

— Правильно, капитан! — гаркнул боцман.

А Боб Рыбка тихонько вздохнул.

И они решились на то, на что раньше решиться никак не могли: из пальмовых стволов соорудили плот с мачтой, из рубашек и штанов сшили парус и с попутным ветром поплыли через океан.

А Привидение, чтобы не скучало, они взяли с собой...

Я был полным хозяином в своем романе и сделал так, что плавание протекало вполне благополучно, при тихой и теплой погоде. Тяжело нагруженный золотом плот приплыл прямо в тот город, где Джон, Пушкадер и Боб когда-то были маленькими и ходили в школу.

Теперь бывшим пиратам больше не надо было заниматься разбоем. На свои сокровища каждый купил себе корабль и сделался настоящим капитаном. Стал возить грузы и пассажиров. А Привидение поселилось на берегу, в развалинах старого маяка. Всем известно, что развалины для привидений — все равно что для человека дом со всеми удобствами. Скоро в городе стало известно, что в башне разрушенного маяка завелась нечистая сила. На маяк потянулись толпы туристов. Стали приезжать из других городов и даже из других стран. Привидение работало изо всех сил: летало по темным коридорам, сверкало глазами и выло на разные голоса. Губернатор потирал руки: деньги от туристов текли в городскую казну рекой... Правда, в конце концов Привидение переутомилось и потребовало у губернатора два выходных в неделю. Тот, конечно, согласился...

Когда капитан Джон Кривая Нога, Пушкадер и Боб Рыбка приплывали в родной город, Привидение являлось к ним в гости. Они вчетвером сидели в кают-компании и вспоминали свои приключения на необитаемом острове.

Так заканчивалась моя первая в жизни книжка.

Получилась она довольно тонкая: семь или восемь страничек. И скорее всего, события, которые я только что изложил, были описаны в ней не так подробно. Ведь потом я эту историю рассказывал множество раз, она обрастала деталями и, наверно, даже кое в чем изменялась. Но думаю, что я все же довольно точно передаю содержание того давнего «романа».

Писал я его пять вечеров подряд. И никому не объяснял, чем занят. Ложился грудью на тетрадку, если кто-то пытался заглянуть мне через плечо. Маме неловко говорил:

— Ну потом... Потом покажу.

А старшей сестрице предлагал идти подальше и заняться своими делами.

— Учил бы лучше уроки,— говорила Людмила.

На эти глупые слова я не реагировал и снова окунался в таинственные события на острове.

Наконец «Остров Привидения» был закончен. Я поставил красивую большую точку, облегченно вздохнул и сел перечитывать свое творение.

И оказалось, что читать мне совсем не интересно. Не потому, что плохо написано. Просто мне все уже было известно. Тогда я понял еще одну простую вещь: писатель пишет книги не для себя. Ему нужны читатели!

Ни мамы, ни даже Людмилы дома не было. Дядя Боря, живший рядом, в проходной комнате, уехал в командировку. Самый близкий читатель находился за шаткой дощатой стенкой, которая отделяла нашу квартиру от соседской. Там жил со своей матерью и старшим братом четвероклассник Лешка Шалимов.

В то время это был тощий, стриженный под машинку парнишка в обвисшем свитере, латаных штанах и подшитых огромных, как ведра, валенках.

Впрочем, такие признаки годились почти для всякого мальчишки тех лет. Упитанностью никто не страдал, заплаты и подшитые валенки были тоже обычным явлением, а стригли под машинку всех поголовно. Даже еле заметная челочка, жалко торчащая над лбом, вызывала праведный гнев учителей и завучей... С той поры школьники многого добились: теперь их нелегко заставить остричь локоны, висящие ниже ушей. Но педагоги не поднимают белый флаг и продолжают упорную борьбу за «короткие прически». Видно, им сняты давние сороковые годы и ровные ряды голых макушек. Судя по всему, они (педагоги, а не макушки) уверены, что в одинаково стриженных головах никогда не возникнет разнообразных и опасных идей, грозящих срывами уроков и падением графика успеваемости.

Увы, по собственному опыту знаю, что это не так. В наших «черепушках», украшенных строгими прическами «под ноль», мысли бродили всякие. Очень разные. Лешке, например, за день до описываемых событий пришла мысль притащить в класс будильник и включить посреди урока звонок. Стриженные полчища с радостным воем кинулись в коридор: думали, что уже

перемена. Вечером я слышал через стенку, как Лешкина мать громко причитала и обещала разбить ни в чем не виноватый будильник о башку беспутного сына. А брат-студент непедagogично хохотал...

Лешка был по натуре скептиком. Он смотрел на окружающее с иронической ухмылкой. Ко всему хорошему он относился с недоверием. Я знал это, но выхода у меня не было. Я для храбрости набрал в себя воздух, зажмурился и крепко забарабанил в стенку. Она затряслась и загудела. Послышались Лешкины крики — сердитые и жалобные.

А через полминуты на пороге возник сам Лешка. Его макушку украшало круглое чернильное пятно.

...Здесь все слушатели почему-то смеются. Они думают, что, колотя в перегородку, я с какой-то полки опрокинул на Лешкину башку чернильницу. Ничего подобного. Кто будет приколачивать полку на такую шаткую стенку, да еще ставить туда посуду с чернилами? Дело было в другом. Лешка не умел решать задачки. Он их ненавидел. Особенно те, где говорилось про бассейн с трубами. Вода то наливалась в этот бассейн, то вытекала из него, и надо было решить, когда он в конце концов наполнится. Лешка негодовал: «Неужели не могут сделать для трубы затычку, чтобы ничего не выливалось? Набралось бы до краев — и крышка!» Вот и сейчас он пришел злющий, потому что не получалась задача.

Писали тогда деревянными ручками-вставочками со стальными перьями (сейчас их можно увидеть, пожалуй, только на почтах и в сберкассах). Перья макали в чернильницы-непроливашки или аптечные пузырьки, где разводили купленный на толкучке чернильный порошок. У Лешки был пузырек. Лешка заполнял его по самое горлышко — чтобы не возиться лишний раз. Когда он злился на задачку, то забывал про все и опускал ручку в чернила «по самый корешок». Пальцы поэтому были перемазаны. А что делает четвероклассник, если не получается задача? Бросает ручку и скребет перемазанными пальцами затылок. Оттого и пятно. Чем оно больше — тем, значит, сложнее попалась задача.

Сейчас пятно на Лешкином темени было размером с тубейку. Лешка сказал свистящим от злости голосом:

— Не можешь, балда, позвать по-человечески? Обязательно стенку ломать? Тут и так ни фиги не решается, а он...

Я скромно переждал эту вспышку негодования и примирительно произнес:

— Ладно, Лешка. Завтра спишешь задачку у Эльки Матюхиной. (Это была Лешкина соседка по парте.) А я вот...— Здесь я засмущался и потупил глаза. Потом сипловато выговорил:— Я тут книжку написал...

Надо было видеть Лешкино лицо. Он посмотрел на меня как на курицу, которая грозитя облететь вокруг света.

— Ты?..— сказал он.

Однако отступать мне было некуда. Я вздохнул и протянул ему газетную тетрадку.

Лешка усмехнулся так, что у меня под майкой разбежались колючие шарики. Но тетрадку он взял. Прислонился к дверному косяку, отставил правую ногу в необъятном своем валенке, помусолил палец, откинул обложку и зашевелил губами.

У меня выключилось дыхание...

Однако чем дальше Лешка читал, тем серьезнее делалось у него лицо. Он уже не слюнявил палец и страницы перелистывал аккуратно. Так, не отходя от косяка, он проглотил мой роман «Остров Привидения». А проглотив, сделался опять насмешливым и недоверчивым:

— Ну и что? Ты это где-то списал.

Я очень обиделся, но обиду скрыл. Только сказал, что никогда не имел привычки что-нибудь списывать. Это не к о т о р ы е то и дело списывают у соседки по парте задачки и упражнения, а я... И кроме того, где я мог это списать? Может быть, Лешка читал раньше книгу про остров с привидением? Или хотя бы слышал про такую?

Лешка поскреб чернильную макушку и вынужден был признать, что не читал и не слышал.

— Ну ладно, не заводись на простокваше,— снисходительно произнес он.— Если сам, то ничего... Давай, я завтра к нам в класс унесу. Почитаем, а потом скажу, понравилось нашим или нет...

Я заволновался. Я просто заметался в душе. Конечно, какой писатель не мечтает, чтобы читателей было как можно больше? Но страшно же: одно дело — знакомый (хотя и вредный) Лешка, другое — сорок почти незнакомых людей...

— Ну... ладно,— решился я.— Только вы не очень... Если там какие недостатки, не ругайте изо всех сил. Все же это у меня первая книжка.

— Ничего,— отозвался Лешка.— Там свои люди, не вздрагивай...

...Но я «вздрагивал». И в этот вечер, и потом еще целый день. Лешка учился во вторую смену, и я с трепетом ждал, когда он явится из школы.

Явился он, конечно, поздно. Встал на пороге, вынул из облезлого портфеля мою газетную тетрадь — порядком измочаленную — и протянул ее таким жестом, каким во времена Кутузова и Наполеона протягивали маршалам пакеты с важными донесениями.

— Забирай, — сказал он. — Мы читали вслух. Даже Анна Яковлевна подходила и слушала. Все говорят, что ты пишешь, как Жюль Верн. Валяй дальше!

Надо ли говорить, как я возликовал!

Вдохновленный массовым признанием, я склепал новую тетрадку и сел писать свой второй роман.

Однако дело двигалось хуже. Помню, что я пытался сочинить историю про старого капитана, который попал в плен к индейцам и подружился с мальчишкой — сыном индейского вождя (здесь было что-то от «Кавказского пленника» Льва Толстого, которого мы как раз читали в классе). У меня не получалось описание американского берега, к которому капитан приплыл на своем корабле. Я мучился. Тетрадка была исчеркана, я сделал другую, но это не помогло. Самое скверное, что целыми днями я думал только о своей новой книжке. Ни о чем другом! Это, конечно, сказалось на отметках. В табеле запахло двойкой по арифметике, а дома — крупным скандалом. Тогда я впервые понял, что писательская работа совсем не мед.

Спасла меня весна. Началась она неожиданно, резко, будто кто-то щелчком выключателя повысил в солнце накал. И однажды, прыгая в своих валенках по кирпичикам, брошенным в лужи, я понял, что не хочу писать книги, а хочу, как все нормальные люди, кидаться комками из тающего снега, носиться по двору и делать из сосновой коры парусные кораблики.

Со всеми этими делами, однако, произошла задержка.

Валенки не годились для весенней погоды, а ботинок еще не было. Маме со дня на день обещали на работе выдать их по какому-то ордеру, но не выдавали: то ордер не подписан, то кладовщик уехал, то нет нужного размера. И поэтому я сидел дома.

То, что не надо ходить в школу, я пережил без особой горечи.

Но под нашими окнами растекалась прекрасная мартовская лужа — целый океан. И по этому океану ходили эскадры с бумажными парусами. Лешка, очевидно, был адмиралом. Он командовал, когда устраивали гонки и морские сражения. А я сидел на подоконнике и с тоскливой завистью смотрел на это парусное празднество.

Наконец я не выдержал. Забарабанил по стеклу, обратил на себя внимание адмирала Шалимова и умоляющими знаками просигналил, чтобы он принес мне кусок сосновой коры. После чтения моего «романа» Лешка относился ко мне с некоторым уважением. Он снизошел к моей просьбе. И через несколько минут я кухонным ножом (тем же, которым чинил карандаши для «Острова Привидения») обрабатывал мягкую коричневую кору, стараясь заострить нос будущего брига «Робинзон».

Потом я вколотил в корабельный остов две лучинки-мачты и воткнул в корму руль из толстого бритвенного лезвия «Стандарт».

В этот момент пришла на обеденный перерыв мама. Ботинок она так и не получила, но купила на толкучке резиновые сапоги. Почти новые, только с двумя аккуратными заплатками. Они пришлись мне в самую пору (правда, пришлось надеть еще толстые носки и отогнуть голенища).

Скорее на улицу! Туда, где сияют просторы весенних морей!

Но сначала надо было оснастить «Робинзон» парусами. Подходящей бумаги под руками не оказалось, и я без всякого сострадания пустил на марсели и брамсели тетрадку с «Островом Привидения».

Как ни странно, мой кораблик оказался быстроходнее других. Он лихо резал носом воду и прекрасно держался на курсе. Может быть, это действовал бритвенный руль. Но скорее всего, причина в том, что паруса моего брига были особенные. Видимо, они сохраняли в себе силу моего вдохновения, силу тех морских ветров, которые шумели на страницах моей первой книжки...

Даже Лешка снисходительно признал первенство моего брига «Робинзон» (напомнив, что именно он, Лешка, добыл для него кору на соседской поленице). Счастливый, забывший о времени, я до вечера метался по берегам огромной синей лужи. Я радовался морской жизни: сверканию солнца, теплему ветру, парусам и крикам веселых капитанов... Я ничуть не жалел о порванном романе и был уверен, что напишу еще много книг. А пока я

отправлял свое удачливое суденышко все в новые и новые рейсы...

За этим делом и застала меня мама, когда вернулась с работы.
— Ой-ей-ей! — сказала она. — Да ты же сырой насквозь!

Насквозь не насквозь, а в сапогах громко хлюпало (одна заплатка отлетела в первые полчаса).

— Домой, — сказала мама. — Домой, домой, домой...

— Подожди! — взмолился я. — Последний разик!

...Помню очень ясно, как я стою коленками на шатких досках деревянного тротуарчика, а по воде, отразившей чистое небо, убегают к далекому берегу бриг «Робинзон».

Мама терпеливо ждет. Она понимает...

Она всегда понимала меня. Мои игры, мои стихи, мои тайны и мою странную привязанность к парусам. Именно ей посвятил я книжку о первых кораблях своего детства. И этот рассказ я тоже посвящаю маме... Только подожди, мама, не торопи меня с улицы домой, пока мой кораблик не приткнулся к дальнему берегу. Пока впереди есть еще пространство синей чистой воды...

1981 г.

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

Три десятка мальчишек, которыми я командую, чаще всего называют себя одним словом — «отряд». Но за этим коротким названием скрыто многое. Прежде всего это действительно пионерский отряд. А еще — пионерская парусная флотилия, юнкоровский форпост, любительская киностудия. А еще, по мнению сердитых соседей, «хулиганская компания», потому что слишком громко барабанят и горнят, вечно что-то пилят и строгают (а от этого мусор), пускают в подъезды собак и не здороваются с теми, кто пишет на отряд жалобы.

Три десятка очень разных и не очень спокойных ребят. Кто-то вырастает и расстается с отрядом, на их место приходят новенькие. Обычно мы принимаем новичков осенью, чтобы до весны подготовить их к парусной практике, к походам, к летней беспокойной жизни.

А Витька пришел весной. Так уж получилось: приехал из другого района. Родители весь день на работе, дома Витьку остав-

лять не решаются. Вот мама и попросила взять его в отряд.

Был он маленький, щуплый, слишком серьезный. Ничего не знал и не умел. Над ним не смеялись, конечно: малышей у нас не обижают даже шуткой. Но кое-кто из «ветеранов» потихоньку вздыхал и думал, что в походах придется тащить Витькин рюкзак на своих плечах. А может, и самого Витьку.

К тому же выяснилось, что новичок и плавать «не очень». Когда первый раз пошли на яхтах, пришлось его особенно тщательно «упаковывать» в спасательный жилет и предупредить других членов экипажа: «Поглядывайте за ним».

Посреди озера, в двух километрах от стоянки, нас прижала гроза. С молниями, трескучим громом над самой мачтой и прочими удовольствиями. Набухшая туча готовилась выдать полную порцию прохладного майского ливня.

Витька сидел неподвижно, с серьезным лицом. Он так вцепился в борт, что пальцы побелели. Остальные ребята тоже посерьезнели. Они знали, что ливень не самое скверное. Где гроза, там и шквалы. Теперь не зевай!

Первый шквал добросовестно постарался нагнуть мачту к самой воде. Пришлось командовать:

— На борт!

Когда ветер «давит» яхту, надо ее откренивать — садиться на наветренный борт, а иногда и просто вывешиваться за него.

И тут я увидел Витьку в деле. Уцепившись ногами за решетку на палубе, он по всем правилам искусства перегнулся спиной через борт и старался вместе со всеми поставить наш кораблик на «ровный киль». Он так усердно откидывался назад, что стриженной макушкой иногда чиркал по гребешкам волн.

Подгоняемая шквалистыми порывами, яхта помчалась к пирсу.

— Ты молодчина, — сказал я Витьке, когда мы под навесом выкручивали мокрые рубашки (ливень все-таки зацепил нас).

Он поднял на меня серые честные глаза и тихонько признался:

— Вообще-то я очень боюсь грозы.

Валерка Новоселов, который крутился рядом, услышал и ободряюще произнес:

— Ничего. С возрастом пройдет.

Он был старше Витьки на целый год.

А потом на Витькину долю выпала гроза, перед которой майский шквал казался простой игрушкой.

Мы были в походе. Сначала прошли вдоль границы Европа — Азия, потом поднялись на гору Волчиха, спустились к реке Чусовой и берегом вышли к Волчихинскому водохранилищу.

Ни Витькин рюкзак, ни Витьку на маршруте тащить не пришлось, он шел наравне со всеми. Вымотался, конечно. Но холодно отверг предложение освободить его от ночной вахты.

Ночная вахта — это двухчасовой караул, охрана лагеря. Младших мы всегда ставим дежурить первыми, чтобы потом спали спокойно.

Витька получил пневматическую винтовку и пошел на пост. На ногах его хлопали чьи-то резиновые сапоги, слишком большие; Витька в них влез, чтобы не ободрать ноги в кустах.

Горизонты заволакивало, и стояла душная, тревожная тишина.

Валерка Новоселов пророчески сказал:

— Братцы-кролики, добром это не кончится.

Даже костер жался к земле. Настроение было так себе.

Раздалось хлопанье сапог, и Витька, возникнув из темноты, тихо сказал:

— Там в кустах кто-то вроде бы ходит. Я пойду проверю. Можно?

— Проверь, — сказал я.

И, подождав, пошел следом. Витька меня не видел.

Я с трудом различал его силуэт, но даже по этой смутной фигурке с винтовкой наперевес видно было, как он боится. Боится этой глухой предгрозовой тишины, непонятной опасности в кустах, темноты. Какую силу воли надо иметь, чтобы так бояться и все-таки идти!

Он добросовестно обшарил кусты и не нашел ни шпионов, ни хулиганов, ни диких зверей. Вернулся к костру и доложил:

— Никого. Наверно, заяц проскочил.

И тут началось! Словно по всему горизонту расставили лампы дневного света и попеременно стали включать их. Потом «лампы» почти перестали мигать, придвинулись, и мы оказались в розовато-лиловом свете слившихся воедино грозových вспышек.

Над кустами метались потревоженные птицы.

Ахнул такой гром, что, показалось, будто все деревья сейчас упадут на палатки. И тут же обрушились целые водопады.

Мы ринулись в палатки.

Из соседней палатки, где обосновались старшие ребята, донеслось:

— «Наверх вы, товарищи, все по местам!..»

— Заливает их,— сказал Валерка.— Старшие всегда самые лодыри, не окопали палатку.

Я выглянул, чтобы определить масштабы бедствия. И увидел Витьку. Он стоял у сосны. Дождь лупил его по спине, по берету, наливался в сапоги, гроза атаковала его оглушительным треском и вспышками, а он оставался на посту, маленький и прямой, как стойкий оловянный солдатик. Только ствол винтовки слегка опустился, чтобы не попала вода.

Я выскочил под ливень:

— Витька, сумасшедший! Марш в палатку!

Он помотал головой. Губы у него были сжаты. «Вообще-то я очень боюсь грозы»,— вспомнилось мне. Я набросил на него кожаную куртку, потому что было ясно: он не уйдет.

— А ты иди! Ты ведь не дежуришь!— крикнул он.

От костра донеслась песня:

— «В флибустьерском дальнем синем море...»

Несколько человек с брезентовым тентом танцевали над уцелевшими еще углями костра.

— Чуть костер не загубили,— сказал кто-то.— Вон маленький Витька с поста не ушел, а мы...

Мы отстояли костер. Потом переодели промокшего часового. Новая вахта ушла на посты. Сквозь сон я услышал чьи-то слова:

— Такая гроза ночью, когда птицы летают, называется воробьяная ночь. Ну и жуть!

Однажды я выступал перед ребятами в школе, рассказывал о своей новой книжке, об отряде, о путешествиях. И одна девочка попросила:

— Расскажите о пионерском характере. Что это, по-вашему, такое?

Я слегка растерялся. Что значит «пионерский характер»? У меня в отряде тридцать мальчишек, все пионеры, а характеры самые разные. Но тут я вспомнил про Витьку. И рассказал.

Правда, в рассказе была одна неточность: Витька один из всех не был тогда пионером. В это лето он только перешел в третий класс. Принимали в пионеры мы Витьку уже зимой, когда ему исполнилось десять лет. Приняли, конечно, единогласно.

ПОБЕДИТЕЛИ

Вечера в августе гораздо темнее, чем в середине лета. В половине десятого над лугами и полянами синим туманом стоят сумерки, а в лесу настоящая ночь.

В этой ночи голосом физрука Валерия Петровича грозно ревел мегафон:

— Локтев! Володя Локтев! Возвращайся в штаб! Игра закончена! Слышишь?

Конечно, он слышал. Все, кто был в лесу за несколько километров в округе, не могли не слышать этого металлического рева.

— Локтев! Ты что, хочешь неприятностей?

Он не хотел неприятностей. Он хотел победы армии «лесных стрелков» или хотя бы почетного мира. И потому уходил в чащу от мегафонного крика и жидких ребячьих голосов, сообщавших, что «все равно уже всё кончилось».

Это была неправда. Не могло так кончиться. В правилах было сказано: «Игра заканчивается, когда в одной из армий все бойцы взяты в плен или считаются убитыми».

«Ха! В плен! Убитыми!» Он ловко ушел из кольца вражеских часовых, когда пленников вели к штабной палатке «таежных следопытов», и на его желтой майке по-прежнему два красных погона с буквами ЛС.

— Вова! — Это голос Нины, отрядной вожатой.

— Вов-ка! На костер опаздываем из-за тебя! — Это Степка Бродяков, командир «лесных стрелков». Как же так? Значит, он сдался? Значит, ему уже все равно?.. Ну конечно. Костер для него главнее. Степка целую смену, говорят, возился с самодельной электрогитарой, чтобы выступить сегодня на концерте у костра. С дурацкой песенкой про любовь и свидания. Почему этого длинноволосого балбеса назначили командиром? Потому что он сильный и большой?

Но если сдаются командиры, если погибают бойцы, это еще не всё. Не всё, если живы трубачи.

В наступившей тишине стало слышно, как шепчут лесные вершины и попискивает ночная птица. Вовка Локтев стал продирается сквозь заросшую ложбинку на открытое место. Хрустели мелкие сучья. Костлявыми пальцами они хватали «лесного стрелка» за колени. Сухие иголки втыкались в майку и царапали кожу.

Вовка выбрался на лужайку, заросшую иван-чаем и высокими травами с мохнатыми зонтиками цветов. Что-то зашелестело и шарахнулось у Вовкиных ног. Он тоже шарахнулся и опасливо переступил сандалиями. Сердце бухало. Пока слышались голоса, ему было не страшно! А сейчас обступало молчание, в котором таилась неизвестность.

Вокруг поляны стояли черные сосны. Над ними висело еще не совсем потемневшее небо, а в нем еле виднелся бледный маленький месяц. Месяц-мальчишка. Такой же одинокий и потерянный, как горнист разбитой армии...

Вовка сердито тряхнул головой и поднял мятую кавалерийскую трубу.

Переливчатый сигнал атаки серебряными шариками раскатился по лесным закоулкам и полянам. Только в атаку идти было некому. Трубач Вовка Локтев остался единственной боеспособной единицей своего войска.

И чтобы не дать врагу полной победы, он все дальше уходил в леса, играя свой сигнал: «Мы еще живы! Мы еще не разбиты совсем!»

На краю лужайки замигали фонарики, и мегафон — теперь уже голосом Степки Бродякова — проорал:

— Кончай! Перестань валять дурака! Тебе говорят — закончилась игра!

Командир... Прохлопал ушами, завел отряд в засаду, а теперь «кончай!».

И вдруг...

Смутная надежда шевельнулась у Вовки: может быть, судьи все теперь решили по-другому?

— А кто победил? — крикнул он.

— «Следопыты» победили! Не знаешь, что ли? Иди в лагерь!

— Не пойду! Я еще не убитый!

— Локтев! Немедленно возвращайся! — это непреклонный голос старшей воспитательницы Веры Сергеевны. Когда она таким голосом что-то требует — дело опасное...

...Вовка всегда шел навстречу опасностям. Если мячом разбивали стекло и вся компания кидалась в тайные укрытия, он оставался на месте, а потом медленно шагал к горластой хозяйке. Если в переулке ему попадался Витька Зайков, по прозвищу Пузырь, со своей компанией, Вовка не прятался за угол, а шел прямо. Шел, хотя знал, что обязательно привяжутся. Он вовсе не

был хребцем и героем. Просто убегать и прятаться ему казалось страшнее, чем встречать опасность лицом. Может быть, он был даже боязливее других, он сам понимал это в душе. И наверное, такая робость его и заставляла не укрываться от бед и неприятностей: лучше уж сразу с ними разделаться, чем долго чувствовать опасность за спиной.

Но теперь Вовка убегал, хотя в голосе Веры Сергеевны было обещание неприятностей. Он уходил все дальше и дальше в ночной лес, потому что спасал армию...

— Локтев! Ты завтра же отправишься домой! Ты сорвал костер и праздник!

— А кто победил?

— Тебе же сказали: отряд Метелкиных!

Конечно! Кто же еще мог победить?

В старину люди думали, что земля держится на трех китах. Конечно, это чушь. Но то, что второй отряд, из которого состояла главным образом армия «таежных следопытов», держался на трех братьях,— это точно!

Старший — Дима Метелкин — был командиром. А младшие — два близнеца, Федя и Ромка, — были адъютантами. Они так и ходили втроем: посередине тоненький, высокий Димка, а по бокам, тоже худые, но поменьше Димки, его братцы. Все смуглые и желтоволосые, в майках, похожих на тельняшки, только с красными полосками. Улыбчивые и дружные.

Если бы у Вовки появились такие товарищи, он больше ничего на свете не пожелал бы. Но он понимал, что чудес не бывает. Братья Метелкины даже не догадывались, наверное, что существует Вовка Локтев. Зачем он им? Они проходили мимо не глядя. А за ними и рядом с ними шагал, бежал, торопился куда-то, пританцовывая от ожидания близких приключений, второй отряд.

Все, за что брался отряд, у него получалось. В футбол выигрывали, в конкурсах побеждали, с вожатой жили душа в душу. И не потому, что особенные. Просто дружные.

И в военной игре они оказались победителями. В первые же минуты их патрули взяли в кольцо группы «лесных стрелков», которые бестолковой толпой вели через лес Степка Бродяков и вожатая Нина (вели и болтали между собой о песенках). Поймали всех. Только Вовка ушел из плена, всхлипывая от злости и обиды.

Зачем ушел? Не ради же Степки. Ради ребят, с которыми успел

подружиться за три дня. Ради Павлика. Ради своей трубы. Нельзя сдаваться, если у тебя такая труба...

Павлик был друг, он только второй класс окончил, а Вовка уже четвертый. Но не все ли равно? Они, как помнят себя, жили рядом, в одном дворе, и всегда были вместе. И всегда им было хорошо друг с другом. Весной, когда ломали старый флигель, Павлик нашел на чердаке сигнальную трубу и подарил Вовке, потому что Вовка учился в музыкальной школе. Труба была мягая, в темных пятнах, без мундштука. Лишь кое-где остались следы серебряного покрытия. Зато она была настоящая, боевая: Вовка видел такие трубы в кино про гражданскую войну. Сильно изогнутая, маленькая, в два раза короче горна, она была удобной и легкой. Ее можно было засунуть под ремень или спрятать под майку, когда сидишь в засаде. А потом выхватишь трубу — и сигнал атаки! Мундштук от обыкновенного горна вполне подошел к трубе, звук получался чистый, певучий.

— И это все, чему ты научился в музыкальной школе? — грустно говорила мама.

Ну и пусть! Зато хорошо научился. Это все говорили — и во дворе, и в лагере.

В лагере Вовка оказался случайно и незаконно. В воскресенье он приехал с мамой и тетей Надей навестить Павлика. А вечером выяснилось, что расстаться они не могут. Тетя Надя — мама Павлика — заохала. Вовкина мама сделала круглые глаза и потребовала не устраивать скандала. Но скандал-то устраивал не Вовка. Это Павлик, обычно тихий и послушный, поднял рев и заявил, что раз Вовка уезжает, то и он...

И молчаливая, грозная на вид начальница лагеря сказала Вовкиной маме:

— Да что за беда? Пусть остается. Все равно до конца смены неделя.

— Но как же? Без путевки, без...

— Прокормим!

— Без одежды, без всего...

— Не пропадет!

И Вовка остался, как приехал, — в сандалиях на босу ногу, в шортиках и желтой майке с черным всадником на груди и надписью «Монреаль-76». И с трубой, потому что он с ней не расставался.

...По голосам Вовка догадался, что за ним идут лишь взрослые.

Ребята, наверное, отправились спать. Он очень устал и, по правде говоря, не знал, что делать. Только одно знал: сдаваться нельзя!

Он разглядел в сумраке две сросшиеся сосны, а у их подножия темную грудку кустов. Будто шалаш. Раздвигая трубой и локтями ветки, Вовка продрался в пахнущую влажными листьями чащобу и засел. Тут же, мигая фонариками, появились преследователи. Вовка догадался по голосам, что это физрук, вожатая Нина и Вера Сергеевна.

— Это он в благодарность за то, что оставили в лагере,— отчетливо произнесла старшая воспитательница.— Вот и принимай таких гостей.

Он их все-таки различал в темноте, а они его не видели. Он мог бы просидеть здесь до утра. Но теперь было понятно, что никто не думает об игре. Все думают лишь о нем. И о нарушенном распорядке, о сорванном празднике у костра. И о том, сколько он принес всем неприятностей.

Надо было выходить. И он уже хотел выйти. Он уже качнулся вперед. Но труба зацепилась за ветки и словно потянула назад. Это была настоящая боевая труба. А он, Вовка, был настоящий горнист. И сиплым от слез голосом упрямо спросил:

— А кто победил?

— Никто не победил,— вдруг сказала Нина.— Вылезай. Ничья!

Он выбрался из укрытия и остановился под лучами фонариков, чувствуя, что выглядит совсем не героем: исцарапанный, взъерошенный, в разодранной на боку майке. Он знал, что все смотрят на него сердито и укоризненно, хотя за слепящими фонарями не видел лиц.

Ну и пусть смотрят как хотят! Он спас армию от поражения, и эта мысль была радостной, хотя радость едва пробивалась сквозь усталость.

Взрослые молчали.

Вовка нагнулся и стал отклеивать от ног смолистые чешуйки сосновой коры.

Нина взяла его за плечо:

— Пошли.

Они зашагали к лагерю, и путь оказался неблизкий. Шли молча, только у самых ворот Вовка шепотом спросил:

— А правда, ничья?

— Иди спать, герой! — хмуро сказала Нина.

Нехорошее подозрение шевельнулось у Вовки, но усталость не оставила места для большой тревоги.

— Я есть хочу! — сказал он сердито.

— Иди в столовую, ужин на столе. И спать.

...Когда Вовка пришел в палату, все спали. Кроме Павлика. Тот сидел на кровати, скрестив ноги. За окном висел фонарь, и глаза у Павлика блестели.

— Я хотел тебя до самого конца искагь, а меня прогнали, — прошептал он.

Оттого что рядом Павлик, Вовке стало хорошо и почти спокойно.

— Нина сказала, что ничья, — торопливым шепотом проговорил он. — Правда?

— Я не знаю, — тихо сказал Павлик. — Ты ложись.

Вовка стал стягивать через голову майку, и Павлик начал помогать ему.

Это последнее, что запомнил горнист Вовка Локтев, перед тем, как заснуть.

К зарядке Вовку не разбудили. И только перед линейкой Павлик растолкал его. Смотрел Павлик немного виновато. Шепотом сказал:

— Если выгонят, я с тобой!

И от этих слов стало Вовке ясно, что победных фанфар и наград не ожидается. Он вздохнул, поправил мятый галстук, поглубже затолкал под ремешок майку, чтобы не видно было дыры на боку. И шагнул из палаты.

Отряды буквой П стояли перед мачтой и трибуной. И сначала было как всегда: рапорты, отрядные девизы хором, подъем флага под отрывистый марш баяниста. Потом старшая вожатая Эмма Григорьевна стала говорить про вчерашний день.

Вовке стало зябко.

— Все знают, что вчера была военная игра. Намечался еще и общелагерный костер, но из-за недисциплинированности некоторых наших пионеров и гостей игра затянулась...

Четыре отряда смотрели на «некоторых пионеров и гостей» молча и внимательно. Вовка не знал, что они думают. Ругают его в душе или считают молодцом. Он напряженно ждал, глядя на вожатую: что еще?

Но дальше она ничего не сказала про Вовку.

— Костер состоится сегодня. А сейчас поздравим победителей.

«Каких победителей? Ведь ничья же!»

— Медалями награждаются Дима Метелкин и его помощники — командир разведчиков Рома и начальник связи Федя. А также начальник медицинской службы Таня Воронцова.

«Что они все орут и хлопают? Разве это честно? Говорили же — ничья!»

— Мы решили, что командир «лесных стрелков» Степа Бродяков и его заместители тоже заслуживают награды. Правда, они не были победителями, но готовились к игре добросовестно и сражались умело...

«Сражались умело!.. Только Павлик и еще трое из их отряда попытались вырваться и отобрать у часовых погоны».

— Давайте поздравим награжденных. Ребята, подойдите и получите медали!

Порой даже храбрым взрослым трубачам хочется плакать. Маленьким — тем более! Вовка прикусил губу и почему-то вспомнил одинокий месяц над лесной поляной...

Эмма Григорьевна еще что-то говорила. Вовка не слышал. Но он встряхнулся и поднял глаза, когда она запнулась на полуслове и растерянно спросила:

— Вы куда? Что такое?

Дима Метелкин и его адъютанты шли от трибуны. Шли напрямик по заросшему ромашками квадрату линейки — там, где ходить не полагалось. Ровно и красиво шли — локоть к локтю, и на левом плече Димка нес, как гусарский ментик, оранжевую штормовку.

В наступившем непонятном молчании Вовке вдруг показалось, что по гранитной брусчатке сухо щелкают подошвы и позванивают шпоры, хотя на поцарапанных и побитых ногах братьев Метелкиных были простые разношенные полукеды, мягко тонущие в траве.

Потом Вовка понял, что братья идут к нему. Идут и смотрят издалека на него, на Вовку. Смотрят очень серьезно. От непонятной тревоги и радости Вовка коротко вздохнул и вытянулся им навстречу.

В раскрытых ладонях Дима, Федя и Ромка несли свои медали — на каждой мальчишка в буденовке и надпись «За отличие».

Вовка понял. Понял раньше, чем медали, звякнув, повисли на его перемазанной смолой майке. Он только не поверил сразу, что все три...

Вовка Локтев поднял от медалей глаза и увидел Димкино лицо. У Димки в чуть заметной улыбке разошлись уголки губ.

Тихо было. Только ветер шелестел в ромашках и хлопал флагом.

1976 г.

СЛЕД КАРАВЕЛЛЫ

Маленькое предисловие

Этот рассказ, заканчивающий книгу,— рассказ о дороге и воспоминаниях детства. Он мог бы, пожалуй, стоять не в конце, а быть вступлением к этой книжке. К этой и почти ко всем другим моим книгам. Потому что сделаны эти записки осенью 1963 года, когда на моей авторской полке стоял единственный тоненький сборник рассказов и все еще было впереди: мучительная и радостная работа над рукописями, дальние путешествия, какие-то успехи, какие-то неудачи, какие-то открытия... И главное — то, что принесло мне радость на всю жизнь: дружба с замечательными мальчишками из отряда «Каравелла»...

Волга

На теплоходе стояла сонная тишина. Пассажиров набралось мало, да и те сейчас почти все спали. «Клара Цеткин» шла из Астрахани в Горький. Начинался второй день пути.

Я сидел в читальном салоне за шахматным столиком. Мой противник, толстоватый очкастый паренек из соседней каюты, обстоятельно и неторопливо загонял в угол моего короля.

Тихо щелкнула ручка и открылась дверь. Я оторвался от унылого созерцания шахматных фигур и глянул на вошедшего.

Вошедшему было лет десять. Он прошелся между одетых в парусиновые чехлы тяжелых кресел, словно укротитель среди белых медведей. На трикотажной разноцветной безрукавке позвякивали друг о друга два каких-то значка.

Было похоже, что он только проснулся. Припухшие после сна губы, слегка взъерошенные рыжеватые волосы. И еще родинка на правой щеке. Казалось, арбузное семечко попало ему на подушку и прилипло к щеке во время сна.

На лице у мальчишки было написано: «Ох и скучища, товарищи...» А в серых глазах бегали искорки: «Что придумать, чтобы скучищи не было?»

Он подошел к нашему столику, независимо покачался на одной ноге, сунув руки в карманы узких полотняных брючек (таких мятых, что ноги были похожи на противогазные трубки). Зачем-то потрогал белую горошину на головке моего черного загнанного в засаду ферзя. Зевнул и сказал:

— Королева — хвост налево...

Это ядовитое замечание доконало меня. Я сдался. Смешал фигуры и стал смотреть в окно.

Пасмурное небо висело над пологими, заросшими ивняком берегами Нижней Волги. Ветер гнал серую рябь.

Подниматься на палубу не хотелось. Но делать было нечего, я вышел. Сразу налетел ветер. Пришлось уйти на корму, но там, в укрытии, толклись комары. Обрадовавшись долгожданному завтраку, они взялись за меня с таким энтузиазмом, что я немедленно осознал преимущества ветреной погоды. И поспешил на нос.

На носу маячила разноцветная безрукавка мальчишки. Он стоял коленями на скамейке, опираясь грудью на планшир. Выдергивал из общей тетради листы, быстро сворачивал голубей и пускал за борт.

Голубь взмывал вверх и, подхваченный потоком ветра, уносился к корме.

Мальчик обернулся, прищурился и спросил:

— На корме комары, да?

Значит, он успел побывать и там!

Желая отомстить за ехидные слова о моей королеве, я заметил:

— Между прочим, за борт мусор бросать запрещается.

Он взглянул быстро и настороженно: шутка это или вмешательство взрослого в его мальчишечьи дела?

Я больше ничего не сказал. Он подождал и объяснил:

— Это ведь не мусор. Это же голуби.— Подумал и добавил: — Обрывки-то я в карман сую... Подумаешь...

— Ладно уж,— сказал я.— Пошутить нельзя...

Он сразу успокоился. Но больше голубей не делал. Положил раскрытую тетрадку на планшир, прижал ее угол локтем, перегнулся через поручни и стал смотреть в воду.

Я стоял рядом и тоже смотрел в воду. Белый нос теплохода, как плуг, отваливал ее в сторону желтыми пластами.

Ветер был плотный и влажный. Мальчик иногда ежился.

— Замерз ведь...— посочувствовал я.

Он сказал:

— Ни капельки... А почему вода желтая?

— От песка, наверно. Или от глины.

— А в море вода зеленая...

Ветер то беспорядочно трепал листы тетради, то начинал быстро-быстро их перелистывать. Мелькали строчки, какие-то чернильные рожицы, квадратики для игры в «морской бой». И вдруг на белом сверкнуло что-то ярко-красное.

Я придержал страницу. На ней было нарисовано нечто похожее на большую рыбу. Но конечно, это была не рыба. По красному ее боку тянулись чуть косые синие буквы:

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

— Что это?— спросил я.

По-моему, мальчишка немного смутился.

— Так... Вроде чертежа. Еще весной строили.

— Ракета?— догадался я.

— Ну да...

— Полетела?

— Да нет...

— А чего так?

— Да так,— вздохнул мой собеседник.— Тяжелая получилась. А горючего мало.

Он покосился, словно проверял: правда ли мне интересно? И решил рассказать.

— Мы ее клеили из картона. Один слой картона, да второй, да третий. Чтобы не разорвало. Стенки были толще пальца.— Он показал мне мизинец с царапиной на суставе.— Стабилизаторы из фанеры. Николка Садков говорил: «Она как раз — авиационная». А она тяжелая оказалась. Только мы тогда еще не знали... Юрка два патрона принес от ружья, у него папа охотник. Мы их расковыряли, порох смешали с песком и в ракету. А потом нас всех обедать стали звать. В общем, не было времени...

Он помолчал и вздохнул. Видимо, начиналась печальная часть истории.

— Я еще компот не доел, а Николка под окном как заорет:

«Сережка, айда запускать ракету!» Я даже косточку чуть не проглотил. Нет, правда. Только она застряла...

— Это тебя Сережкой зовут?

Он кивнул.

— Только я сразу не пошел. Будто он Сережку Мотовилова зовет. А то ведь ни за что не пустят, если сразу побежишь. Ну, Николка опять давай орать про ракету. Тут все сбежались, даже малыши всякие, у нас большой двор... Мы всю малышню кое-как в укрытие загнали, за гараж...

Он вдруг перестал рассказывать. Обеспокоенно спросил:

— А вам интересно?

— Еще бы!

— Только дальше неинтересно,— вдруг опечалился он.— Не полетела она. Зашипела и набок повалилась... Мы ее подняли, а Николка давай Юрика ругать: «Не мог три или четыре патрона притащить!» Юрик даже позеленел. Потому что мы-то не видели, а он уже видел, что его отец к нам подошел. Он Юрика за руку схватил и говорит: «Ну-ка, пойдем». Вот... Мы потом за это Николку так и прозвали: «Николка — короткие ноги, длинный язык»...

— А почему «короткие ноги»?

— Да это уже другая история. Про футбол.

— Да-а,— сказал я.

Сережка закрыл тетрадь и снова смотрел в воду.

Я заметил:

— С порохом не шутят.

Он пожал плечами.

— Мы же из укрытия запускали, из-за гаража. С электрозапалом от батареек.

— А патроны расковыривали? Тоже из укрытия?

Сережка сердито засопел.

Расковыренные патроны были когда-то и на моей совести: я добывал из них заряды для самодельного пистолета. Пистолет наконец разнесло в пыль (к счастью, он был зажат не в ладони, а в слесарных тисках). Я хотел рассказать об этом Сережке и показать шрам на левом запястье, но мой собеседник вдруг хмуро проговорил:

— Нам всем тогда, знаете, как влетело...

Продолжать этот разговор было неловко. Я опять открыл рисунок с красной ракетой. Теперь он уже не был загадкой. Осталось

лишь узнать, почему у ракеты такое название: «Лейтенант Шмидт».

Но, думая о неожиданном совпадении, я вдруг решил, что такие вопросы не задают в жизни дважды...

Тюмень

Так называлась каравелла...

Она была спущена на воду весной тысяча девятьсот сорок четвертого года. Гремели неудержимые ручьи, и там, где полагось быть тротуарам, стояли чисто-синие бескрайние лужи. Своим цветом они напоминали океаны большой карты полушарий.

Я хорошо помню эту карту.

Мне шел тогда седьмой год. Мы жили в Тюмени — в те времена небольшом и незнаменитом городке. Длинный деревянный флигель делила надвое шаткая деревянная перегородка. По одну сторону была наша квартира — обыкновенная, с холодной печкой-плитой, с железной печуркой в углу, с нахальными и голодными мышами, которые меня не боялись. По другую сторону перегородки был мир таинственный и манящий.

Там пахло клеем, опилками, старой медью стреляных гильз и пережженными проводами. На стене, над картой полушарий висел портрет бородатого человека с прищуренными глазами. Стол всегда был завален мотками проволоки и обрезками фанеры. На подоконнике, словно миномет, целилась в небо труба самодельного телескопа.

Я робко открывал дверь.

— Можно?

С полным сознанием превосходства неполных пятнадцати лет над шестью на меня смотрел сын нашей соседки Володя. Он долго смотрел из-под смоляного чуба, потом, усмехнувшись, говорил:

— Ладно. Швартуйся у левого пирса.

Я растерянно моргал:

— А?

— А — дважды два, пустая голова,— заключал он и вздыхал: — Глуп ты еще...

— Почему? — спрашивал я.

— А по кочану! — весело отвечал он и щелкал твердым пальцем по моему стриженому затылку.

Я терпел и не обижался. Игра стояла свеч. Я знал, что скоро придет Володин товарищ Виктор Каблуков и они опять возьмутся за свой парусный корабль.

Этот кораблик они называли каравеллой. Он был крутобокий, с высокой узкой кормой, с тремя мачтами, опутанными паутиной снастей и веревочных лесенок. На фанерной палубе воинственно сияли желтой медью четыре пушки. Они отлично получились из револьверных гильз.

От каравеллы веяло чем-то загадочным, как от книжек со стершимся золотым орнаментом на корешках. Эти книжки стояли на самодельной Володиной полке. Я еще не решался взяться за чтение таких толстых томов, но уже чувствовал их притягательную силу. Написал их бородатый человек — Жюль Верн.

Друзья работали над моделью сосредоточенно. Лишь на секунду отрывались иногда, чтобы сказать мне:

— Не трогай блинда-рей.

— Не мни марсель, сейчас шархну по затылку киль-блоком.

Слова их были загадочны, как заклинания. Ими пестрел разговор. Ими, по-моему, была набита и Володина толстая тетрадка в клеенчатом переплете — главное сокровище. Он выменял ее на два куса хлеба с топленным маслом. Конечно, глупо было тратить такую тетрадь для уроков: задачки неплохо решались и в других, сшитых из газет. А эта нужна была для иных дел.

Однажды, когда Володя вышел, я стянул тетрадь с полки.

Там были лучистые маяки, штормовые волны, крейсера и парни в бескозырках и широченных клешах. И в обрамлении скрещенных якорей, спасательных кругов и канатов — стихи, написанные четкими печатными буквами:

Береговые кончены работы.
Гремит сигнал — и мост последний сломан —
Уже спешат от борта клиперботы:
Уносят тех, кто остается дома.
Сейчас скользнет тяжелый марсель с рея,
Рванется кливер трепетно и лото,
И над водой раскатят батареи
Тугой удар прощального салюта.

Я тогда плохо запомнил эти стихи. Только ритм запомнился и несколько строчек. Потом, через несколько лет, я старался восста-

новить стихотворение в памяти, но вместо этого сочинил его почти заново. Но строчка о салюте в Володиной тетради была, это я запомнил хорошо, потому что знал, что такое салюты. По вечерам старенький репродуктор сотрясался от победных залпов. Это гремели орудия в Москве. Значит, наши взяли еще один город. Я засыпал под накаты пушечного гула. Закрывал глаза и думал, что это гудят океанские волны. И вспоминал каравеллу...

Она была готова к спуску в очень яркий мартовский день. Для меня он оказался праздничным: мама принесла ботинки. Их тогда не просто покупали. Их где-то получали по ордеру. Надо было ждать, когда ботинки появятся на складе, а потом «вырвать зубами» ордер у какого-то Головикова. Пока мама проделывала эти операции, проходили дни, а я сидел на подоконнике. Сидел и смотрел, как ходят по солнечным лужам эскадры с бумажными парусами. Слушал, как рыжий Толька орет:

— Куда гоните мой дежурный линкор! Я скажу Алешке!

И вот — ботинки.

Поскрипывая ими, я шагнул в комнату к Володе, чтобы похвастаться. И остановился. Увидел каравеллу во всей красе.

Она оделась парусами. Круглые борта блестели светло-коричневой краской. На борту я разобрал крупные белые буквы:

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

— Он кто? — спросил я. — Герой Советского Союза?

— Эх ты, — вздохнул Володя.

Виктор оказался снисходительней. Он объяснил:

— Революционер. Против царя.

«Против царя» — это я понимал. Но не понимал много другого и не заметил тогда несоответствия: каравелла времен Колумба с именем Шмидта!

А Володя? Ведь он-то, наверное, знал, что в тысяча девятьсот пятом году каравеллы были такой же древностью, как и сейчас. Знал, конечно. И все же решил по-своему.

— Володя, ты мне сделаешь такой же кораблик? — без особой надежды спросил я.

Он сказал:

— Сэр, я не даю напрасных обещаний.

— Ну, может быть, когда-нибудь... А?

— Ну, когда-нибудь... может быть.

Едва мы вышли во двор, как мальчишечий гвалт стих. Казалось, присмирели даже шумные воробьи. Сосновые кораблики с газетными парусами робко прижались к причалу из кирпичных обломков. По сравнению с каравеллой они выглядели просто щепками.

Каравелла слегка легла на борт, вздулись пузырями паруса, и она пошла, пошла к дальнему берегу, где, словно неведомый лес, чернели прошлогодние кусты репейника.

— Володя обещал, что, может, мне такую же сделает,— сказал я рыжему Тольке.

Тот глянул на меня с презрением.

— Счас ка-ак стукну.

— Володь, правда, что ты...— начал я.

— Да правда, правда...— отмахнулся он.

Я с молчаливым торжеством посмотрел на Тольку.

— Счас ка-ак стукну,— сказал Толька уныло.

Володя, конечно, не сделал мне корабль. И пожалуй, поступил правильно. Я научился мастерить их сам. Первый был совсем плох — чуть обтесанный кусок сосновой коры с мачтой-лучинкой. Но дни шли, и наконец я вырезал хоть и неказистую, но с в о ю каравеллу.

Называлась она, разумеется, «Лейтенант Шмидт». Она долго плавала по лужам нашего квартала. Потом рыжий Толька украл ее.

Закадычный мой недруг! Он, конечно, не знал, совершив свой пиратский набег, что главное богатство осталось при мне. Осталось имя. И воспоминание о вечере, когда я принес показать своего «Шмидта» Володе.

Светила над столом неяркая лампа. На стене в полусумраке выступали очертания карты с размытыми контурами континентов и почти неразличимыми буквами названий. За окном ровно гудел в большом тополе теплый пасмурный ветер, который назывался зюйд-вест. Я поставил кораблик на синюю гладкую клеенку стола. Двинул рукой. Каравелла пошла, слегка царапая клеенку жестяным перышком руля. На синем глянце оставалась еле заметная царапинка — тонкий прямой след корабля. Я тогда еще не знал, что это — начало. Что след Каравеллы пройдет через всю мою жизнь...

Севастополь

Виталька сидел на каменном крыльце, уткнувшись лицом в колени. Он плакал безудержно и зло. Его спина в белой рубашке и синем перекрестье лямок вздрагивала крупно и быстро. Казалось, бьется на порывистом ветру маленький андреевский флаг.

Я взял его за плечи. Он слегка притих.

Виталькино горе мне было известно: мальчишки пошли купаться в Артбухту, а его не пустила мать. Просто так: была не в духе и не пустила. Придралась, что где-то посадил пятно на чистую рубашку, накричала, да еще дала по затылку.

Затылок — что! Ерунда. А вот Артбухта... На дне там лежат большие камни, покрытые рыжей шерстью водорослей. Они — словно уснувшие чудовища. С горячих от солнца желтых скал видно, как скользит среди этих чудовищ юркая бесстрашная кефаль и лениво бродят лупоглазые бычки. А если надеть маску и нырнуть поглубже, можно отыскать раковины-рапаны, выставленные внутри оранжевым лаком. Мальчишки, конечно, нырнут и отыщут.

Виталька был сыном хозяйки, у которой я снимал комнату.

Кроме того, он был моим приятелем, и выхлопотать ему амнистию меня обязывал долг.

Через две минуты грозная Василиса Дмитриевна произнесла: — Иди уж, ирод... Да смотри у меня.

«Ирод» шмыгнул носом, вытер глаза и поспешно кивнул в знак того, что будет «смотреть». Потом сунул в руку мне мокрую от слез ладошку. Что там Артиллерийская бухта! Мы решили катануть в Херсонес, где по берегу, как свечки, торчат белые колонны разрушенных древнегреческих храмов.

Мы уже вскарабкались по каменистой тропинке на Исторический бульвар и потом спустились на площадь Ушакова, когда обнаружили, что купить автобусные билеты не на что. Мои карманы оказались пусты, а у Витальки их вообще не было.

Не возвращаться же! И пошли пешком. По Большой Морской, по улице Восставших, мимо старой автостанции, мимо стадиона «Авангард». У стадиона повстречались нам трое загорелых парней в пестрых рубашках, с незнакомыми значками на беретах.

— Китобой, — с уважительной завистью сказал Виталька. — С «Советской Украины».

— Откуда знаешь? — спросил я.

— А вот знаю.

Я поверил. Виталька многое знал.

Вдруг он потянул меня к открытым решетчатым воротам. Я спорить не стал, понял его.

Здесь стояла звенящая кузнечиками тишина. Полузакрытые кипарисами, неярко блестели якоря и звезды памятников. Широкая аллея кончалась у серого обломка скалы, поставленного на цоколь из красного камня. Цоколь был сложен в форме пятиконечной звезды. На вершине памятника темнел неподвижными складками металлический флаг. Сверху спускалась тяжелая корабельная цепь.

— Очаковцы, — сказал Виталька почти с той же интонацией, с какой недавно говорил: «Китобои. С «Советской Украины». Та же нотка уважения и гордости, что он, Виталька, земляк этих людей.

Здесь были похоронены четверо: Антоненко, Частник, Гладков, Шмидт.

...В детстве не выбирают любимых героев. Они приходят сами — с потрепанных страниц книжки, взятой у приятеля «только на вечер»; с киноэкрана, где полосуют клинками воздух чапаевские конники; из рассказов отставного капитана, поселившегося по соседству... Овод, Корчагин, Маресьев, Артур Грей, Роберт Грант, декабристы... Я не считаю, что мне не повезло, хотя сначала знал о своем герое совсем немного — только имя, написанное на борту игрушечной каравеллы. И еще то, что он «против царя». Шмидт казался в то время похожим на Володю, только постарше. Тоже с густыми смоляными волосами, насмешливый, веселый и сильный. Лишь потом стало мне известно, каким был он на самом деле, этот мятежный лейтенант флота, ценой своей жизни спасший от виселицы десятки матросов — участников заранее обреченного восстания.

Впервые прочитать о нем подробно удалось, когда мне было тринадцать лет. Читал я на уроке, разбирая строки через щель в крышке парты. Но разве можно читать такие книги на уроке? Везде надо хотя бы изредка поглядывать кругом. А я смеялся от гордости, когда на крейсере «Очаков» Шмидт поднял красный флаг и сигнал «Командую флотом». Сжимал зубы от бессильной ярости, узнав, что офицеры обманом заставили матросов снять с орудий замки. Эсминцы и дредноуты эскадры беспомощно смотрели на береговые укрепления тупыми дульными срезами...

Наш худой, прихрамывающий после давнего фронтового ранения историк вытащил книгу у меня из-под парты. Полистал и положил на край стола. Я обмер: книжка была библиотечная, а историк имел привычку отдавать отобранные на уроках вещи только в конце четверти.

Прозвенел звонок. Учитель встал. Мы встретились глазами. Он усмехнулся, захлопнул журнал и пошел, прихрамывая, из класса. Книга осталась на столе...

Прошли годы, и настал день, когда я приехал в Севастополь. Пришел к могиле Шмидта и его товарищей. Камни памятника были теплыми от солнца. Кончался сентябрь, и по гравию сухо шелестели желтые листья акаций...

С тех пор, приезжая или приплывая в Севастополь, я приходил на кладбище Коммунаров.

А сегодня меня привел сюда Виталька. Интересно, он-то что знал о Шмидте?

Мы постояли молча у могилы. Потом Виталька негромко сказал:

— Их ведь сначала не здесь похоронили. Их убили на каком-то острове.

— На острове Березань,— сказал я.

Виталька поднял на меня большие, похожие на спелые сливы глаза. Он смотрел внимательно и напряженно. И вдруг с нажимом произнес:

— Все равно ведь наши победили.

Он опустил голову, постоял так секунду и снова, уже вопросительно, глянул на меня: «Пойдем?» Потому что нельзя же все время стоять так и грустить. Тем более что «наши все равно победили» и солнце сияет в зените ослепительное и горячее.

Мы были в Херсонесе до вечера. Ныряли с остатков крепостной стены, ловили под камнями крабов, слушали, как стонет у входа в Северную бухту бакен-ревун.

Потом мы вернулись в город и пошли к Графской пристани, где под настилом звонко плескались короткие волны. Отсюда Шмидт отправился на мятежный крейсер. Сходили мы и на Приморский бульвар, где на подпорной стенке у пляжа прикреплена бронзовая доска — в память о погибших здесь участниках восстания. Затем поднялись по Синопской лестнице, и я показал Витальке улицу, где жил Шмидт.

Уже стемнело. Мы сели на каменные ступени у памятника Ленину. Куранты на Матросском клубе отбивали двойными ударами склянки.

— Конечно... Кругом батареи, а у них на крейсере не было даже брони,— вдруг сказал Виталька. Прислонился ко мне. И затих.

— Пойдем? — спросил я.

Он уже спал. Что-то пробормотал, когда я потряс его за плечо.

Я поднял его, тонкорукого, тонконового, легкого, как сосновая щепка. И стал спускаться, отыскивая глазами зеленый огонек такси, дома расплачусь. Впереди, над темным морем, дрожали вспышки — кому-то сигналил Константиновский рavelин.

Вильнюс

Этим летом мне удалось объехать почти полстраны.

Почему-то вся земля пахла свежим сеном. Может быть, потому, что начало лета было жарким и стали рано подсыхать травы... Запах скошенной травы стекал по склонам Уктусских холмов, плавал над берегами канала имени Москвы у Дмитрова, смешивался с запахом смолы на дюнах Прибалтики, неподвижно стоял в долине Терека. И даже в Херсонесе, где все звуки и запахи рождало море, соленый ветерок вдруг уступал знакомому дыханию созревшего клевера.

То же было и в Вильнюсе. Запах свежескошенных стеблей и цветов стоял над темно-зеленой горой Гедимины, словно там шел сенокос. Я поднялся на гору. Ясени сонно колыхали широкими листьями. Замковая башня краснела в вечернем небе. С ее верхней площадки был виден весь Вильнюс. Он походил на декорацию к средневековой опере: солнце висело над острыми черепичными крышами, на оранжевых облаках четко рисовались башни, флюгера, шпили.

На горе среди зелени вековых деревьев звенели голоса: пели девушки. Смеялись и снова пели. Наверное, готовились к завтрашнему Празднику песни. С развалин стен доносился сухой перестук: там сражались палками лихие мальчишки. Я спустился и спросил у них, как пройти к знаменитому Вильнюсскому университету. Двое «мушкетеров» охотно показали деревянными шпагами — в разные стороны. Я засмеялся. Они тоже.

Они были похожи на Витальку — такие же щуплые и темноглазые. Интересно, слышали они про лейтенанта Шмидта?

Конечно, Шмидт здесь ни при чем. На мысль о нем натолкнуло сходство мальчишек с Виталькой. Но, вспомнив о лейтенанте Шмидте, я подумал, что в этом городе еще не встречался с ним.

«Встретиться с ним» — значит что-то услышать о нем, увидеть его портрет, прочитать его имя на уличной табличке... Встреч было много: Набережная лейтенанта Шмидта в Ленинграде — там швартуются парусные баркентины морского училища и по вечерам спелая луна висит, запутавшись в паутине такелажа; узкая крепостная улица его имени в Баку; камни и якоря Севастополя; яхта «Лейтенант Шмидт» в Финском заливе — шла крутая волна, и я с трудом прочитал на борту название, белые буквы все время захлестывала пена.

А в Вильнюсе? Пока ничего...

На следующее утро знакомый сотрудник Литовской Академии наук предложил мне побывать в отделе редких книг и рукописей, обещал показать уникальные издания. Вместе с заведующей отделом он доставал с полок свитки пожелтевших листов, громадные фолианты и маленькие томики в тяжелой потрескавшейся коже. Тут была и Библия петровских времен, окованная медью, и первое издание Грамматики Смотрицкого, и какие-то совсем древние рукописные своды законов. Наконец попала мне в руки «Всемирная география», изданная в Венеции, кажется, в 1576 году — громадный том, весом килограммов в семь, с костяной резьбой на переплете.

Издатели не скупились на иллюстрации. Они щедро снабдили рисунками описания заморских чудовищ, людей с песьими головами и неведомых царств.

На одной из желтых страниц я увидел каравеллу. С высокой фигурной кормой, крутобокую, с парусами, круглыми, словно пузыри. Ну как было не вспомнить наши с Володиными кораблики, карту полушарий на стене и синие мартовские лужи?

Солнце падало на страницу ярким пятном, резало глаза. Я оторвал взгляд от рисунка. В соседней витрине, под стеклом, на каком-то листке чернела размашистая строчка:

П. ШМИДТЪ

Я даже не удивился в первый миг. Увиденное было словно продолжением моих мыслей. Но в следующую секунду я торопливо шагнул к витрине. Шмидт пристально смотрел со старой фотографии. Рядом лежали какие-то документы.

— Откуда это?

— Вы разве не знаете? — удивилась заведующая. Она указала на портрет человека со строгим бородатым лицом. — Такас Врублевский — Фаддей Евстахиевич Врублевский — основатель библиотеки при нашей академии, адвокат. Был защитником Шмидта на суде... А это фотокопии судебных документов, писем.

— А сами бумаги... Где они?

— Если будет время, если интересно, заходите, — пригласила она. — Эти документы сохранились в архиве Врублевского. Теперь они у нас в фонде.

Если будет время! Ждать другого случая? Выхватив авторучку, я потянул со стола бланк заявки.

И вот в руках пухлая папка. Серый картон с черной надписью: Д'БЛО.

Типографская копия обвинительного заключения. Телеграммы и открытки сестры Шмидта, Анны Избаш: скоро ли Врублевский выедет из Вильно? Газетные вырезки. Речь Врублевского на суде: отнюдь не завуалированные высказывания о самодержавии, холодное презрение к офицерам, которые сейчас с ухмылкой говорят об «экс-лейтенанте», а во время восстания дрожали за свою шкуру; и горячие, мало вяжущиеся с обычным представлением об адвокатских речах, слова в защиту Шмидта. Он и не был просто защитником. Он был другом.

В деле есть открытка, посланная Врублевскому и его товарищам-адвокатам участниками восстания, осужденными на каторгу:

«С Волги-матушки широкой, из высокого терема, то есть из Самарской тюрьмы, шлем Вам привет. Мы ни на минуту не забываем той сердечной поддержки, которую вы дали нам в Очакове. Мы ожидали увидеть в Вас защитников, но нашли больше. И теперь, идя в каторгу, мы думаем: много на Руси есть людей хороших, смелых, честных. И делу, которому мы больше не можем служить, они послужат, может быть, с большим успехом, чем мы. 1906. 29. Март. Очаковцы».

Врублевский сделал, что мог. Шмидт тоже. Защищаться он не стал. Отрицать свою роль в восстании? Значит взвалить ответ-

ственность на матросов? Он жалел теперь лишь о том, что дожид до этого суда, что оказался здесь, в городе, по злой иронии судьбы носящем то же имя, что и восставший крейсер.

«Умирать в бою за свободу легко — это необходимость. Умирать на эшафоте тяжело — это жертва... Зачем я не погиб под снарядами на борту «Очакова»? Зачем пощадили меня пули, когда под пулеметами плыли мы в воде?»

Я не знаю, точно ли передаю слова. Тогда в голову не пришло заняться выпиской цитат. Торопливо листая страницы, переписанные Анной Избаш, я читал последнюю речь лейтенанта Шмидта и словно слышал его голос. И запомнились не столько слова, сколько ощущение яростной интонации гневного и справедливого обличителя...

Снова пронумерованные разнокалиберные листы: приговор, газетные вырезки, письма. Клочок бумаги. Сверху — размашисто: П. Шмидт, П. Шмидт, П. Шмидт. Ниже — несколько строк. Это уже после приговора Врублевский пришел к Шмидту и попросил что-нибудь написать на листке. Он сказал:

— Я буду хранить всегда...

Шмидт порывисто набросал то, что говорил несколько месяцев назад на севастопольском кладбище, призывая к свободе. Он требовал поклясться здесь, на могилах расстрелянных войсками демонстрантов, что каждый отдаст свои силы для служения обществу, для революции. Он первым сказал: «Клянусь!»

Это «клянусь!» как подпись стояло на листе. Тот, кто писал, до конца выполнил клятву...

Я уезжал из Вильнюса в тот же вечер. Думал о неожиданной встрече со Шмидтом. Ощущение яростной интонации не проходило. Образ стал четким и ясным. Живым.

Я думал о Шмидте и о книге, над которой очень скоро начну работать.

Почему именно Шмидт? Так получилось. Иногда трудно объяснить то, что легко почувствовать. Может быть, потому, что образ его в детстве соединял для меня извечную романтику бороздящих море парусников и героiku красного флага революции. А если пишешь для ребят, все равно, вольно или невольно, впечатления собственного детства входят в книгу.

Впрочем, возможно, что в этой книге я не напишу о Петре Шмидте. Ни слова. Но он будет стоять рядом, у письменного

стола, прямой, тонкий, нервный. Раздраженно похрустывая пальцами, с иронической усмешкой станет следить за моим карандашом: «Ну что? Опять ни черта у вас не получается, молодой человек? Разве так пишут об этом?»

Сюжет еще расплывчат, многое неясно. Известно лишь одно: если и не будет в книге образа Шмидта, то мальчишки все равно будут. Те самые: спокойно-озорной Сережка с теплохода «Клара Цеткин», влюбленный в море Виталька, вильнюсские «мушкетеры» и еще многие-многие из тех, с кем я встретился и подружился — уральские, московские, прибалтийские, черноморские ребята.

Пусть у каждого из них появится в душе свой лейтенант Шмидт — Чапаев или Гагарин, Спартак или Гарибальди. Пусть все они мечтают о море, о звездах, о дорогах и подвигах.

Пусть у каждого из них останется в жизни след его Каравеллы.

И для этого совсем не обязательно быть влюбленным в паруса. Время летит стремительно. Появляются новые пути и новые герои. Мальчишки уже не так часто пускают в лужах кораблики. Да и луж теперь бывает меньше. Улица, где плавали наши парусники, залита асфальтом. Но она не стала менее шумной и менее веселой.

Между прочим, когда запускают самодельную ракету класса «желтый гном», раздается шипящий свист, со старого тополя сыплются листья, а из открытых окон визгливо кричат испуганные соседки.

А на асфальте остается темное лучистое пятно, словно здесь сгорело маленькое солнце.

1963 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ.

Повесть-сказка

3

ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД. *Повесть*

Часть первая. НОВЭМБЭР ЧАРЛИ	107
Часть вторая. ТИМСЕЛЬ — ОРАНЖЕВЫЙ ПАРУС	185
Часть третья. ЦЕПЬ	254

ПОБЕДИТЕЛИ. *Рассказы*

Гвозди	329
Остров Привидения	350
Воробьиная ночь	371
Победители	384
След Каравеллы	384

Литературно-художественное издание

Библиотечная серия

для младшего и среднего школьного возраста

Крапивин Владислав Петрович

ИЗБРАННОЕ

ТОМ II

Ответственный редактор **Р. Н. Ефремова**
Художественный редактор **Г. Ф. Ордынский**
Технический редактор **Т. Д. Юрханова**
Корректоры **Е. А. Суксян, Е. И. Щербакова**

ИБ № 11059

Сдано в набор 21.12.88. Подписано к печати 15.05.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1
Усл. печ. л. 25,0. Усл. кр.-отт 25,5. Уч.-изд. л. 23,42. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1145.
Цена 1 р. 40 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР 127018, Москва, Сущевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

1р. 40к.

Издательство
„Детская литература“